

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> приятного чтения!

Локк Джон Опыт о человеческом разумии книга 2
Глава первая ОБ ИДЕЯХ ВООБЩЕ И ИХ ПРОИСХОЖДЕНИИ

1. Идея есть объект мышления. Так как каждый человек сознает, что он мыслит и что то, чем занят ум во время мышления, – это идеи, находящиеся в уме, то несомненно, что люди имеют в своем уме различные идеи, как, например, такие, которые выражаются словами: <белизна>, <твердость>, <сладость>, <мышление>, <движение>, <человек>, <слон>, <войско>, <опьянение> и др. Прежде всего, стало быть, нужно исследовать, как человек приходит к идеям. Я знаю, что общепринятое учение заключается в том, что люди имеют врожденные идеи и первоначальные знаки, запечатленные в их уме с самого начала их существования. Я уже разобрал подробно это мнение. Но мне кажется, гораздо скорее согласятся со сказанным в предыдущей книге, когда я покажу, откуда разум может получать все свои идеи, какими путями и как они постепенно приходят в ум, причем я призываю в свидетели наблюдение и опыт каждого.

2. Все идеи приходят от ощущения или рефлексии. Предположим, что ум есть, так сказать, белая бумага без всяких знаков и идей. Но каким же образом он получает их? Откуда он приобретает тот [их] обширный запас, который деятельное и беспредельное человеческое воображение нарисовало с почти бесконечным разнообразием? Откуда получает он весь материал рассуждения и знания? На это я отвечаю одним словом: из опыта. На опыте основывается все наше знание, от него в конце концов оно происходит. Наше наблюдение, направленное или на внешние ощущаемые предметы, или на внутренние действия нашего ума, которые мы сами воспринимаем и о которых мы сами размышляем, доставляет нашему разуму весь материал мышления. Вот два источника знания, откуда происходят все идеи, которые мы имеем или естественным образом можем иметь.

3. Объекты ощущения – один источник идей. Во-первых, наши чувства, будучи обращены к отдельным чувственно воспринимаемым предметам, доставляют уму разные, отличные друг от друга восприятия вещей в соответствии с разнообразными путями, которыми эти предметы действуют на них. Таким образом мы получаем идеи желтого, белого, горячего, холодного, мягкого, твердого, горького, сладкого и все те идеи, которые мы называем чувственными качествами. Когда я говорю, что чувства доставляют их уму, я хочу сказать, что от внешних предметов они доставляют уму то, что вызывает в нем эти восприятия. Этот богатый источник большинства наших идей, зависящих всецело от наших чувств и через них входящих в разум, я и называю ощущением.

4. Деятельность нашего ума – другой их источник. Во-вторых, другой источник, из которого опыт снабжает разум идеями, есть внутреннее восприятие действий (operations) нашего ума, когда он занимается приобретенными им идеями. Как только душа начинает размышлять и рассматривать эти действия, они доставляют нашему разуму (understanding) идеи другого рода, которые мы не могли бы получить от внешних вещей. Таковы <восприятие>, <мышление>, <сомнение>, <вера>, <рассуждение>, <познание>, <желание> и все различные действия нашего ума (in mind). Когда мы сознаем и замечаем их в себе, то получаем от них в своем разуме такие же отличные друг от друга идеи, как и те, которые мы приобретаем от тел, действующих на наши чувства. Этот источник идей каждый человек целиком имеет внутри себя, и, хотя этот источник не есть чувство, поскольку не имеет никакого дела с внешними предметами, тем не менее он очень сходен с ним и может быть довольно точно назван внутренним чувством. Но, называя первый источник ощущением, я называю второй рефлексией, потому что он доставляет только такие идеи, которые приобретаются умом при помощи размышления о своей собственной деятельности внутри себя. Итак, мне бы хотелось, чтобы поняли, что под рефлексией в последующем изложении я подразумеваю то наблюдение, которому ум подвергает свою деятельность и способы ее проявления, вследствие чего в разуме возникают идеи этой деятельности. Эти два источника, повторяю я, т. е. внешние материальные вещи, как объекты ощущения и внутренняя деятельность нашего собственного ума как объект рефлексии, по-моему, представляют собой единственное, откуда берут начало все наши идеи. Термин <деятельность> я употребляю здесь в широком смысле, подразумевая не только действия ума по отношению к своим идеям, но и возбуждаемые иногда идеями своего рода аффекты, каковы, например, удовлетворение или неудовольствие, возникающие от какой-нибудь мысли.

5. Все наши идеи происходят или из одного, или из другого источника. Ни из

Локк Джон Опыт о человеческом разуме. Книга 2 filosoff.org какого другого источника, кроме указанных двух, разум, на мой взгляд, не получает ни малейших проблесков идей. Внешние вещи доставляют уму идеи чувственных качеств, которые все суть вызываемые в нас вещами различные восприятия, а ум снабжает разум идеями своей собственной деятельности.

Если мы полностью исследуем эти два источника и их различные формы, сочетания и отношения, то увидим, что они содержат весь наш запас идей и что в нашей душе нет ничего, что не получается одним из этих путей. Пусть каждый исследует свое собственное мышление и тщательно изучит свой разум и потом скажет мне, что такое все его первоначальные идеи, как не идеи объектов его чувств или идеи деятельности его ума, рассматриваемой как объект его рефлексии. Как бы ни был велик, по мнению человека, объем знаний в разуме, после старательного 'рассмотрения он заметит, что в его уме нет идей, кроме запечатленных одним из этих двух источников, хотя, быть может, соединенных и расширенных разумом в бесконечном разнообразии, как мы потом увидим.

6. Это наблюдается у детей. Кто внимательно изучит состояние ребенка при его появлении на свет, у того будет мало оснований думать, что ребенок в изобилии снабжен идеями, которые должны быть предметом его будущего знания. Лишь постепенно он обогащается ими. И хотя идеи очевидных и привычных качеств запечатлеваются до того, как память начинает вести запись времени и порядка, тем не менее это зачастую происходит позднее, чем некоторые необычные качества встречаются ребенку, так что лишь немногие люди могут припомнить начало своего знакомства с ними. И если бы только это стоило делать, то с ребенком, без сомнения, можно было бы устроить так, чтобы по достижении зрелого возраста он имел лишь очень мало даже обыкновенных идей. Но так как все родившиеся на свет окружены непрерывно и различно действующими на них предметами, то множество идей запечатлевается в детской душе, все равно, заботятся ли об этом или нет. Свет и цвета

тут же, под рукой всюду, стоит только открыть глаз. Звуки и некоторые осязательные качества раздражают соответствующие чувства детей и силой пробивают себе путь в ум. И все-таки, мне кажется, легко согласятся, что, если ребенка до зрелого возраста держать в таком месте, где бы он видел только белое и черное, он приобрел бы идеи алого или зеленого не в большей мере, чем приобретает идеи особого вкуса устриц и ананаса тот, кто с детства никогда не пробовал их.

7. Люди различным образом снабжаются идеями соответственно различию встречающихся им объектов. [Люди снабжаются большим или меньшим числом простых идей извне смотря по тому, больше или меньше по количеству различных объектов им встречается, а от внутренней деятельности их ума - сообразно тому, больше или меньше размышляют они о ней. Ибо хотя всякий созерцающий деятельность своего ума не может не иметь простых и ясных идей этой деятельности, но кто не направит своих мыслей на этот путь и не будет внимательно ее рассматривать, тот так же не будет иметь ясные, отличные друг от друга идеи всей деятельности своего ума и всего, что там можно заметить, как не будет обладать всеми отдельными идеями пейзажа или частей и движений часов тот, кто не обратит на них своего взора и не изучит внимательно всех их частей. Картина или часы могут быть поставлены так, что каждый день будут попадаться ему на глаза, но он будет иметь только смутную идею всех их составных частей до тех пор, пока сам внимательно не изучит каждую в отдельности.

8. Идеи рефлексии [возникают] позднее, потому что требуют внимания. Отсюда мы видим причину, почему (большинство детей довольно поздно приобретают идеи деятельности своего ума, а некоторые даже всю жизнь не имеют очень ясных и совершенных идей большей части этой деятельности./ Ибо, хотя она протекает постоянно, но, подобно блуждающим призракам, не производит впечатления достаточно глубокого, чтобы оставить в уме ясные, отличные друг от друга, прочные идеи, пока разум не обратит свой взор внутрь себя, не начнет размышлять о своей собственной деятельности и не сделает ее объектом своего созерцания.) Новорожденные, появившись на свет, окружены миром новых вещей, которые постоянным возбуждением их чувств привлекают к себе ум, охотно обращающий внимание на новое и склонный наслаждаться разнообразием изменчивых объектов. И вот первые годы занимают и забавляют обыкновенно рассматриванием окружающего задача человека в этом возрасте - знакомиться с внешним миром. Но, вырастая в постоянном внимании к внешним ощущениям, люди до наступления более зрелого возраста редко размышляют серьезно о том, что происходит внутри их, а некоторые вообще почти никогда не размышляют.

9. Ум приобретает идеи, когда начинает воспринимать. Спрашивать, когда человек имеет первые идеи, – значит спрашивать, когда человек начинает воспринимать, ибо иметь идеи и воспринимать – одно и то же. Я знаю, что существует мнение, будто ум мыслит постоянно, будто он имеет наличное восприятие идей внутри себя непрерывно, пока существует, и будто наличное мышление так же неотделимо от души, как наличная протяженность от тела 2. Если это правда, то спрашивать о начале человеческих идей – то же самое, что спрашивать о начале человеческой души. Ибо, согласно этому мнению, душа и ее идеи, как тело и его протяженность, начинают существовать в одно время.

10. Душа мыслит не всегда, ибо для обратного утверждения нет доказательств. Вопрос о том, считать ли душу существующей до или несколько позже первых зачатков организации, или начал, жизни в теле, или же одновременно с ними, я предоставляю разобрань тем, кто больше думал о нем. Я признаюсь, что обладаю одной из тех тупых душ, которые не сознают себя всегда созерцающими идеи и не могут постигнуть, почему для души постоянно мыслить более необходимо, чем для тела постоянно двигаться. Ведь, как я понимаю, восприятие идей для души – то же, что движение для тела, – не ее сущность, а один из видов ее деятельности. Поэтому, сколько бы ни считали, что мышление является деятельностью, столь естественно присущей душе, все-таки нет необходимости полагать, будто душа всегда мыслит, всегда находится в состоянии деятельности. Возможно, это привилегия бесконечного творца и охранителя всего, который никогда <не дремлет и не спит> 3, но отнюдь не свойство конечного существа, по крайней мере человеческой души. Мы достоверно знаем из опыта, что иногда мыслим, и отсюда делаем верное заключение, что в нас есть нечто имеющее способность мыслить. Но о том, мыслит ли эта субстанция постоянно или нет, мы можем говорить с уверенностью только в той мере, в какой нас учит опыт. Ибо сказать, что действительное (actual) мы- 58

шление существенно для души и неотделимо от нее, значит голосовно утверждать как раз то, что ставится под сомнение, а не доказывать разумными доводами; а это необходимо сделать, если мы имеем дело не с самоочевидным положением. Но я призываю все человечество засвидетельствовать вместе со мной, является ли положение <Душа мыслит постоянно> самоочевидным, встречающим всеобщее согласие сейчас же по его сообщению. Я сомневаюсь, мыслил ли я всю прошлую ночь или нет. Так как вопрос идет о факте, то приводить для доказательства предположение, которое именно и является предметом спора, – значит уклоняться от доказательства. Таким путем можно доказывать что угодно. Стоит только предположить, что все часы мыслят, пока стучит маятник, и этого будет достаточно, чтобы считать несомненно доказанным, что мои часы мыслили всю прошлую ночь. Но кто не хочет себя обманывать, тот должен строить свои гипотезы на фактах и доказывать их чувственным опытом, а не предрешать факты на основании своих гипотез, т. е. потому что он предполагает, что это так. Соответственно такому способу доказательства я должен был бы необходимо мыслить всю прошлую ночь, потому что другие полагают, что я постоянно мыслю, хотя я сам не замечаю, чтобы я всегда думал.

Но из любви к своим мнениям люди могут не только предполагать то, что подвергается сомнению, но и ссылаться на неверные факты. Как иначе можно было бы вывести из моих слов, будто вещи нет, потому что мы не замечаем ее во сне? Я не говорю, что души нет, потому что мы не замечаем ее во сне; но я говорю, что нельзя мыслить во всякое время – все равно, во время сна или во время бодрствования, – не чувствуя этого. Мы замечаем, что думаем, только благодаря своим мыслям, и ничему иному; и с ними это необходимо связано, и так всегда будет до тех пор; пока мы не окажемся в состоянии мыслить, не сознавая этого.

11. Душа не всегда сознает себя мыслящей. Я согласен, что в бодрствующем человеке душа никогда не бывает без мысли, потому что это условие бодрствования; но не является ли сон без сновидений состоянием всего человека, в равной мере не только тела, но и души. Об этом бодрствующему человеку стоит подумать, ибо трудно постигнуть, как можно мыслить и не сознавать этого. Если в спящем человеке душа мыслит, не сознавая этого, то я спрашиваю, может ли она во время такого мышле-

ния испытывать удовольствие или неудовольствие, счастье или несчастье? Я уверен, что не может, точно так же как постель или земля, на которой человек лежит. Ибо быть счастливым или несчастным, не сознавая этого, кажется для меня совершенно несообразным и невозможным. Если же возможно, чтобы душа отдельно, в то время

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
как тело спит, имела свои мысли, радости и интересы, свои удовольствия или страдания, которых человек не сознает и не разделяет, то Сократ спящий и Сократ бодрствующий, конечно, не одно и то же лицо; его душа, когда он спит, и человек Сократ, состоящий из тела и души, когда он бодрствует, суть два разных лица. Ведь бодрствующий Сократ ничего не знает и не заботится о счастье или несчастье своей души, которое она испытывает одна, в то время как он спит, не воспринимая этого, точно так же как он ничего не знает о счастье или несчастье неизвестного ему жителя Индии. Ведь если мы совершенно устраним всякое осознание наших действий и ощущений, особенно удовольствия и страдания, а также сопутствующий им интерес, то трудно будет узнать, в чем состоит тождество личности.

12. Если человек во сне мыслит, не зная этого, то человек спящий и человек бодрствующий – два [разных] лица. <Душа мыслит во время глубокого сна>, – говорят сторонники этого взгляда. В то время как она мыслит и воспринимает, она, конечно, способна мыслить и воспринимать наслаждение и печаль, как и всякое другое восприятие, и должна необходимо сознавать свои собственные восприятия. Но она имеет все это отдельно. Спящий человек, очевидно, ничего этого не сознает. Предположим теперь, что душа Кастора, пока он спит, уходит из его тела. В этом предположении нет ничего невозможного для людей, с которыми я здесь имею дело и которые так великодушно жалуют всем другим животным жизнь без мыслящей души. Стало быть, эти люди не могут считать невозможным или противоречием то, что тело может жить без души и что душа может существовать, мыслить, иметь восприятия, даже восприятия счастья и несчастья, без тела. Так предположим, повторяю, что душа Кастора, пока он спит, отделяется от его тела и мыслит отдельно. Предположим также, что она выбирает местом своего мышления тело другого человека, хотя бы Поллукса 4, который спит без души; ибо если душа Кастора может мыслить, пока он спит, чего он никогда не сознает, то не важно, какое место она выбирает для свое-

го мышления. Здесь мы имеем, стало быть, тела двух людей только с одной душой на двоих, тела, которые мы предполагаем спящими и бодрствующими поочередно; душа всегда мыслит в бодрствующем человеке, чего спящий человек никогда не сознает и совершенно не воспринимает. Теперь я спрашиваю, могут ли в таком случае Кастор и Поллукс с одной только душой на двоих, которая мыслит и воспринимает в одном то, чего другой никогда не сознает и до чего не имеет никакого дела, могут ли они быть двумя разными лицами, какими были Кастор и Геркулес 5 или Сократ и Платон, и может ли быть так, что один из них очень счастлив, а другой очень несчастлив? Совершенно на том же основании делают душу и человека двумя лицами те, кто заставляет душу мыслить отдельно то, чего человек не сознает. Ибо, мне кажется, никто не полагает, что тождество личности состоит в соединении души нумерически с одними и теми же материальными частицами. Ибо если бы это было необходимо для тождества [личности], то при постоянном движении частиц нашего тела было бы невозможно, чтобы кто-нибудь оставался тем же самым лицом в течение целых двух дней или даже двух моментов.

13. Невозможно спящих без сновидений убедить в том, что они мыслят. Таким образом, каждое погружение в сон, на мой взгляд, потрясает до основания учение тех, кто говорит, что душа всегда мыслит. По крайней мере тех, кто спит без сновидений, никогда нельзя будет убедить в том, что их мысль иногда работает четыре часа, а они об этом не знают. И если их застанут во время самого сна и разбудят в середине этого сонного созерцания, они не смогут ничего рассказать о нем.

14. Напрасно ссылаться на то, что люди видят сны, но не помнят их. Быть может, скажут, что душа мыслит даже в самом глубоком сне, но это не удерживается в памяти. Что душа у спящего человека в данный момент занята мышлением, а в следующий момент, когда он бодрствует, не помнит этого и не способна припомнить ничего из всех этих мыслей, очень трудно представить себе, и для того, чтобы поверить этому, нужно более солидное доказательство, нежели простое утверждение. Кто, в самом деле, только потому, что ему так сказали, может без всякого труда представить себе, что большинство людей в течение всей своей жизни о чем-то думают по несколько часов каждый день, но не могут ничего припомнить из этого, даже если их спросить в середине этих мыслей¹

Мне кажется, что у большинства людей значительная часть сна проходит без сновидений. Я был как-то знаком с человеком ученым и имевшим неплохую память, который говорил мне, что никогда в своей жизни не видел снов, пока не заболел лихорадкой, от которой недавно выздоровел и которая постигла его на двадцать

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
пятом или шестом году жизни. Я полагаю, что можно найти еще такие случаи; по крайней мере каждому собственный опыт покажет достаточно примеров людей, которые большую часть своих ночей проводят без сновидений.

15 . Согласно этой гипотезе, мысли спящего человека должны были бы быть всего более разумными. Мыслить часто и не удерживать свои мысли ни на один момент – значит заниматься очень бесполезным родом мышления. А душа при таком мышлении очень мало отличается (если вообще отличается) от зеркала, которое постоянно воспринимает множество различных образов, или идей, но не удерживает их; они исчезают и пропадают, и от них не остается никаких следов; ни зеркало не становится лучше от таких идей, ни душа – от таких мыслей. Быть может, скажут: <Бодрствующий человек при мышлении применяет и использует вещество тела; память о мыслях удерживается запечатлениями в мозгу, следами, которые остаются в нем после такого мышления; но при мышлении души, которое не воспринимается спящим человеком, душа мыслит отдельно и, не пользуясь органами тела, не оставляет в теле запечатлений и, следовательно, памяти о таких мыслях>. Не говоря опять о нелепости относительно двух разных лиц, вытекающей из этого предположения, я укажу еще на то, что, каковы бы ни были идеи, которые ум может воспринимать и созерцать без помощи тела, справедливо делать вывод, что он может удерживать их также без помощи тела; иначе душа, да и всякий обособленный дух, получают немного пользы от мышления. Если она совсем не помнит своих собственных мыслей, если не может откладывать их для дальнейшего использования и не в состоянии при случае их вызывать, если не может размышлять о прошедшем и пользоваться своими прежними познаниями, рассуждениями и созерцаниями, то с какой целью она мыслит? Те, кто делает из души мыслящую вещь при таких условиях, делают из нее не намного более благородное существо, чем те, кого они же осуждают за признание души лишь наиболее тонкой частью материи. Знаки, написанные на пыли и сметаемые первым

дуновением ветра, или отпечатки, сделанные на груде атомов или жизненных духов, в общем так же полезны и делают предмет столь же [мало] благородным, как и мысли души, которые пропадают во время мышления и, скрывшись однажды с глаз, исчезают навсегда и не оставляют за собой никакой памяти по себе. Природа никогда не делает превосходных вещей для малой пользы или без пользы. И едва ли можно представить себе, что наш бесконечно мудрый творец мог создать такую удивительную способность, как сила мышления, – способность, всего ближе стоящую к совершенству его собственного непостижимого существа, для такого бесплодного и бесполезного употребления в течение по крайней мере четвертой части своего здешнего времени, как постоянное мышление без воспоминания о мыслях, без всякого доброго дела для себя или других, без всякой пользы для какой-либо другой части творения. Если провести исследование, то, полагаю, мы не найдем, чтобы где-нибудь в целом мире даже движение грубой и бесчувственной материи использовалось столь же мало и все расточалось столь же бесполезно.

16. По этой гипотезе душа должна иметь идеи, не происходящие от ощущения или рефлексии, но таких идей не видно. Верно, что мы имеем иногда примеры восприятия во время сна и что эти мысли удерживаются в памяти. Но людям, знакомым со снами, не нужно говорить о том, насколько странны и несвязны сны большей частью и как мало соответствуют совершенству и нормальному состоянию разумного существа. Очень хотелось бы мне знать вот что: когда душа мыслит отдельно, как будто бы она была отделена от тела, действует ли она менее разумно, чем когда соединена с телом, или нет? Если ее обособленные мысли менее разумны, то эти люди должны признать, что душа обязана совершенством разумного мышления телу; если это не так, то удивительно, что наши сны по большей части так пустячны и неразумны и душа совсем не удерживает ни одного из своих более разумных разговоров с самой собой и своих размышлений.

17. Если я мыслю, но об этом не знаю, то никто другой не может знать этого. Хотел бы я, чтобы те, кто так уверенно говорят нам, что душа фактически мыслит постоянно, сказали нам также, что это за идеи, которые находятся 'в душе ребенка до соединения с телом или как раз при соединении с ним, до получения каких-нибудь идей че-

рез ощущение. Сновидения спящего человека, по моему мнению, целиком составлены из идей бодрствующего человека, хотя по большей части они составлены причудливым образом. Странно, если душа имеет свои собственные идеи, происходящие не из ощущения или рефлексии (что необходимо допустить, если [предположить, что] она мыслила до получения впечатлений от тела), а при своем обособленном мышлении (обособленном настолько, что сам человек его не замечает) никогда не удерживает

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
их в самый момент пробуждения от них и затем не радует человека новыми открытиями. Кто же тут признает разумным, что душа в своем уединении, во время сна, мыслит столько-то часов и все-таки никогда не наталкивается ни на одну идею, заимствованную от ощущения или рефлексии, или по крайней мере что для духа менее естественно, в памяти не будет сохранено ни одной идеи, кроме тех, которые вызваны телом? Странно, что ни разу за всю жизнь человека душа (soul) не вспоминает ни одной из своих чистых, врожденных мыслей и тех идей, которые она имела раньше, чем что-нибудь заимствовала у тела; странно, что душа никогда не показывает взору бодрствующего человека других идей, кроме тех, которые имеют привкус сосуда, в который она заключена, и совершенно очевидно свидетельствуют о своем происхождении от этого соединения с телом. Если душа мыслит постоянно и, таким образом, имела идеи до соединения с телом или до получения от него какой-нибудь идеи, то остается лишь предположить, что во время сна она вспоминает свои врожденные идеи и что во время того разобщения с телом, когда она мыслит самостоятельно, идеи, которые ее занимают, по крайней мере иногда суть те более естественные и врожденные (congenial) идеи, которые она имела в себе и которые не происходят от тела или от ее собственных действий по отношению к идеям. Так как бодрствующий человек никогда не вспоминает их, мы должны из этой гипотезы сделать вывод, что или душа вспоминает то, чего человек не вспоминает, или же память сохраняет только те идеи, которые произошли от тела или от действий души (mind) по отношению, к ним

18. Как можно знать, что душа мыслит постоянно? Ведь, если это не самоочевидное положение, оно нуждается в доказательстве. От людей, изрекающих с такою уверенностью, что человеческая душа, или, что одно и то же, человек, мыслит постоянно, я был бы рад услы-

шать, как они это узнают; более того, как они вообще знают, что мыслят, когда сами этого не замечают? Боюсь, это означает быть уверенным без доказательства и знать то, чего не воспринимал. Подозреваю, что это смутное положение, принятое в поддержку гипотезы, а не одна из тех ясных истин, которые заставляют нас признать собственная их очевидность или не позволяет отрицать повседневный опыт. Вот что можно самое большее сказать про это положение: возможно, что душа мыслит постоянно, но не постоянно удерживает мыслимое в памяти. Но так же возможно, утверждаю я, и то, что душа мыслит не постоянно; и то, что душа иногда не мыслит, гораздо более вероятно, чем то, что она часто мыслит, и к тому же подолгу, и не сознает этого сейчас же после того, как мыслила.

19. Весьма неправдоподобно, чтобы человек был занят мышлением и тем не менее не помнил об этом в следующий момент. Полагать, что душа мыслит, а человек этого не замечает, — значит, как было сказано, делать из одного человека две личности, и всякий, кто хорошенько вдумается в подобные речи людей, заподозрит, что утверждающие это] именно так и поступают. Те, кто рассказывают нам, будто душа мыслит постоянно, никогда, насколько мне помнится, не говорят, что человек мыслит постоянно. Но разве может душа мыслить, а человек нет? Или разве может человек мыслить и не сознавать этого? Кому-нибудь, возможно, это показалось бы тарабарщиной. Если говорят, что <человек мыслит постоянно, но не всегда сознает это>, то так же могут сказать, что его тело протяженно, но не имеет частей. Ибо утверждение, что тело протяженно без частей, так же понятно, как то, что кто-нибудь мыслит, не созная и не замечая этого. Кто говорит так, может сказать с таким же основанием, если это требуется для его гипотезы, что человек всегда голоден, но не всегда это чувствует. Между тем голод состоит именно в этом ощущении, точно так же как мышление состоит в сознании того, что мыслят. Если же они скажут, что человек всегда сознает себя мыслящим, я спрошу их, откуда они это знают? Сознание есть восприятие того, что происходит у человека в его собственном уме. Может ли другой воспринять, что я сознаю что-нибудь, когда я сам этого не замечаю? Ничье знание здесь не может идти дальше собственного опыта. Разбудите человека от глубокого сна и спросите, о чем он в этот момент думал. Если он сам не знает ничего из того, о чем

он думал тогда, то сколь замечательным отгадчиком мыслей должен быть тот, кто сможет уверить его, что он мыслил, и разве не может такой человек с еще большим основанием уверить его, что он не спал? Это что-то выше философии. Это должно быть по меньшей мере откровение, раскрывающее другому мысли, которые присутствуют в моей душе и которых я сам не могу там найти. И поистине проницательным взором должны обладать те, кто может наверняка видеть, что я мыслю, когда я сам не могу этого заметить и заявляю, что не мыслю, и кто тем не менее может видеть, что собаки и слоны не мыслят, хотя эти животные дают нам

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
всевозможные доказательства этого и разве только не говорят нам, что мыслят 7. Некоторым может показаться, что такие люди на порядок выше розенкрейцеров, ибо легче, кажется, сделаться невидимкою для других, чем сделать видимыми для себя мысли другого, которых тот сам не видит 8. Для этого стоит только определить душу как вечно мыслящую субстанцию, и дело сделано. Если такое определение сколько-нибудь убедительно, то я не знаю, какой цели оно может служить, разве что заставит многих людей усомниться в том, есть ли вообще у них душа, ибо они видят, что большую часть жизни проводят без мышления. Ведь никакие известные мне определения, никакие предположения какого-либо вероучения не обладают силой, достаточной для опровержения достоверного опыта. Быть может, именно притязание на знание, выходящее за пределы нашего восприятия, порождает столько бесполезных споров и столько шума в мире.

20. Наблюдения над детьми с очевидностью показывают, что нет других идей, кроме идей, получаемых из ощущения или рефлексии. Я не вижу поэтому оснований верить, что душа мыслит прежде, чем чувства снабдят ее идеями для мышления. По мере того как идеи умножаются и удерживаются, душа посредством упражнения развивает в различных направлениях свою способность мышления, точно так же как впоследствии сочетанием этих идей и рефлексией о своей деятельности она увеличивает свой запас, равно как и развивает легкость запоминания, воображения, рассуждения и других способов мышления.

21. Кто черпает свои познания из наблюдения и опыта и не делает из своих гипотез законов природы, найдет в новорожденном мало признаков души, привыкшей активно мыслить, и еще меньше признаков какого бы то ни бы-

ло рассуждения вообще. Трудно представить себе, чтобы разумная душа могла много мыслить и совсем не рассуждать. Кто обратит внимание на то, что новорожденные дети проводят большую часть времени во сне и бодрствуют редко, только когда голод заставляет их просить грудь, или какая-нибудь боль (самое тягостное из всех ощущений), или какое-нибудь другое сильное воздействие на тело заставляют душу воспринимать его и реагировать на него; кто, повторяю я, обратит на это внимание, возможно, получит основание думать, что состояние плода в чреве матери немногим отличается от жизни растения: большую часть своего времени он проводит без восприятия и мышления, только и делает, что спит в таком месте, где не имеет нужды искать пищи; где он окружен жидкостью всегда одинаковой приятности и почти одинакового состава; где глаза не имеют света, а уши настолько закрыты, что маловосприимчивы к звукам, и где мало или совсем нет многообразия и смены объектов, чтобы привести в движение чувства.

22. Следите за ребенком с его рождения и наблюдайте за производимыми временем изменениями, и вы увидите, как благодаря чувствам душа все более и более обогащается идеями, все более и более пробуждается, мыслит тем усиленнее, чем больше у нее материала для мышления. С течением времени ребенок начинает познавать объекты, которые, как наиболее знакомые ему, оставили прочные впечатления. Так, он начинает узнавать людей, с которыми встречается повседневно и отличает их от чужих. Это примеры и результаты того, как он начинает удерживать и различать доставляемые чувствами идеи. Точно так же мы можем наблюдать, как душа постепенно делает в этом успехи и переходит к упражнению способностей расширения, сочетания и абстрагирования своих идей, рассуждения о них и размышления обо всем этом, о чем у меня будет случай подробнее говорить позже.

23. Если спросят, когда же человек начинает иметь идеи, то верный ответ, на мой взгляд, будет: <Когда он впервые получает ощущение•>. Так как оказывается, что в душе не бывает идей до доставления их чувствами, то я полагаю, что идеи в разуме (understanding) одновременны с ощущением, т. е. с таким впечатлением или движением в какой-нибудь части нашего тела, которое производит в разуме некоторое восприятие. Этими-то впечатлениями, "произведенными на наши чувства внешними

объектами, впервые, кажется, занимается душа в деятельности, называемой нами восприятием, воспоминанием, размышлением, рассуждением и т. д.

24. Источник всего нашего знания. Со временем душа начинает размышлять о своей деятельности в отношении приобретенных от ощущения идей и таким образом обогащает себя новым рядом идей, который я называю идеями рефлексии. Вот эти-то впечатления, произведенные на наши чувства внешними объектами, находящимися вне

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
души, и собственная деятельность души, которая вытекает из внутренних, свойственных самой душе сил и при размышлении души также становится объектом ее созерцания, и являются, как я сказал, источником всего знания. Таким образом, первая способность человеческого ума состоит в том, что душа приноровлена к тому, чтобы воспринимать впечатления, произведенные на нее или внешними объектами через посредство чувств, или ее собственной деятельностью, когда она о ней размышляет. Вот первый шаг к открытию чего бы то ни было и фундамент, на котором строятся все понятия, какие когда-либо приобретает человек на этом свете естественным образом. Все те высокие мысли, которые воспаряют над облаками и достигают самих небес, берут свое начало и основание здесь. Во всем том огромном пространстве, где блуждает ум, в тех отвлеченных спекуляциях, которые как будто возвышают его, он не подвигается ни на йоту далее идей, предлагаемых его созерцанию чувством или рефлексией.

25. При восприятии простых идей разум по большей части пассивен. В этой части разум просто пассивен: не в его власти иметь или не иметь эти начатки и как бы материалы знания. Ибо, хотим мы или нет, объекты наших чувств большей частью навязывают нашей душе свои особые идеи, а деятельность нашей души не позволит нам не иметь хотя бы некоторого смутного представления о них. Никто не может совсем не знать того, что он делает, когда мыслит. Разум так же мало волен не принимать эти простые идеи, когда они представляются душе, изменять их, когда они запечатлелись, вычеркивать их и создавать новые, как мало может зеркало не принимать, изменять или стирать образы, или идеи, которые вызывают в нем поставленные перед ним предметы. Когда окружающие нас тела по-разному действуют на наши органы, ум вынужден получать впечатления и не может избежать восприятия связанных с ними идей.
Глава вторая О ПРОСТЫХ ИДЕЯХ

1. Несложные представления. Чтобы лучше понять природу, характер и объем нашего знания, нужно тщательно соблюдать одно положение, касающееся наших идей, - то, что одни из них - простые, а другие - сложные 9.

Хотя в самих вещах действующие на наши чувства качества так тесно соединены и смешаны, что они не отделены друг от друга и между ними нет никакого расстояния, однако производимые ими в душе идеи входят через посредство чувств несомненно простыми и несмешанными. Ибо хотя зрение и осязание часто принимают различные идеи от одного и того же объекта в одно и то же время (человек, например, видит сразу движение и цвет, рука ощущает мягкость и теплоту в одном и том же куске воска), однако соединенные таким образом в одном и том же предмете простые идеи в такой же степени совершенно отличны друг от друга, как и доставляемые различными чувствами. Холод и твердость, которые человек ощущает в куске льда, - такие же отличные друг от друга в уме идеи, как запах и белизна лилии или вкус сахара и запах розы. Для человека ничто не может быть очевиднее ясного и четкого восприятия таких простых идей. Каждая такая идея, будучи сама по себе несложной, содержит в себе только одно единообразное представление или восприятие в уме, не распадающееся на различные идеи.

2. Душа не может ни создавать, ни разрушать их. Эти простые идеи, материал всего нашего знания, предлагаются и доставляются душе только двумя вышеупомянутыми путями, а именно ощущением и рефлексией. Раз разум снабжен этими простыми идеями, в его власти повторять, сравнивать и соединять их в почти бесконечном разнообразии и, таким образом, по желанию создавать новые, сложные идеи. Но и самая изощренная проницательность (wit) и самое широкое разумение не властны ни при какой живости или гибкости мышления изобрести или составить в душе хотя бы одну новую простую идею, не проникшую туда вышеупомянутыми путями; точно так же никакая сила разума не может разрушить уже находящиеся в душе идеи. Господство человека в небольшом мире его собственного разума почти таково же, как в обширном мире видимых вещей, где его власть, как бы искусно и ловко ее ни применяли, простирается далее того, чтобы соединять и разделять имеющиеся под рукой материалы, но не может создать ни малейшей частицы новой материи или уничтожить хотя бы один уже существующий атом. Таким же бессильным увидит себя всякий, кто попытается составить в своем разуме какую-нибудь простую идею, не полученную при посредстве его чувств от внешних объектов или при посредстве рефлексии от деятельности собственной души. Хотел бы я, чтобы кто-нибудь попробовал представить себе вкус, который никогда не щекотал его нёба, или составить идею запаха, которого он никогда не обонял. Если кто сможет сделать это, я соглашусь с тем, что и слепой имеет идеи цветов, а глухой - верные, отчетливые понятия о звуках.

3. Вот почему (хотя и нельзя нам считать невозможным для бога создание существа с иными органами и большим числом способов вводить в разум знание о материальных вещах, чем те данные нам пять чувств, которые обыкновенно перечисляются) я считаю невозможным, чтобы кто-нибудь мог представить себе в телах, каким бы то ни было образом устроенных, какие-нибудь другие качества, по которым можно было бы знать о них, кроме звуков, вкусов, запахов, зрительных и осязательных качеств. И если бы человечество владело только четырьмя чувствами, качества, представляющие собой объекты пятого чувства, были бы так же далеки от нашего знания, воображения и понимания, как, может быть, теперь далеки от них качества, относящиеся к шестому, седьмому или восьмому чувствам, отрицание существования которых у других существ в других частях обширной и удивительной вселенной было бы большим самонимением. Тот, кто не будет возноситься надменно над всеми вещами, а присмотрится к необъятности этого мироздания и великому разнообразию, находящему в нашей малой и незначительной его части, с которой он сталкивается, будет склонен думать, что в других обиталищах мироздания могут жить иные и различные разумные существа, о способностях которых он знает и которых понимает так же мало, как мало знает запертый в ящике стола червяк о чувствах и разуме человека; такое многообразие и превосходство приличествует мудрости и могуществу творца. Я следовал здесь обычному мнению, согласно которому у человека только пять чувств, хотя, быть может, их вполне можно полагать и больше; но и то и другое предположения одинаково пригодны для этой моей цели.

Глава третья ОБ ИДЕЯХ ОДНОГО ЧУВСТВА

1. Деление простых идей. Чтобы лучше понять идеи, получаемые нами от ощущения, было бы неплохо рассмотреть их с точки зрения различия путей, которыми они приближаются к нашей душе и делаются для нас заметными.

Во-первых, одни приходят в душу при посредстве только одного чувства.

Во-вторых, другие доставляются душе при посредстве нескольких чувств.

В-третьих, иные получают только при посредстве рефлексии.

В-четвертых, некоторые пролагают себе дорогу в душу и представляются ей всеми видами ощущения и рефлексии.

Под этими-то разными рубриками мы и рассмотрим идеи каждую в отдельности.

Во-первых, некоторые идеи приходят только при посредстве одного [органа] чувств, который специально приспособлен к их восприятию. Так, свет и цвета (например, белый, красный, желтый, синий с их различными степенями или оттенками и смесями, например зеленый, алый, пурпуровый, цвет морской воды и др.) воспринимаются только глазами; все виды шума, звуков и тонов воспринимаются только ушами; различные вкусы и запахи – только носом и нёбом. И если эти органы или нервы, которые являются проводниками для доставки их извне на аудиенцию в мозг, в приемную ума (если можно так выразиться), так расстроены, что не выполняют своих функций, то идеи не имеют никакой лазейки, никакого иного пути сделать себя заметными и быть воспринятыми разумом.

Наиболее важные из идей, относящихся к осязанию, – это тепло, холод и плотность. Все остальные, заключающиеся почти исключительно в чувственно воспринимаемой конфигурации (например, гладкое и шероховатое) или же в большем или меньшем сцеплении частей (например, твердое и мягкое, упругое и хрупкое), достаточно очевидны.

2. Немногие простые идеи имеют имена. Я думаю, нет надобности перечислять отдельно все простые идеи, относящиеся к каждому чувству. Да это и невозможно, ибо идей, относящихся к большинству чувств, гораздо

больше, чем мы имеем для них имен. Различные запахи, которых почти столько же, если не больше, чем видов тел на свете, по большей части не имеют имен. Слова <благонный> и <зловонный> обыкновенно достаточны для выражения этих идей, в действительности же [употреблять их] будет не намного лучше, чем называть эти идеи приятными и неприятными; запах розы и запах фиалки одинаково благовоны, но эти идеи, конечно, очень разнятся друг от друга. Различные вкусы, идеи которых мы воспринимаем своим нёбом, не намного лучше снабжены именами. <Сладкое>

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
<горькое>, <кислое>, <терпкое> и <соленое>- вот почти все эпитеты, которые мы имеем для обозначения бесчисленного множества ощущений] вкуса, различных не только почти для каждого рода существ, но и для различных частей одного и того же растения, плода или животного. То же самое можно сказать про цвета и звуки. Поэтому в исследовании о простых идеях, даваемом здесь мною, я ограничусь рассмотрением только идей, которые более всего пригодны для нашей теперешней цели или которые сами по себе меньше обращают на себя внимание, хотя и очень часто входят в состав наших сложных идей. К их числу, я думаю, могу, пожалуй, отнести идею плотности, исследованием которой я и займусь поэтому в следующей главе.

Глава четвертая О ПЛОТНОСТИ

1. Мы получаем эту идею от осязания. Идею плотности мы получаем от осязания. Она возникает из сопротивления, которое мы встречаем в теле при вступлении на его место другого тела, до тех пор пока первое [из них] не оставит этого места. Нет идеи, которую мы получали бы от ощущения более постоянно, чем плотность. В каком бы мы ни были положении, двигаемся ли мы или остаемся в покое, мы всегда чувствуем под собой нечто такое, что нас поддерживает и не дает нам погружаться ниже; и тела, с которыми мы соприкасаемся каждый день, дают нам возможность заметить, что, находясь между нашими руками, они с непреодолимой силой мешают сближению тех частей рук, которые сжимают. То, что так мешает сближению двух движущихся друг к другу тел, я называю плотностью. Я не буду спорить о том, ближе ли это значение слова <плотный> к его первоначальному смыслу,

чем то, в котором употребляют его математики. Довольно того, что, на мой взгляд, обычное понятие плотности если не оправдывает, то допускает мое истолкование. Но если кто признает за лучшее назвать это непроницаемостью, он встретит мое согласие. Только я думаю, что термин <плотность> больше подходит для выражения этой идеи не только вследствие его обычного употребления в этом смысле, но также и потому, что он несет в себе что-то более положительное, чем отрицательная <непроницаемость>, которая, возможно, является больше следствием плотности, чем самой плотностью. Из всех других эта идея кажется наиболее тесно связанной с телом и существенной для него, так как ее можно найти или представить себе только в материи. И хотя наши чувства знают ее только в массе материи, которая достаточно велика для возбуждения в нас ощущения, но ум, получив однажды эту идею от таких более крупных тел, воспринимаемых ощущением, прослеживает ее дальше и рассматривает ее, так же как и форму, в мельчайших частицах материи, какие только могут существовать, и находит ее неразрывно связанную с телом, где бы оно ни находилось и каким бы изменениям ни подвергалось.

2. Плотные тела наполняют пространство. Идея плотности относится к телу, отчего мы постигаем, что оно заполняет пространство. Идея этого заполнения пространства состоит в том, что, представляя себе какое-нибудь место занятым какой-нибудь плотной субстанцией, мы понимаем, что она занимает его так, что исключает отсюда всякую другую плотную субстанцию и всегда помешает двум любым другим телам, движущимся друг к другу по прямой линии, соприкоснуться друг с другом, если только она не покинет срединного между ними положения, уйдя по линии, идущей в сторону от пути, по которому движутся эти тела. Такую идею в достаточной мере доставляют нам тела, с которыми мы сплошь и рядом встречаемся.

3. Плотность отлична от пространства. Это сопротивление, вследствие которого одно тело не пускает другое на занимаемое им место, так велико, что никакой силе, как бы велика она ни была, не преодолеть его. Все тела на свете, сжимая каплю воды со всех сторон, никогда не смогут преодолеть сопротивление, которое она, как ни податлива, оказывает их сближению, пока ее не удалят с их пути. Этим наша идея плотности отличается как от идеи] чистого пространства, не способного ни к сопро-

тивлению, ни к движению, так и от обычной идеи твердости. Ибо можно представить себе два тела на расстоянии, так что они могут приближаться друг к другу, не трогая или не перемещая никакой другой плотной вещи до того, как встретятся их поверхности; таким путем, думаю, мне, мы получаем ясную идею пространства без плотности, ибо я спрашиваю, может ли человек (не доходя до уничтожения какого-либо отдельного тела) иметь идею движения только одного тела без того, чтобы какое-нибудь другое тело немедленно заняло его место. Я считаю очевидным,

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
что может: идея движения одного тела так же мало включает идею движения другого, как мало идея квадратной формы одного тела включает идею квадратной формы другого. Я не спрашиваю, существуют ли тела так, чтобы движение одного тела действительно не могло быть без движения другого. Решить это в ту или другую сторону – значит бездоказательно решить вопрос о пустоте. Я спрашиваю только о том, нельзя ли иметь идею одного движущегося тела при покое остальных. И мне кажется, никто не будет отрицать этого. А если так, то покидаемое место дает нам идею чистого пространства без плотности, в которое другое тело может войти без всякого сопротивления или толчка со стороны какого-нибудь тела. Когда поршень насоса поднят, то пространство, которое прежде занимал поршень, в трубе, будет, конечно, тем же самым, последует ли какое-нибудь другое тело за движением поршня или нет. Нет противоречия и в том, что за движением какого-нибудь одного тела не воспоследует движение другого, которое только соприкасается с ним. Но необходимость такого движения построена лишь на предположении о наполненности мира, а не на отчетливых идеях пространства и плотности, которые так же различны, как сопротивление и несопротивление, толчок и нетолчок. И что люди имеют идею пространства без тела, ясно показывают сами споры о пустоте, что указано в другом месте 10. 4. Она отлична и от твердости. Плотность отличается также от твердости тем, что она состоит в наполненности занимаемого ею места и в абсолютном исключении из него всех других тел, а твердость – в прочном сцеплении частиц материи, образующих массы доступного восприятию объема, так что целое нелегко изменяет свою форму. В самом деле, мы даем вещам имена <твердый> и <мягкий> только по отношению к строению нашего собственного тела. Мы обыкновенно называем

твердым то, что скорее причинит нам боль, чем изменит свою форму под давлением какой-нибудь части нашего тела, и, наоборот, мягким то, что изменяет положение своих частиц при легком и безболезненном прикосновении.

Но эта трудность изменения взаиморасположения доступных восприятию частиц или формы целого сообщает самому твердому телу на свете несколько не больше плотности, чем самому мягкому: алмаз ни на йоту не плотнее воды. Ибо, если между двумя гладкими сторонами двух кусков мрамора будет только вода или воздух, они, конечно, сблизятся друг с другом легче, чем если между ними будет алмаз, но не потому, что частицы алмаза более плотны, чем частицы воды, и не потому, что они оказывают большее сопротивление, а потому, что частицы воды, легче отделяясь друг от друга, легче могут быть удалены боковым движением и дают возможность сблизиться двум кускам мрамора. Но если бы их можно было удержать от удаления этим боковым движением, они вечно мешали бы сближению этих двух кусков мрамора, так же как и алмаз, и было бы так же невозможно силою преодолеть их сопротивление, как и сопротивление частиц алмаза. Самое мягкое тело на свете, если его не убрать с дороги, будет так же непреодолимо сопротивляться схождению двух других тел и оставаться между ними, как и самое твердое, какое только можно найти или представить себе. Кто хорошенько наполнит обладающее слабым сопротивлением тело воздухом или водой, живо почувствует его сопротивление; и кто думает, что только твердые тела мешают сближению его рук, быть может, соизволит сделать опыт с воздухом, заключенным в футбольном мяче. Опыт, который, как мне сказали, был сделан во Флоренции с полым, наполненным водой и прочно закупоренным золотым шаром, еще более убедительно показывает плотность такого мягкого тела, как вода. Действительно, когда наполненный таким образом золотой шар положили под пресс, который приводился в движение огромной силой винтов, вода проложила себе путь через поры этого очень плотного металла и, не находя внутри места для более тесного сближения своих частиц, вышла наружу, где выступила подобно росе и таким образом вытекла каплями раньше, чем стенки шара поддались под сильным давлением сжимавшей его машины 11.

5. От плотности зависят толчок, сопротивление и продвижение вперед. Этой идеей плотности протяжен-

ность тела отличается от протяженности пространства. Протяженность тела – не что иное, как сцепление, или непрерывность, плотных, отделимых частиц, способных к движению; протяженность пространства – не что иное, как непрерывность неплотных, неотделимых, неспособных к движению частиц. От плотности тел зависит также их взаимное столкновение, сопротивление и продвижение вперед. Некоторые убеждены (к

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org (ним я причисляю и себя), что они имеют ясные и отчетливые идеи чистого пространства и плотности и могут мыслить о пространстве, не заключающем чего-либо в нем, что сопротивляется телу и что тело продвигает вперед. Они думают, что у них эта идея чистого пространства столь же ясна, как их идея протяженности тела; идея расстояния между противоположными частями вогнутых поверхностей одинаково ясна как без идеи, так и с идеей находящейся в середине плотных частиц. С другой стороны, они убеждены, что отдельно от этой идеи чистого пространства они имеют идею чего-то такого, что заполняет пространство и может быть продвинуто вперед от толчка других тел или сопротивляться их движению. Если другие не имеют этих двух идей отдельно, а смешивают их и делают из них только одну 12, то я не понимаю, как люди, имеющие одну и ту же идею под различными именами или различные идеи под одним и тем же именем, могут говорить друг с другом в таком случае с большим успехом, чем человек не слепой и не глухой, имеющий отличные друг от друга идеи алого цвета и звука трубы, мог бы рассуждать об алом цвете со слепым, о котором я говорю ниже 13 и который воображал, будто идея алого цвета похожа на звук трубы.

6. Что она есть? Если кто спросит меня, что такое эта плотность, я отошлю его к его чувствам, чтобы они его просветили. Пусть он положит между рук кремень или надутый футбольный мяч и постарается соединить руки, тогда он узнает. Если он сочтет, что это недостаточное объяснение плотности, что она такое и в чем состоит, я обещаю сообщить ему, что она такое и в чем состоит, когда он расскажет мне, что такое мышление и в чем оно состоит, или объяснит мне, что такое протяженность или движение – возможно, это покажется гораздо более легким делом. Наши простые идеи таковы, как нас учит опыт. Если же мы, не довольствуясь этим, будем стараться словами разъяснить их в душе, наши попытки будут столь же успешны, как старания разговорами осве-

тить темноту души слепого и растолковать ему идеи света и цветов. Причину этого явления я изложу в другом месте 14.

Глава пятая О ПРОСТЫХ ИДЕЯХ ОТ РАЗНЫХ ЧУВСТВ

Идеи, приобретаемые более чем одним чувством, – это идеи пространства или протяженности, формы, покоя и движения, ибо они производят впечатления, воспринимаемые и глазами и осязанием. И мы можем как зрением, так и осязанием воспринимать и вводить в свою душу идеи протяженности, формы, движения и покоя тел. Но, имея случай поговорить о них подробнее в другом месте 15, я их здесь только перечисляю.

Глава шестая О ПРОСТЫХ ИДЕЯХ РЕФЛЕКСИИ

1. Простые идеи рефлексии – это действия ума в отношении его других идей. Получая извне упомянутые в предыдущих главах идеи, душа, обращая свой взор вовнутрь, на себя, и наблюдая свои действия в отношении этих приобретенных ею идей, получает отсюда другие идеи, которые так же способны быть объектами ее созерцания, как и идеи, воспринимаемые от внешних вещей.

2. Идею восприятия и идею воли мы получаем от рефлексии. Два основных главных вида деятельности души, которые чаще всего исследуются и настолько часто встречаются, что каждый, кто желает, может заметить их в себе, – это восприятие, или мышление 16, и желание, или хотение. Сила мышления называется разумом, а сила желания называется волею; обе эти силы ума именуется способностями. О некоторых модусах данных простых идей рефлексии, таких, как воспоминание, различение, рассуждение, суждение, познание, вера и т. д., я буду иметь случай поговорить позже 17.

Глава седьмая .0 ПРОСТЫХ ИДЕЯХ КАК ОЩУЩЕНИЯ, ТАК И РЕФЛЕКСИИ

1. Удовольствие и страдание. Имеются другие простые идеи, проникающие в душу всеми путями как ощу-

щения, так и рефлексии, а именно удовольствие, или наслаждение, и его противоположность – страдание, или неудовольствие, а также сила, существование,

2. Наслаждение или неудовольствие, то или другое, соединяются почти со всеми нашими идеями как ощущения, так и рефлексии. Едва ли имеется какое-нибудь возбуждение наших чувств извне, какая-нибудь скрытая мысль в нашем уме, которые не были бы способны доставить нам удовольствие или страдание. Словами <удовольствие> и <страдание> я хочу обозначить все, что нас восхищает или огорчает, все равно, происходит ли это от каких-нибудь мыслей нашей души или от чего-либо оказывающего действие на наше тело. Ибо, будем ли мы называть это удовлетворением, наслаждением, удовольствием, счастьем и т. д., с одной стороны, или неудовольствием, тревогой, страданием, терзанием, сокрушением, несчастьем и т. д. – с другой, это всегда лишь различные степени одного и того же относящегося к идеям удовольствия и страдания, наслаждения или неудовольствия – эти названия я и буду чаще всего употреблять для обозначения этих двух видов идей.

3. Бесконечно мудрый творец нашего бытия, дав нам власть распоряжаться различными частями нашего тела, приводить их в движение или оставлять в покое по нашему желанию и при помощи их движений двигать самих себя и другие соприкасающиеся тела, в чем состоят все действия нашего тела; дав также способность нашей душе в различных случаях выбирать среди ее идей, о какой из них она будет думать, и исследовать тот или иной предмет с рассудительностью и вниманием, чтобы побудить нас к тем действиям мышления и движения, на которые мы способны, [дав нам все это], он сообразовал соединить с некоторыми мыслями и ощущениями восприятие наслаждения. Если бы наслаждение было совершенно отделено от всех наших внешних ощущений и внутренних мыслей, мы не имели бы основания предпочитать одну мысль или действие другим, невнимательность – вниманию или движение – покою, не двигали бы тогда своим телом, не пользовались бы своим умом, а предоставляли бы своим мыслям (если только можно так выразиться) плыть по течению без всякого направления или намерения, позволили бы идеям своей души, точно пустым теням, появляться там как придется, без всякого к ним внимания. В таком случае, как бы ни был богато одарен человек способностями разума и воли, он

=

остался бы существом весьма ленивым и недействительным и проводил бы свое время в вялом, летаргическом сне. Нашему мудрому творцу было поэтому угодно соединить с различными предметами и получаемыми от них идеями, а также с различными нашими мыслями сопутствующее им удовольствие – для различных предметов в различной степени, дабы дарованные нам способности не могли остаться совершенно праздными и не примененными нами.

4. Страдание имеет ту же самую силу и пользу заставляя нас действовать, что и удовольствие, ибо мы для избежания страдания' прилагаем свои способности с такою же готовностью, как и для достижения удовольствия. На одно только надо обратить внимание: страдание часто причиняют те же самые объекты и идеи, которые вызывают у нас удовольствие. Эта близкая связь между ними, которая заставляет нас часто страдать от ощущений, от которых мы ждали удовольствия, дает нам новый повод восхищаться мудростью и добротой нашего творца, который в целях сохранения нашего существования соединил приложение к нашему телу многих вещей со страданием, предупреждая нас о возможном с их стороны вреде и как бы советуя держаться в отдалении от них Но, имея в виду не просто наше сохранение, а сохранение всех частей тела и органов в их совершенстве, он во многих случаях соединил страдание с теми же самыми идеями, которые услаждают нас. Так, теплота, очень приятная для нас при одной степени, при незначительном увеличении становится необыкновенною мукой; даже самый приятный из всех чувственно воспринимаемых предметов – свет, если его слишком много и он увеличивается сверх нужной для наших глаз меры, вызывает весьма мучительное ощущение. Природа очень мудро и милостиво устроила так, что когда какой-нибудь предмет силою своего воздействия расстраивает органы ощущения, строение которых не может не быть очень тонким и деликатным, то страдание предупреждает нас, чтобы мы отступили раньше, чем орган совершенно расстроится и станет не способным выполнять свои специальные функции в будущем. Рассмотрение причиняющих страдание предметов вполне убедит нас, что цель и польза страдания именно таковы. В самом деле, хотя сильный свет невыносим' для наших глаз, однако самый глубокий мрак вовсе не причиняет им боли, потому что, не вызывая в глазу никаких расстраивающих движений, оставляет этот тонкий орган невредимым в его естественном состоя-

нии. Между тем избыток холода мучит нас так же, как и избыток тепла, потому что он столь же губителен для температуры, которая необходима для сохранения жизни и отправления различных функций тела и состоит в умеренной степени теплоты или, если вам угодно, в движении незаметных частиц нашего тела, ограниченном определенными пределами 18.

5. Сверх всего этого мы можем найти и другую причину того, почему бог рассеял различные степени удовольствия и страдания во всех вещах, которые окружают нас и воздействуют на нас, и смешал их вместе почти во всем, с чем должны иметь дело наши мысли и чувства: чтобы мы, находя несовершенство, неудовлетворенность и отсутствие полного счастья во всех радостях, какие может доставить нам сотворенное, стремились искать источник радости в том, в ком <полнота радостей... блаженство в деснице> 19 его.

6. Хотя сказанное здесь мною, вероятно, не уяснит нам идей удовольствия и страдания больше, чем это делает наш собственный опыт, представляющий собой единственный способ получить их, однако рассмотрение причины того, почему они связаны со столь многими другими идеями, быть может, будет соответствовать главной цели настоящего исследования, потому что послужит тому, чтобы дать нам правильное суждение о мудрости и благодати верховного властителя всех вещей, ибо познание и почитание его – главная цель всех наших мыслей, истинное занятие всех наших умов (understandings).

7. Существование и единство. Существование и единство – две другие идеи, подсказываемые разуму каждым предметом извне и каждой идеей изнутри. Когда идеи находятся в нашей душе, мы рассматриваем их как находящиеся там в данный момент, точно так же как мы признаем вещи находящимися вне нас в данный момент, т. е. существующими, или имеющими существование. Точно так же всё, что мы можем признавать одной вещью, будет ли это реальное существо или идея, доставляет разуму идею единства.

8. Сила, [или способность] (power). Сила также одна из тех простых идей, которые мы получаем от ощущения и от рефлексии. Ибо мы приобретаем идею силы следующими двумя путями: мы замечаем по себе, что можем по желанию двигать разными находящимися в покое частями нашего тела; с другой стороны, каждую минуту наши

чувства наталкиваются на действия, которые одно природное тело может произвести на другое.

9. Последовательность. Есть кроме этих еще одна идея, которую хотя и подсказывают наши чувства, но более постоянно нам дает то, что происходит в нашей собственной душе. Это идея последовательности. Если мы заглянем непосредственно внутрь себя и подумаем о том, что там видно, мы найдем, что наши идеи все время, пока мы бодрствуем или мыслим, идут цепью, причем без перерыва – одни уходят, другие приходят.

10. Простые идеи – материал всего нашего знания. Если не все, то по крайней мере (как я и думаю) самые значительные из тех простых идей, которыми обладает ум и из которых составляется все его остальное знание. Все они получены только двумя вышеупомянутыми путями – ощущением и рефлексией.

Пусть никто не думает, что [простые идеи] слишком узкие границы для деятельности широкого человеческого ума. который подымается выше звезд и не может быть ограничен пределами мира, часто простирает свои мысли даже за крайние границы материи и совершает вторжения в эту непостижимую пустоту. Пусть так, но хочу, чтобы кто-нибудь указал хотя бы одну простую идею, полученную не одним из вышеупомянутых путей, или хотя бы одну сложную идею, составленную не из этих простых идей. Да и не покажется странным, что мы считаем эти немногие простые идеи достаточными, чтобы занять самое быстрое мышление и самые большие способности и доставить материал для всего разнообразного знания и еще более разнообразных представлений и мнений всего человечества, если мы обратим внимание на то, сколько слов можно составить из различных сочетаний двадцати четырех букв 20, или если мы сделаем один шаг дальше и подумаем только о разнообразии комбинаций, возможных лишь с одной из вышеупомянутых идей – с числом. Запас их поистине неисчерпаем и бесконечен. А какое широкое и необъятное

Локк Джон Опыт о человеческом разуме. Книга 2 filosoff.org
поле одна только протяженность доставляет математикам!

Глава восьмая ДАЛЬНЕЙШИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О НАШИХ ПРОСТЫХ ИДЕЯХ

1. Положительные идеи от отрицательных причин 21. Что касается простых идей ощущения, то надо обратить

==181

внимание, что все устроенное в природе таким образом, что, воздействуя на наши чувства, порождает в душе какое-нибудь восприятие, вызывает этим в разуме простую идею. Какова бы ни была внешняя причина ее, когда она станет заметной для нашей различающей способности, ум рассматривает ее и считает такой же реальной положительной идеей в разуме, как и всякую другую, хотя, может быть, причиной ее является лишь недостаток чего-нибудь в предмете.

2. Так, идеи тепла и холода, света и мрака, белого и черного, движения и покоя – одинаково ясные и положительные идеи в уме, хотя, быть может, производящей причиной их иногда является только отсутствие чего-нибудь в предметах, от которых наши чувства получают эти идеи. При рассмотрении идей разум считает всех их отчетливыми положительными идеями, не обращая внимания на вызывающие их причины; исследование этой причины относится не к идее, как она существует в разуме, а к природе вещей, существующих вне нас. Это две совершенно различные вещи, которые нужно стараться различать. Одно дело – воспринимать и знать идею белого или черного, и совсем другое – исследовать, какие и в каком порядке расположенные на поверхности частицы заставляют предмет казаться белым или черным.

3. Живописец или маляр, никогда не исследовавший причины этих идей, имеет в своем разуме идеи белого, черного и других цветов столь же ясно, совершенно и отчетливо, а быть может даже более отчетливо, чем философ, который занимается изучением их природы и считает себя знающим, насколько та и другая идея по своей причине положительна или отрицательна. И идея черного в его уме несколько не менее положительна, чем идея белого, хотя бы причина этого цвета во внешнем предмете и была только отрицанием.

4. Если бы целью моего настоящего предприятия было исследование естественных причин и способов восприятия, я бы привел в качестве основания того, почему отрицательные причины, по крайней мере в некоторых случаях, могут порождать положительные идеи, следующее. Так как всякое ощущение вызывается в нас только различными степенями и видами движения наших жизненных духов, различно возбуждаемых внешними предметами, то ослабление какого-либо прежнего движения должно так же необходимо вызывать новое ощущение, как и его изменение или усиление, и таким образом

==182

порождать новую идею, которая зависит только от различных движений жизненных духов в этом органе²².

5. Но я не буду решать здесь, так ли это, а призываю в свидетели собственный опыт каждого: не бывает ли тень человека, которая состоит только в отсутствии света (и чем полнее отсутствие света, тем заметнее тень), не бывает ли она, когда смотрят на нее, причиной такой же ясной и положительной идеи в уме, как и сам человек, хотя бы озаренный ярким солнечным светом! И картина тени – положительная вещь. Да, у нас есть отрицательные названия, которые обозначают не прямо положительные идеи, но их отсутствие, например <безвкусный>, <тишина>, <<ничто> и т. д.; слова эти указывают на положительные идеи, например <вкус>, <звук>, <существо>, с обозначением их отсутствия.

6. Таким образом, можно вправду сказать, что мы видим мрак. Ибо если мы представим себе совершенно темное отверстие, из которого не исходит никакого света, то можно, конечно, видеть его очертание; оно может быть также нарисовано; а разве чернила, которыми я пишу, вызывают другую идею? Указанные здесь мною отрицательные причины положительных идей соответствуют общему мнению, но на деле решить, бывают ли действительно идеи от отрицательных причин, трудно, пока не будет определено, является ли покой отрицанием в большей степени, нежели движение.

7. Идеи в уме, качества в телах. Чтобы лучше раскрыть природу наших идей и толковать о них понятно, будет удобно провести в них различие, поскольку они являются идеями, или восприятиями, в нашем уме и поскольку они – видоизменения материи в телах, возбуждающих в нас такие восприятия. Это нужно для того, чтобы мы не могли думать (как, быть может, это обыкновенно делают), будто идеи – точные образы и подобия чего-то внутренне присущего предмету. Большинство находящихся в уме идей ощущения так же мало похожи на нечто находящееся вне нас, как мало похожи на наши идеи обозначающие их названия, хотя последние и способны, как только мы их услышим, вызывать в нас эти идеи.

8. Все, что ум воспринимает в себе и что есть непосредственный объект восприятия, мышления или понимания, я называю идеею; силу, вызывающую в нашем уме какую-нибудь идею, я называю качеством предмета, которому эта сила присуща. Так, снежный ком способен

==183

порождать в нас идеи белого, холодного и круглого. Поэтому силы, вызывающие эти идеи в нас, поскольку они находятся в снежном коме, я называю качествами, а поскольку они суть ощущения, или восприятия, в наших умах (understandings), я называю их идеями. Если я говорю иногда об идеях, как бы находящихся в самих вещах, это следует понимать таким образом, что под ними имеются в виду те качества в предметах, которые вызывают в нас идеи.

9. Первичные качества. Среди рассматриваемых таким образом качеств в телах есть, во-первых, такие, которые совершенно неотделимы от тела, в каком бы оно ни было состоянии; такие, которые оно постоянно сохраняет при всех переменах и изменениях, каким оно подвергается, какую бы силу ни применить к нему; такие, которые чувства постоянно находят в каждой частице материи, обладающей достаточным для восприятия объемом, а ум находит, что они неотделимы ни от какой частицы материи, хотя бы она была меньше той, которая может быть воспринята нашими чувствами. Возьмите, например, зерно пшеницы и разделите его пополам – каждая половина все еще обладает плотностью, протяженностью, формой и подвижностью; разделите его снова – оно все еще сохраняет эти самые качества; разделяйте его дальше так до тех пор, пока части не станут незаметными, и все-таки каждая часть будет сохранять все эти качества. Ибо разделение (а это все, что производит с другими телами мельничный жернов, или пестик [в ступке], или какое-нибудь другое орудие, сводя тело к незаметным частям) ни у какого тела никогда не может отнять плотность, протяженность, форму или подвижность, а только образует две или больше различных и отделенных друг от друга масс материи из того, что прежде было одною массою. Все эти отдельные массы, принимаемые за такое-то количество отдельных тел, после раздробления образуют их определенное число. Названные качества тела я называю первоначальными или первичными. Мне кажется, мы можем заметить, что они порождают в нас простые идеи, т. е. плотность, протяженность, форму, движение или покой и число.

10. Вторичные качества. Во-вторых, такие качества, как цвета, звуки, вкусы и т. д., которые на деле не играют никакой роли в самих вещах, но представляют собой силы, вызывающие в нас различные ощущения первичными качествами вещей, т. е. объемом, формой,

==184

строением и движением их незаметных частиц, я называю вторичными качествами. К ним можно бы присоединить третий вид, признаваемый лишь за силы, хотя это реальные качества в предмете в такой же степени, как и те, которые я, приравнивая к обычному способу выражения, называю качествами, но для различения – вторичными качествами. Ибо способность огня производить новую окраску или густоту в воске или глине через свои первичные качества – такое же качество огня, как и его способность порождать во мне новую идею, или ощущение, теплоты или горения, которого я раньше не испытывал, через те же самые первичные качества, т. е. объем, строение и движение своих незаметных частиц.

11. Как первичные качества производят свои идеи? Ближайший вопрос, который мы должны рассмотреть, сводится к тому, как тела вызывают в нас идеи. Очевидно, посредством толчка – единственно возможного для нас способа представить себе воздействия тел 23.

12. Если внешние предметы не связаны [непосредственно] с нашим умом, когда они вызывают в нем идеи, а мы все-таки воспринимаем эти первоначальные качества в тех предметах, которые поодиночке предстают перед нашими чувствами, то очевидно, что через посредство наших нервов, или жизненных духов, через посредство некоторых частей нашего тела некоторое движение должно передаваться от них мозгу, или местонахождению ощущений, чтобы в нашем уме вызвать отдельные идеи этих объектов. А так как протяженность, форма, число и движение тел заметной величины могут быть восприняты зрением на расстоянии, то ясно, что некоторые в отдельности незаметные тела должны исходить от них к глазам и посредством этого передавать мозгу некоторое движение, вызывающее в нас идеи о них.

13. Как вызывают их вторичные качества? Можно представить себе, что идеи вторичных качеств так же вызываются в нас тем же самым способом, как и идеи первоначальных качеств, т. е. воздействием незаметных частиц на наши чувства. Ведь ясно, что есть тела, и их довольно много, которые так малы, что мы не можем ни одним своим чувством обнаружить их объем, форму или движение (таковы, очевидно, частицы воздуха, воды и другие гораздо меньшие частицы, которые, быть может, настолько же меньше частиц воздуха или воды, насколько последние меньше горошин и градин). Предположим теперь, что различные движения и формы, объемы и числа

==185

таких частиц, действуя на разные органы наших чувств, вызывают в нас различные ощущения, которые мы имеем от цветов и запахов тел, что, например, фиалка толчком таких незаметных частиц материи особой формы и объема, различной степенью и видоизменениями их движений вызывает в нашем уме идеи голубого цвета и приятного запаха этого цветка. Представлять себе, что бог соединил такие идеи с непохожими на них движениями, возможно, так же как и то, что он соединил идею боли с движением режущего наше тело куска стали, совершенно непохожим на эту идею.

14. То, что я сказал о цветках и запахах, равным образом относится ко вкусам и звукам и другим подобным чувственным качествам. Какую бы ни приписали им по ошибке реальность, они на деле не играют никакой роли в самих предметах, но суть вызывающие в нас различные ощущения силы и зависят от указанных мною первичных качеств, а именно от объема, формы, строения и движения частиц.

15. Идеи первичных качеств суть [продукт] сходства, вторичных – нет. Отсюда, мне кажется, легко заметить, что идеи первичных качеств тел сходны с ними, и их прообразы действительно существуют в самих телах, но идеи, вызываемые в нас вторичными качествами, вовсе не имеют сходства с телами. В самих телах нет ничего сходного с этими нашими идеями. В телах, называемых нами по этим идеям, есть только способность вызывать в нас эти ощущения. И то, что является сладким, голубым или теплым в идее, то в самих телах, которые мы так называем, есть только известный объем, форма и движение незаметных частиц.

16. Пламя зовут горячим и ярким, снег – белым и холодным, манну – белой и сладкой по идеям, которые эти предметы в нас вызывают. Обыкновенно думают, будто эти качества в вещах – то же, что в нас эти идеи, будто одно совершенно сходно с другим, как это бывает в зеркале. Большинство людей признало бы крайне странным, если бы кто утверждал иначе. Но кто обратит внимание на то, что один и тот же огонь на одном расстоянии возбуждает в нас ощущение теплоты, а при приближении – совершенно иное: ощущение боли, тот должен подумать, есть ли у него основание утверждать, что идея теплоты, вызванная в нем огнем, действительно находится в огне, а идея боли, вызванная в нем тем же самым огнем и тем же самым способом, не находится

==186

в огне. Почему белизна и холод находятся в снегу, а боль нет, когда снег вызывает в нас и ту и другую идею и может это сделать только объемом, формой, числом и движением своих плотных частиц?

17. Определенные объем, число, форма и движение частиц огня или снега реально находятся в них, воспринимают ли их чьи-либо чувства или нет. Их, следовательно, можно назвать реальными качествами, потому что они реально существуют в этих

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
телах. Но свет, тепло, белизна или холод реальны в них не более, чем недомогание или боль – в манне. Уберите эти ощущения. Пусть глаза не видят света или цветов, пусть уши не слышат звуков, небо не ощущает вкуса, нос не обоняет – и все цвета, вкусы, запахи и звуки как особые идеи исчезнут, прекратят существование и сведутся к своим причинам, т. е. к объему, форме и движению частиц.

18. Кусок манны заметного объема может породить в нас идею круглой или квадратной формы, а при переходе с одного места на другое – идею движения. Эта идея представляет движение в движущейся манне таким, каким оно действительно есть; круг или квадрат – те же самые, находятся ли они в идее или в жизни, в уме или в манне; и движение и форма действительно находятся в манне, все равно, обращаем мы внимание на них или нет. Каждый без труда согласится с этим. Но кроме того, объемом, формой, строением и движением своих частиц манна способна вызвать в нас ощущения недомогания, а иногда и острой боли или рези. Что эти идеи недомогания и боли не находятся в манне, а есть результаты ее воздействия на нас, которых нет нигде, когда мы их не чувствуем, с этим также без труда согласится всякий. А между тем трудно убедить людей, что белизна и сладость реально не находятся в манне, а что они только результаты воздействия манны на глаза и небо движением, расположением и формой ее частиц, как вызываемые манной боль и недомогание есть, бесспорно, только результаты ее воздействия на желудок и кишки расположением, движением и формой ее незаметных частиц (ибо ничем иным, как уже было доказано, не может воздействовать тело). Как будто манна не может воздействовать на глаза и небо и через это вызывать в уме не существующие в нем самом особые, отличные друг от друга идеи, так же, как она, по нашему признанию, может воздействовать на кишки и желудок и через это вызывать отличные друг от друга идеи, которых он сам по себе

==187

не имеет! Так как все эти идеи – результаты воздействия манны на различные части нашего тела размером, формой, числом и движением ее частиц, то требуется некоторое доказательство для объяснения того, почему идеи, вызываемые глазами и небом, скорее должны считаться действительно существующими в манне, чем идеи, вызываемые желудком и кишками, или почему боль и недомогание – идеи, представляющие собой воздействие манны, – следует считать нигде не существующими, когда их не ощущают, а сладость и белизну, столь же неизвестным образом произведенные действием той же самой манны на другие части нашего тела, следует признавать в манне, когда их не видят и не пробуют на вкус.

19. Посмотрим на красный и белый цвет в порфире 24. Сделайте так, чтобы свет не падал на него, и его цвета исчезнут; он более не вызывает в нас этих идей. По возвращении свет вновь вызывает в нас эти явления. Можно ли думать, чтобы в порфире происходили какие-то действительные изменения от присутствия или отсутствия света и чтобы идеи белизны и красноты действительно находились в освещенном порфире, когда в темноте он, очевидно, не имеет никакой окраски? Действительно, порфир имеет такое взаимное расположение частиц и днем и ночью, которое способно вызывать в нас идею красноты, когда лучи света отражаются одними частями этого твердого камня, и идею белизны, когда они отражаются другими его частями. Но в нем самом никогда не бывает ни белизны, ни красноты, а есть только такое строение частиц, которое способно вызывать в нас такие ощущения.

20. Растолките миндаль. Чистый белый цвет превратится в грязный, сладкий вкус – в маслянистый. Но какую реальную перемену в теле могут произвести удары пестиком, кроме изменения его строения?

21. Так как тем самым проведены различия между идеями и они стали понятными, то можно объяснить, каким образом одна и та же вода в одно и то же время может в одной руке вызывать идею холода, в другой – идею тепла. Если б эти идеи действительно находились в воде, то было бы невозможно, чтоб одна и та же вода в одно и то же время была и горячей и холодной. Наоборот, если мы вообразим себе, что теплота, как она чувствуется нашею рукою, есть только известный вид и степень движения в мельчайших частицах наших нервов, или жизненных духов, то мы можем понять, каким образом возможно, что одна и та же вода в одно и то же время

==188

Локк Джон Опыт о человеческом разуме. Книга 2 filosoff.org
в одной руке вызывает ощущение тепла, а в другой – ощущение холода. С формой, однако, никогда не бывает ничего подобного: никогда не вызывает идеи квадрата в одной руке то, что вызвало идею шара в другой. Но если ощущения тепла и холода есть только увеличение или уменьшение движения в мельчайших частицах нашего тела, причиняемое корпускулами других тел, то легко понять, что если в одной руке движение сильнее, чем в другой, и если к обеим рукам приложено тело, движение в мельчайших частицах которого сильнее, чем движение в мельчайших частицах одной руки, и слабее, чем движение в мельчайших частицах другой, то оно усилит движение в одной руке и уменьшит движение в другой и таким образом вызовет зависящие от этого различные ощущения тепла и холода.

22. В только что сказанном я занялся физическим исследованием немного больше, чем, быть может, был намерен. Но необходимо было сделать хоть сколько-нибудь понятной природу ощущения и сделать ясной разницу между качествами тел и идеями, которые они вызывают в уме, без чего невозможно вразумительно рассуждать о них. И я надеюсь, мне простят это небольшое отклонение в область философии природы, ибо в нашем настоящем исследовании необходимо отличить первичные и реальные качества тел, которые всегда находятся в них (а именно плотность, протяженность, форму, число и движение или покой) и иногда воспринимаются нами (а именно когда тела, в которых они находятся, достаточно велики, чтобы их можно было различить по отдельности), от качеств вторичных и приписываемых, которые суть только силы различных сочетаний первичных качеств, когда они воздействуют, не будучи ясно различимы. Отсюда мы можем также узнать, какие идеи бывают и какие не бывают сходны с чем-нибудь таким, что действительно существует в телах, названных нами по ним.

23. Три вида качеств в телах. При правильном рассмотрении, стало быть, в телах имеется три вида качеств.

Во-первых, объем, форма, число, расположение и движение или покой их плотных частиц. Эти качества находятся в телах, воспринимаем мы их или нет. Если они такого размера, что мы можем обнаружить их, мы получаем через них идею вещи, как она есть сама по себе, что очевидно для искусственно сделанных вещей. Эти качества я называю первичными.

Во-вторых, содержащаяся во всяком теле способность

==189

воздействовать особым образом на какое-либо из наших чувств благодаря незаметным первичным качествам тела и в силу этого вызывать в нас различные идеи разных цветов, звуков, запахов, вкусов и т. д. Эти качества называются обыкновенно чувственными.

В-третьих, содержащаяся во всяком теле способность благодаря особому строению первичных его качеств производить такое изменение в объеме, форме, строении и движении другого тела, чтобы оно действовало на наши чувства не так, как прежде. Так, солнце способно делать воск белым, а огонь способен делать свинец жидким. Эти качества называются обыкновенно [способностями, или] силами (powers).

Как я говорил уже, качества первого вида могут быть точно названы реальными, первоначальными или первичными качествами, потому что они находятся в самих вещах, все равно, воспринимаются они или нет, и потому что от различных их видоизменений зависят вторичные качества.

Качества второго и третьего вида есть только способность воздействовать различным образом на другие вещи, силы, которые возникают вследствие различных видоизменений упомянутых первичных качеств.

24. Первые качества есть подобия; вторые считаются, но не бывают подобиями; третьи и не считаются и не бывают ими. Хотя два последних вида качеств только силы, и не что иное как силы, касающиеся различных других тел и возникающие вследствие различных видоизменений первоначальных качеств, все-таки думают о них обычно по-другому. На качества второго вида, т. е. на силы, вызывающие в нас различные идеи через наши чувства, смотрят как на реальные качества в вещах, воздействующие на нас таким образом. Только качества третьего вида называются и считаются простыми силами. Например, идеи тепла или света, получаемые нашим глазом или осязанием от солнца, обыкновенно считают реальными качествами,

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
существующими в солнце, и чем-то большим, нежели простыми его силами. Но когда мы рассматриваем солнце по отношению к воску, который оно растапливает или белил, то смотрим на вызванную в воске белизну и мягкость не как на качества солнца, а как на результаты воздействия его сил. Между тем, если правильно рассудить, изменения, происшедшие в воске, когда он побелел или растопился, заключены в солнце точно так же, как и качества света и теплоты, которые

==190

являются моими восприятиями, когда меня солнце согревает или освещает. Все они есть в равной мере силы солнца, зависящие от его первичных качеств; в одном случае через них солнце способно изменить объем, форму, строение или движение незаметных частиц моих глаз или рук таким образом, чтобы тем самым вызвать во мне идею света или тепла; в другом случае оно способно изменить объем, форму, строение или движение незаметных частиц воска таким образом, что они становятся способными вызвать во мне отчетливые идеи белого и жидкого.

25. Причины, почему первые качества обыкновенно признают за реальные качества, а вторые – только за простые силы, заключаются, кажется, в следующем. Так как наши идеи различных цветов, звуков и т. д. вообще не заключают в себе объема, формы или движения, то мы не склонны признать их за следствия этих первичных качеств, участие которых в образовании этих идей не отмечается нашими чувствами и с которыми они не имеют никакого видимого сходства и никакой уловимой связи. Ощущение совсем не обнаруживает в образовании этих идей объема, формы или движения частиц, а разум не может показать, как тела своим объемом, формой и движением могут вызывать в уме идеи голубого или желтого и т. д. Вот почему мы так легко представляем себе, что эти идеи суть подобия чего-то реально существующего в самих предметах. Но во втором случае при воздействии тел, изменяющих качества друг друга, мы обнаруживаем, что произведенное качество обыкновенно не имеет ничего сходного ни с чем в вещи, производящей его; потому мы и считаем его простым действием силы. Получая от солнца идею тепла или света, мы, правда, склонны признать ее восприятием и подобием такого же качества в солнце. Но когда мы видим, что воск или белое лицо изменяют свой цвет под действием солнца, мы не можем представить себе, что это восприятие или подобие чего-то такого, что имеется в солнце, потому что не находим в самом Солнце этих различных цветов. Вследствие способности наших чувств подмечать сходство или несходство чувственных качеств в двух различных внешних предметах мы довольно легко приходим к выводу, что образование какого-нибудь чувственного качества в каком-нибудь предмете есть действие простой силы, а не передача качества, действительно существовавшего в причине, вызвавшей образование нового качества, когда мы не находим

==191

никакого такого чувственного качества в производившей его вещи. А так как наши чувства не способны обнаружить несходство между вызванной в нас идеей и качеством вызывающего ее предмета, то мы склонны вообразить, что наши идеи суть подобия чего-то в этих предметах, а не действия определенных сил, проявляющиеся в видоизменениях первичных качеств, с которыми вызванные в нас идеи не имеют никакого сходства.

26. Вторичные качества – двоякого вида: во-первых, воспринимаемые непосредственно; во-вторых, воспринимаемые опосредствованно. Заключение. Кроме вышеупомянутых первичных качеств тел, т. е. объема, формы, протяженности, числа и движения их плотных частиц, все остальные качества, по которым мы знакомимся с телами и отличаем их друг от друга, есть не что иное, как различные силы в них, зависящие от первичных качеств. Через эти силы тела могут или непосредственным воздействием на наше тело вызывать в нас различные идеи, или же воздействием на другие тела так изменять их первичные качества, что дают этим телам возможность вызывать в нас идеи, отличные от тех, которые они вызывали прежде. Первые качества, мне кажется, могут быть названы вторичными качествами, воспринимаемыми непосредственно; вторые – вторичными качествами, воспринимаемыми опосредствованно.

Глава девятая О ВОСПРИЯТИИ

1. Восприятие – первая простая идея рефлексии. Так же как, с одной стороны, восприятие есть первая способность ума, применяемая к нашим идеям, так, с другой

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
– она есть первая и простейшая идея, которую мы получаем от рефлексии, и некоторые называют ее мышлением вообще. Между тем <мышление> на английском языке означает собственно тот вид деятельности ума по отношению к его идеям, при котором ум активен и рассматривает все с определенной степенью произвольного внимания; тогда как при одном голом восприятии ум в большинстве случаев только пассивен и не может не воспринимать то, что воспринимает.

2. Оно бывает только тогда, когда ум получает впечатление.– Что такое восприятие, каждый из собственного размышления о том, что он делает, когда видит, слышит, осязает и т. д. или мыслит, узнает лучше, чем из

==192

моих рассуждений. Кто думает о том, что происходит в его собственном уме, не может не заметить этого; а тому, кто не размышляет об этом, никакие слова в мире не дадут никакого понятия о восприятии.

3. Достоверно одно: восприятия не бывает, если при любых изменениях, происходящих в теле, они не достигают ума (mind), и если при любых воздействиях, производимых на внешние части [тела], их не замечают внутри. Огонь может жечь наше тело, производя на него не большее действие, чем на полено, если движение не сообщится мозгу и там, в уме, не будет вызвано чувство жара или идея боли, в чем и состоит действительное восприятие.

4. Как часто человек замечает, что, когда его ум усиленно занят созерцанием некоторых предметов, тщательно исследуя идеи, находящиеся в нем, он не обращает внимания на впечатления, которые звучащие тела производят на орган слуха, причем с такой силой, которая обычно достаточна для образования идеи звука. Органу может быть дано должное побуждение, но если оно не достигает внимания ума, то за ним не следует восприятия. Хотя в ухе возбуждено движение, которое обыкновенно вызывает идею звука, мы не слышим никакого звука. Отсутствие ощущения в этом случае не от какого-нибудь недостатка в органе и не от того, что уши подвергаются более слабому воздействию, чем в другое время, когда человек слышит, но потому, что впечатление, обыкновенно вызывающее идею (хотя и проникает через обычные органы), не принимается во внимание разумом и, следовательно, не запечатлевает в уме никакой идеи, и не происходит ощущения. Поэтому там, где есть ощущение (sense), или восприятие, идея действительно вызвана и находится в уме (understanding).

5. Хотя у детей во чреве матери есть идеи, но у них нет врожденных идей. Я не сомневаюсь поэтому, что дети благодаря применению своих чувств к воздействующим на них во чреве матери предметам еще до рождения воспринимают немногие идеи как неизбежные последствия воздействия окружающих их тел либо испытываемых ими нужд или болей. Среди них (если можно строить предположения о вещах, не вполне доступных исследованию), я думаю, идеи голода и тепла; обе они принадлежат, вероятно, к первым идеям детей, с которыми они едва ли когда-нибудь расстанутся впоследствии.

6. Но хотя разумно предположить, что дети приоб-

==193

ретают некоторые идеи до своего появления на свет, все же эти простые идеи вовсе не есть врожденные принципы, существование которых отстаивается иными людьми и которые мы выше отвергли. Упоминаемые здесь идеи как результаты ощущения происходят только от случающихся возбуждений тела и зависят, таким образом, от чего-то внешнего уму, отличаясь по способу своего образования от других идей, получаемых от ощущения, только тем, что они возникают по времени раньше. Между тем врожденные принципы, по предположению, имеют совершенно иной характер и не проникают в ум вследствие каких-нибудь случайных перемен или воздействий на тело, а являются будто бы первоначальными знаками, запечатленными в уме в первый же момент его бытия и формирования.

7. Какие идеи первые, не ясно. Подобно тому как мы можем справедливо предполагать существование некоторых идей, которые могут быть введены в умы детей еще во чреве матери, чтобы служить потребностям их жизни и бытия в нем, так и после их рождения прежде всего запечатлеваются те идеи, которые суть первые встречающиеся детям чувственные качества; среди них свет не из самых

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
незначительных и не из самых слабых. А как жадно стремится ум приобрести все те идеи, которые не сопровождаются болью, можно догадаться, наблюдая, что новорожденные, как их ни положи, постоянно обращают свои глаза к той стороне, откуда падает свет. Но так как наиболее знакомые с самого начала идеи различны в зависимости от различных обстоятельств первого вступления детей в мир, то порядок, в каком различные идеи впервые попадают в ум, тоже очень разнообразен и неопределен, да и не особенно важно знать его.

8. Идеи ощущения часто изменяются суждением. Что касается восприятия, то нужно заметить далее, что идеи, получаемые от ощущения, часто у взрослых и незаметно для них изменяются суждением. Когда мы ставим перед глазами одноцветный круглый шар, например золотой, алебастровый или янтарный, то очевидно, что им запечатлевается в нашем уме идея плоского, различно затененного круга, с различными степенями света и яркости, воспринимаемых нашими глазами. Но так как мы имеем привычку к такому восприятию, какое обыкновенно вызывают выпуклые тела и перемены в отражениях света, производимые различными чувственно воспринимаемыми

==194

формами тел, то суждение в силу привычки тотчас же заменяет видимость ее причиной. И из того, что на деле представляет собой множество различных теней или окрасок, составляющих фигуру, суждение создает признак формы и строит для себя восприятие выпуклой формы и единообразной окраски, тогда как идея, получаемая нами [непосредственно], есть только разноцветная плоскость, что очевидно в живописи. Для пояснения этого я включаю сюда задачу весьма искусного и усердного исследователя,двигающего вперед действительное знание, ученого и почтенного г-на Молинё, которую он любезно сообщил мне в письме несколько месяцев назад; вот она: <Представим себе слепорожденного, уже взрослого и научившегося посредством осязания отличать куб от шара одного и того же металла и почти одной и той же величины, так что, ощупав тот и другой, он может сказать, который куб и который шар. Предположим теперь, что куб и шар находятся на столе, а слепой прозрел. Спрашивается, может ли он теперь одним зрением, без прикосновения к ним, различить их и сказать, который шар и который куб?> На что остроумный и рассудительный исследователь отвечает так: <Нет. Ибо хотя он и знает по опыту, как действуют на осязание шар и куб, но он еще не узнал из опыта, что то, что таким или иным образом действует на его осязание, должно таким или иным образом действовать и на его зрение или что выступающий угол в кубе, неровно давивший на его руку, покажется его глазу таким, как он есть в кубе>. Я согласен с ответом, даваемым на свою задачу самим же этим мыслящим джентльменом, которого с гордостью называю своим другом. Я тоже думаю, что слепой, прозрев, сразу не может сказать с достоверностью, где шар и где куб, если он только видит их, хотя бы он мог безошибочно назвать их при помощи осязания и верно различить благодаря ощущаемой разнице в форме. Я свое мнение высказал и предоставляю читателю случай поразмыслить о том, сколь многим он может быть обязан опыту, самосовершенствованию и приобретенным понятиям там, где он считает, что не имеет ни малейшей пользы и помощи от них; тем более что (добавим далее) этот наблюдательный джентльмен, используя мою книгу как повод, предлагал свой вопрос разным очень умным людям, но не встретил почти никого, кто бы дал ему сразу же верный, по его мнению, ответ, пока он своими доводами не убеждал в своей правоте.

==195

9. Но на мой взгляд, так обыкновенно случается только с нашими идеями, полученными от зрения. Так как зрение, самое обширное из всех наших чувств, вводит в наш ум идеи света и цветов, свойственные только этому чувству, а также совершенно отличные от них идеи пространства, формы и движения, различия которых изменяют внешний вид непосредственного объекта зрения, т. е. света и цветов, то мы и приучаем себя на опыте судить об одном, исходя из знания о другом. Во многих случаях по установившейся привычке в отношении вещей, с которыми мы часто соприкасаемся на опыте, это совершается так постоянно и так быстро, что мы принимаем за восприятие нашего ощущения идею, образованную нашим суждением, так что одно, а именно восприятие ощущения, служит только для возбуждения другого и на него самого едва обращают внимание. Так, кто читает или слушает сосредоточенно и с пониманием, обращает мало внимания на письменные знаки или на звуки, он обращает внимание на идеи, которые они в нем вызывают.

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosofff.org

10. Мы не должны удивляться, что на это обращается столь мало внимания, если мы подумаем, как быстро совершаются действия ума, ибо, так же как сам ум считают не занимающим пространства, не имеющим протяженности, так и его действия кажутся не требующими времени и в одном мгновении их умещается много. Я говорю так, сравнивая их с действиями тела. Это легко может наблюдать на примере собственного мышления каждый, кто даст себе труд подумать об этом. Как быстро, точно в одно мгновение, наш ум окидывает взглядом все части доказательства, которое справедливо можно назвать очень длинным, если рассчитать время, нужное для его выражения в словах и постепенной передачи другому! Кроме того, мы не будем так удивлены, что это происходит в нас, привлекая столь мало наше внимание, если только заметим, как из-за легкости, с которой мы достигаем в выполнении чего-нибудь в силу привычки, часто какие-то вещи проходят в нас незамеченными. Привычки, особенно приобретенные очень рано, в конце концов приводят в совершению действий, часто ускользающих от нашего наблюдения. Сколько раз в течение дня закрываем мы веками свои глаза, не замечая, что мы совсем в темноте! Люди, по привычке повторяющие поговорку, чуть не во всякой фразе произносят звуки, которых сами не слышат и не замечают, хотя другие воспринимают их. Поэтому нет ничего странного в том, что наш ум часто

==196

превращает идею своего ощущения в идею своего суждения и использует одну только для возбуждения другой, а мы этого не замечаем.

11. Восприятие устанавливает разницу между животными и низшими существами. Способность восприятия, кажется мне, есть то, что отличает животное царство от низших областей природы. Ибо хотя многие растения обладают в некоторой степени способностью к движению и при разного рода прикосновении к ним других тел очень живо меняют свою форму и (свои) движения, за что получили название <чувствительные растения>, - из-за движения, несколько похожего на то, которое следует в животных за ощущением, - однако я считаю, что все это есть чистый механизм и ничем не отличается от закручивания остей дикого овса из-за того, что просочилась влага, или укорочения веревки из-за того, что она пропиталась водой. Все это происходит без всякого ощущения в предмете, без того, чтобы иметь или получить какие-либо идеи.

12. Я думаю, что восприятие есть в некоторой степени у всех видов животных. И хотя у некоторых, быть может, естественные пути для получения ощущения столь немногочисленны, а получающее их восприятие столь смутно и слабо, что оно сильно отстает от живости и разнообразия ощущения у других животных, однако оно достаточно и умно приспособлено к состоянию и положению этого вида так устроенных животных, и таким образом мудрость и доброта творца ясно проявляются во всех частях удивительного мироздания, на всех ступенях и во всех разрядах творений в нем.

13. Мне кажется, мы из строения устрицы или улитки можем заключить с полным основанием, что у них чувства не так многочисленны и быстры, как у человека или некоторых других животных; да если бы они и обладали ими, им не было бы лучше от этого в их положении, при их неспособности передвигаться с одного места на другое. Какую пользу принесут слух и зрение существу, не способному приближаться к объектам или удаляться от них, если оно на расстоянии почует добро или зло? И не будет ли быстрота ощущения неудобством для существа, которое должно лежать все время там, куда его однажды привел случай, и воспринимать приток более холодной или более теплой, чистой или грязной воды, как она случайно доходит до него?

14. И все-таки я не могу не признать за ними слабой,

==197

притупленной способности восприятия, которая отличает их от совершенно бесчувственных [предметов]. Очевидные доказательства этого имеются даже у самих людей. Возьмите человека, в котором старческая дряхлость изгладила память о его прежнем знании, совершенно вычеркнула все наполнявшие прежде его душу идеи, а полное расстройство зрения, слуха и обоняния, как и значительное ослабление вкуса, почти полностью закрыло доступ новым идеям; и если даже некоторые входы еще полуоткрыты, то впечатления едва воспринимаются или вовсе не удерживаются. Предоставляю другим исследовать, насколько такой человек (несмотря на все

Локк Джон Опыт о человеческом разуме. Книга 2 filosoff.org (восхваление врожденных принципов) стоит выше улитки или устрицы по своим знаниям и умственным способностям. А если человек проживет в таком положении шестьдесят лет (которые он может прожить так же легко, как и три дня), то я хотел бы знать, какая разница в интеллектуальном уровне между ним и самым низшим животным.

15. Восприятие – путь к познанию. Следовательно, восприятие – первый шаг и первая ступень к знанию, путь для всего его материала. И поэтому, чем меньше чувств у человека или другого существа, чем малочисленное и бледнее произведенные посредством их впечатления, чем слабее применяемые к впечатлениям способности, тем дальше они от познания, которое можно найти у некоторых людей. Но при большой разнообразии здесь в ступенях (как это можно заметить среди людей) это нельзя обнаружить с достоверностью в различных видах животных, а еще меньше у отдельных их особей. Здесь для меня достаточно отметить, что восприятие – первое действие всех наших умственных способностей и путь, которым все наше знание входит в наш ум. И я также склонен думать, что именно восприятие на самой низшей его ступени создает границу между животными и низшими разрядами живых существ. Но я высказываю это между прочим, только как свое предположение, оценка которого учеными для рассматриваемого вопроса безразлична.

Глава десятая ОБ УДЕРЖАНИИ [ПРОСТЫХ ИДЕЙ]

1. Созерцание. Следующая умственная способность, при помощи которой ум делает дальнейший шаг к знанию, – это то, что я называю удержанием, или сохране-

==198

нием, простых идей, полученных от ощущения или рефлексии. Оно происходит двумя путями. Первый путь – удержание в течение некоторого времени в поле зрения ума проникшей в него идеи – называется созерцанием.

2. Память. Другой путь удержания есть способность восстанавливать в нашем уме идеи, которые после своего запечатления исчезли или как бы были отложены, скрывшись из виду. Так мы делаем, когда представляем себе тепло или свет, желтое или сладкое в то время, как объект удален. Это память, так сказать, кладовая наших идей. Так как ограниченный человеческий ум не в состоянии обзреть и рассматривать сразу много идей, то необходимо было иметь склад для идей, которыми можно было бы пользоваться в другое время. Но так как наши идеи – это только наличные восприятия в уме, которые перестают быть чем бы то ни было, когда их не воспринимают, то это откладывание наших идей в кладовой памяти означает только то, что во многих случаях ум обладает способностью восстанавливать восприятия, однажды бывшие в нем, с присоединением к ним добавочного восприятия, что он их раньше имел. В этом смысле говорят, что наши идеи находятся в памяти, между тем как на деле они нигде не находятся, но только ум обладает способностью восстанавливать их, когда захочет, и, так сказать, заново рисовать их в себе, одни с большим, другие с меньшим напряжением, одни более живо, другие более смутно. Благодаря этой способности про нас говорят, что мы имеем в разуме все те идеи, которые хотя и не созерцаем в данный момент, но можем представить нашему взору, заставить снова явиться и стать объектами нашего мышления без помощи тех чувственных качеств, которые впервые запечатлели их в уме.

3. Внимание, повторение, удовольствие и страдание закрепляют идеи. Внимание и повторение много способствуют закреплению идей в памяти, но самое глубокое и прочное впечатление, естественно, производят с самого начала те идеи, которые сопровождаются удовольствием или страданием. Так как важнейшая задача чувств заключается в обращении нашего внимания на все вредное или полезное для тела, то (как было показано выше) природою устроено мудро, что восприятие многих идей сопровождается страданием. Заменяя детям размышление и рассудительность и действуя у взрослых быстрее, чем размышление, страдание заставляет молодых и старых избегать объектов, вызывающих боль, с необходимой для

==199

самосохранения поспешностью, и у тех и у других закрепляет в памяти осмотрительность на будущее время.

4. Идеи блекнут в памяти. Что касается различных степеней прочности, с которой идеи запечатлеваются в памяти, мы можем заметить, что одни идеи были вызваны в

Локк Джон Опыт о человеческом разуме. Книга 2 filosoff.org
разуме объектом, действовавшим на наши чувства только раз, не больше; на другие, хотя они больше одного раза представлялись чувствам, все же обращалось мало внимания, потому что ум невнимательный, как у детей, или занятый другим делом, как у взрослых, направляющих свое внимание только на что-то одно, неглубоко воспринимает в себя отпечаток; у некоторых, у кого идеи тщательно восприняты, а впечатления повторяются, память очень слаба или вследствие особенностей их организма, или из-за какого-нибудь другого недостатка. Во всех этих случаях идеи быстро блекнут в уме и часто совершенно исчезают из разума, оставляя по себе так же мало следов или знаков, как пробегающие по нивам тени. Ум тогда лишен идей, как будто никогда и не имел их.

5. Таким образом, многие идеи, проникшие в ум детей, когда они только начали испытывать ощущения (иные из них, как идеи некоторых удовольствий и страданий), появились у детей, вероятно, до рождения, а другие – в младенческом возрасте), совершенно теряются, не оставляя ни малейших следов, если не повторяются в течение ~ последующей жизни. Это можно заметить у людей, которые по какому-нибудь несчастному случаю потеряли зрение в ранней молодости. Идеи цветов, которые были слабо закреплены и более не повторяются, совершенно исчезают, так что через несколько лет у них нет никакого понятия и памяти о цветах, так же как у слепорожденных. Правда, у некоторых людей память очень цепкая, почти чудо. И все же существует, по-видимому, постоянное угасание всех наших идей, даже всего глубже запечатленных, даже у людей с самой лучшей памятью. Так что если идеи время от времени не возобновляются повторным упражнением чувств или размышлением об объектах, впервые их вызвавших, то отпечаток стирается и в конце концов от него ничего не остается. Так, идеи, полученные нами в молодости, так же как и дети, умирают часто раньше нас. Наши умы подобны могилам, к которым мы все время приближаемся: бронза и мрамор хотя и остаются на них, но надписи стираются от времени и изображение разрушается. Картины в нашем уме нарисованы блекну-

==200

щими красками: если их время от времени не освежать, они стираются и исчезают. Я не буду здесь исследовать, в какой мере на это влияют сложение нашего тела и состояние наших жизненных духов и свойствами ли мозга определяется то различие, что у одних мозг удерживает нарисованные в нем знаки, точно мрамор, у других – точно камень-песчаник, а у третьих – немного лучше песка. Весьма вероятно, впрочем, что строение тела иногда влияет на память: мы часто наблюдаем, что болезнь совершенно вытесняет из ума все его идеи, что лихорадочный жар в несколько дней превращает в пыль и хаос все те образы, которые казались такими прочными, как если бы они были вырезаны на мраморе.

6. Постоянно повторяющиеся идеи едва ли могут быть потеряны. Что касается самих идей, то легко заметить, что лучше всего закрепляются в памяти и остаются в ней всего яснее и дольше те идеи, которые чаще всего освежаются постоянным возвращением вызывающих их объектов или действий (к ним принадлежат идеи, проникающие в ум более чем одним путем). Таковы поэтому идеи первоначальных качеств тел, т. е. плотность, протяженность, форма, движение и покой, затем идеи, почти постоянно действующие на наше тело, как тепло и холод, и, наконец, идеи, которые являются свойствами всех видов существ, как-то: существование, продолжительность и число, которые приносит с собой почти каждый действующий на наши чувства объект, почти каждая мысль, занимающая наш ум. Указанные и подобные идеи, повторяю, редко бывают полностью утеряны, пока ум вообще удерживает какие-либо идеи.

7. При воспоминании ум часто активен. При этом вторичном восприятии, как можно назвать его, или повторном рассматривании запечатленных в памяти идей, ум бывает часто не совсем пассивным, потому что появление этих дремлющих картин иногда зависит от воли. Очень часто ум сам предпринимает поиски некоторых скрытых идей и устремляет на них, так сказать, взор души, хотя иногда они и сами по себе являются в нашем уме и представляют себя разуму; очень часто они пробуждаются и выталкиваются из своих мрачных келий на дневной свет бурными и сильными страстями, так как наши душевные движения оживляют в памяти идеи, которые без этого лежали бы спокойно, не привлекая внимания. Далее, относительно идей, запечатленных в памяти и восстанавливаемых при случае умом, нужно заметить не только, что

==201

они, идеи, не новые (как показывает слово <восстанавливать>), но и что ум принимает их за прежние впечатления и возобновляет свое знакомство с ними как с идеями, известными ему раньше. Так что, хотя запечатленные раньше идеи не все находятся в поле зрения постоянно, в воспоминании они всегда признаются за такие, какими были раньше запечатлены, т. е. за ранее созерцавшиеся и замеченные разумом.

8. Два недостатка в памяти – забвение и медленность. Память разумному существу необходима почти в такой же степени, как восприятие. Она настолько важна, что там, где ее нет, все остальные наши способности в значительной мере бесполезны. В своем мышлении, рассуждении и познании мы не могли бы идти далее предлежащих нам объектов, если бы не помощь нашей памяти, в которой могут быть два недостатка.

Во-первых, она может совершенно терять идею и поэтому быть причиной полного незнания, ибо мы можем знать лишь то, идею чего мы имеем, а когда она исчезает, мы находимся в полном невежестве.

Во-вторых, она может двигаться медленно и не находить своих имеющих в кладовой идей с быстротой, достаточной для использования их умом при случае. Если это достигает значительной степени, то это глупость, и кто вследствие такого недостатка своей памяти не имеет у себя под рукой действительно хранящихся в памяти идей, когда они требуются необходимостью и обстоятельствами, тому почти так же хорошо жилось бы и совсем без них, потому что они приносят ему мало пользы. Человек тупой, упускающий благоприятный случай, пока ищет в своем уме нужные для себя идеи, не намного счастливее от своего знания; чем круглый невежда. Стало быть, дело памяти – доставлять уму те заснувшие идеи, в которых он в данный момент нуждается; иметь их наготове, под-рукою при всех случаях – значит обладать тем, что мы называем изобретательностью, воображением и живостью ума.

9. Упомянутые недостатки мы можем заметить, когда сравниваем память разных людей. Имеется еще один недостаток, который мы можем усмотреть в человеческой памяти вообще, если сравнить человека с высшими сотворенными разумными существами, которые могут настолько превосходить людей этой способностью, что способны постоянно иметь перед собой всю картину своей прежней деятельности и ни одна их прежняя мысль нико-

==202

гда не ускользнет от их взора. Всеведение бога, знающего все: прошедшее, настоящее и будущее, для которого всегда открыты помышления человеческих сердец, может убедить нас в возможности этого. Кто может усомниться в возможности для бога передать чудесным духам, своим непосредственным служителям, свои совершенства в такой степени, какая ему будет угодна и какую сотворенные и конечные существа способны воспринять! Об одном человеке, удивительном по своим дарованиям, – о господине Паскале – рассказывают, что до того времени, как упадок здоровья повредил его память, он не забывал ничего из того, что сделал, прочел или обдумал когда-нибудь в разумном возрасте. Это преимущество так мало знакомо большинству людей, меряющих других по себе, что кажется им почти невероятным; но все же, если подумать, оно поможет нам расширить наше понятие о больших совершенствах памяти в духах высшего порядка, ибо память господина Паскаля обладала узостью, которой ограничены в этом мире человеческие умы и которая заключается в том, что великое множество разных идей она может иметь только в последовательности, а не все одновременно. Между тем различные чины ангелов могут, вероятно, иметь более широкое поле зрения, а некоторые из них одарены способностью удерживать вместе и постоянно иметь перед собой сразу, точно на одной картине, все свое прошлое знание. От этого, мы думаем, знание мыслящего человека выиграло бы немало, т. е. если бы с ним всегда могли быть все его прошлые мысли и рассуждения; следовательно, мы должны видеть в этом один из моментов, благодаря которым знание отдельных духов чрезвычайно превосходит наше.

10. Животные имеют память. Эту способность откладывать и удерживать проникшие в ум идеи другие животные имеют, по-видимому, так же как и человек, в значительной степени. Не говоря о других примерах, выучивание птицами песен, наблюдаемое у них старание подбирать верные ноты делают для меня несомненным, что они обладают

Локк Джон Опыт о человеческом разуме. Книга 2 filosoff.org
способностью воспринимать, удерживать идеи в своей памяти и пользоваться ими как образцами. Помоему, невозможно, чтобы они старались сообразовать свои голоса с нотами (что они явно делают), идей которых у них нет. Я, правда, могу согласиться, что звук может механически возбудить известного рода движения жизненных духов в мозгу птиц во время исполнения мелодии, что это движение может передаваться мускулам крыльев

==203

и что птица таким образом может автоматически быть испугнута известным шумом, потому что это может способствовать сохранению птицы. Но никогда нельзя указать причины, почему во время исполнения мелодии и гораздо реже после ее прекращения должно механически возбуждаться такое движение в голосовых органах птицы, что мелодия сообразуется с нотами постороннего звука, подражание которому не может быть полезным для сохранения птицы. Более того, нельзя хотя бы с видимостью основания предполагать (да еще доказывать), что птицы без чувства и памяти могут делать более близкими издаваемые ими звуки (и постепенно все ближе и ближе) к сыгранной вчера мелодии. Если они не имеют никакой идеи мелодии в своей памяти, то она теперь не находится нигде и не может быть у них образцом для подражания, и никакие повторные попытки не приблизят их к ней, ибо невозможно постигнуть, почему звуки волынки должны оставлять в птичьем мозгу следы, способные произвести сходные звуки не сразу, а лишь при последующих стараниях, и невозможно постигнуть, почему производимые самими птицами звуки не оставляют следов, которым бы они подражали точно так же, как звукам волынки.

Глава одиннадцатая О РАЗЛИЧИИ И ДРУГИХ ДЕЙСТВИЯХ УМА (MIND)

1. Нет познания без различения. Другая замечаемая нами в уме способность есть способность различения (*discerning*) и проведения разграничений (*distinguishing*) между разными его идеями. Недостаточно иметь смутное восприятие чего-нибудь вообще: если в уме нет ясного восприятия различных предметов и их качеств, он мало что будет способен познать, даже если бы влияющие на нас тела оказывали на нас такое же действие, как и теперь, и ум постоянно был занят мышлением. От этой способности различения между одной вещью и другой зависят очевидность и достоверность иных даже очень общих положений, которые считались врожденными истинами, потому что, проглядев истинную причину всеобщего согласия с этими положениями, люди приписывали его исключительно одинаковым врожденным отпечаткам; на деле оно зависит от этой ясной способности ума к различению, при помощи которой ум воспринимает две

==204

идеи тождественными или различными. Но об этом подробнее потом.

2. Разница между остроумием и способностью суждения. Я не буду исследовать здесь, насколько несовершенство в точном отличении одних идей от других зависит от тупости или недостатков органов чувств, насколько – от недостатка в остроте, упражнении или внимании разума, насколько – от свойственной некоторым характерам запальчивости и опрометчивости; достаточно отметить, что это различение представляет собой один из видов деятельности, о которых ум может размышлять и которые он может наблюдать в себе. Для остального нашего знания значение его заключается в следующем: в какой мере эта способность сама по себе притуплена или ею пользуются не надлежащим образом для отличия одной вещи от другой, в такой мере наши понятия путаны и наша способность рассуждения и суждения расстроена или введена в заблуждение. Иметь свои идеи в памяти наготове, под рукой – значит обладать живостью ума; не иметь их путанными, быть способным тонко отличать одну вещь от другой везде, где есть хотя бы самая незначительная разница, – значит обладать в значительной мере точностью суждения и ясностью ума, которой одни люди превосходят других. Это, пожалуй, может служить некоторым объяснением того широко наблюдаемого [факта], что люди с большим остроумием и живой памятью не всегда обладают самым ясным суждением и самым глубоким умом. Ибо остроумие заключается главным образом в подборании идей и быстром и разнообразном соединении тех из них, в которых можно найти какое-нибудь сходство или соответствие, чтобы тем самым нарисовать в воображении привлекательные картины и приятные видения. Способность суждения, наоборот, состоит в совершенно другом – в тщательном разъединении идей, в которых можно подметить хотя бы самую незначительную разницу, чтобы тем самым не быть введенным в заблуждение сходством вещей и из-за наличия общих черт не принять одну вещь за другую. Этот

Локк Джон Опыт о человеческом разуме. Книга 2 filosoff.org
образ действия прямо противоположен метафорам и намекам, в которых по большей части заключается занимательность и прелесть остроумия, столь живо действующего на воображение и потому всем столь угодного; ибо красота остроумия понятна с первого взгляда и не надобна работа мысли, чтобы исследовать, какая в нем содержится истина или какой заключен смысл. Ум, не вглядываясь пристальнее, остается довольным при-

==205

ятностью картины и живостью воображения. Было бы своего рода дерзостью взяться за исследование остроумия по строгим правилам истины и здравого смысла, откуда явствует, что оно состоит в чем-то не вполне с ними согласном.

3. Одна только ясность устраняет спутанность. Надлежащему различению наших идей главным образом содействует их ясность и определенность. Когда они таковы, в отношении их не будет допущено никакой путаницы и ошибки, хотя бы чувства (что иногда случается) передавали их от одного и того же объекта в различных случаях различным образом и, казалось бы, таким образом заблуждались; ибо хотя человеку в лихорадке кажется горьким тот самый сахар, который в другое время вызывает в нем вкус сладкого, однако идея горького в его уме так же ясна и отлична от идеи сладкого, как если бы он попробовал одну желчь. То обстоятельство, что один и тот же предмет порождает в одно время одну, а в другое время другую идею вкуса, вызывает путаницу в двух идеях – сладкого и горького – не больше, чем вызывает смешение идей белого и сладкого или белого и круглого то обстоятельство, что один и тот же кусок сахара порождает их в уме в одно и то же время. Идеи оранжевого и лазоревого цвета, которые вызываются в уме одной, той же самой дозой настойки *Lignum Nephriticum* 26, не менее отличны друг от друга, чем идеи тех же самых цветов, вызываемые двумя совершенно различными предметами.

4. Сравнение. Сравнение идей друг с другом в отношении протяженности, степени, времени, места или каких-нибудь других черт есть еще один вид деятельности ума по отношению к своим идеям, от которого зависит весь тот обширный круг идей, который охватывается именем <отношение>. Как широк его объем, я буду иметь случай рассмотреть позже.

5. Животные сравнивают, но недостаточно. Трудно решить, насколько обладают этой способностью животные. На мой взгляд, они обладают ею лишь в незначительной степени, ибо хотя у них некоторые идеи, вероятно, достаточно отчетливы, но все же, мне кажется, одному только человеческому разуму принадлежит способность различать идеи в той мере, которая достаточна для восприятия их как абсолютно разных, т. е. как двух идей, – способность] обдумать и рассмотреть, в каких условиях их можно сравнивать. Вот почему, на мой взгляд, жи-

==206

вотные сравнивают свои идеи только постольку, поскольку они относятся к обстоятельствам, доступным для ощущений и связанным с самими объектами. Другой способности сравнивать, которую можно наблюдать в людях и которая имеет отношение к общим идеям и полезна только для отвлеченных рассуждений, животные, как можно предположить, не имеют.

6. Соединение. Следующий вид деятельности, который мы можем подметить в уме по отношению к своим идеям, есть соединение. Ум сопоставляет некоторые простые идеи, полученные им от ощущения и рефлексии, и соединяет их в сложные идеи. К этому процессу соединения можно отнести также и процесс увеличения (*enlarging*)', хотя соединение. проявляется в нем не так ясно, как в более сложных идеях, тем не менее оно есть сложение различных идей, хотя и одного и того же рода. Так, складывая вместе несколько единиц, мы образуем идею дюжины, а соединяя повторные идеи нескольких пёрчей, мы строим идею ферлонга 27.

7. Животные соединяют [идеи] лишь в незначительной степени. В этом животные, на мой взгляд, также намного отстают от людей, ибо хотя они воспринимают и удерживают вместе некоторые сочетания простых идей (так, внешний облик, запах и голос хозяина составляют, вероятно, сложную идею хозяина у собаки, или, вернее, суть стольких-то отдельных признаков, по которым она узнает его), но я не думаю, чтобы они когда-нибудь сами по себе соединяли их и составляли сложные идеи. И даже там, где мы считаем, что у них имеются сложные идеи, в действительности они, вероятно, имеют только одну простую идею, направляющую их к знанию

Локк Джон Опыт о человеческом разуме. Книга 2 filosoff.org
отдельных вещей, которые они различают своим взором, быть может, менее, чем мы предполагаем. Мне сообщали люди, заслуживающие доверия, что сука будет кормить лисят, играть с ними и любить их так же, как своих щенят, и вместо них, если только вы сумеете сделать так, чтобы они один раз сосали ее столько времени, чтобы ее молоко прошло через их тело. Животные, у которых бывает сразу много детенышей, по-видимому, совсем не знают, сколько их: хотя они сильно беспокоятся о каждом из своих детенышей, которого отнимают у них, если они это видят или слышат, но, если украсть одного или двух в их отсутствие или без шума, они, кажется, не замечают потери и не подозревают уменьшения числа [детенышей].

8. Называние. Закрепив в своей памяти идеи повтор-

==207

ными ощущениями, дети постепенно начинают учиться употреблению знаков. Развив в себе способность пользоваться органами речи для произнесения членораздельных звуков, они начинают пользоваться словами для сообщения своих идей другим. Эти словесные знаки дети иногда заимствуют у других, а иногда создают сами, что можно заметить по тем новым и необычным названиям, которые часто дают дети вещам, впервые пользуясь речью.

9. Абстрагирование. Так как слова употребляются как внешние знаки наших внутренних идей, а идеи эти получаются от отдельных вещей, то число имен было бы бесконечно, если бы каждая приобретаемая нами отдельная идея имела свое особое название. Чтобы предотвратить это, ум обобщает отдельные идеи, полученные от отдельных объектов, рассматривая их так, как они являются в уме, в обобщении от всего остального сущего и от условий реального существования, таких, как время, место или другие сопутствующие идеи. Это и называется абстрагированием, при помощи которого получаемые от отдельных вещей идеи становятся общими представителями всех предметов одного и того же рода, а их имена - общими именами, применимыми ко всему, что только соответствует таким отвлеченным идеям. Такие точно определенные голые образы в уме, без внимания к тому, как, откуда и с какими другими пришли они сюда, разум откладывает (с названиями, обычно соединенными с ними) как образцы для распределения по разрядам реальных предметов в соответствии с этими моделями и для подходящего их наименования. Например, замечая сегодня в меле или снеге тот же самый цвет, который ум вчера получил от молока, он рассматривает его отдельно от других явлений, делает его представителем всего этого рода явлений и, дав ему имя <белизна>, обозначает этим звуком одно и то же качество везде, где его предполагает или встречает. Таким путем образуются общие понятия, как идеи, так и термины.

10. Животные не абстрагируют. Если можно сомневаться в том, соединяют ли и расширяют ли в какой-нибудь степени животные свои идеи указанным мною путем, то я могу с уверенностью утверждать, что способности абстрагирования вообще нет у животных и что обладание общими идеями есть то, что совершенно отличает человека от животного, есть превосходство, которого никоим образом не достигают способности животных. Ибо ясно, что мы не видим у них никаких следов пользовани

==208

общими знаками для всеобщих идей; отсюда мы имеем право предполагать, что они не имеют способности абстрагировать или образовывать общие идеи, ибо не употребляют слов или каких-либо других общих знаков.

11. То, что животные не употребляют и не знают общих слов, нельзя приписывать отсутствию у них соответствующих органов, способных произносить членораздельные звуки: ведь мы знаем, что многие животные могут производить такие звуки и произносить слова довольно внятно, но никогда не употребляют их так, как люди. С другой стороны, люди, которые вследствие какого-нибудь органического недостатка не произносят слов, тем не менее не лишены способности выражать свои общие идеи знаками, служащими им вместо общих слов; животные, как мы видим, не обладают такой способностью. Следовательно, полагаю, в этом отличие животных как вида от человека; в этом и состоит, собственно, та разница, которая совершенно разделяет их и в конце концов увеличивается до таких огромных размеров. Ибо если у животных есть вообще идеи и если они не простые механизмы (какими их некоторые считают), то мы не можем отрицать у них известной доли разума. Для меня очевидно, что некоторые из животных в некоторых случаях обнаруживают разум, как они обнаруживают и чувство, но только по отношению к отдельным идеям, полученным

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
именно от своих чувств. Даже самые высшие животные втиснуты в эти узкие границы и не имеют, на мой взгляд, способности расширять их каким бы то ни было абстрагированием.

12. Идиоты и сумасшедшие. Насколько идиотизм зависит от отсутствия или слабости некоторых или всех вышеупомянутых способностей, это, без сомнения, обнаружили бы точные наблюдения над- различными сторонами ущербности [сумасшедших и идиотов], ибо мало материала для мышления бывает у тех, кто воспринимает смутно, а удерживает проникающие в его ум идеи плохо, кто не может быстро вызывать или соединять их. Те, кто не может различать, сравнивать и абстрагировать, едва ли будут в состоянии понимать и пользоваться речью или сколько-нибудь удовлетворительно судить или рассуждать; они могут только немного и несовершенно понимать вещи, имеющиеся налицо и особенно привычные их чувствам. И действительно, отсутствие или расстройство любой из вышеупомянутых способностей вызывает соответствующие недостатки в разуме и знаниях людей.

==209

13. Словом, дефективность у идиотов от рождения проистекает, по-видимому, от отсутствия живости, активности и подвижности умственных способностей, что лишает их способности к рассуждению. Сумасшедшие, с другой стороны, страдают, по-видимому, от другой крайности, ибо, на мой взгляд, они не потеряли способности рассуждать, но, соединив некоторые идеи совершенно неверно, они ошибочно принимают их за истины и заблуждаются, подобно людям, которые рассуждают верно, но исходят из ложных принципов. Силой своего воображения приняв собственные фантазии за реальности, они делают из них верные выводы. Так, вы можете встретить обезумевшего человека, который, воображая себя королем, совершенно последовательно требует для себя соответствующего прислуживания, почтения и повиновения; Другие, которые считают себя стеклянными, принимают все предосторожности, необходимые для сохранения таких хрупких тел. Потому и случается, что человек, очень трезвый и здравомыслящий во всех других отношениях, в чем-нибудь одном может быть таким же неистовым, как и обитатель Бедлама 28, если вследствие неожиданного и чрезвычайно сильного впечатления или продолжительного сосредоточения своего воображения на одного рода мыслях в его уме несвязные идеи скрепляются вместе так прочно, что остаются соединенными. Но у сумасшествия, как и у слабоумия, есть степени; беспорядочная путаница идей у одних сильнее, у других слабее. Короче, разница между идиотами и сумасшедшими состоит, по-видимому, в том, что сумасшедшие неверно соединяют идеи и таким образом составляют неверные положения, но, исходя из них, верно доказывают и рассуждают; идиоты же составляют очень мало положений или совсем не составляют их и вообще едва ли рассуждают.

14. Метод. Вот, на мой взгляд, первые способности и виды деятельности ума, которые он использует при разумении вещей. Хотя они применяются ко всем его идеям вообще, примеры, которые я приводил до сих пор, относились главным образом к простым идеям. Я присовокупил объяснение этих способностей ума к объяснению простых идей, прежде чем приступить к рассмотрению сложных идей, по следующим соображениям: во-первых, так как некоторые из этих способностей применяются сначала главным образом к простым идеям, то, следуя за природой в ее обычном методе, мы можем

==210

проследить и обнаружить их возникновение, развитие и постепенное совершенствование; во-вторых, наблюдая за тем, как действуют способности ума в отношении простых идей, которые у большинства людей обычно яснее, точнее и отчетливее сложных, мы можем лучше исследовать и изучить, каким образом ум абстрагирует, называет, сравнивает и развивает другие виды своей деятельности в отношении идей сложных, где мы гораздо более подвержены заблуждениям; в-третьих, эти виды деятельности ума в отношении полученных от ощущения идей, когда о них размышляют, сами являются другим рядом идей, происшедшим от того другого источника нашего знания, который я называю рефлексией, и, следовательно, уместно рассмотреть их здесь вслед за простыми идеями ощущения. Соединения, сравнения, абстрагирования и т. п. я касался теперь только слегка, имея случай потолковать о них обстоятельнее в других местах .

15. Это начало человеческого знания. Таким образом, я дал краткую и, надеюсь, верную историю первых начал человеческого знания и показал, откуда ум получает

Локк Джон Опыт о человеческом разуме. Книга 2 filosoff.org
свои первые объекты и какими путями он постепенно приходит к накоплению тех идей, из которых должно строиться все то знание, к которому он способен. В том, прав ли я, я призываю в свидетели опыт и наблюдение, ибо лучший способ прийти к истине – это изучать вещи, как они есть в действительности, а не решать, что они таковы, как мы их воображаем себе сами или как нас научили воображать их другие.

16. Обращение к опыту. Сказать правду, это единственный, какой я сумел открыть, путь, которым идеи вещей проникают в разум. Если у других есть врожденные идеи или внушенные их уму принципы, то они могут пользоваться ими. И если они уверены в них, то другие не могут отрицать у них преимущество, которое они имеют перед своими соседями. Я могу говорить только о том, что я нахожу в себе самом и что согласуется с теми понятиями, которые зависят, по-видимому, от изложенных мною оснований и соответствуют этому [эмпирическому] методу во всех его частях и степенях, если мы исследуем весь ход жизни людей различных стран, разного возраста и образования.

17. Темная камера. Я хочу не учить, а исследовать и поэтому не могу не признать здесь снова, что внешнее и внутреннее ощущения являются единственными путями

==211

знания к разуму, которые я могу обнаружить. Насколько я могу открыть, это единственные окна, через которые свет проникает в эту темную комнату, ибо, на мой взгляд, разум очень похож на камеру, совершенно закрытую для света, с одним только небольшим отверстием, оставленным для того, чтобы впускать видимые подобия, или идеи, внешних вещей. И если бы только проникающие в такую темную комнату образы могли оставаться там и лежать в таком порядке, чтобы в случае необходимости их можно было найти, то это было бы очень похоже на человеческий разум в его отношении ко всем зримым объектам и их идеям.

Таковы мои предположения о способах, при помощи которых разум получает и удерживает простые идеи и их модусы вместе с некоторыми видами деятельности по отношению к ним. Я перехожу теперь к немного более подробному рассмотрению некоторых из этих простых идей и их модусов.

Глава двенадцатая О СЛОЖНЫХ ИДЕЯХ

1. Их образует ум из простых идей. До сих пор мы рассматривали идеи, при восприятии которых ум бывает только пассивным. Это простые идеи, получаемые от вышеуказанных ощущения или рефлексии. Ум не может создать себе ни одной из таких идей и не может иметь ни одной идеи, которая бы не состояла всецело из них. Но ум, будучи совершенно пассивным при восприятии всех своих простых идей, производит некоторые собственные действия, при помощи которых из его простых идей как материала и основания для остального строятся другие. Действия, в которых ум проявляет свои способности в отношении своих простых идей, 'суть главным образом следующие три: 1) соединение нескольких простых идей в одну сложную; так образуются все сложные идеи; 2) сведение вместе двух идей, все равно, простых или сложных, и сопоставление их друг с другом так, чтобы обозревать их сразу, но не соединять в одну; так ум приобретает все свои идеи отношений; 3) обособление идей от всех других идей, сопутствующих им в их реальной действительности; это действие называется абстрагированием, и при его помощи образованы все общие идеи в уме. Это показывает, что способности человека и образ их действия почти одинаковы в материальном и интеллектуальном

==212

мире. Так как материалы в том и другом мире таковы, что не во власти человека их создавать или уничтожить, все, что он может делать, – это или соединять их вместе, или сопоставлять их друг с другом, или совершенно отделять их.

При рассмотрении сложных идей я начну здесь с первого из этих действий и на должном месте перейду к двум другим. Так как простые идеи, как показывают наблюдения, существуют соединенными в различных сочетаниях, ум обладает способностью рассматривать несколько соединенных вместе идей как одну идею, и не только как они соединены во внешних объектах, но и как он сам связывает их. Идеи, образованные таким образом из соединения нескольких простых идей, я называю сложными; таковы красота, благодарность, человек, войско, вселенная.

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
Хотя эти идеи сложены из различных простых идей или из сложных идей, составленных из простых, ум при желании может рассматривать каждую отдельно как нечто совершенно целое и обозначать одним именем.

2. Они образованы произвольно. Благодаря этой способности повторения и соединения своих идей ум имеет большие возможности разнообразить и умножать объекты своего мышления, бесконечно увеличивая то, что ему доставили ощущение или рефлексия. И тем не менее все это не выходит за пределы тех простых идей, которые ум получил из этих двух источников и которые представляют собой первичные материалы всех его соединений, ибо все простые идеи получены от самих вещей; и от них ум может иметь не больше того и только то, что ему навязывают. Он не может иметь других идей чувственных качеств, кроме тех, которые доставляются извне чувствами, или каких-либо идей другого рода действий мыслящей субстанции, кроме тех, которые находит в самом себе; но, однажды приобретя эти простые идеи, он уже не ограничивается больше простым наблюдением и тем, что предоставляется ему извне, а может собственной силой соединять свои идеи и образовывать новые, сложные, которые он никогда не получал соединенными таким именно образом.

3. Они есть или модусы, или субстанции, или отношения. Сколько бы ни складывали и ни разъединяли сложные идеи, как бы ни было бесконечно их число и беспредельно то разнообразие, с которым они заполняют и занимают человеческую мысль, я все-таки считаю воз-

==213

можным свести их к следующим трем разрядам: 1) модусы; 2) субстанции; 3) отношения.

4. Модусы. Во-первых, модусами я называю такие сложные идеи, которые, как бы они ни были соединены, не имеют в себе предпосылки самостоятельности их существования, а считаются либо зависимыми от субстанций, либо свойствами последних. Таковы идеи, обозначаемые словами <треугольник>, <благодарность>, <убийство> и др. Если я употребляю здесь слово <модус> в несколько необычном значении, я прошу прощения. Но в рассуждениях, расходящихся с общепринятыми взглядами, неизбежно или образование новых слов, или употребление старых в несколько новом значении; последний прием в данном случае, быть может, более подходящий.

5. Простые и смешанные модусы. Два вида этих модусов заслуживают особого рассмотрения. Во-первых, некоторые модусы суть только разновидности или различные сочетания одной и той же простой идеи, без примеси другой какой-нибудь идеи, например дюжина или двадцатка, которые представляют собой не что иное, как идеи стольких-то отдельных единиц, соединенных вместе; я называю [такие идеи] простыми модусами, потому что они содержатся в пределах одной только простой идеи. Во-вторых, другие составлены из простых идей разных видов, соединенных для образования одной сложной идеи; например, красота, которая состоит в известном сочетании окраски и формы, вызывающем восхищение у зрителя, или воровство, которое состоит в тайной перемене владения вещью без согласия владельца и представляет, очевидно, сочетание нескольких идей различных видов; такие модусы я называю смешанными модусами.

6. Субстанции единичные и собирательные. Во-вторых, идеи субстанций есть такие сочетания простых идей, относительно которых считают, что они представляют собой различные отдельные вещи, существующие самостоятельно, и в которых всегда первой и главной бывает предполагаемая или неясная идея субстанции как таковой. Таким образом, если к субстанции присоединится простая идея некоего беловатого цвета, а также определенного веса, твердости, ковкости и плавкости, то мы получаем идею свинца; присоединенное к субстанции сочетание идей определенной формы вместе со способностью движения, мышления и рассуждения образует обычную идею человека. А идей субстанции также бывает два вида: идеи простых субстанций, существующих отдельно, напри-

==214

мер идеи человека или овцы, и идеи нескольких таких субстанций, соединенных вместе, например армия людей или стадо овец; при соединении таких собирательных идей нескольких субстанций каждая из них такая же единичная идея, как и идея

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
человека или единицы.

7. Отношение. В-третьих, последний разряд сложных идей составляет то, что мы называем отношением, которое состоит в рассмотрении и сопоставлении одной идеи с другой. О различных видах идей [отношения] мы поговорим, когда до них дойдет очередь .

8. Самые трудные для понимания идеи происходят от двух указанных источников. Если мы проследим развитие нашего ума и посмотрим внимательно, как он повторяет, складывает и соединяет свои простые идеи, полученные от ощущения или рефлексии, то это заведет нас дальше, чем может нам казаться с первого взгляда. Я полагаю, если внимательно наблюдать за происхождением наших понятий, то мы обнаружим, что даже самые темные идеи, какими бы далекими от чувства или от какого-нибудь действия нашего ума они ни казались, являются только такими, какими их строит для себя разум посредством повторения и соединения идей, полученных им или от объектов чувства, или от своих собственных действий в отношении их; так что даже самые широкие и отвлеченные идеи происходят от ощущения или рефлексии, будучи только тем, что ум может достигать и достигает обычным применением своих способностей в отношении идей, полученных от объектов чувства или от наблюдаемых в себе действий в отношении их. Я постараюсь показать это на наших идеях пространства, времени, бесконечности и некоторых других, как будто всего дальше отстоящих от указанных источников.

Глава тринадцатая О ПРОСТЫХ МОДУСАХ, И ПРЕЖДЕ ВСЕГО О ПРОСТЫХ МОДУСАХ
ПРОСТРАНСТВА

1. Простые модусы. Хотя я часто говорил в предыдущем изложении о простых идеях, которые являются на деле материалом всего нашего знания, но там я рассуждал о них больше в отношении того, как они приходят в ум, чем как они отличаются от других, более сложных идей, и потому, быть может, будет не бесполезно подвергнуть их новому рассмотрению с этой точки зрения и изучить

==215

различные модификации одной и той же идеи, которые ум или находит существующими в вещах, или в состоянии образовать внутри себя без какой-либо помощи внешнего объекта, без всякого чужого влияния.

Эти модификации какой-нибудь одной простой идеи (которые, как уже было сказано, я называю простыми модусами) суть такие же совершенно различные и отдельные идеи в уме, как идеи, в высшей степени отдаленные друг от друга или противоположные друг другу. Ибо идея двойки так же отлична от идеи единицы, как синева от теплоты или как каждое из них от любого числа, и все-таки она составлена только из повторения этой простой идеи единицы. Такого рода повторения, соединенные вместе, образуют отличные друг от друга простые модусы дюжины, гросса 31, миллиона.

2. Идея пространства. Я начну с простой идеи пространства. Я показал выше (глава 4), что мы, приобретаем идею пространства и зрением и осязанием. По-моему, это до такой степени очевидно, что доказывать, что люди своим зрением замечают расстояние между предметами различной окраски или между частями одного и того же предмета, так же излишне, как доказывать, что они видят сами цвета. Не менее очевидно и то, что они могут воспринимать пространство в темноте путем касания и ощупывания.

3. Пространство и протяженность. Когда это пространство рассматривают только как линию между двумя вещами, не принимая во внимание ничего другого между ними, то его называют расстоянием; если его рассматривают по длине, ширине и толщине, можно, я думаю, назвать его объемом. Термин <протяженность> обычно применяют к пространству, рассматриваемому любым образом.

4. Необъятность. Каждое отдельное расстояние есть особая модификация пространства, и каждая идея любого отдельного расстояния или пространства есть простой модус этой идеи. Для целей практики и благодаря привычке мерить люди в своих умах закрепляют идеи известных установленных мер длины, как дюйм, фут, ярд, сажень, миля, диаметр Земли и т. д., которые представляют собой отдельные идеи, образованные только из идеи пространства. Когда такие установленные меры длины или меры пространства становятся привычными для мысли людей, они могут г их

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
повторять в уме сколько угодно раз, не смешивая с ними и не присоединяя к ним идеи

==216

тела или чего-нибудь иного, а также образовывать идеи линейных, квадратных или кубических футов, ярдов или сажен здесь, среди предметов вселенной, или за крайними пределами всяких тел; а прибавляя все время одну идею к другой, они свою идею пространства могут расширить ->сколько им угодно. Эта способность повторять или удваивать любую нашу идею любого расстояния и прибавлять ее к прежней сколько угодно раз и никогда не быть в состоянии прийти к какой-либо остановке или границе позволяет нам расширять ее сколько угодно и есть то, что дает нам идею необъятности.

5. [Геометрическая] форма (figure) - еще одна модификация этой идеи. Она есть не что иное, как отношение между частями конечной протяженности, или ограниченного пространства. Прикосновение обнаруживает его в поддающихся чувственному восприятию телах, грани которых становятся доступными нашему осязанию. Глаз получает его и от тел, и от цветов, границы которых находятся в поле его зрения. Наблюдая, каким образом ограничиваются сами ограничивающие их поверхности - прямыми линиями, которые встречаются под легко различимыми углами, или кривыми, у которых нельзя обнаружить никаких углов, и рассматривая ограничивающие линии в отношении друг к другу во всех частях внешней поверхности любого предмета или ограниченного пространства, мы получаем идею, которую называем формой и которая доставляет уму бесконечное разнообразие своих разновидностей, ибо кроме огромного числа различных форм, реально существующих в сцепленных массах материи, ум благодаря своей способности изменять идею пространства и образовывать все новые соединения через повторение и сочетание своих идей по своему усмотрению имеет совершенно неисчерпаемый запас форм и может умножать число их in infinitum 32.

6. Ум обладает способностью повторять идею любой длины, идущей по прямому направлению, и присоединять ее к другой, идущей в том же самом направлении, что приводит к удвоению длины этой прямой, или придавать ей любой, какой ему заблагорассудится, наклон, образуя тем самым какой ему угодно угол. Будучи в состоянии также уменьшать любые воображаемые линии, отнимая у них половину, четверть или какую угодно другую часть, и не будучи в состоянии прийти к концу при таком делении, ум может построить угол какой угодно величины и придать линиям, составляющим его стороны, какую угодно

==217

длину. А присоединяя их вновь к другим линиям различной длины под различным углом, пока они не ограничат пространства со всех сторон, ум, очевидно, может умножать in infinitum число форм как по их очертаниям, так и по их объему. И все они представляют собой лишь множество различных простых модусов пространства.

То же самое, что с прямыми, можно сделать и с кривыми линиями или с кривыми и прямыми вместе. То же самое, что с линиями, можно сделать и с поверхностями. Это может привести нас к дальнейшим размышлениям о бесконечном разнообразии форм, которые способен образовать ум, умножая через это простые модусы пространства.

7. Место. Другую идею, принадлежащую к этому классу и разряду, мы называем местом. Как в простом пространстве мы рассматриваем отношения расстояния между любыми двумя телами или точками, так в нашей идее места мы рассматриваем отношение расстояния между какой-нибудь вещью и двумя или большим числом точек, которые рассматриваются как сохраняющие одно и то же расстояние друг от друга и притом как находящиеся в состоянии покоя. Если мы сегодня находим какую-нибудь вещь на том же самом расстоянии, что и вчера, от двух или большего числа точек, которые не переменили с тех пор своего расстояния друг от друга и с которыми мы ее тогда соотносили, то мы говорим, что вещь осталась на том же самом месте. Если она заметно изменила свое расстояние от какой-нибудь из этих точек, мы говорим, что вещь переменила свое место. Впрочем, говоря обыденным языком, при обычном понимании места, мы не всегда точно замечаем расстояние вещи от определенных точек, а замечаем его от значительных по размерам частей объектов, доступных чувственному восприятию; мы считаем, что занимающая данное место вещь соотносится с ними, и имеем какое-либо основание замечать ее расстояние от них.

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org

8. Так, мы говорим, что шахматные фигуры остались все на своем месте, или не были сдвинуты с места, если мы находим их на тех же квадратах шахматной доски, где мы их оставили, хотя, быть может, шахматную доску тем временем перенесли из одной комнаты в другую, потому что мы сопоставляем их только с частями шахматной доски, сохраняющими одно и то же расстояние друг от друга. Точно так же говорим мы про шахматную доску, что она на своем прежнем месте, если она остается в том же месте каюты, хотя, быть может, корабль,

==218

в котором она находится, плывет все это время. И про корабль говорят, что он на своем прежнем месте, имея в виду, что он сохраняет одно и то же расстояние от частей прилегающего берега, хотя, быть может, земля повернулась кругом и, таким образом, и шахматные фигуры, и доска, и корабль переменили свои места по отношению к более отдаленным телам, сохранившим свое расстояние друг от друга. Но так как расстоянием от известных частей доски определяется место шахматных фигур, расстоянием от известных частей каюты (с которыми мы производим сопоставление) определяется место шахматной доски, а расстоянием от известных частей Земли определяется место корабля, то по отношению их друг к другу можно сказать вполне точно, что вещи на своем прежнем месте, хотя в отношении других вещей они, несомненно, переменили свое место, если изменилось их расстояние от этих других вещей, которых мы не принимали во внимание в этом случае. И мы сами будем так думать, когда у нас будет случай сравнить их с этими другими вещами.

9. Но так как та модификация расстояния, которую мы называем местом, придумана людьми для общей своей пользы, чтобы при его помощи быть в состоянии обозначать особенное положение вещей там, где есть необходимость в таком обозначении, то люди рассматривают и определяют место в отношении к тем близлежащим вещам, которые всего лучше могут служить их настоящим целям, не принимая во внимание другие вещи, которые для других целей лучше определили бы место той же самой вещи. Так, на шахматной доске обозначение места каждой фигуры определяется исключительно в пределах расчерченной в клетку деревянной доски; этой цели противоречило бы определение места фигур каким-либо иным способом. Но если эти самые шахматные фигуры сложат в мешочек и кто-нибудь спросит, где черный король, то будет правильным определить его место указанием на ту часть комнаты, в которой он находится, а не на отношение к шахматной доске, потому что обозначение места, где король теперь находится, происходит для другой цели, чем тогда, когда он в игре стоял на доске, и, стало быть, должно определяться через положение иных тел. Так, если кто-нибудь спросит, где те стихи, которые рассказывают об истории Низа и Эвриала, то очень некстати будет определить место указанием на то, что стихи находятся в такой-то части Земли или в библиотеке Бодлея 33. Надлежащим обозначением

==219

места будет указание на части сочинений Вергилия, а настоящий ответ будет, что эти стихи находятся почти в середине девятой книги <Энеиды> Вергилия и что они были все время на одном и том же месте, с тех пор как Вергилий был напечатан. И это будет верно, хотя сама книга перемещалась тысячу раз, ибо в данном случае польза от идеи места состоит лишь в том, чтобы узнать, в какой части книги находится эта история, так чтобы в случае нужды мы знали, где найти ее, и могли к ней обратиться.

10. Надеюсь, теперь ясно, что наша идея места есть только относительное положение какой-нибудь вещи, как я упоминал выше. С этим легко согласиться, если подумать, что мы не можем иметь идею места вселенной, хотя можем иметь идею места всех ее частей; ибо, кроме этого, у нас нет идеи каких-либо определенных, различных, отдельно взятых вещей, относительно которых, как мы могли бы себе представить, вселенная находилась бы на каком-нибудь определенном расстоянии; за пределами вселенной нет ничего, кроме однородного пространства или протяженности, где ум не находит никакого разнообразия, никаких отличительных признаков. Сказать, что мир находится где-то, — значит сказать только то, что он существует: хотя это выражение заимствовано от места, оно означает только существование мира, а не его местонахождение. А если кто сможет узнать и ясно и четко представлять себе в уме место вселенной, тот будет в состоянии сказать нам, двинется ли она или пребывает в покое среди неразличимой пустоты бесконечного пространства. Впрочем, слово <место> иногда действительно употребляется в менее ясном смысле для обозначения занимаемого телом

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
пространства; в таком смысле и вселенная находится в каком-то месте.
Следовательно, идею места мы приобретаем теми же путями, что и -идею
пространства (идея места есть лишь частное, ограниченное рассмотрение идеи
пространства), т. е зрением и осязанием, причем каждое из этих чувств доставляет
идеи протяженности или расстояния нашему уму.

11. Протяженность и тело не одно и то же. Некоторым хотелось бы убедить нас, что
тело и протяженность одно и то же. Они то так, то эдак изменяют значение слов, в
чем я не хотел бы подозревать их, потому что они столь строго осуждали философию
других именно за то, что в ней содержится слишком много неопределенного смысла
или обманчивой темноты сомнительных или бес-

==220

содержательных терминов. Если поэтому под телом и протяженностью они
подразумевают то же самое, что остальные люди (т. е. под телом - нечто плотное и
протяженное, части которого отделимы и движимы различными путями, а под
протяженностью - только пространство, которое находится между границами этих
плотных цельных частей и которое ими заполнено), то они смешивают две совсем
различные идеи. Я обращаюсь к собственному мышлению каждого человека, не
является ли идея пространства столь же отличной от идеи плотности, как от идеи
алого цвета? Правда, плотность не может существовать без протяженности, но и
алый цвет не может существовать без протяженности; однако это не мешает им быть
разными идеями. Для существования или восприятия многих идей необходимы другие
идеи, и тем не менее это вполне отличные друг от друга идеи. Движение не может
ни существовать, ни быть понятным без пространства, и все-таки движение - не
пространство, а пространство - не движение. Пространство может существовать без
движения, и они совершенно отличные друг от друга идеи. Таковы же, на мой
взгляд, идеи пространства и плотности. Плотность представляет собой идею, до
такой степени неотделимую от тела, что от нее зависит заполнение телом
пространства, его соприкосновение [с другим телом], толчок и сообщение движения
при толчке. И если для доказательства того, что дух отличен от тела, достаточно
того довода, что мышление не включает в себя идею протяженности, то в такой же
степени для доказательства того, что пространство - не тело, достаточно веским
является довод, что оно не включает в себя идеи плотности. А пространство и
плотность - такие же отличные друг от друга идеи, как мышление и протяженность,
и так же полностью отделимы в уме одна от другой. Очевидно, стало быть, что тело
и протяженность - две различные идеи. Ибо: 12. Во-первых, протяженность не
включает в себя ни плотности, ни противодействия движению тела, а идея тела их
включает.

13. Во-вторых, части чистого пространства неотделимы друг от друга, так что
непрерывность не может быть разделена ни реально, ни мысленно. Мне очень
хотелось бы, чтобы кто-нибудь отделил одну часть его от другой, непосредственно
смежной, хотя бы только в мыслях. Разделять и отделять в действительности -
значит, по-моему, через отделение частей друг от друга образовать

==221

две поверхности там, где прежде была непрерывность. А разделять мысленно -
значит составлять в уме две поверхности там, где прежде была непрерывность, и
считать их отделенными друг от друга; а это можно сделать только с теми вещами,
которые ум считает способными быть отделенными и через отделение приобретать
новые отдельные поверхности, которых они еще не имеют, но могут иметь. Но на мой
взгляд, ни тот, ни другой способ отделения, ни реальный, ни умственный, не
подходит к чистому пространству.

Правда, можно рассматривать определенную часть пространства, которая
соответствует и соразмерна футу, не рассматривая остального; это действительно
рассмотрение части, но отнюдь не умственное отделение или деление, ибо провести
деление в уме, не рассматривая две поверхности отделенными друг от друга, так же
невозможно, как невозможно разделить в действительности, не отделяя две
поверхности одну от другой. Но рассмотрение части не есть отделение. Можно
рассматривать в солнце свет без его теплоты или подвижность в теле без его
протяженности, не -думая об их отделении. Одно - рассмотрение только части,
ограничивающееся чем-нибудь одним; другое - рассмотрение обоих как существующих
отдельно.

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org

14. В-третьих, части чистого пространства не способны к движению, что вытекает из их нераздельности, ведь движение есть не что иное, как изменение расстояния между двумя вещами; но это невозможно между неотделимыми частями. Следовательно, они должны находиться в вечном покое в отношении друг друга.

Таким образом, определенная идея простого пространства ясно и достаточно отличает его от тела, ибо части пространства неотделимы, неподвижны и не противодействуют движению тела.

15. Определение протяженности не объясняет ее. Если кто спросит меня, что такое то пространство, о котором я говорю, я отвечу ему, когда он скажет мне, что такое его протяженность. Говорить, как обыкновенно делается, что протяженность означает иметь partes extra partes 34, – значит говорить только то, что протяженность есть протяженность. Каким образом, в самом деле, я буду лучше осведомлен о природе протяженности, оттого что мне скажут, будто протяженность означает иметь протяженные части, внешние по отношению к протяженным частям, т. е. что протяженность состоит из протяженных частей? В таком случае, если кто-нибудь спросит, что

==222

такое волокно, я могу ему ответить, что это есть вещь, составленная из нескольких волокон. Но будет ли он благодаря этому понимать лучше прежнего, что такое волокно? И не будет ли он скорее иметь основание думать, что я задавался целью более подшутить над ним, нежели серьезно просветить его.

16. Разделение всего существующего на телесное и духовное не доказывает тождества пространства и тела. Защитники тождественности пространства и тела выставляют следующую дилемму. Пространство есть или нечто, или ничто. Если между двумя телами ничего не находится, они должны необходимо соприкоснуться; если признать его чем-то, то, спрашивают они, что оно: тело или дух? На это я отвечаю другим вопросом: кто сказал им, что существуют или могут существовать только плотные предметы, которые не могут мыслить, и мыслящие существа, которые не могут быть протяженными, и ничего более? А ведь только это они подразумевают, когда употребляют слова <тело> и <дух>.

17. Субстанция, которой мы не знаем, не доказательство против [существования] пространства без тела. Если спросят, как обыкновенно бывает, чем является это пространство, лишенное тела, субстанцией или акциденцией, я сейчас же отвечу, что не знаю, и не буду стыдиться своего незнания, пока вопрошающие не укажут мне ясной, определенной идеи субстанции.

18. Я стараюсь, насколько могу, освободиться от тех заблуждений, которым мы склонны поддаваться, принимая слова за вещи. Не спасет нас от невежества, если мы будем притворяться знающими там, где не имеем никакого знания, производя много шума звуками без ясного и определенного значения. Произвольно данные названия не могут ни изменить природы вещей, ни заставить нас понять их, поскольку они лишь знаки и обозначения определенных идей. И хотел бы я, чтобы те, кто придает такое значение звучанию этих четырех слогов, [образующих слово] <субстанция>, подумали, будет ли оно иметь один и тот же смысл, если применять его, как они делают, и к бесконечному, непостижимому богу, и к конечному духу, и к телу, а также обозначает ли оно одну и ту же идею, когда субстанциями называются все эти столь различные вещи? И если да, то не будет ли отсюда следовать, что бог, духи и тело, сходясь в одной общей природе субстанции, различаются только в том, что они просто различные модификации этой субстанции,

==223

как, например, дерево и булыжник, будучи телом в одном и том же смысле и сходясь в общей природе тела, различаются только в том, что они просто модификации этой общей материи? А это будет уже слишком грубое учение. Если они скажут, что применяют это название к богу, конечным духам и материи в трех различных значениях и что оно обозначает одну идею, когда называют субстанцией бога, другую, когда называют субстанцией души, и третью, когда так называют тело. Если, таким образом, слово <субстанция> обозначает три отдельные различные идеи, то им было бы полезно разъяснить эти различные идеи или по крайней мере дать им три различных названия, чтобы избежать в таком важном понятии неясности и заблуждения, которые естественно вытекают из неразборчивого употребления такого

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
сомнительного термина. А заподозрить, что этот термин имеет три различных
смысла, настолько трудно, что в обычном употреблении он едва ли имеет хоть один
ясный и определенный смысл. И если они таким образом могут образовать три
различные идеи субстанции, то что мешает другим образовать четвертую?

19. Субстанция и акциденция мало полезны в философии. Те, кто впервые пришел к
понятию акциденций как класса реальных предметов, которые должны чему-то быть
присущи, были принуждены изобрести слово <субстанция> для их поддержания. Если
бы бедный индийский философ (вообразивший, что Земля также нуждается в
какой-нибудь опоре) придумал это слово <субстанция>, ему не надо было бы
утруждать себя поисками слона для поддержания Земли и черепахи – для поддержания
слона: слово <субстанция> сделало бы это с успехом. И ответ индийского философа,
что именно субстанция поддерживает Землю, хотя он и не знает, что она такое,
вопрошающий мог бы считать хорошим точно так же, как мы считаем достаточным
ответом и полезным учением наших европейских философов, что именно субстанция
поддерживает акциденции, хотя они и не знают, что она такое. Так что у нас нет
никакой идеи относительно того, что такое субстанция, но есть только смутная и
неясная идея того, что она делает.

20. Что бы ни сделали в данном случае ученые мужи, умный житель Америки,
изучающий природу вещей, едва ли счел бы объяснение удовлетворительным, если бы,
желая изучить нашу архитектуру, он узнал, что колонна

==224

есть вещь, поддерживаемая базисом, а базис – вещь, поддерживающая колонну. Не
подумает ли он при таком объяснении, что его высмеивают, вместо того чтобы
научить? Незнакомый с книгами был бы весьма щедро осведомлен об их природе и
содержании, если бы ему сказали, что все ученые книги состоят из бумаги и букв и
что буквы есть вещи, находящиеся на бумаге, а бумага – вещь, содержащая на себе
буквы. Замечательный способ приобрести ясные идеи букв и бумаги! Но если бы
латинские слова <Inhaerentia> и <substantia> перевести соответствующими им
понятными словами: <то, что держится> и <то, что поддерживает>, они бы лучше
раскрыли нам великую ясность учения о субстанции и акциденциях и показали бы их
пользу для решения философских вопросов.

21. Пустота за крайними пределами телесного мира. Но возвратимся к нашей идее
пространства. Если не предполагать [мир] тел бесконечным, а этого, я думаю,
никто не станет утверждать, я бы спросил: если бы бог поместил человека на краю
мира телесных вещей, то не мог ли бы человек протянуть свою руку за пределы
своего тела? Если бы он мог, то простер бы свою руку туда, где прежде было
пространство без тела, и если бы он там раздвинул пальцы, между ними все-таки
было бы пространство без тела. Если бы он не мог протянуть своей руки, то,
должно быть, вследствие какой-нибудь внешней помехи (ибо мы предполагаем его
живым, способным приводить в движение части своего тела, как он может и теперь;
само по себе это не невозможно, если бы так было угодно богу, или по крайней
мере не невозможно для бога так двигать человеком); и в таком случае я
спрашиваю, есть ли то, что мешает руке двигаться наружу, субстанция или
акциденция, есть ли это нечто или же ничто? И когда разрешат этот вопрос, то
будут в состоянии и разрешить, что же есть то, что бывает или может быть между
двумя телами, находящимися на расстоянии друг от друга, и что не есть тело и не
имеет плотности. Между тем довод, что тело, приведенное в движение, может
продолжать двигаться там, где ничто ему не мешает (как [это может быть] за
крайними пределами всех тел), во всяком случае столь же убедителен, как и тот
довод, что два тела должны необходимо соприкасаться там, где ничто не находится
между ними, ведь наличия пустого пространства между ними достаточно для
устранения необходимости взаимного соприкосно-

==225

вения, но наличия пустого пространства на пути для прекращения движения
недостаточно. Истина вот в чем: эти люди должны или сознаться, что считают
телесный мир бесконечным, хотя и не решаются высказать это, или же утверждать,
что пространство не есть тело. Я желал бы видеть человека мыслящего, который мог
бы в своих мыслях ставить пределы пространству с большим успехом, нежели
продолжительности (duration), – или надеялся бы мысленно прийти к концу того или
другого. Стало быть, если его идея вечности бесконечна, такова же и его идея
необъятности; они обе или одинаково конечны, или одинаково бесконечны.

22. 35 Способность достичь уничтожения доказывает наличие пустоты. Далее, те, кто признает невозможным существование пространства без материи, должны не только считать материальный мир бесконечным, но и отрицать у бога способность уничтожить какую бы то ни было частицу материи. Никто, полагаю я, не станет отрицать, что бог может положить конец всему движению материи, привести все тела вселенной в состояние полного покоя и спокойствия и сохранять их в таком положении столько времени, сколько ему будет угодно. Кто допускает, что бог во время такого общего покоя может уничтожить эту книгу или тело человека, читающего ее, тот необходимо должен допускать и возможность пустоты, ибо очевидно, что пространство, которое было заполнено частицами уничтоженного тела, все еще останется и будет пространством без тела, ибо окружающие тела, находясь в полном покое, образуют несокрушимую стену и в таком положении делают совершенно невозможным для всякого другого тела проникновение в это пространство. И действительно, необходимое движение одной частицы материи на место, из которого передвинулась другая частица материи, есть только следствие предположения о заполненности, а последнее нуждается поэтому в более убедительном доказательстве, нежели мнимый факт, который никогда не может быть подтвержден опытом. Наши собственные ясные и определенные идеи убеждают нас с очевидностью, что нет необходимой связи между пространством и плотностью, ибо мы можем понять одно без другой. И те, кто выступает в защиту или против пустоты, тем самым признают, что имеют отличные друг от друга идеи пустоты и полноты, т. е. что имеют идею протяженности, лишенной плотности, хотя и отрицают ее существование, или же они вообще ни о чем не спорят. Ибо кто так сильно

==226

изменяет смысл слов, что называет протяженностью телом и, следовательно, всю сущность тела полагает исключительно в чистой протяженности без плотности, неизбежно говорит нелепость, когда говорит о пустоте, ибо невозможно для протяженности быть без протяженности. Ведь пустота, будем ли мы допускать или отрицать ее существование, означает пространство без тела; и никто не может отрицать, что само ее существование возможно, если он не хочет признать материю бесконечной и отнимать у бога способность уничтожить любую ее частицу.

23. Движение доказывает наличие пустоты. Но незачем в поисках пустоты ходить так далеко, за крайние пределы материального мира, и взывать к божьему всемогуществу; в ее существовании, на мой взгляд, убеждает с полной очевидностью движение тел, находящихся у нас в поле зрения и вблизи его. Хотелось бы мне, чтобы плотное тело каких угодно размеров было разделено кем-нибудь так, чтобы его плотные части могли свободно двигаться вверх и вниз по всем направлениям в пределах, ограниченных поверхностями тела, но при этом внутри него не осталось бы пустоты величиной хотя бы лишь с мельчайшую из частиц, на которые указанное плотное тело разделено. И если там, где мельчайшая частица разделенного тела будет величиной с горчичное зерно, требуется пустое пространство величиной тоже с горчичное зерно, для того чтобы дать место свободному движению частиц разделенного тела в пределах, созданных его поверхностями, то там, где частицы материи в 100 000 000 раз меньше горчичного зерна, также должно быть пространство, свободное от плотной материи, величиной в 100 000 000-ю часть горчичного зерна; ведь если оно необходимо в одном случае, то оно будет необходимо и в другом, и так далее in infinitum. Пусть это свободное пространство будет сколь угодно мало, оно все-таки опровергает предположение о заполненности [всего пространства], ибо, если может быть свободное от тела пространство величиной лишь с самую мелкую из существующих теперь в природе отдельных частиц материи, оно все-таки есть пространство без тела и устанавливает столь же большую разницу между пространством и телом, как если бы оно было МЭГБ чьумб 36, такое же расстояние, как и любое в природе. Поэтому если необходимое для движения пустое пространство мы будем предполагать равным не мельчайшей частице разделенной плотной материи, но ее десятой или тысячной доле, то отсюда всегда будет следо-

==227

вать вывод о том, что пространство [существует] без материи.

24. Идеи пространства и тела отличны друг от друга. Но так как речь идет о том, тождественна ли идея пространства, или протяженности, идее тела, необходимо доказывать существование не реальной пустоты, а ее идеи. Но уже из самих

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
исследований и споров о том, существует ли пустота или нет, очевидно, что люди имеют эту идею. Не будь у них идеи пространства без тела, они не могли бы спрашивать о его существовании. И не включай в себе их идея тела ничего, кроме простой идеи пространства, они не могли бы сомневаться в заполненности мира, и вопрос о существовании пространства без тела был бы такой же нелепостью, какой является вопрос о существовании пространства без пространства или тела без тела, ибо это были бы только различные названия одной и той же идеи.

25. Неотделимость протяженности от тела не доказывает их тождественности. Правда, идея протяженности так тесно соединена со всеми видимыми качествами и большей частью осязаемых качеств, что она не позволяет нам видеть никакие внешние объекты и позволяет осязать очень немного внешних объектов, не воспринимая вместе с тем впечатления протяженности. Эта способность протяженности заставляя постоянно замечать себя вместе с другими идеями, на мой взгляд, и была причиной того, что некоторые полагали, что вся сущность тела состоит в протяженности. Не нужно много удивляться этому, потому что некоторые через зрение и осязание (самые деятельные наши чувства) так заполнили свой ум идеей протяженности и были настолько целиком захвачены ею, что отрицали существование всего, что не имеет протяженности 37. Не буду теперь спорить с теми, кто понимает меру и возможность всего сущего, исходя лишь из своих узких и грубых представлений; но, имея здесь дело только с теми, кто делает вывод о том, что сущность тела – в протяженности, на том основании, что не могут, как они говорят, представить себе ни одного чувственного качества какого-нибудь тела без протяженности, я предлагаю им подумать, размышляли ли они о своих идеях вкусов и запахов столько же, сколько об идеях зрения и осязания. Более того, если бы они рассмотрели свои идеи голода, жажды и некоторых других страданий, они нашли бы, что они вовсе не включают в них идеи протяженности: последняя есть только свойство тела, как и все

==228

остальное, обнаруживаемое нашими чувствами, которые едва ли пронизательны настолько, чтобы проникнуть в самую сущность вещей.

26. Если из того, что некоторые идеи постоянно соединяются со всеми остальными, должен быть сделан вывод, что эти идеи составляют сущность тех вещей, с которыми они постоянно соединяются и от которых они неотделимы, то единство, без сомнения, есть сущность всего, ибо нет объекта ощущения или рефлексии, который бы не носил в себе идеи единого. Но слабость подобных доводов мы показали уже в достаточной степени.

27. Идеи пространства и плотности отличны друг от друга. Итак, что бы ни думали люди о существовании пустоты, для меня очевидно, что мы имеем столь же ясную идею пространства, отличную от идеи плотности, как и идею плотности, отличную от движения, или идею движения, отличную от пространства. У нас нет двух более отличных друг от друга идей, чем эти, и мы можем так же легко представить себе пространство без плотности, как тело или пространство без движения, хотя ни тело, ни движение не могут, конечно, существовать без пространства. Пусть каждый сам подумает о том, признавать ли пространство простым отношением, вытекающим из существования разных вещей, находящихся на расстоянии друг от друга, или же надо понимать буквально слова мудрого царя Соломона: <Небо и небо небес не вмещают тебя> – или более выразительные слова вдохновенного философа св. Павла: <Мы им живем и движемся и существуем> 38. Только я думаю, что наша идея пространства такова, как я упоминал выше, и отлична от идеи тела. В самом деле, будем ли мы рассматривать в самой материи расстояние, [образованное] ее сомкнутыми плотными частицами, и в отношении этих плотных частиц называть это [расстояние] протяженностью; будем ли мы рассматривать пространство как находящееся между внешними границами любого тела в разных измерениях последнего, называя его длиной, шириной и толщиной; будем ли мы, наконец, рассматривать пространство как находящееся между любыми двумя телами или положительными существами и, не принимая во внимание, есть ли посредине какая-нибудь материя или нет, называть его расстоянием, – все равно, как бы ни называли и ни рассматривали его, оно есть всегда одна и та же однородная, простая идея пространства, взятая от объектов, с которыми имели дело наши чувства. Идеи этих объектов,

==229

раз они запечатлелись в нашем уме, мы можем сколько угодно восстанавливать,

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
повторять и соединять друг с другом и считать воображаемое таким образом пространство, или расстояние, либо заполненным плотными частицами, так что никакое другое тело не может проникнуть туда, не переместив и не вытолкнув тело, бывшее там раньше, либо не имеющим плотности, так что тело, по своим размерам равное этому пустому, или чистому, пространству, может поместиться в нем, не отодвигая и не выталкивая никакого тела, бывшего там раньше. Во избежание неясности в рассуждениях об этом предмете, возможно, было бы желательно, чтобы слово <протяженность> (extension) относилось только к материи или расстоянию между внешними границами отдельных тел, а слово <распространенность> (expansion) – к пространству вообще, все равно, занято ли оно плотной материей или нет, так чтобы говорили: <Пространство обладает распространенностью, а тело протяженно>. Но в этом каждый сохраняет свободу выбора. Я предлагаю это только для более ясного и определенного способа выражения.

28. У людей мало разногласий относительно ясных простых идей. Точное знание того, что обозначают наши слова, по моему мнению, быстро положило бы конец спору в этом, как и во многих других случаях. Ибо я склонен думать, что, когда люди начинают изучать свои простые идеи, они обнаруживают, что все их простые идеи в общем совпадают, хотя в разговоре между собой они, быть может, и сбивают друг друга с толку различными названиями. Мне думается, что люди, которые абстрагируют свои мысли и тщательно исследуют идеи, находящиеся в их уме, не могут сильно расхотиться в своем мышлении; однако они могут запутать друг друга словами, которые зависят от способа выражения различных школ или сект, в которых они были воспитаны. Правда, между людьми немыслящими, которые внимательно и тщательно не исследуют свои идеи и, не отделяя их от употребляемых для них знаков, путают их со словами, должны происходить бесконечные споры, препирательства и недоразумения, особенно если это люди ученые, книжники, преданные сторонники каких-либо сект, привыкшие к употребительному в них языку и умеющие говорить только со слов других. Но если бы случилось, что два мыслящих человека действительно имели различные идеи, я, право, не знаю, как бы они могли рассуждать

==230

или спорить друг с другом. Пусть только меня здесь не понимают в том смысле, будто я думаю, что каждый расплывчатый образ в мозгу человека принадлежит к тем идеям, о которых я говорю. Уму нелегко отделаться от неясных понятий и предвзвешенных, почерпнутых им из привычки, небрежного поведения и обычных разговоров. Для исследования своих идей ему требуются усилия и усердие, прежде чем он превратит их в ясные и отличные друг от друга простые идеи, из которых они составлены, и увидит, какие из этих его простых идей находятся или не находятся в необходимой взаимной связи и зависимости. Пока человек не сделает этого с первичными, первоначальными понятиями о вещах, он стоит на расплывчатых и неопределенных принципах и будет часто в затруднении.

Глава четырнадцатая О ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ И ЕЕ ПРОСТЫХ МОДУСАХ

1. Продолжительность есть текучая протяженность. Есть другой вид расстояния, или длины, идею которого мы приобретаем не от постоянных частей пространства, а от текучих и непрерывно гибнущих частей последовательности. Мы называем его продолжительностью. Простыми модусами продолжительности являются различные длины ее, отчетливые идеи которых мы имеем в уме, как, например, часы, дни, годы и т. д., время и вечность.

2. Ее идея получается от размышления о движущейся цепи наших идей. Ответ великого человека на вопрос, что такое время: <Si non rogas intelligo> (что сводится вот к чему: <Чем больше я заставляю себя думать об этом, тем меньше это понимаю> 39), быть может, убедит людей, что время, обнаруживающее все остальные вещи, само не обнаруживается. Не без основания считают, что в самой природе продолжительности, времени и вечности есть что-то очень неясное. Но как бы ни казались эти идеи далеки от нашего понимания, все-таки (если мы проследим их прямо до их источников) я не сомневаюсь, что один из двух источников всего нашего знания, т. е. ощущение или рефлексия, будет в состоянии доставить нам эти идеи столь же ясными и определенными, как и многие другие, которые считаются гораздо менее неясными. Мы увидим также, что сама идея вечности имеет то же самое происхождение, что и все остальные наши идеи.

==231

3. Для надлежащего понимания времени и вечности мы должны рассмотреть внимательно, какова наша идея продолжительности и как мы к ней пришли. Для всякого, кто только следит за тем, что происходит в его разуме, очевидно, что в нем имеется цепь идей, которые постоянно следуют друг за другом, пока он бодрствует. Рефлексия о появлении в нашем уме друг за другом различных идей и доставляет нам идею последовательности: а расстояние между какими бы то ни было частями этой последовательности, или между появлением каких бы то ни было двух идей в нашем уме, есть то, что мы называем продолжительностью. В самом деле, пока мы мыслим или воспринимаем последовательно различные идеи в уме своем, мы знаем, что мы существуем, и, таким образом, существование или продолжение нашего существования или чего-то другого соответственно с последовательностью каких бы то ни было идей в нашем уме мы называем или продолжительностью нас самих, или продолжительностью того другого, что существует одновременно с нашим мышлением.

4. Что мы получаем понятие о последовательности и продолжительности из этого источника, т. е. из рефлексии о цепи появляющихся друг за другом в нашем уме идей, для меня очевидно из того, что мы воспринимаем продолжительность, только рассматривая цепь чередующихся в нашем разуме идей. Когда прекращается эта последовательность идей, с нею прекращается и наше восприятие продолжительности. Каждый хорошо знает это по собственному опыту, когда крепко спит. сколько бы это ни длилось – час, день, месяц или год. Пока он спит, или не думает, у него вовсе нет восприятия продолжительности вещей, оно совершенно потеряно для него; ему кажется, что между моментом, когда он перестал думать, и моментом, когда он вновь начал думать, нет расстояния. Так же, не сомневаюсь, было бы и с бодрствующим человеком, если бы он мог сосредоточиваться на одной идее в уме без смены и последовательности других. И мы видим, что человек, очень сильно сосредоточивающий свои мысли на одном предмете и во время этого серьезного размышления мало замечающий последовательность проходящих в его уме идей, позволяет ускользнуть от своего внимания немалой доле продолжительности, и время ему кажется более коротким, чем оно есть. И если сон обыкновенно соединяет отстоящие друг от друга части продолжительности, то это потому,

==232

что во время сна у нас нет в уме никакой последовательности идей. Ибо если спящему что-то снится и множество разных идей воспринимается умом одна за другой, то во время таких сновидений у человека есть чувство продолжительности и ее величины. Отсюда для меня совершенно ясно, что люди получают свои идеи продолжительности от своей рефлексии о цепи идей, которую они наблюдают в своем разуме следующими одна за другой. Без этого наблюдения они не могут иметь понятия о продолжительности, что бы ни происходило в мире.

5. Идея продолжительности применима к вещам в то время, как мы спим. Действительно, получив раз от рефлексии о последовательности и числе своих мыслей понятие, или идею, продолжительности, человек может применять это понятие к вещам, существующим, пока он не мыслит, подобно тому как, получив идею протяженности от тела с помощью своего зрения или осязания, он может применять ее к расстояниям, где не видит и >е осязает тела. Поэтому хотя у человека нет восприятия величины продолжительности, прошедшей, пока он спал или не думал, но, раз наблюдая смену дня и ночи и нашедши величину их продолжительности с виду регулярной и постоянной, он может, предполагая, что эта смена, пока он спал или не думал, совершалась точно таким же образом, как она происходила обычно в другое время, – он может, говоря я, представлять себе и принимать в расчет величину продолжительности, прошедшей, пока он спал. Но если бы Адам и Ева (когда они были одни в мире) вместо своего обычного ночного сна провели в непрерывном сне целых двадцать четыре часа, продолжительность этих двадцати четырех часов была бы безвозвратно потеряна для них и навеки ускользнула бы от их счета времени.

6. Идея последовательности – не от движения. Таким образом, мы приобретаем понятие последовательности через размышление о появлении одной за другой в нашем разуме разных идей. Кто думает, что она получается нами скорее через наши чувства от наблюдения за движением, тот, быть может, согласится со мной (когда обратит на это внимание), что даже движение производит в его уме идею последовательности именно потому, что оно производит в уме непрерывную цепь различаемых идей. Ибо если человек смотрит на реально движущееся тело, он тем не менее вообще не воспринимает движения. если это движение не порождает постоянной

цепи сле-

==233

дующих друг за другом идей. На море, например, во время штиля, не видя земли, человек может в ясный день хоть целый час смотреть на солнце, или на море, или на корабль и ни в одном из них не заметить никакого движения, хотя нет сомнения, что два, а может быть, и все три предмета подвинулись за это время на большое расстояние; но, как только он замечает, что один из этих предметов изменил свое расстояние от какого-нибудь другого тела, как только это движение вызывает какую-нибудь новую идею в нем, сейчас же он сознает, что здесь было движение. С другой стороны, допустим, что где-то, неважно где, находится человек вместе со всеми окружающими его вещами, пребывающими в покое, и не воспринимает вообще никакого движения; и если он в этот час покоя будет думать, он будет сознавать, что различные идеи его собственных мыслей появляются в его уме одна за другой, и при этом он подметит и найдет последовательность, хотя он не мог наблюдать никакого движения.

7. В этом, по-моему, и нужно искать объяснение того, почему очень медленные движения, хотя бы и постоянные, не воспринимаются нами. Это потому, что при таком передвижении одной заметной частицы к другой изменения расстояния столь медленны, что вызывают в нас новые идеи лишь через значительный промежуток времени. И так как поэтому в нашем уме не вызывается непрерывная цепь новых идей, следующих непосредственно одна за другой, то мы не имеем восприятия движения. Движение состоит в постоянной последовательности, и мы не можем ее заметить, если нет происходящей от нее постоянной последовательности разнообразных идей.

8. С другой стороны, мы не воспринимаем движения и тех предметов, которые движутся настолько быстро, что не оказывают отчетливого воздействия на наши чувства несколькими подпадающими различению этапами своего движения и поэтому не вызывают в душе соответствующего течения идей. Ибо если какая-нибудь вещь движется по кругу быстрее, чем обыкновенно следуют друг за другом наши идеи в уме, то мы не замечаем ее движения, и она кажется нам сплошным замкнутым кругом из данного вещества со своим цветом, а не частью круга, находящейся в движении.

9. Цепь идей имеет известную степень быстроты. Я предоставляю другим судить о вероятности того, что наши идеи, пока мы бодрствуем, следуют в нашем уме одна за другой на определенном расстоянии, отчасти подобно

==234

изображениям на внутренней стороне [китайского] фонаря, поворачивающегося от тепла свечи. Быстрота появления их в виде цепи иногда, возможно, бывает больше, иногда меньше, но все-таки, кажется мне, она не очень меняется у бодрствующего человека; существуют, по-видимому, определенные пределы быстроты и медленности следования наших идей друг за другом в нашем уме, и вне этих пределов они не могут быть ни замедлены, ни ускорены.

10. Основанием для моего странного предположения является наблюдение, что мы можем воспринимать последовательность во впечатлениях, производимых на любое из наших чувств, лишь до известного предела. Если быстро превысить его, чувство последовательности теряется даже в тех случаях, где очевидно, что имеется реальная последовательность. Положим, что пушечное ядро пролетает через комнату и по дороге уносит с собой какую-нибудь конечность или другую часть тела у кого-нибудь из находившихся в комнате; яснее ясного, что ядро должно последовательно пробить две стены комнаты; так же очевидно, что оно должно затронуть сначала одну часть тела, потом другую и так далее в последовательности. И все-таки я убежден, что ни один человек, когда-нибудь испытавший боль от такого выстрела или слышавший удар о две противоположные стены, не мог бы заметить какую бы то ни было последовательность в боли или звуке от такого быстрого удара. Подобную часть продолжительности, в которой мы не замечаем последовательности, мы и можем назвать мгновением; оно занимает время одной только идеи в нашем уме без последовательности другой идеи, отчего мы вовсе не воспринимаем никакой последовательности.

11. То же самое случается там, где движение происходит столь медленно, что не доставляет чувствам постоянной цепи свежих идей с той быстротой, с какой наш ум

Локк Джон Опыт о человеческом разуме. Книга 2 filosoff.org
способен воспринимать в себя новые идеи. Так как другие идеи наших собственных мыслей имеют в таком случае возможность проникать в наш ум между идеями, которые доставляет нашим чувствам движущееся тело, то чувство движения исчезает; хотя тело в действительности движется, оно кажется остановившимся, потому что не меняет ощутимого расстояния от некоторых других тел с такой скоростью, с какой идеи в нашем уме естественно следуют цепью одна за другой. Это совершенно явственно бывает со стрелками часов, тенями солнечных часов и другими постоянными, но медленными движениями. Мы, правда,

==235

после определенного промежутка времени замечаем по изменению расстояния, что движение произошло, но самого движения не воспринимаем.

12. Эта цепь есть мера других последовательностей. И мне сдается, что постоянная и правильная последовательность идей у бодрствующего человека есть, так сказать, мера и образец для всех других последовательностей. Если некоторые вещи следуют друг за другом быстрее, чем наши идеи, как, например, тогда, когда два звука, два болевых явления и тому подобное, следуя друг за другом, занимают отрезок времени только одной идеи, или если движение или смена последовательных идей превосходит настолько медленно, что не поспевает за идеями в уме или за быстротой их чередования, как, например, когда одна или больше идей в своем обычном течении проникают в ум между теми идеями, которые доставляются зрению различными заметными расстояниями движущегося тела, или между следующими друг за другом звуками или запахами, то чувство постоянной непрерывной последовательности тоже теряется и мы не замечаем ее, но воспринимаем некоторые промежутки покоя между идеями.

13. Ум не может долго задержаться на одной неизменяющейся идее. Если действительно идеи в нашем уме (пока мы имеем в нем какие-нибудь идеи) постоянно меняются и текут в непрерывной последовательности, то невозможно - возразит кто-нибудь - долгое время думать о каком бы то ни было одном предмете. Если под этим подразумевать, что можно долгое время удерживать в уме лишь одну и ту же отдельную идею без всякого [в ней] изменения, то я считаю это фактически невозможным. Для этого (не зная, как составляются идеи в нашем уме, из какого материала они образуются, откуда получают свет и как появляются) я не могу указать другого основания, кроме опыта. Я бы хотел, чтобы кто-либо попробовал на значительное время задержать в своем уме одну неизменяющуюся отдельную идею без [присоединения] какой-либо другой.

14. Пусть кто-нибудь в виде опыта возьмет какую-нибудь фигуру, или какую-нибудь степень освещенности или белизны, или что угодно другое. Я полагаю, для него будет трудно вытеснить из ума все другие идеи. Но [когда] некоторая идея того или иного рода рассматривается с различных сторон [и] каждый вид рассмотрения будет новой идеей, [то эти идеи] будут

==236

постоянно следовать друг за другом в его мыслях, как бы он ни был осторожен.

15. Все, что во власти человека в этом случае, - это, по-моему, только замечать и наблюдать, каковы те идеи, которые чередуются в его разуме, или же руководить их подбором и призывать такие, которые желательны или полезны. Но помешать постоянной последовательности свежих идей, на мой взгляд, нельзя, хотя обычно можно выбрать, будем ли мы внимательно наблюдать и рассматривать их.

16. Как бы ни были образованы идеи, они не заключают в себе ощущения (sense) движения. Я не буду здесь спорить о том, образуются ли эти различные идеи в уме определенными движениями; в одном я уверен, что при своем появлении они не заключают в себе идеи движения. И если бы человек не получал идеи движения иным путем, он совсем не имел бы ее. Этого довольно для моей настоящей цели, ибо это показывает в достаточной мере, что именно внимание, которое мы обращаем на идеи в уме, появляющиеся в нем одна за другой, дает нам идею последовательности и продолжительности и что без него у нас вообще не было бы таких идей. Не движение, следовательно, а постоянная цепь идей в нашем уме во время нашего бодрствования доставляет нам идею продолжительности. И как я показал выше, движение лишь в том случае дает нам некоторое восприятие, когда вызывает в нашем уме постоянную последовательность идей. Идея последовательности и

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
продолжительности в цепи других идей, следующих в нашем уме одна за другой без идеи какого-либо движения, у нас так же ясна, как идея, получаемая от цепи идей, вызываемых непрерывной заметной переменной расстояния между двумя телами и получаемых нами от движения. Стало быть, идея продолжительности все равно была бы у нас, если бы вовсе не было чувства движения.

17. Время есть измеренная продолжительность. После приобретения идеи продолжительности следующим естественным делом ума является приобретение некоторой меры для этой общей продолжительности, по которой он мог бы судить о ее различной величине и рассматривать определенный порядок, в котором существуют вещи: без этого большая часть нашего знания была бы спутанной и большая часть истории оказалась бы совершенно бесполезной. Такое рассмотрение продолжительности как ограниченной известными периодами и обозначенной

==237

определенными мерами, или эпохами, по мой взгляд, и есть то, что мы называем собственно временем.

18. Хорошее измерение времени должно делить всю его продолжительность на равные периоды. При измерении протяженности требуется только приложение обычного образца, или меры, к вещи, протяженность которой мы хотели бы узнать. Но при измерении продолжительности этого сделать нельзя, потому что нельзя соединить две различные части последовательности для измерения одной через другую. И так как мерой продолжительности может быть только продолжительность, подобно тому как протяженность измеряется только протяженностью, то мы не можем иметь при себе какую-нибудь установленную неизменяемую меру продолжительности, состоящей в постоянной текущей последовательности, подобно тому как мы имеем меры для измерения протяженных величин – дюймы, футы, ярды и т. д., раз отмеченные на прочном материале. Поэтому для удобного измерения времени может быть пригодно только то, что разделило всю величину его продолжительности на очевидно равные части постоянно повторяющимися периодами. Те части продолжительности, которые не различаются или не считаются различающимися и измеренными через такие периоды, не подходят, если быть точным, под понятие времени, что очевидно из таких выражений, как, например, <прежде всякого времени> и <когда времени больше не будет>.

19. Обращения Солнца и Луны – наиболее подходящие меры времени. Так как суточное и годовое обращение Солнца совершается с самого начала природы постоянно, регулярно и заметно для всех людей повсюду и так как предполагается, что одно обращение равно другому, то его не без основания сделали мерой продолжительности. Но так как различие дней и лет зависит от движения Солнца, это привело к заблуждению, будто движение и продолжительность измеряются одно другим, ибо при измерении величины времени люди привыкли к идеям минут, часов, дней, месяцев, лет и т. д. и о них начинали думать всякий раз при упоминании о времени или продолжительности (а все эти отрезки времени измерялись движением небесных тел). Потому они стали склонны смешивать время и движение или по крайней мере думать, что они необходимо связаны друг с другом. Между тем если бы было доступно постоянному и всеобщему наблюдению какое-нибудь постоянное периодическое явление

==238

или изменение идеи в промежутки времени, которые можно было бы считать за равные, то оно позволяло бы столь же хорошо определять промежутки времени, как и те явления, которыми теперь пользуются. В самом деле, предположим, что Солнце, которое некоторые считают огнем, в тот самый отрезок времени, в который оно теперь каждый день проходит по одному и тому же меридиану, зажигалось бы, а потом, через двенадцать часов, опять потухало и что в течение годового обращения оно заметно сначала усиливало бы свою яркость и теплоту, а потом опять ослабляло. Разве такие регулярные явления не служили бы всем, кто мог бы наблюдать их, для измерения отрезков продолжительности так же хорошо без движения, как и вместе с ним? Ведь если бы эти явления были постоянными, доступными наблюдению всех и наступали бы через равноотстоящие периоды, они бы хорошо служили человечеству для измерения времени, если бы движения и не было.

20. Но не своим движением, а периодичностью появления. И если бы замерзание воды или цветение растения повторялось во всех частях света через равноотстоящие

Локк Джон Опыт о человеческом разуме. Книга 2 filosoff.org
периоды, то они служили бы людям для счета лет так же хорошо, как и движение Солнца. И действительно, мы видим, что некоторые племена в Америке считают годы по прилету к ним некоторых птиц в одно определенное время года и по отлету - в другое. Приступ лихорадки, чувство голода и жажды, запах, вкус и всякая другая идея могли бы измерять течение последовательности и различать промежутки времени, если бы они постоянно повторялись через равноотстоящие периоды и были бы доступны наблюдению всех. Так мы видим, что слепорожденные достаточно хорошо считают время по годам, хотя не могут различать их смены по движениям, которых они не воспринимают. И я спрашиваю: разве слепой, который различает свои годы по летнему теплу или по зимнему холоду, по запаху всякого весеннего цветка или по вкусу любого осеннего плода, не измеряет своего времени лучше, чем римляне до исправления их календаря Юлием Цезарем или многие другие народы, годы в счете времени которых очень неправильны, несмотря на то что они, как они сами утверждают, пользуются движением Солнца? Немало затрудняет летосчисление и то, что точные величины лет, по которым различные народы ведут счет, трудно узнать, так как они сильно отличаются одна от другой и все они, могу я прибавить, не менее отличаются

==239

от точного движения Солнца. И если, согласно предположению остроумного, уже покойного писателя, от сотворения мира до потопа Солнце двигалось постоянно по экватору и в течение дней, которые всегда обладали одинаковой продолжительностью, равномерно распределяло свой свет и теплоту на все обитаемые части Земли и не имело годовых отклонений, [вызванных изменением его положения] по отношению к тропикам, то, я думаю, очень трудно вообразить, чтобы (несмотря на движение Солнца) люди в допотопное время с самого начала считали время по годам или измеряли его периодами, не имеющими ясных и заметных признаков, по которым можно было бы различать их.

21. Нельзя с достоверностью узнать равенства двух частей продолжительности. Но быть может, скажут: <Без регулярного движения Солнца ли или чего-нибудь другого каким образом можно узнать равенство двух периодов?> Я отвечу на это, что равенство любых других повторяющихся явлений можно узнать тем же самым путем, каким узнали или с самого начала предположили известным равенство дней, т. е. исключительно путем суждения о них по цепи идей, проходивших в эти промежутки времени в уме. Когда эта цепь идей обнаружила неравенство в продолжительности естественных, но не искусственных дней, то <искусственные дни>, или *ннчйюмесб*, были признаны равными, чего было достаточно для их употребления в качестве меры. Хотя более точные изыскания обнаружили с тех пор неравенство в суточном обращении Солнца и мы не уверены в равенстве годового, все-таки в силу своего предполагаемого и видимого равенства они служат для счета времени (хотя и не для точного измерения частей продолжительности) так же хорошо, как если бы можно было доказать их полное равенство. Мы, следовательно, должны тщательно различать саму продолжительность от мер, которыми мы пользуемся для суждения о ее величине. Продолжительность сама по себе должна рассматриваться как движущаяся вперед одним постоянным, ровным и однообразным потоком. Но насколько нам дано знать, такую не способна быть ни одна из тех ее мер, которыми мы пользуемся; не можем мы быть уверены и в том, что их определенные части, или периоды, равны между собой по продолжительности, ибо, как бы мы ни измеряли две последовательные величины продолжительности, никогда нельзя доказать их равенства. Движение Солнца, которым мир так долго и так уверенно

==240

пользовался в качестве точной меры продолжительности, оказалось, как я уже сказал, неравным в своих различных частях и хотя недавно стали пользоваться маятником как движением более устойчивым и регулярным, чем движение Солнца или (если быть более точным) Земли, но если спросить, каким образом знают с уверенностью, что два последовательных качания маятника равны между собой, то очень трудно будет доказать, что они обязательно равны. Так как мы не можем быть уверены в том, что неизвестная нам причина этого движения всегда действует одинаково, и знаем наверное, что среда, в которой происходит качание маятника, не всегда одна и та же, то любое изменение того или другого может нарушить равенство периодов качания и тем самым уничтожить достоверность и точность измерения через движение, как и равенство любых других периодов, в которые происходят другие явления. Понятие самой продолжительности остается, однако, ясным, хотя нет возможности доказать точность любой из наших мер для нее. Так

Локк Джон Опыт о человеческом разуме. Книга 2 filosoff.org
как нельзя сопоставить две части последовательности, то никогда нельзя знать с достоверностью их равенства. Все, что мы можем сделать для измерения времени, - это принять за меру непрерывные последовательные явления, сменяющиеся через периоды, кажущиеся равноотстоящими. Для этого кажущегося равенства их у нас нет другой меры, кроме той, которую для нашего убеждения в их равенстве в согласии с другими вероятными доводами запечатлела в нашей памяти цепь наших собственных идей.

22. Время не есть мера движения. Одно для меня кажется странным. Несмотря на то что все люди, очевидно, измеряли время движением великих и видимых мировых тел, время определяют как меру движения. Между тем очевидно для всякого, кто хоть сколько-нибудь вдумается в это, что для измерения движения столь же необходимо принять во внимание пространство, как и время. А кто вдумается немного поглубже, увидит, что и объем движущейся вещи необходимо принять в расчет желающему оценить или измерить движение так, чтобы правильно судить о нем. Да и движение лишь в том отношении ведет к измерению продолжительности, что постоянно осуществляет возврат некоторых чувственных идей через кажущиеся равноотстоящими периоды. Ибо если бы движение Солнца было таким же неравномерным, как движение носимого непостоянными ветрами

==241

корабля, иногда очень медленное, иногда же, без всякой закономерности, необычайно быстрое, или если бы оно было всегда одинаково быстрым, но совершалось не по кругу и не производило одних и тех же явлений, то оно вообще так же мало помогало бы нам измерять время, как неравномерное уже на вид движение кометы.

23. Минуты, часы, дни и годы не есть необходимые меры продолжительности. - Для самого времени, или продолжительности, минуты, часы, дни и годы необходимы не больше, чем для протяженности - отмеченные на каком-нибудь материале дюймы, футы, ярды и мили. Правда, вследствие постоянного пользования ими в качестве установленных обращением Солнца периодов или известных частей таких периодов в этой части вселенной мы закрепили в уме идеи этих величин продолжительности и применяем их ко всем частям времени, величины которых хотим рассмотреть. Но возможно, что в других частях вселенной этими нашими мерами пользуются не более, чем в Японии нашими дюймами, футами или милями. Однако нечто аналогичное им должно быть и там, ибо без некоторых регулярных периодических повторений мы не могли бы ни измерять для себя, ни обозначать для других величину какой бы то ни было продолжительности, хотя мир в то же самое время был бы так же полон движений, как и теперь, но ни одна часть его не подчинялась бы регулярным и равно продолжительным с виду обращениям. Но различные меры, которыми можно пользоваться для счета времени, вовсе не изменяют понятия продолжительности, которую и следует измерять, точно так же как различные эталоны фута и локтя не изменяют понятия протяженности для тех, кто пользуется этими разными мерами.

24. Наши меры времени применимы и к продолжительности до времени. Получив раз такую меру времени, как годовое обращение Солнца, ум может применять ее к продолжительности, в которой сама эта мера не существовала и к которой по существу она не имела никакого отношения. Утверждение, что Авраам родился в 2712 г. по юлианскому летосчислению, так же совершенно понятно, как и счет от сотворения мира, даже если в то далекое время не было ни движения Солнца, ни вообще какого-либо другого движения. Если мы даже предполагаем, что юлианское летосчисление начинается за несколько столетий до того, как дни, ночи или годы действительно стали отмечаться обращением Солнца, мы все-таки так

==242

же верно производим счет и тем самым так же хорошо измеряем продолжительность [тех времен], как если бы действительно в то время Солнце существовало и совершало то же самое обычное движение, что и теперь. Идею продолжительности, равной годовому обращению Солнца, применять в мыслях к продолжительности, где не было ни Солнца, ни движения, так же легко, как полученная от тел идея фута или ярда может быть приложена в наших мыслях к расстояниям за пределами мира, где вообще нет тел.

25. Предполагая, что от нашего места до самого отдаленного тела вселенной 5639 миль или миллионов миль (это тело, будучи конечным, должно находиться на

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org (определенном расстоянии), подобно тому как мы предполагаем, что от начала существования чего-нибудь во вселенной до нашего времени 5639 лет, мы можем в своих мыслях применять меру года к продолжительности до сотворения мира или за пределами продолжительности тел или движения точно так же, как меру мили - к пространству за крайними пределами тел, и первой мерой измерять продолжительность там, где не было движения, точно так же как второй - измерять мысленно пространство там, где нет тел.

26. Если мне возразят здесь, что при таком объяснении времени я считаю доказанным то, что мне не следовало бы считать доказанным, т. е. что мир не бесконечен и не вечен, я отвечу, что для моей настоящей цели в этом месте нет надобности пользоваться доводами для доказательства конечности мира в продолжительности и протяженности. А так как конечность по меньшей мере столь же понятна, как и противоположное, то я, разумеется, имею столько же права на свое предположение, сколько другой - на предположение обратного. И я не сомневаюсь, что при некотором старании каждый может легко представить себе в уме начало движения (хотя и не начало всякой продолжительности) и таким образом прийти к задержке и non ultra 41 в своем рассмотрении движения. Точно так же он может установить в своих мыслях границы телу и принадлежащей ему протяженности, но не пространству, где нет тела, ибо крайние границы пространства и продолжительности находятся вне пределов досягаемости мысли, точно так же как крайние границы числа находятся за пределами понимания самого широкого ума, и все по одной и той же причине, что мы увидим в другом месте.

==243

27. Вечность. Идею, называемую нами вечностью, мы приобретаем тем же самым путем и из того же самого источника, что и идею времени, а именно: получив, с одной стороны, идею последовательности и продолжительности путем размышления о цепи своих собственных идей, вызванной в нас или естественным появлением тех идей, которые сами собой постоянно проникают в наши мысли во время бодрствования, или внешними объектами, последовательно воздействующими на наши чувства; получив, с другой стороны, от обращения Солнца идеи определенных величин продолжительности, мы можем мысленно сколько угодно раз соединять такие величины продолжительности и прибавлять их в таком соединенном виде к прошедшим или будущим продолжительностям. Мы можем это продолжать беспредельно, in infinitum; применять, например, величину годового движения Солнца к продолжительности, предположим, до начала существования движения Солнца или всякого другого движения. Это трудно или нелепо не в большей степени, чем приложение моего понятия о движении тени сегодня в течение часа на солнечных часах к продолжительности чего-нибудь вчера ночью, например к горению свечи, теперь безусловно отделенной от всякого действительного движения: продолжительность этого пламени в течение часа вчерашней ночи так же не может существовать одновременно с каким-либо теперешним или будущим движением, как не может существовать одновременно с теперешним движением Солнца никакая часть продолжительности до начала мира. Но это не мешает мне, если только у меня есть идея величины движения тени на циферблате между двумя часовыми делениями, так же отчетливо измерить мысленно продолжительность этого горения свечи вчерашней ночью, как и продолжительность какой-нибудь теперь существующей вещи. Для этого нужно только представить себе, что если бы вчера ночью солнце освещало циферблат и двигалось так же, как теперь, то тень на циферблате прошла бы от одной часовой черты к другой за то время, пока горела свеча.

28. Так как понятие часа, дня или года есть только моя идея величины известных периодических регулярных движений (одновременно все эти движения существуют только в их идеях, имеющих у меня в памяти и полученных от моих чувств или рефлексии), то я могу с одинаковой легкостью и с одинаковым основанием применять его в своих мыслях к продолжительности, предшествующей всякому движению, так же как к тому, что лишь на минуту

==244

или на день предшествует движению Солнца в настоящий момент. Все прошедшее находится в одинаковом и совершенном покое, и в этом отношении все равно, совершалось ли что до начала мира или всего только вчера. Измерение любой продолжительности каким-нибудь движением зависит все не от того, действительно ли существует эта вещь одновременно с этим движением или каким-нибудь другим периодом обращения, а от того, что в моем уме имеется ясная идея величины

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
некоторых известных периодических движений или других промежутков
продолжительности и что она применяется к продолжительности вещи, которую я хочу
измерить.

29. Вот почему продолжительность мира с начала бытия его до настоящего, 1689
года одни представляют себе в 5639 лет, или как равную 5639 годовым обращениям
Солнца, другие – как гораздо более значительную; например, древние египтяне во
времена Александра считали 23 000 лет от царства Солнца, а современные китайцы
считают, что миру 3 269 000 лет или более. И хотя я не должен полагать
правильными их расчеты о более значительной продолжительности мира, я все-таки
могу представить их себе так же, как и они, и понять и утверждать, что одна
дольше другой, так же верно, как я понимаю, что Мафусаил жил дольше Еноха 2. И
если обычный счет в 5639 верен (он может быть верен столько же, сколько и всякий
другой), это вовсе не мешает мне представлять себе, что подразумевают другие,
когда делают мир на 1000 лет старше, ибо каждый может представить себе (я не
говорю поверить) с одинаковой легкостью, что миру 50 000 лет и 5639, а понять
продолжительность в 50 000 лет не труднее, чем в 5639. Отсюда явствует, что для
измерения временем продолжительности какой-нибудь вещи нет надобности, чтобы эта
вещь существовала одновременно с движением, которым мы измеряем, или с
каким-либо другим периодическим обращением; для этого достаточно, чтобы у нас
была идея величины каких-нибудь регулярных периодических явлений, которую мы
можем мысленно относить к продолжительности, хотя бы движение или явление
никогда не существовало одновременно с нею.

30. Так же как для того, чтобы представить себе, что свет существовал за три дня
до Солнца и его движения, как о том говорится в истории сотворения мира,
рассказанной Моисеем, мне достаточно лишь вообразить, что продолжительность
света до сотворения Солнца 43 была равна трем

==245

суточным обращениям Солнца (если оно двигалось тогда так же, как теперь). Точно
таким же путем я могу получить идею хаоса или сотворения ангелов за минуту, час,
день, год или тысячу лет до того, как существовал свет или какое-нибудь
непрерывное движение. Ибо если только я могу представить себе продолжительность,
равную одной минуте, до существования или движения какого-нибудь тела, то через
прибавление по одной минуте я могу дойти до шестидесяти и, прибавляя таким же
образом минуты, часы, годы (т. е. те или иные части солнечного обращения или
всякого другого периода, идея которого есть у меня), продолжать *in infinitum* и
предположить продолжительность, превышающую количество всяких периодов, сколько
бы я их ни насчитывал и сколько бы я их ни прибавлял. Это, думается мне, и есть
наше представление о вечности; о ее бесконечности мы имеем то же понятие, что о
бесконечности числа, к которому мы можем все время прибавлять без конца.

31. Таким образом, я думаю, очевидно, что идеи продолжительности и ее мер мы
получаем из двух вышеупомянутых источников всякого познания, т. е. из рефлексии
и ощущения. Ибо: во-первых, наблюдая, что происходит в нашем уме и как в нем
непрерывной цепью одни наши идеи пропадают, другие начинают появляться, мы
приходим к идее последовательности; во-вторых, наблюдая расстояния между частями
этой последовательности, мы получаем идею продолжительности; в-третьих, наблюдая
посредством ощущения некоторые явления через регулярные и на вид равноотстоящие
периоды, мы приобретаем идеи определенных величин, или (ср, продолжительности,
например минут, часов, дней, лет и т. д.; в-четвертых, благодаря способности
повторять мысленно сколько угодно раз эти меры времени или идеи установленных
величин продолжительности мы можем представлять себе продолжительность там, где
в действительности ничто не продолжается и не существует: таким образом мы
представляем себе завтра, будущий год или семь лет спустя; в-пятых, благодаря
способности повторять мысленно сколько угодно раз такие идеи величин времени,
как идеи минуты, года, века, и прибавлять их друг к другу без того, чтобы
когда-нибудь прийти при этом к концу

==246

такого прибавления скорее, чем к концу числа, к которому мы можем прибавлять
всегда, мы приходим к идее вечности – как вечной будущей продолжительности нашей
души, так и вечности того бесконечного существа, которое необходимо должно было
существовать всегда; в-шестых, рассматривая любую часть бесконечной
продолжительности, выделенную установленными на основании периодов мерами, мы

Глава пятнадцатая О ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ, РАССМАТРИВАЕМЫХ ВМЕСТЕ

1. И то и другое способны быть больше и меньше. Хотя в предыдущих главах мы довольно долго останавливались на рассмотрении пространства и продолжительности, но так как это идеи всеобщего значения, имеющие в своей природе нечто очень неясное и своеобразное, то сравнение их друг с другом, быть может, будет не бесполезно для их объяснения, и мы, возможно, получим более ясное и четкое понятие о них, если рассмотрим их вместе. Расстояние, или пространство, в его простом, абстрактном понятии я называю распространенностью во избежание неясности и для того, чтобы отличать от его протяженности⁴⁴, [название] которой некоторыми употребляется исключительно для выражения расстояния между плотными материальными частицами и, таким образом, включает или по крайней мере намекает на идею тела; между тем идея чистого пространства такого не включает. Я предпочитаю слово <распространенность> также и слову <пространство>, потому что последнее применяют, обозначая расстояние между текучими, следующими друг за другом частями, которые никогда не бывают вместе, и расстояние между частями, которые берутся совместно; в случае и распространенности и продолжительности ум имеет общую идею непрерывных величин, которые могут быть увеличены или уменьшены, ибо идея разницы между длиной часа и дня так же ясна, как и идея разницы между дюймом и футом.

2. Распространенность не ограничена материей. Получив идею длины любой части распространенности, будет ли это пядь или шаг, или какая угодно другая длина, ум (mind), как было сказано, может повторять эту идею и, прибавляя ее к прежней, увеличивать свою идею длины и

==247

делать ее равной двум пядям или двум шагам и так далее сколько угодно раз, пока она не сравняется с расстоянием между любыми точками земной поверхности и не возрастет настолько, что дойдет до расстояния [от Земли] до Солнца или самой отдаленной звезды. При таком продвижении, отправляясь с того места, где находится, или со всякого другого, ум может идти вперед и пройти далеко за пределы всех этих величин, не находя препятствия своему дальнейшему движению ни в теле, ни вне тела. Правда, в своих мыслях мы можем без труда прийти к концу плотной протяженности; нам не трудно достигнуть конца и границ всякого тела. Но, очутившись там, ум не встречает ничего, что помешало бы его дальнейшему движению вперед в эту бесконечную распространенность; ум не может ни найти, ни представить себе никакого конца ее. И пусть не говорят, что за пределами тел вообще ничего нет, если не хотят ограничивать бога пределами материи. Соломон, разум которого был велик и полон мудрости, думал, по-видимому, иначе, когда говорил: <Небо и небо небес не вмещают тебя> 45. И по-моему, слишком переоценивает силу своего разума тот, кто считает себя способным простирать свои мысли дальше, чем существует бог, – или воображать себе распространенность там, где ее нет.

3. И продолжительность не ограничена движением. То же самое с продолжительностью. Получив идею любой величины продолжительности, ум может удваивать, умножать и увеличивать ее не только за пределы собственного существования, но и за пределы существования всех телесных вещей и всех мер времени, взятых от великих мировых тел и их движений. И все-таки каждый легко согласится, что хотя мы и представляем себе продолжительность безграничной, какой она, конечно, является, но не можем простирать ее за пределы всякого бытия. Каждый легко согласится, что бог наполняет вечность; и трудно найти основание для сомнения в том, что он также наполняет необъятность: его бесконечное бытие, несомненно, одинаково безгранично и в том и в другом отношении. И мне думается, слишком много приписывает материи утверждение: <Где нет тела, нет ничего>.

4. Почему люди признают бесконечную продолжительность легче, чем бесконечную распространенность пространства? Отсюда, кажется, мы можем выяснить причину того, что все охотно и без малейших колебаний говорят о вечности, предполагают ее и, не задумываясь, приписывают бесконечность продолжительности, но бесконеч-

==248

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
ность пространства многие допускают или предполагают с большими сомнениями и оговорками. Причина, на мой взгляд, вот какая. Употребляя <продолжительность> и <протяженность> как названия свойств других предметов, мы без труда представляем себе в боге бесконечную продолжительность и не можем не делать этого; но, приписывая протяженность только материи, которая является конечной, а не богу, мы более склонны сомневаться в существовании распространности без материи, ибо обычно мы считаем ее атрибутом только одной материи. И поэтому когда люди размышляют о пространстве, они склонны останавливаться у пределов телесного мира, как будто пространство тоже оканчивается там и не простирается дальше. Если даже при рассмотрении их идеи несут их дальше, они все же называют то, что находится за пределами вселенной, <воображаемым пространством>, как будто оно есть ничто, потому что в нем не существует никаких тел. Между тем продолжительность, предшествующую всем телам и движениям, которыми она измеряется, они никогда не зовут воображаемой, потому что никогда не считают ее лишней некоторого другого реального существования. И если названия вещей могут вообще направлять наши мысли к источникам человеческих идей (а я склонен думать, что очень даже могут), то слово <продолжительность> (duration) может навести на мысль, что непрерывность существования вместе с противодействием всякой разрушительной силе и непрерывности плотности (которую легко смешать с твердостью и от которой ее, если мы исследуем мельчайшие анатомические частицы материи, трудно отличить) считались аналогичными и породили столь сходные слова, как Durare и Durum esse 46. А что durare прилагается как к идее твердости, так и к идее существования, ясно из Горация (Epid. XVI) : ferro duravit saecula . Но как бы то ни было, несомненно, что всякий, кто следит за своими мыслями, увидит, что иногда они уходят за пределы телесного мира, в бесконечность пространства, или распространности, и что идея пространства отлична и отделена от тела и всех других вещей. Это может быть для желающих предметом дальнейшего размышления.

5. Время так относится к продолжительности, как место к распространности. В общем время так относится к продолжительности, как место к распространности. Они составляют такие части этих беспредельных океанов вечности и необъятности, которые выделены и отличены от

==249

остального как бы вехами; поэтому они употребляются для обозначения взаимного положения конечных реальных вещей в этих однообразных бесконечных океанах продолжительности и пространства. Собственно говоря, они представляют собой только идеи определенных расстояний от некоторых известных точек, которые закреплены в различных ощущаемых вещах и, как предполагают, сохраняют одно и то же расстояние друг от друга. От таких закрепленных в ощущаемых вещах точек мы начинаем отсчет и по ним меряем части этих бесконечных величин; если рассматривать эти части таким образом, они и есть то, что мы называем временем и местом. Ибо продолжительность и пространство сами по себе однообразны и беспредельны, и поэтому без таких известных, установленных точек порядок и положение вещей затерялись бы в них и все находилось бы перемешанным в безнадежном беспорядке.

6. Время и место постольку принимаются за части продолжительности и протяжения, поскольку они выделены существованием и движением тел. Когда время и место принимаются за определенные, различные части бесконечных бездн пространства и продолжительности, выделенные или считающиеся отличными от остальных вещей знаками и известными границами, то это можно понимать двояко.

Во-первых, временем вообще считается обыкновенно определенная часть бесконечной продолжительности, как она измерена существованием и движением великих мировых тел и существует одновременно с ними в той мере, в какой мы что-либо знаем о них. В этом смысле время начинается и кончается вместе со строем этого чувственно воспринимаемого мира, что видно на примере уже приводившихся выражений: <прежде всякого времени> или <когда времени больше не будет>. Подобным же образом место принимается иногда за ту часть бесконечного пространства, которую занимает материальный мир и которая включена в его рамки и отличается этим от остальной распространности, хотя ее точнее называть протяженностью, чем местом. Ими обоими ограничивается и видимыми их частями измеряется и определяется каждое отдельное время или продолжительность, каждая отдельная протяженность или место всех телесных предметов.

7. Иногда же они принимаются за такие части продолжительности и протяжения, какие мы обозначаем мерами, взятыми от объема или движения тел. Во-вторых,

==250

иногда слово <время> употребляется в более широком смысле и относится не только к частям бесконечной продолжительности, действительно различающимся и измеряющимся подлинным существованием и периодическими движениями тел, которые с самого начала должны были служить знаками времен года, дней, годов, и соответственно являющимся нашими мерами времени, но также и к тем другим частям бесконечной однообразной продолжительности, которые мы при случае предполагаем равными определенным величинам измеряемого времени, рассматривая их, таким образом, как ограниченные и определенные. Если бы мы предположили, что сотворение или грехопадение ангелов совершилось в начале юлианского летосчисления, мы выразились бы достаточно точно и понятно, если бы сказали, что <сотворение ангелов совершилось раньше сотворения мира на 764 года>; этим мы выделили бы в той лишенной отличий продолжительности часть, которая в соответствии с нашим предположением была бы равна 764 годовым обращениям Солнца при его теперешнем движении и вместила бы их в себя 49. Подобным же образом мы говорим иногда о месте, расстоянии или объеме в великой пустоте за пределами мира, когда рассматриваем такую часть этого пространства, которая равна телу или может вместить тело определенных размеров, например кубический фут, или когда предполагаем в нем точку, находящуюся на определенном расстоянии от какой-нибудь части вселенной.

8. Они относятся ко всему сущему. <Где> и <когда> – это вопросы, относящиеся ко всем конечным предметам, и счет мы ведем всегда от некоторых известных частей нашего ощущаемого мира и от некоторых известных отрезков времени, указанных нам наблюдаемыми в нем движениями. Без таких определенных точек или промежутков времени порядок вещей затерялся бы для нашего конечного разума в беспредельном, неизменном океане продолжительности и распространности, вмещающих в себя все конечные предметы и во всем объеме своем принадлежащих только богу. Мы не должны поэтому удивляться, что не понимаем их и что мы так часто находимся в затруднении, когда хотим рассмотреть их или абстрактно сами по себе, или относя их каким-то образом к изначальному, непостижимому существу. Но когда мы применяем их к какому-нибудь отдельному конечному предмету, то протяженностью те'ла является определенная часть этого бесконечного пространства, занимаемая объемом тела, а местом – положе-

==251

ние тела, когда его рассматривают на определенном расстоянии от чего-то другого. Так же как идея отдельной продолжительности какой-нибудь вещи есть идея той части бесконечной продолжительности, которая протекает за время существования этой вещи, точно так же время существования вещи есть идея того промежутка продолжительности, который прошел между некоторым известным и определенным отрезком продолжительности и бытием этой вещи. В первом случае указывается расстояние между крайними точками объема или длительность существования одной и той же вещи, например указывается, что она есть квадратный фут и длилась два года. В другом случае указывается расстояние вещи по месту или существованию относительно других определенных точек пространства или продолжительности, например указывается, что вещь находилась в середине сквера Линкольн Иннфильдс 50 или первого градуса созвездия Тельца и в 1671 г. после р. х. или в 1000 г. юлианской эры. Все эти расстояния мы измеряем с помощью заранее известных идей определенных величин пространства и продолжительности, в одном случае – дюймами, футами, милями и градусами. в другом – минутами, днями, годами и т. д.

9. Все части протяженности суть протяженность, и все части продолжительности суть продолжительность. В одном еще имеют большое сходство пространство и продолжительность. Хотя они справедливо причисляются к нашим простым идеям, но ни одна из наших отчетливых идей пространства и продолжительности не обходится без того или другого вида сложения. Им свойственно по природе состоять из частей; но их части, будучи все однородными и без всякой примеси какой-либо другой идеи, не мешают им занимать место среди простых идей. Если бы ум, как в числе, мог дойти до такой незначительной части протяженности или продолжительности, которая исключала бы делимость, то она была бы, так сказать, неделимой единицей, или идеей, и ум создавал бы свои более широкие идеи протяженности и продолжительности при помощи ее повторения. Но, не будучи в

Локк Джон Опыт о человеческом разуме. Книга 2 filosoff.org
состоянии составлять идеи любого пространства без частей, ум употребляет вместо этого обычные меры, которые вследствие частого употребления в каждой стране запечатлелись в памяти (например, дюймы и футы или локти и парасанги; секунды, минуты, часы, дни и годы для продолжительности). Ум, повторяю я, пользуется такими идеями как простыми; они входят как составные части в более широкие идеи, которые ум в

==252

случае надобности составляет путем сложения таких определенных и знакомых ему величин. С другой стороны, наименьшую из таких обычных меры считаем как бы числовой единицей, когда ум делением желает превратить их в более мелкие доли. Впрочем, когда рассматриваемая идея становится очень большой или очень маленькой, в обоих случаях – и при сложении, и при делении как пространства, так и продолжительности – точный объем идеи становится очень неясным и смутным; ясным и определенным остается только число ее повторных сложений или делений. Это сразу станет ясным для всякого, кто позволит своей мысли затеряться в обширной дали пространства или делимости материи. Каждая часть продолжительности есть также продолжительность, и каждая часть протяженности есть также протяженность; обе слагаемы или делимы *in infinitum*. Но наименьшие их части, ясные и отличные друг от друга, идеи которых мы имеем, быть может, удобнее всего нам рассматривать как простые идеи этого рода, из которых составлены наши сложные модусы пространства, протяженности и продолжительности и на которые они снова могут быть разложены. Такую небольшую часть продолжительности можно назвать моментом; она – время одной идеи в нашем уме в цепи их обычной последовательности. Такая же часть протяженности не имеет подходящего названия, поэтому я не знаю, позволят ли мне назвать такую часть ощущаемой точкой. Под этим я подразумеваю наименьшую различаемую нами частицу материи или пространства, которая обыкновенно равна приблизительно минуте круга, центром которого является глаз, а для самого острого зрения бывает редко меньше тридцати секунд этого круга.

10. Их части неотделимы друг от друга. Распространенность и продолжительность сходятся, далее, еще в том, что хотя они обе рассматриваются нами как имеющие части, но части их неотделимы одна от другой даже и в мысли, несмотря на то что части тел, от которых мы берем меру распространенности, и части движения, или, вернее, последовательности идей в нашем уме, от которых мы берем меру продолжительности, могут быть прерваны или отделены друг от друга, в первом случае – покоем, что бывает часто, а во втором – сном, который мы тоже называем покоем.

11. Продолжительность подобна линии, распространенность – телу. Но между ними есть и очевидная разница. Идеи длины, которые мы имеем о распространенности,

==253

могут принимать любое направление и образовывать форму, ширину и толщину; продолжительность же подобна длине прямой линии, простертой *in infinitum*, и не способна создать множественность, разнообразие или форму, но есть общая мера всего сущего, которой одинаково причастны все вещи, пока существуют. Ибо настоящий момент является общим для всех существующих теперь вещей и одинаково охватывает данную часть их существования, как если бы они все были одной-единственной вещью; мы справедливо можем сказать, что все они существуют в один и тот же момент времени. Вопрос о том, есть ли в ангелах и духах нечто аналогичное распространенности, выше моего понимания. Наш разум и наше понимание соответствуют нашему самосохранению и целям нашего собственного существования, но не приурочены ко всей действительности и всему тому, что в ней существует. Поэтому постигнуть какое-нибудь существование или получить идею какого-нибудь реального существа, лишнего какого бы то ни было протяжения, для нас, быть может, почти так же трудно, как получить идею какого-нибудь реального существа, лишнего всякой продолжительности. Потому мы и не знаем, в каком отношении стоят духи к пространству и как они в нем соотносятся друг с другом. Все, что мы знаем, – это то, что каждая единичная вещь имеет свой надлежащий участок пространства соответственно протяжению своих плотных частиц и исключает поэтому все другие тела из этого своего участка пространства, пока она там остается.

12. Продолжительность никогда не имеет двух частей, наличествующих вместе, у распространенности все части находятся вместе. Продолжительность и ее часть –

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
время есть идея исчезающего расстояния, две части которого никогда не существуют вместе, но следуют друг за другом в последовательности, между тем как распространность есть идея пребывающего расстояния, все части которого существуют совместно и не способны к следованию друг за другом. И поэтому хотя мы и не можем постигнуть какую-нибудь продолжительность без последовательности и соединить в своих мыслях, что в настоящий момент вещь существует завтра или что она владеет сразу более чем данным моментом продолжительности, однако мы можем представить себе вечную продолжительность всемогущего совершенно отличную от продолжительности человека или всякого другого конечного существа, ибо человек не охватывает своим знанием или способ-

==254

ностью всего прошедшего или будущего; его мысли относятся только ко вчерашнему дню и не знают, что принесет с собой завтрашний. Того, что раз прошло, он никогда не может вернуть; того, что еще должно прийти, он не может сделать настоящим. То же самое, что о человеке, можно сказать о всех конечных существах: пусть они даже намного превосходят человека знанием и способностью, они не выше самой низкой твари в сравнении с самим богом. Конечное, какой бы ни было величины, не выдерживает никакого сравнения с бесконечным. Так как бесконечная продолжительность бога сопровождается бесконечным знанием и бесконечной силой, он видит все прошедшее и будущее, и то и другое отстоят от его знания не больше, отдалены от его взора не дальше настоящего: все находится под одним и тем же взором, и нет вещи, которую он не мог бы заставить существовать в любой момент, когда хочет. Так как существование всех вещей зависит от его доброй воли, все вещи существуют всякий момент, когда он считает нужным их существование. Итак, распространность и продолжительность взаимно обнимают и охватывают друг друга: каждая часть пространства находится в каждой части продолжительности и каждая часть продолжительности – в каждой части распространности. Мне кажется, такое сочетание двух различных идей едва ли можно найти во всем том великом разнообразии, которое мы постигаем или можем постигнуть; это может служить предметом дальнейшего размышления.

Глава шестнадцатая О ЧИСЛЕ

1. Число есть простейшая и наиболее общая идея. Среди всех наших идей нет идеи более простой и проникающей в ум большим числом путей, нежели идея единицы, или единства. В ней нет и тени разнообразия или сложности. Ее приносит с собой каждый объект, с которым имеют дело наши чувства, каждая идея в нашем разуме, каждая мысль в нашем уме. Она поэтому есть наиболее близкая нашему мышлению и по своей согласованности со всеми другими предметами наиболее общая наша идея. Число приложимо к людям, ангелам, действиям, мыслям, ко всему, что существует или что можно представлять себе.

2. Модусы числа образуются сложением. Повторяя эту идею в уме и складывая эти повторения, мы приходим к

==255

сложным идеям ее модусов. Так, прибавляя один к одному, мы получаем сложную идею пары; складывая двенадцать единиц, получаем сложную идею дюжины; так же получается двадцать, миллион и всякое другое число.

3. Каждый модус отличается от другого. Простые модусы числа из всех других суть наиболее отличающиеся друг от друга. Самое незначительное изменение – разность на единицу – делает каждое сочетание совершенно отличным как от самого близкого ему числа, так и от самого далекого. Два так же отличается от одного, как и двести; идея двойки так же отлична от идеи тройки, как величина всей Земли от величины щепотки. Не так бывает с другими простыми модусами, в которых нам не так легко, а иногда, быть может, и невозможно различить две смежные идеи, которые, однако, в действительности различаются. Кто попробует найти разницу между белым цветом этой бумаги и белым цветом ближайшего к нему оттенка? Кто может образовать различные идеи каждого самого малого увеличения протяженности?

4. Поэтому доказательства при помощи чисел суть самые точные. Ясность и определенность каждого модуса числа, отличающегося от всех других, даже самого ближайшего, заставляет меня считать доказательства при помощи чисел если не более очевидными и точными, нежели геометрические, то более общими по своему

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
употреблению и более определенными по своему применению. Ибо идеи чисел более отчетливы и различимы, нежели идеи протяженности, в которых не так легко подметить или измерить всякое равенство и превышение; ибо наши мысли о пространстве не могут прийти к какой-нибудь определенной малой величине, за пределы которой идти нельзя, как, например, к единице, и потому не могут быть выявлены величина или соотношение какого-нибудь очень незначительного превышения. В числах, напротив, они совершенно ясны. Здесь, как уже было сказано, 91 отличается от 90 не меньше, чем от 9000, хотя 91 – ближайшее непосредственное превышение 90. Не так с протяженностью, где то, что лишь немного больше фута или дюйма, нельзя отличить от эталона фута или дюйма. Из линий, которые кажутся одинаковыми, одна может быть длиннее другой на часть, не могущую быть выраженной в числах. Никто не может указать угол, который был бы минимально больше прямого.

5. Имена необходимы для чисел. Как уже было сказано, повторением идеи единицы и соединением ее с другой

==256

единицей мы образуем из них одну совокупную идею, обозначенную именем <два>. И кто может так действовать и идти таким образом вперед, все время прибавляя по одной единице к последней полученной им совокупной идее числа, и дает ей имя, тот может считать или получать идеи для отличных друг от друга совокупностей единиц до тех пор, пока у него будет ряд имен для следующих чисел и память для удержания этого ряда с его различными именами. Ибо всякий счет есть не что иное, как постоянное прибавление по единице и сообщение каждой сумме, как охватываемой одной идеей, нового или особого названия или знака, чтобы посредством этого узнать ее (его) среди предыдущих и следующих чисел и отличать от каждого меньшего или большего множества единиц. Так что кто может прибавить единицу к единице, потом к двум и идти таким образом вперед в своем счете, все время применяя особые названия для каждого возрастаания; кто может, с другой стороны, посредством вычитания единицы от каждой суммы идти назад и уменьшать их, тот способен в пределах своего языка получить все идеи чисел или те идеи, для которых у него есть имена, хотя, быть может, и не больше. Так как различные простые модусы чисел в нашем уме есть лишь столько-то сочетаний единиц, не заключающих в себе никакого разнообразия и различающихся только большей или меньшей величиной, то для каждого отдельного сочетания имени, или знака, по-видимому, более необходимы, чем для других видов идей, ибо без таких имен, или знаков, мы едва ли можем с пользой употреблять числа при счете, особенно там, где сочетание составилось из большого числа единиц. Если соединить единицы и не дать имени, или знака, для различения именно этого сочетания, то трудно будет предохранить их от смешения в кучу.

6. Вот почему, на мой взгляд, некоторые жители Америки, с которыми я разговаривал (и которые в других отношениях обладали довольно хорошими умственными способностями), в своем счете никоим образом не могли, подобно нам, дойти до тысячи и не имели отдельной идеи этого числа, хотя очень хорошо считали до двадцати, ибо их язык, скудный, приспособленный к немногим потребностям их бедной и простой жизни, не знакомой ни с торговлей, ни с математикой, не имел слов для обозначения тысячи. И когда с ними беседовали о таких больших числах, то для выражения большого количества, которого они не могли счесть, они указывали на свои волосы на

==257

голове. Эта неспособность их, я полагаю, происходила от недостатка названий. У племени туупинамбо не было имен для чисел выше пяти; все числа больше пяти они выражали, показывая на свои пальцы и на пальцы других присутствующих лиц. Да и мы сами, несомненно, могли бы точно считать, [пользуясь] словами гораздо дальше, чем считаем обычно, если бы придумали хотя бы еще несколько пригодных для обозначения чисел наименований. Между тем при нашем теперешнем способе счисления, когда мы выражаем большие числа миллионами миллионов миллионов и т. д., трудно, не вызывая путаницы, идти дальше восемнадцати или, самое большее, двадцати четырех десятичных разрядов. А чтобы показать, как много особые имена способствуют хорошему счету или приобретению полезных идей чисел, предположим, что все нижеследующие цифры суть знаки одного-единственного числа 52:

Нонильоны 857 324   Октильоны 162 486   Септильоны 345 896   Секстильоны 437 916

Обычный способ названия этого числа словами будет состоять в частом повторении миллионов миллионов миллионов миллионов миллионов миллионов, т. е. наименования второй шестерки цифр. Этим путем очень трудно получить сколько-нибудь ясное понятие об этом числе. Я предоставляю другим рассмотреть, не легче ли будет различать при исчислении такие и, быть может, гораздо большие числа, а идеи их не легче ли будет приобретать нам самим и выражать их более понятно для других, если мы каждой шестерке цифр будем давать новые и идущие по порядку наименования. Я говорю об этом только для того, чтобы показать, как необходимы для счисления особые названия, и вовсе не думаю вводить новые названия собственного изобретения.

7. Почему дети не начинают считать раньше? Таким образом, дети или за неимением названий для обозначения различных числовых разрядов, или вследствие отсутствия способности соединять разрозненные идеи в сложные, приводить их в стройный порядок и удерживать их в памяти, как это необходимо для счета, начинают считать не очень рано и успевают в этом не особенно много и не

==258

очень хорошо довольно долго после того, как приобрели большой запас других идей. Можно часто наблюдать, как они сравнительно неплохо говорят и рассуждают и имеют очень ясные представления о разных других вещах до того, как умеют считать до двадцати. А некоторые, будучи вследствие недостатка памяти не в состоянии запоминать различные сочетания чисел вместе с их названиями в их определенном порядке, связь такого длинного ряда числовых разрядов и их соотношение, даже всю свою жизнь не могут правильно считать далее скромного ряда чисел. Кто захочет счесть двадцать или получить идею этого числа, тот должен знать, что ему предшествует девятнадцать, а также знать особые названия, или знаки, каждого из них в их определенном порядке. Где этого нет, там образуется пробел, цепь обрывается и дальнейший счет невозможен. Таким образом, для правильного счета требуется: 1) чтобы ум тщательно различал две идеи, отличающиеся друг от друга только прибавлением или вычитанием одной единицы; 2) чтобы он удерживал в памяти названия, или знаки, различных сочетаний от единицы до данного числа, не спутанно и не наобум, а в том строгом порядке, в каком одно число следует за другим. Если промахнуться в чем-либо одном, все дело счета рухнет и останется только смутная идея множества, но не получается идей, необходимых для точного счисления.

8. Число измеряет все измеримое. Далее относительно числа следует заметить, что ум пользуется числом при измерении всех поддающихся измерению вещей, главным образом протяжения и продолжительности; даже наша идея бесконечности того и другого, по-видимому, не что иное, как бесконечность числа. Действительно, что такое, в самом деле, наши идеи вечности и необъятности, как не повторные прибавления определенных идей воображаемых частей продолжительности и распространенности в соединении с бесконечностью числа, в которой мы не можем доходить до предела прибавления? Ибо число совершенно очевидно доставляет нам неисчерпаемый запас всех наших других идей, что ясно каждому. Какое бы большое число мы ни соединили в одной сумме, это множество, как бы велико оно ни было, ни на йоту не уменьшает возможности прибавлять к нему и не приближает нас к концу неисчерпаемого запаса чисел, где всегда остается так же много для прибавления, как если бы ни одно не было отнято. И мне думается, что именно это бесконечное сложение, или слагаемость (если кому

==259

нравится больше последнее слово), чисел, столь очевидное для ума, дает нам наиболее ясную и четкую идею бесконечности. О последней подробнее в следующей главе.

Глава семнадцатая О БЕСКОНЕЧНОСТИ

1. Первоначально намеревались приписать бесконечность пространству, продолжительности и числу. Тому, кто хочет знать, какова та идея, которой мы даем имя <бесконечность>, лучше всего это сделать, рассмотрев, чему

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
бесконечность приписывается умом всего непосредственнее и как ум приходит к ее образованию.

Мне кажется, что конечное и бесконечное рассматриваются умом как модусы количества и приписываются сначала при их первом употреблении только тем вещам, которые состоят из частей и могут посредством прибавления или вычитания самых малых частей увеличиваться и уменьшаться. Таковы идеи пространства, продолжительности и числа, которые мы рассмотрели в предыдущих главах. Поистине мы не можем не быть уверенными в непостижимой бесконечности великого бога, из которого и от которого всё. Но когда мы в своем слабом и ограниченном мышлении прилагаем свою идею бесконечности к этому первому и верховному существу, мы делаем это прежде всего по отношению к его продолжительности и вездесущности, а по отношению к его могуществу, мудрости, доброте и другим атрибутам, которые воистину неистощимы, непостижимы и т. д., мы делаем это, на мой взгляд, скорее в переносном смысле. Ибо, когда мы называем их бесконечными, под идеями этой бесконечности мы разумеем лишь такую идею, с которой связано размышление и представление о числе или распространенности действий и объектов божьей силы, мудрости и доброты, причем, какими бы великими или многочисленными мы ни предполагали эти действия и объекты и сколько бы мы ни умножали их в своих мыслях, атрибуты бога всегда будут превосходить и превышать их со всей бесконечностью бесконечного числа. Я не претендую на то, чтобы указать, каковы эти атрибуты в боге, который бесконечно выше досягаемости наших ограниченных способностей; они, без сомнения, заключают в себе все возможное совершенство. Но таков, говорю я, наш путь их постижения, и таковы наши идеи их бесконечности.

==260

2. Идея конечного приобретает легко. Определив, что ум рассматривает конечное и бесконечное как модификации распространенности и продолжительности, мы должны затем исследовать, как ум приходит к ним. Что касается идеи конечного, она не представляет большой трудности. Очевидные части протяженности, воздействующие на наши чувства, приносят с собой в ум идею конечного; обычные промежутки последовательности, которыми мы измеряем время и продолжительность, такие, как часы, дни и годы, суть ограниченные величины. Трудность представляет то, как мы приходим к беспредельным идеям вечности и необъятности, ибо предметы, с которыми мы имеем дело, даже приблизительно или относительно не достигают таких величин.

3. Как мы приходим к идее бесконечности. Всякий, у кого есть идея какой-нибудь установленной пространственной величины, например фута, знает, что он может повторить эту идею и, присоединяя ее к прежней, образовать идею двух футов, а посредством прибавления к ним третьей – идею трех футов и так далее, никогда не приходя к концу в своих прибавлениях или этой же самой идеи фута, идя, если угодно, двойного фута, или всякой другой идеи любой длины – мили, земного диаметра, диаметра *Orbis magnus* 53. Какую бы из этих идей ни взял он и сколько бы раз ни удваивал или увеличивал иным образом, он увидит после непрерывного мысленного удваивания и какого угодно увеличения своей идеи, что у него оснований остановиться не больше и он ни на йоту не ближе к концу такого прибавления, чем при самом начале. И из того, что способность увеличения его идеи пространства путем дальнейших прибавлений остается все такой же, он выводит идею бесконечного пространства.

4. Наша идея пространства беспредельна. Вот, кажется мне, путь, которым ум приобретает идею бесконечного пространства. Совершенно другой вопрос, имеет ли ум идею того, что такое беспредельное пространство действительно существует, потому что наши идеи не всегда являются доказательством того, что вещи существуют. Все же, раз зашла об этом речь, я, полагаю, могу сказать, что мы склонны считать это пространство само по себе действительно беспредельным и что к этой мысли нас естественно приводит сама собой идея пространства, или распространенности. В самом деле, рассматриваем ли мы идею пространства как протяженность тела или как нечто отдельно существующее без всякой занимающей его твердой

==261

материи (у нас не только есть такая идея пустого пространства, но, исходя из движения тела, я, мне кажется, доказал необходимость его существования), невозможно, чтобы ум когда-нибудь нашел или предположил какой-либо конец или остановился где-нибудь в своем продвижении в это пространство, как бы далеко ни простирал он свои мысли, Никакие телесные границы, хотя бы алмазные стены, не

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
могут положить конец дальнейшему движению ума в пространство и протяженность, скорее они облегчают и усиливают движение ума, ибо, поскольку тело простирается, постольку никто не может и сомневаться в протяженности. Если же мы достигаем самых крайних границ тела, то что может там быть преградой и убедить ум, что он у конца пространства, когда он видит, что это не так, тем более если он убежден, что и само тело может двигаться в дальнейшее] пространство? Если для движения тел необходимо, чтобы здесь между телами существовало пустое пространство, как бы незначительно оно ни было, и если тело может двигаться в этом пустом пространстве или через него (более того, материальные частицы только и могут двигаться, что в пустом пространстве), то всегда будет ясно и очевидно, что в пустом пространстве за крайними пределами тела существует та же самая возможность для тела двигаться, что и в пустом пространстве, находящемся между телами. Так как идея пустого чистого пространства и в пределах, и за пределами всех тел совершенно одна и та же, различаясь не характером, а объемом, и так как ничто не мешает телу двигаться в пространстве, то где бы ум мысленно ни занял место, между телами или далеко от них всех, нигде в этой однообразной идее пространства он не может найти никакого предела, никакого конца и, таким образом, необходимо должен сделать заключение, что оно по самой природе и идее каждой части его действительно является бесконечным.

5. Такова же идея продолжительности. Как благодаря обнаруживаемой у себя способности повторять сколько угодно раз любую идею пространства мы приобретаем идею необъятности, точно так же благодаря своей способности повторять идею продолжительности любой величины, имеющуюся у нас в уме, со всем бесконечным прибавлением числа мы приходим к идее вечности. Ибо мы замечаем, что при таком повторении идей так же не можем прийти к концу, как и при повторении числа; каждый видит, что он этого не может. Опять-таки имеется ли у нас идея вечности - это один вопрос, но совершенно другой вопрос -

==262

знать, есть ли реальное существо, продолжительность которого была бы вечна. Что касается этого вопроса, я утверждаю, что всякий, кто признает что-нибудь существующим теперь, необходимо должен прийти к чему-нибудь вечному. Но так как я говорил об этом в другом месте 54, то здесь об этом больше ничего не скажу и перейду к некоторым другим соображениям относительно нашей идеи бесконечности.

6. Почему другие идеи не допускают бесконечности? Если действительно наша идея бесконечности вытекает из замечаемой у нас способности повторять без конца свои идеи, то могут спросить, почему мы не приписываем бесконечности другим идеям точно так же, как идеям пространства и продолжительности. Ведь они могут быть повторены в нашем уме так же легко и так же часто, как и те, а между тем никто никогда не думает о бесконечной сладости или бесконечной белизне, хотя идею сладкого или белого можно повторять столь же часто, сколько идею ярда или дня. Я отвечаю на это: все те идеи, которые признаются имеющими части и могут увеличиваться посредством прибавления каких угодно равных илр! меньших частей, дают нам при их повторении идею бесконечности, потому что с этим бесконечным повторением продолжается непрерывное увеличение, которому не может быть конца. Не то с другими идеями. Прибавление к самой большой идее протяженности или продолжительности, какая есть у меня в настоящее время, самой малой части уже составляет увеличение. Но если я к самой совершенной своей идее самой белой белизны прибавлю идею меньшей или равной белизны (идею большей белизны, чем имеющуюся у меня, я не могу прибавить), то это не составит никакого увеличения и несколько не расширит моей идеи: поэтому различные идеи белизны и т. в. называются степенями. Идеи, состоящие из частей, способны увеличиваться посредством каждого прибавления самой малой части; но, если вы возьмете идею белого, которую доставил вашему зрению выпавший вчера снег, и другую идею белого от снега, который вы видите сегодня, и сведете их вместе в уме своем, они как бы объединятся и сольются в одну, а идея белизны совсем не увеличится; а если мы прибавим меньшую степень белизны к большей, мы не только не увеличим, а, напротив, уменьшим последнюю. Идеи, не состоящие из частей, не могут быть увеличены в каком угодно нам размере или простираются за пределы того, что они получили от чувств людей; между тем пространство,

==263

продолжительность и число, могущие быть увеличены через повторение, оставляют в уме идею бесконечного простора для большего, и мы не можем представить себе,

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
чтобы где-нибудь была преграда для дальнейшего прибавления или движения вперед. Таким образом, только эти идеи приводят наш ум к мысли о бесконечности.

7. Разница между бесконечностью пространства и бесконечным пространством. Хотя наша идея бесконечности вытекает из созерцания величины и бесконечного нарастания величины, которое ум может произвести через повторные прибавления каких угодно частей, однако, я полагаю, мы вызываем большую путаницу в наших мыслях, когда соединяем бесконечность с какой-нибудь предполагаемой идеей величины, которую ум, как считают, может иметь, и, таким образом, начинаем говорить или рассуждать о бесконечной величине, например о бесконечном пространстве или бесконечной продолжительности. В самом деле, наша идея бесконечности есть, на мой взгляд, бесконечно возрастающая идея. Но идея любой величины, которая имеется в уме, в это время сама себя ограничивает (как бы ни была она велика, она не может быть больше того, что она есть), и присоединять к ней бесконечность – значит прибавлять постоянную меру к возрастающей величине. Поэтому я считаю далеко не излишней тонкостью свое утверждение, что мы должны старательно различать между идеей бесконечности пространства и идеей бесконечного пространства 55. Первая есть не что иное, как предполагаемое бесконечное движение ума через повторение каких ему угодно пространственных идей. Но действительно иметь в уме идею бесконечного пространства – значит предполагать, что ум уже прошел и действительно обозревает все те повторяемые одна за другой идеи пространства; но бесконечное повторение, однако, никогда не может полностью представить его уму. А в этом заключается очевидное противоречие.

8. У нас нет идеи бесконечного пространства. Сказанное, быть может, станет немного яснее, если мы рассмотрим это на числах. Бесконечность чисел, сложению которых (это каждый знает) нет предела, представляется ясной всякому, кто размышляет об этом, но, как бы ясна ни была идея бесконечности числа, нет ничего очевиднее нелепости действительной идеи какого-либо бесконечного числа. Как бы ни были велики находящиеся у нас в уме положительные идеи пространства, продолжительности или числа, они всегда остаются конечными; но, когда мы представим

==264

себе неисчерпаемый остаток, у которого мы устраняем всякие границы и в котором предоставляем уму бесконечное движение мысли вперед, так что оно никогда не завершает идеи, тогда мы и получаем идею бесконечности. Хотя эта идея кажется довольно ясной, когда мы усматриваем в ней лишь отрицание какого-либо конца, однако если бы мы хотели составить в уме своем идею бесконечного пространства или бесконечной продолжительности, она была бы очень смутной и неясной, потому что состоит из двух совершенно различных, если не сказать несовместимых, частей. Пусть кто-нибудь составит в уме идею какого угодно пространства или числа; как бы ни была она велика, очевидно, что ум останавливается на ней и ограничивается ею, но именно это и противоречит идее бесконечности, состоящей в предполагаемом бесконечном движении вперед. Потому-то, думается мне, мы легко и сбиваемся с толку, когда начинаем рассуждать и спорить о бесконечном пространстве или бесконечной продолжительности и т. д. Именно потому, что мы не замечаем фактической несовместимости частей такой идеи, одна сторона ее всегда запутывает какие бы то ни было выводы из другой ее стороны. Так натолкнулся бы на затруднения всякий, кто вздумал бы исходить в своих доводах из идеи <движения, не идущего вперед>, которая не лучше идеи <движения в покое>. Совершенно такой же мне кажется идея бесконечного пространства или (что то же самое) числа, т. е. такого пространства или числа, которое ум действительно имеет, обозревает и которым он ограничивается, и такого пространства и числа, которого он в постоянном и бесконечном увеличении и движении вперед никогда не может достигнуть в своей мысли. В самом деле, как бы ни была велика в моем уме идея пространства, она не больше, чем она есть в тот момент, когда я ее имею, хотя в следующий момент я могу удвоить ее и так далее in infinitum. Ибо только то бесконечно, что не имеет пределов, и только та идея есть идея бесконечности, в которой наши мысли не могут найти таковых.

9. Число дает нам самую ясную идею бесконечности. Но из всех других идей, как я уже говорил, число, на мой взгляд, доставляет нам самую ясную и наиболее определенную идею бесконечности, какую только мы можем иметь. Когда ум желает иметь идею бесконечности даже пространства и продолжительности, он пользуется идеями и повторениями чисел, например миллионов миллионов миль или лет,

==265

друг от друга идеи и лучше всего предохраняемые числом от сваливания в беспорядочную кучу, в которой ум теряется. И после прибавления скольких угодно миллионов и тому подобных известных величин пространства или продолжительности самая ясная идея бесконечности, какую только может приобрести ум, есть неясный, непостижимый остаток бесконечного множества чисел, которые еще можно прибавлять, – остаток, который не дает надежды на остановку или предел.

10. Наши различные представления о бесконечности числа, продолжительности и распространенности. Быть может, нам станет немного более понятной наша идея бесконечности и обнаружится, что она есть не что иное, как бесконечность числа, приложимая к определенным частям, ясные идеи которых есть в нашем уме, если мы обратим внимание на то, что обычно мы не считаем число бесконечным, между тем как склонны считать такими продолжительность и протяженность. Происходит это оттого, что в случае чисел мы находимся, так сказать, у одного конца: так как в числе ничто не меньше единицы, то мы останавливаемся здесь и находимся у какого-то конца; но в сложении или увеличении чисел мы не можем установить никаких пределов. Таким образом, число подобно линии, один конец которой имеется у нас, а другой растягивается далеко за пределы всего постижимого нами. Не то с пространством и продолжительностью. Продолжительность мы рассматриваем так, как если бы линия числа была растянута в оба направления непостижимой, неопределенной и бесконечной длины. Это ясно для всякого, кто только поразмыслит о своем понимании вечности; я полагаю, всякий найдет при этом, что она есть не что иное, как эта же бесконечность числа, обращенная в обе стороны, а *parte ante* и *a parte post* 56, как говорят. При рассмотрении вечности *a parte ante* разве мы не делаем лишь следующее: начиная от себя, от данного времени, в котором пребываем, мы повторяем в уме идеи годов или веков, или каких-либо других определенных частей прошедшей продолжительности, намереваясь двигаться дальше при таком прибавлении, [используя] всю бесконечность чисел. При рассмотрении вечности *a parte post* мы точно таким же образом начинаем от себя и считаем линию числа умноженной через посредство будущих периодов, все время, как и раньше, растягивая эту линию. Обе линии вместе и составляют ту бесконечную продолжительность, которую мы называем вечностью и которая кажется бесконечной при

==266

обращении нашего взора в том или другом направлении, вперед или назад, потому что мы все время обращаем в этом направлении бесконечный конец числа, т. е. возможность постоянно прибавлять еще.

11. То же самое и с пространством. Как бы помещая себя в его центре, мы по всем направлениям проводим нескончаемые линии чисел, потом, отсчитывая от себя по какому-нибудь направлению ярд, милю, диаметр Земли, или *Orbis magnus* при помощи бесконечного числа, сколько угодно раз прибавляем к ним другие и, имея не больше основания ставить пределы повторению этих идей, чем тому, чтобы ставить пределы числу, получаем не поддающуюся определению идею необъятности.

12. Бесконечная делимость. И поскольку ни в какой частице материи наши мысли никогда не могут дойти до предельной делимости, здесь тоже существует для нас явная бесконечность. Это тоже бесконечность числа, но с тем различием, что в прежних исследованиях – о бесконечности пространства и продолжительности – мы пользовались только прибавлением чисел, между тем как бесконечность подобна делению единицы на ее доли, которое ум так же может продолжать *in infinitum*, как при прежних прибавлениях, так как на деле она состоит только в прибавлении все новых чисел, хотя прибавление в одном случае так же мало может дать нам положительную идею бесконечно большого пространства, как деление в другом случае – идею бесконечно малого тела. Я мог бы сказать, что наша идея бесконечности есть идея возрастающая и ускользающая от нас, всегда в беспредельном движении вперед, которое нигде не может остановиться.

13. Нет положительной идеи бесконечного. Полагаю, трудно сыскать человека столь глупого, который решился бы утверждать, что у него есть положительная идея действительно бесконечного числа, бесконечность которого состоит исключительно в возможности постоянного прибавления любого сочетания единиц к любому прежнему

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
числу в течение какого угодно времени и сколько угодно раз. То же самое с бесконечностью пространства и продолжительности: и здесь возможность всегда предоставляет уму простор для бесконечных прибавлений; тем не менее находят такие, кто воображает, будто у них есть положительные идеи бесконечной продолжительности и бесконечного пространства. На мой взгляд, для опровержения такой положительной идеи бесконечного достаточно было бы спросить, можно ли прибавлять к такой идее или

==267

нет, что легко показало бы заблуждение относительно такой положительной идеи. Я думаю, у нас не может быть никакой положительной идеи пространства или идеи продолжительности, которая не была бы составлена из повторных чисел футов или ярдов, дней или лет и соразмерно с этими обычными мерами, идеи которых мы имеем в своем уме и по которым мы судим о размерах такого рода величин. И так как идея бесконечного пространства или бесконечной продолжительности необходимо должна состоять из бесконечных частей, то она может иметь только бесконечность числа, всегда способную к дальнейшему прибавлению; но действительно положительной идеи бесконечного числа нет. Кажется, очевидно, что сложение конечных вещей (а таковы все величины, положительные идеи которых есть у нас) никогда не порождает идеи бесконечного иначе, нежели это делает число; а последнее, состоя из прибавлений друг к другу конечных единиц, вызывает идею бесконечного только благодаря тому, что мы способны постоянно увеличивать сумму и делать такие же прибавления, ни на йоту не приближаясь к концу этого процесса.

14. Люди, доказывающие положительность своих идей бесконечного, на мой взгляд, прибегают к забавному доводу, исходя из отрицательности конца; так как конец отрицателен, то его отрицание положительно. Кто примет во внимание, что конец тела есть лишь край или поверхность тела, тот, быть может, не согласится так опрометчиво с тем, что конец есть чистое отрицание; а тот, кто заметит, что кончик его пера черен или бел, не будет склонен считать конец чем-то большим, нежели чистое отрицание. Да и в продолжительности конец есть не простое отрицание существования, а, вернее, последний момент его. Но если некоторые даже и считают конец лишь простым отрицанием существования, я уверен, они не могут не признать, что начало есть первый момент бытия и никем не воспринимается как чистое отрицание. Таким образом, на основании их же довода идея вечности *a parte ante*, или продолжительности без начала, есть лишь отрицательная идея.

15. Что положительно и что отрицательно в нашей идее бесконечного? Я признаю, что идея бесконечного имеет и нечто положительное во всех тех вещах, к которым мы ее относим. Когда мы мыслим о бесконечном пространстве или бесконечной продолжительности, мы обыкновенно сначала составляем очень широкую идею, например, миллионов веков или миль, которую, быть может, несколько

==268

раз удваиваем и умножаем. Все, что мы таким образом складываем в своих мыслях, положительно и есть соединение большого числа положительных идей пространства или продолжительности. Но о том, что все еще остается за пределами этого, мы имеем положительное, ясное понятие не в большей мере, чем моряк имеет о глубине моря там, где, опустив значительную часть своего лота, он не достигает дна; этим он узнает, что глубина равна стольким-то сажням и больше; но о том, как велико это <больше>, он не имеет никакого определенного понятия. И если бы моряк, разматывая новый линь, всегда чувствовал, что грузило безостановочно опускается, то он находился бы до некоторой степени в положении ума, стремящегося достигнуть полной и положительной идеи бесконечности. Будет ли в этом случае линь длиной десять сажен или десять тысяч сажен, он в равной мере обнаруживает то, что находится ниже его, порождая лишь смутную, получаемую через сравнение идею того, что это еще не все, но что можно идти еще дальше. В той мере, в какой ум охватывает какое-нибудь пространство, он имеет положительную идею его; но, когда он старается сделать ее бесконечной, эта идея, все время расширяясь, все время двигаясь вперед, остается все же несовершенной и неполной. Часть пространства, обозреваемая умом, созерцающим огромную величину, составляет ясную картину и находится в сознании положительно; но бесконечное все же есть нечто большее. Следовательно, 1) идея <такого-то> количества положительна и ясна; 2) идея <большего> также ясна, но она лишь идея, полученная через сравнение; 3) идея <настоящего большего>, что оно не может быть постигнуто, чисто отрицательна, не положительна, ибо нет положительной, ясней идеи величины какой-нибудь

Локк Джон Опыт о человеческом разуме. Книга 2 filosoff.org
протяженности (этого-то и ищут в идее бесконечности) у того, кто не имеет всеобъемлющей идеи ее размеров. А на это, я полагаю, никто не будет претендовать в отношении бесконечного. Сказать, что у человека есть положительная, ясная идея какой-нибудь величины, хотя он не знает ее размера, все равно что сказать, что у него есть положительная, ясная идея числа песчинок на морском берегу, хотя он не знает, сколько их, а знает только то, что их больше двадцати. А именно такую совершенную и положительную идею бесконечного пространства или бесконечной продолжительности имеет тот, кто говорит, что она больше протяженности или продолжительности десяти, ста, тысячи или какого угодно другого числа миль или лет, положи-

==269

тельную идею которых он имеет или может иметь; а в этом, я полагаю, заключается вся наша идея бесконечного. Так что все, что находится за пределами нашей положительной идеи по направлению к бесконечности, находится во мраке и имеет сбивчивую неопределенность отрицательной идеи, в которой, я знаю, я не охватываю и не могу охватить всего, что хотел бы. потому что она слишком широка для конечной, ограниченной способности. И не может не быть очень далеким от положительной полной идеи то, из чего исключена огромная часть того, что хотелось бы мне охватить при неопределенном намеке на то, что она еще больше. Ибо сказать, что, измерив столько-то в какой-нибудь величине или зайдя в ней так-то далеко, вы еще не достигли конца, - значит сказать только то, что величина эта на деле еще больше. Отрицать, что какая-нибудь величина имеет конец, - значит, другими словами, говорить только то, что она больше; а полное отрицание конца есть лишь постоянное перенесение этого <больше> вперед на всем пути ваших мыслей о величине с присоединением этой идеи <все еще больше> ко всем вашим действительным или предполагаемым идеям количества. Теперь я предоставляю каждому поразмыслить, может ли подобная идея быть положительной.

16. У нас нет положительной идеи бесконечной продолжительности. Я спрашиваю людей, утверждающих, будто у них есть положительная идея вечности, заключает ли в себе их идея продолжительности последовательность или нет. Если нет, они должны показать разницу между своим понятием о продолжительности в применении к существу вечному и к существу конечному. Ибо, быть может, другие, подобно мне, сознаются в слабости своего разума в этом пункте и признают, что их понятие о продолжительности заставляет их полагать, что все, имеющее продолжительность, сегодня имеет большую длительность, нежели вчера. Если для избежания последовательности в вечном существовании они прибегают к схоластической *Punctum Stans* 57, я полагаю, они этим очень мало поправляют дело и вряд ли предложат нам более ясную и положительную идею бесконечной продолжительности, потому что для меня нет ничего непонятнее продолжительности без последовательности. Кроме того, если эта *Punctum Stans* и означает что-нибудь, она не может относиться к этой вещи, потому что не является *Quantum* 58, ни конечной, ни бесконечной. Но если наш слабый ум не может отделить последовательность ни от

==270

какой продолжительности, то наша идея вечности может быть только бесконечной последовательностью моментов продолжительности, в течение которой что-нибудь существует. А о том, имеет ли кто и может ли кто иметь положительную идею действительного бесконечного числа, я предоставляю думать каждому до тех пор, пока его бесконечное число не станет так велико, что он сам к нему больше ничего не сможет прибавить. Но пока он может увеличивать число, мне кажется, он сам будет считать свою идею слишком скудной для положительной бесконечности.

17. Я полагаю, каждое мыслящее и разумное существо, которое только задумается над собственным или чужим существованием, неизбежно придет к понятию о вечном и мудром существе, которое не имело начала; у меня, несомненно, есть такая идея бесконечной продолжительности. Но это отрицание начала, будучи лишь отрицанием чего-то положительного, едва ли даст мне положительную идею бесконечности, и всякий раз, когда я пытаюсь достигнуть ее своей мыслью, я, признаюсь, оказываюсь в затруднении и вижу, что не могу прийти к сколько-нибудь ясному ее уразумению.

18. Мы не имеем положительной идеи бесконечного пространства. Кто думает, будто у него есть положительная идея бесконечного пространства, увидит по размышлении, что у него не может быть положительной идеи как самого большого, так и самого малого пространства. В этом последнем случае, который кажется более легким из

Локк Джон Опыт о человеческом разуме. Книга 2 filosoff.org
двух и более доступным нашему пониманию, мы можем составить лишь относительную идею малого, которое будет всегда меньше всякой другой величины, положительную идею которой мы имеем. Все наши положительные идеи любой величины – большой или малой – всегда имеют пределы, хотя наша относительная идея, при посредстве которой мы всегда можем прибавлять к одному и отнимать у другого, не имеет пределов. Ибо остаток, будь он велик или мал, не будучи охвачен нашей положительной идеей, находится во мраке; наша идея такого остатка – это только способность непрерывно увеличивать одно и уменьшать другое. Ступка и пестик так же скоро доводят частицу материи до неделимости, как и самые острые мысли математика; землемеру так же легко измерить своей цепью бесконечное пространство; как философу постичь его быстрым полетом ума или охватить его в мышлении, а это и значит иметь положительную идею его. Кто думает о кубе с ребром в дюйм, имеет ясную и положительную идею его в своем

==271

уме и может поэтому составить идею куба в половину данного, в одну четверть, в одну восьмую и так далее, пока у него в мыслях не получится идея чего-то очень малого. И все же он не достигает идеи того непостижимо ничтожно малого, к которой может привести деление; этот остаток ничтожно малого так же далек от его мысли, как и в самом начале. Стало быть, он вообще никогда не придет к ясной и положительной идее того ничтожно малого, которое является следствием бесконечной делимости.

19. Что есть положительного и что отрицательного в нашей идее бесконечного? Как я уже сказал 59, всякий человек, обращающий свои взоры к бесконечности, при первом же взгляде составляет некоторую очень широкую идею того, к чему он прилагает бесконечность, будет ли это пространство или продолжительность. Быть может, он утомит свои мысли умножением в уме этой первой широкой идеи и все же будет столь же далек от обладания положительной ясной идеей того, что остается, чтобы составить положительную [идею] бесконечности, как далек был крестьянин от идеи воды, которая должна еще была прийти и пройти по руслу реки, на берегу которой он стоял: *Rusticus expectat dum transeat amnis, at ille Labitur, et labetur in omne volubilis aevuin* 60.

20. Некоторые думают, что они, не имея положительной идеи бесконечного пространства, имеют положительную идею вечности. Некоторые из встречавшихся мне людей считали разницу между бесконечной продолжительностью и бесконечным пространством столь значительной, что были убеждены, что у них есть положительная идея вечности, хотя у них нет и не может быть идеи бесконечного пространства. Причина такого заблуждения, на мой взгляд, заключается в следующем: установив на основании надлежащего рассмотрения причин и следствий, что необходимо допустить наличие некоторого вечного существа и, следовательно, рассматривать реальное бытие этого существа как сообразующее с идеей вечности и соразмерное ей, а с другой стороны, не считая необходимым, но, напротив, полагая явно нелепым допускать бесконечность телесного мира, они и делают поспешно заключение, что не могут иметь идеи бесконечного пространства, потому что не могут иметь идеи бесконечной материи. Но этот вывод мне представляется весьма несостоятельным: существование материи никоим образом не является необходимым для существования пространства, как существование

==272

движения или Солнца не является необходимым для продолжительности, хотя продолжительность обыкновенно измеряют движением. Я уверен, что можно иметь идею десяти тысяч квадратных миль без какого-либо предмета такой величины, как можно иметь идею десяти тысяч лет без какого-либо предмета такого возраста. По-моему, иметь идею пустого пространства без тела так же легко, как мыслить емкость бушеля 61 без зерна или пустоту ореховой скорлупы без ядра в нем, ибо из нашей идеи бесконечности пространства так же вовсе не должно следовать существование бесконечно протяженного плотного тела, как из нашей идеи бесконечной продолжительности – вечность мира. Почему, в самом деле, мы должны думать, что наша идея бесконечного пространства требует для ее поддержки реального существования материи, когда мы знаем, что наша идея будущей бесконечной продолжительности столь же ясна, как наша идея прошлой бесконечной продолжительности? Хотя никто, полагаю, не считает возможным, что что-нибудь уже существует или существовало в этой будущей продолжительности. Невозможно соединить нашу идею будущей продолжительности с настоящим или прошедшим

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
существованием, как невозможно сделать одними и теми же идеи вчерашнего, сегодняшнего и завтрашнего дня или соединить прошедшие и будущие века и сделать их современными друг другу. Но если люди думают, что они имеют идеи бесконечной продолжительности более ясные по сравнению с идеями бесконечного пространства потому, что бог, несомненно, существовал от вечности, между тем как реальной материи, протяженной совместно с бесконечным пространством, не существует, то нужно согласиться, что у философов, придерживающихся мнения, что бесконечное пространство проникнуто бесконечной божьей вездесущностью, точно так же как бесконечная продолжительность заполнена его вечным существованием, идея бесконечного пространства ясна не менее идеи бесконечной продолжительности. Впрочем, на мой взгляд, ни те ни другие не имеют никакой положительной идеи бесконечности ни в том, ни в другом случае. Все положительные идеи количества, имеющиеся в уме человека, могут быть повторены и присоединены к прежним с такой же легкостью, как идеи двух дней или двух шагов (это положительные идеи величины, имеющиеся в уме человека), и так далее в течение какого угодно времени. Вот почему, если бы человек имел положительную идею бесконечного пространства или бесконечной про-

==273

должительности, он мог бы сложить две бесконечности, более тою, сделать одну бесконечность бесконечно больше другой. Нелепость слишком очевидна, чтобы ее нужно было опровергать!

21. Мнимые положительные идеи бесконечности порождают ошибки. Но если после всего этого некоторые еще убеждены, что у них есть ясные, положительные, всеобъемлющие идеи бесконечности, то они могут наслаждаться своим преимуществом, и я (вместе с некоторыми моими знакомыми, которые, по их собственному признанию, не имеют таких идей) был бы очень рад, если бы подробнее узнал это от них. До сих пор я был склонен думать, что большие и непреодолимые трудности, которые всегда заключаются во всех рассуждениях о бесконечности пространства, продолжительности или делимости, являются верными признаками несовершенства наших идей бесконечности и несоразмерности ее природы с ограниченностью наших способностей. В самом деле, люди беседуют и спорят о бесконечном пространстве или бесконечной продолжительности, точно у них идеи такого пространства и такой продолжительности столь же полны и положительны, как их идеи названий, обозначающих это пространство или продолжительность, или их идеи ярда, часа или какой-нибудь другой определенной величины. Не удивительно поэтому, что непонятная природа предмета, который они обсуждают или о котором размышляют, приводит их к затруднениям и противоречиям и что предмет, который слишком обширен и значителен, чтобы они могли его исследовать и усвоить, обременяет их ум.

22. Все эти идеи получают от ощущения и рефлексии. Если я и остановился довольно долго на рассмотрении продолжительности, пространства, числа, а также бесконечности, которая следует из размышления о них, то, быть может, не дольше, чем требовал предмет, потому что мало простых идей, модусы которых занимали бы больше человеческую мысль, чем они. Я вовсе не намеревался обсуждать их во всей их широте; для моей цели достаточно было показать, каким образом ум получает эти идеи такими, какие они есть, от ощущения или рефлексии и каким образом, подобно всем нашим идеям, имеет их своим источником даже идея бесконечности, какой бы ни казалась она далекой от всякого объекта чувств и от всякой деятельности ума. Быть может, некоторые математики, далеко ушедшие в умозрении, имеют другие пути для принятия своим умом идеи бесконечности; но это не мешает тому,

==274

чтобы они сами, подобно всем другим людям, приобретали свои первые идеи бесконечности от ощущения и рефлексии изложенным здесь способом.

Глава восемнадцатая О ДРУГИХ ПРОСТЫХ МОДУСАХ

1. Модусы движения. Хотя в предыдущих главах я показал, как ум от простых идей, полученных посредством ощущения, доходит даже до бесконечности, которая, как бы ни казалась она более всего другого далекой от чувственного восприятия, в конце концов заключает в себе только то, что составлено из простых идей, полученных в уме от чувств и впоследствии соединенных благодаря способности ума повторять свои идеи; хотя, говорю, этих примеров простых модусов простых идей ощущения

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
могло бы быть достаточно для того, чтобы показать, как ум к ним приходит, однако я из методологических соображений, хотя и вкратце, коснусь некоторых других и потом уже перейду к более сложным идеям.

2. Скользить, катиться, падать, ходить, ползать, бежать, плясать, прыгать, скакать и множество других слов, которые можно было бы назвать, суть слова, сразу же после сообщения которых каждый понимающий свой язык тотчас же имеет в уме отличный друг от друга идеи, которые все суть лишь различные модификации движения. Модусы движения соответствуют модусам протяженности. Быстрое и медленное – две различные идеи движения, меры которых образуются из соединения расстояний пространства и промежутков времени; это, стало быть, сложные идеи, обнимающие собой пространство и время вместе с движением.

3. Модусы звуков. Подобное же разнообразие находим мы и в звуках. Каждое членораздельное слово есть особая модификация звука. Отсюда видно, что чувство слуха при помощи таких модификаций доставляет уму различные идеи почти в бесконечном числе. Помимо отчетливо воспринимаемых криков птиц и зверей модификации звуков получают также от разнообразных нот различной длины, образующих сложную идею, называемую мелодией, которую музыкант может иметь в уме своем, вовсе не слыша или не производя никакого звука, благодаря размышлению об идеях этих звуков, молчаливо соединяемых таким образом в его воображении.

==275

4. Модусы цветов. Модусы цветов также очень разнообразны; некоторые мы замечаем как различные степени, или, как их называют, оттенки, одного и того же цвета. Но так как мы крайне редко соединяем только цвета ради пользы или наслаждения, а принимаем во внимание также и форму, которая играет в этом свою роль, как, например, в живописи, тканье, шитье и т. д., то цвета, которые замечаются, относятся чаще всего к смешанным модусам, так как составляются из идей разных видов, т. е. из формы и цвета, например красота, радуга и т. д.

5. Модусы вкусов. Все смешанные вкусы и запахи суть также модусы, составленные из простых идей этих чувств. Но, не имея по большей части для них названий, мы обращаем на них меньше внимания и не можем выразить их письменно. Поэтому я должен без перечисления предоставить их мыслям и опыту читателя.

6. Вообще можно заметить, что те простые модусы, которые рассматриваются лишь как различные степени одной и той же простой идеи, хотя многие из них сами по себе являются совершенно отличными друг от друга идеями, обыкновенно не имеют самостоятельных имен, не выделяются как отдельные идеи, когда разница между ними лишь очень мала. Упускают ли люди эти модусы из виду и не дают им названий потому, что не имеют мер для точного их различения, или потому, что в случае такого различия это знание не дало бы никакой общей или необходимой пользы, я предоставляю подумать другим. Для моей же цели достаточно показать, что все наши простые идеи приходят в ум только через ощущение и рефлексию и что, когда ум их имеет, он может различным образом повторять и соединять их, составляя таким образом новые сложные идеи. Но хотя белизна, краснота или сладость и т. д. не были видоизменены или составлены в сложные идеи путем различных сочетаний таким образом, чтобы получить имена и быть разделенными на виды, то некоторые другие простые идеи (например, указанные выше идеи единства, продолжительности, движения и т. д., а также силы и мышления) видоизменялись именно так, образовав великое множество различных сложных идей, имеющих свои особые имена.

7. Почему одни модусы имеют имена, а другие нет? Это объясняется, на мой взгляд, тем, что при великом значении для людей общения знание людей, их действий и передача о них друг другу сведений были всего нужнее. Поэтому люди и образовали очень тонко взаиморазграни-

==276

ченные идеи действий и дали этим сложным идеям имена, чтобы легче, без обиняков и околичностей, вспоминать и рассуждать о тех вещах, с которыми приходилось ежедневно иметь дело, и чтобы легче и живее понимать те вещи, относительно которых приходилось постоянно давать и получать сведения. Что это так и что при образовании и словесном обозначении различных сложных идей люди главным образом руководствовались общей целью речи (которая есть очень короткий и удобный способ сообщать друг другу свои мысли), очевидно из названий, которые изобретены в

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
различных ремеслах и применены к различным сложным идеям модифицированных действий, относящихся к этим ремеслам, ради скорости в управлении ими или в разговорах о них. Такие идеи обыкновенно не образуются в уме тех, кто не знаком с этими действиями, и потому обозначающие их слова непонятны для большей части людей, говорящих на том же самом языке. Например, <разрубание>, <сверление>, <процеживание>, <перегонка> – это слова, обозначающие ряд сложных идей, редко находящихся в уме у кого-нибудь, кроме тех немногих людей, которым их специальные занятия при каждом случае приводят эти идеи на память. Поэтому их названия обыкновенно понятны не всем, а лишь кузнецам да химикам, которые, образовав обозначаемые этими словами сложные идеи и дав им имена или получив их от других, улавливают в уме своем эти идеи сейчас же, как услышат их имена в сообщении. Так, под перегонкой понимаются все простые идеи очистки, затем переливания очищенной жидкости обратно в прежний сосуд и новой ее очистки. Таким образом, мы видим, что имеется большое количество различных простых идей, например идей вкусов и запахов, которые не имеют названий, а безыменных модусов гораздо больше. Потому ли, что они не всеми замечались, или потому, что они не настолько полезны, чтобы их замечали в человеческих делах и разговорах, у них нет имен и они не считаются видами. Мы будем иметь случай рассмотреть это подробнее позже, когда начнем разговор о словах 62.

Глава девятнадцатая О МОДУСАХ МЫШЛЕНИЯ

1. Ощущение, воспоминание, созерцание и т. д. Когда ум обращает свой взор внутрь, на себя, и созерцает свои

==277

собственные действия, мышление встречается прежде всего ему. В нем ум видит великое множество различных модификаций, и отсюда он получает отличные друг от друга идеи. Так, восприятие, фактически сопутствующее всякому воздействию, произведенному на тело внешним объектом, связанное с этим воздействием и отличное от всех других модификаций мышления, доставляет уму отличную от других идею, которую мы называем ощущением и которая, так сказать, есть фактическое вхождение идеи в разумение через чувства. Та же самая идея, когда она вновь приходит без воздействия того же объекта на внешний орган чувств, есть воспоминание; если ум ищет ее, с трудом и усилиями находит и она вновь открывается его взору, это есть припоминание. Если идею долгое время внимательно рассматривают в уме, это есть созерцание. Когда идеи всплывают и текут в нашем уме, а разум их не рассматривает или не обращает на них внимания, бывает то, что французы называют *gouvernement*; в нашем языке едва ли есть соответствующее название. Когда наблюдают и, так сказать, отмечают в памяти те идеи, которые появляются сами (я уже заметил в другом месте, что во время бодрствования в уме всегда проходит цепь идей, следующих друг за другом), это есть внимание. Когда ум с большой серьезностью и по своему выбору сосредоточивает свой взгляд на какой-нибудь идее, рассматривает ее со всех сторон и не отвлекается на обычные возбуждения со стороны других идей, мы называем это напряжением или изучением. Сон без сновидений есть отдохновение от всяких идей. А само сновидение есть наличие в уме идей (в то время как внешние чувства замыкаются, так что не воспринимают внешних объектов с обычной скоростью), которые не предложены ни внешними объектами, ни известными поводами и вообще появляются не по выбору или повелению разума. И еще предстоит исследовать, есть ли то, что мы называем экстатическим состоянием, – сновидение с открытыми глазами.

2. Таковы некоторые примеры различных модусов мышления, которые ум может наблюдать в себе и таким образом иметь такие же различные идеи их, как он имеет идеи белого и красного, квадрата или круга. Я не думаю перечислять их все и подробно рассматривать этот ряд идей, получаемых от рефлексии: это составило бы целый том. Для моей настоящей цели достаточно показать здесь на немногих примерах, какого рода эти идеи и как к ним приходит ум, тем более что позже я буду

==278

иметь случай коснуться подробнее рассуждения, суждения, хотения и познания – некоторых наиболее значительных действий ума и модусов мышления 64.

3. Различные степени внимания со стороны ума при мышлении. Но быть может, не будет непростительным, совершенно не относящимся к нашей настоящей цели

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
отступлением, если мы рассмотрим здесь различные состояния ума при мышлении, на которые довольно естественно указывают вышеупомянутые примеры внимания, гкverie, сновидения и т. д. Каждому из собственного опыта известно, что в уме бодрствующего человека всегда есть те или иные идеи, хотя ум и занимается ими с различной степенью внимания. Иногда ум с такой сосредоточенностью останавливается на созерцании некоторых объектов, что подходит к их идеям со всех сторон, замечает их отношения и условия, осматривает каждую их сторону так тщательно и с таким напряжением, что исключает все другие мысли и не обращает внимания на обычные, производимые в это время на чувства впечатления, которые в другое время вызвали бы очень заметные восприятия. В другое время ум просто наблюдает вереницу идей, следующих в нем друг за другом, не направляя и не выделяя ни одной из них. Иногда же он позволяет им проходить почти совершенно незамеченными, точно бледным теням, не производящим никакого впечатления.

4. Следовательно, вероятно, что мышление есть действие, а не сущность души. Это различие между напряжением и расслаблением ума при мышлении в диапазоне великого множества разных степеней – от серьезного изучения до полного невнимания, я думаю, каждый испытал на себе. Проследите это еще дальше, и вы найдете ум во сне как бы удалившимся от чувств и оказавшимся вне досягаемости тех возбуждений органов чувств, которые в другое время вызывают очень живые и выразительные идеи. Мне не нужно для этого приводить в пример людей, которые спят грозные ночи напролет, не слыша грома, не видя молний и не чувствуя сотрясений дома, достаточно заметных для бодрствующих. Но в этом своем удалении от чувств ум часто сохраняет еще более свободный и бессвязный способ мышления, который мы называем сновидением. Глубокий сон наконец совершенно задвигает занавес и кладет предел всяким явлениям. Это, я полагаю, почти все испытали на себе, и, что это так, без труда показывает каждому его собственное наблюдение. Дальнейшее заключение, которое я хотел бы вывести отсюда,

==279

состоит в следующем: так как ум в разное время может сознательно выбирать различные степени мышления', так как даже у бодрствующего человека ум бывает иногда настолько расслаблен, что его мысли тусклы, неясны до такой степени, что их почти совсем нет, и так как, наконец, в темном уединении глубокого сна ум совершенно теряет из виду всякие идеи; так как, говорю, это является столь очевидным фактом, который постоянно испытывают на себе, то я спрашиваю: не вероятно ли, что мышление есть действие, а не сущность души? Ибо действие сил легко допускает напряжение и расслабление, сущность же вещей нельзя представить себе способной к какому-либо из такого рода изменений. Но это только между прочим.

Глава двадцатая О МОДУСАХ УДОВОЛЬСТВИЯ И СТРАДАНИЯ

1. Удовольствие и страдание – простые идеи. Среди простых идей, получаемых и от ощущения и от рефлексии, страдание и удовольствие являются очень значительными. Как в теле ощущение или бывает просто само по себе, или сопровождается страданием либо удовольствием, так и мысль, или восприятие в уме, или бывает простой, самой по себе, или точно так же сопровождается удовольствием либо страданием, наслаждением либо печалью – называйте это как хотите. Подобно другим простым идеям, эти идеи не могут быть описаны, их названиям нельзя дать определения. Единственный способ познать их, как и другие простые идеи чувств, есть опыт. Дать им определение исходя из наличия добра или зла – не что иное, как сделать их известными нам, заставляя нас размышлять только о том, что мы в себе чувствуем при различных воздействиях добра и зла на наш ум, поскольку добро и зло различным образом относятся к нам или рассматриваются нами.

2. Что такое добро и зло? Таким образом, вещи бывают добром и злом только в отношении удовольствия и страдания. Добром мы называем то, что способно вызвать или увеличить наше удовольствие либо уменьшить наше страдание или же обеспечить либо сохранить нам обладание каким-нибудь другим благом или же отсутствие какого-нибудь зла. Злом, напротив, мы называем то, что способно причинить нам или увеличить какое-нибудь страдание, либо уменьшить какое-нибудь удовольствие, или же доставить нам какое-нибудь неудовольствие, либо

==280

лишить нас какого-нибудь блага. Под <удовольствием> и <страданием> я разумею то,

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
что относится либо к телу, либо к душе, как это различают обыкновенно, хотя, говоря по правде, это только различные состояния ума, вызываемые иногда расстройством в теле, иногда же – мыслями в уме.

3. Наши страсти движимы добром и злом. Удовольствие и страдание и то, что их вызывает, – добро и зло суть стержни, вокруг которых вращаются наши страсти. И если мы поразмыслим о себе и понаблюдаем, как они при различных обстоятельствах на нас воздействуют и какие модификации или настроения ума, какие внутренние ощущения (если можно так назвать их) производят, то мы можем составить себе идеи наших страстей.

4. Любовь. Так, каждый размышляющий человек при мысли о наслаждении, которое может доставить ему присутствие или отсутствие какой-нибудь вещи, имеет идею, называемую нами любовью. Если человек заявляет осенью, когда он ест виноград, или весной, когда его совсем нет, что он любит виноград, то его восхищает не что иное, как вкус винограда. Пусть он из-за перемены в здоровье или организме не испытывает наслаждения от этого вкуса, и уже нельзя будет больше сказать, что он любит виноград.

5. Ненависть. Наоборот, мысль о страдании, которое может причинить нам присутствие или отсутствие какой-нибудь вещи, мы называем ненавистью. Если бы моей задачей было здесь исследовать нечто большее, чем чистые идеи наших страстей в их зависимости от различных модификаций удовольствия и страдания, я заметил бы, что наша любовь и ненависть к неодушевленным, бесчувственным предметам основываются обыкновенно на том удовольствии и страдании, которое мы получаем от пользования ими и применения их каким-нибудь образом к нашим чувствам, хотя бы они при этом и уничтожались, тогда как ненависть или любовь к существам, способным испытывать счастье или несчастье, нередко есть неудовольствие или наслаждение, возникающее в нас самих при рассмотрении их жизни и счастья. Когда, например, жизнь и благополучие собственных детей или друзей доставляют человеку постоянное наслаждение, то про него говорят, что он неизменно любит их. Нужно, однако, отметить, что идеи любви и ненависти есть только состояния души по отношению к удовольствию и страданию вообще, независимо от того, чем они были вызваны в нас.

==281

6. Желание. Беспокорство, испытываемое человеком при отсутствии вещи, владение которой вызывает идею наслаждения, мы называем желанием, которое бывает больше или меньше в зависимости от того, является ли это беспокорство более или менее сильным. Здесь, быть может, бесполезно будет заметить между прочим, что беспокорство является главным, если не единственным побуждением человека к труду и действию. В самом деле, какое бы благо ни предлагалось, если его отсутствие не вызывает неприятности и страдания, если человек чувствует себя без него спокойным и довольным, то нет никакого желания блага, никакого стремления приобрести его, нет ничего, кроме простого слабого хотения (*velleity*) – это слово обозначает самую низшую степень желания, граничащую с полным его отсутствием, когда беспокорство от отсутствия вещи настолько слабо, что человек не испытывает ничего, кроме слабого желания вещи, и не прибегает к действительному или энергичному применению средств к ее достижению. Желание так же кончается или ослабляется мыслью о невозможности или недостижимости предполагаемого блага, поскольку из-за этого соображения беспокорство пропадает или утихает. Мы могли бы вести наши рассуждения дальше, если бы это было здесь уместно.

7. Радость. Радость есть наслаждение ума от рассмотрения им настоящего или несомненно приближающегося обладания благом, а владеем благом мы тогда, когда оно находится в нашей власти, так что мы можем пользоваться им, когда нам угодно. Так, человек, близкий к голодной смерти, радуется приходу помощи даже до того, как он испытывает удовольствие от пользования ею; отец, которому доставляет наслаждение само благополучие его детей, обладает этим благом все время, пока его дети находятся в таком положении, ибо ему нужно только подумать об этом, чтобы иметь это удовольствие.

8. Печаль. Печаль есть беспокорство души при мысли о потерянном благом, которым можно было бы пользоваться дольше, или же чувство зла, имеющегося в настоящий момент.

9. Надежда. Надежда есть удовольствие души, которое испытывает каждый при мысли

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
о вероятном будущем обладании вещью, которая может доставить наслаждение.

10. Страх. Страх есть беспокойство души при мысли о будущем зле, которое, вероятно, на нас обрушится.

11. Отчаяние. Отчаяние есть мысль о недостижимости

==282

какого-нибудь блага, которая действует на ум людей различным образом, порождая иногда беспокойство или страдание, иногда спокойствие и безразличие.

12. Гнев. Гнев есть беспокойство или волнение души при получении какого-нибудь оскорбления; ему сопутствует намерение немедленно отомстить.

13. Зависть. Зависть есть беспокойство души, вызванное сознанием того, что желательным нам благом завладел другой, который, по нашему мнению, не должен обладать им раньше нас.

14. Какие страсти есть у всех людей? Последние две страсти, зависть и гнев, не возбуждаются просто самим удовольствием и страданием, но к ним примешиваются размышления о нас самих и о других. Они бывают поэтому не у всех людей, потому что некоторым недостает составных частей этих страстей – убеждения в ценности своих достоинств или намерения отомстить. Но все остальные страсти, находящиеся только в пределах удовольствия и страдания, на мой взгляд, должны быть у всех людей, ибо мы любим, желаем, радуемся и надеемся только в отношении удовольствия; мы ненавидим, боимся и горюем в конечном итоге только в отношении страдания. В конце концов все эти страсти возбуждаются вещами, лишь поскольку те кажутся нам причинами удовольствия и страдания или так или иначе внешне связаны с удовольствием и страданием. Так, мы распространяем обыкновенно свою ненависть на тот объект (по крайней мере если он действует сознательно или произвольно), который причинил нам страдание, потому что внушенный им страх есть постоянное страдание. Но мы не столь постоянно любим то, что принесло нам добро, потому что удовольствие действует на нас не так сильно, как страдание, и потому что мы не очень расположены надеяться, что оно снова принесет нам добро. Но это между прочим.

15. Что такое удовольствие и страдание? Под удовольствием и страданием, наслаждением и беспокойством я постоянно разумею (как я указал выше) не только телесное страдание и удовольствие, но и всякое испытываемое нами наслаждение или беспокойство, которое вытекает из любого приятного или неприятного ощущения или рефлексии.

16. Далее мы должны обратить внимание на то, что в отношении к страстям исчезновение или ослабление страдания рассматривается и действует как удовольствие, а лишение или уменьшение удовольствия – как страдание.

==283

17. Стыд. Большинство страстей у большинства людей воздействуют также на тело и вызывают в нем различные перемены, которые, будучи не всегда ощутимы, не составляют необходимой части в идее каждой страсти. Так, не всегда краснеют, когда испытывают стыд, представляющий собой беспокойство ума при мысли о том, что совершено нечто неприличное или такое, что уменьшит уважение к нам со стороны других.

18. Эти примеры показывают, как наши идеи страстей приобретаются от ощущения и рефлексии. Я не ошибусь [полагая,] что то [что я пишу,] считаю исследованием о страстях. Но страстей гораздо больше, чем я назвал здесь, да и каждая из тех, на которые я обратил внимание, требует гораздо более подробного и тщательного исследования. Я упомянул здесь о них только как о примерах модусов удовольствия и страдания, получающихся в нашем уме в результате различного рассмотрения добра и зла. Быть может, я мог бы привести в пример более простые модусы удовольствия и страдания, например страдание от голода и жажды и удовольствие от еды и питья для устранения голода и жажды; страдание от слабого зрения и удовольствие от музыки; страдание от двусмысленного и малопоучительного спора и удовольствие от разумной беседы с другом или от занятия, направленного на поиск и открытия истины. Но так как страсти для нас гораздо важнее, то я предпочел привести в

Локк Джон Опыт о человеческом разуме. Книга 2 filosoff.org
пример именно их и показать, как наши идеи страстей происходят от ощущения и рефлексии.

Глава двадцать первая О СИЛАХ И СПОСОБНОСТЯХ] (OF POWER)

1. Как приобретается идея силы? Ум, узнавая каждый день от чувств о перемене в простых идеях, наблюдаемых им во внешних вещах, замечая, как одно приходит к концу и перестает быть, а другое, которого прежде не было, начинает существовать, размышляя о том, что происходит в нем самом, наблюдая постоянную смену своих идей, происходящую иногда вследствие воздействия внешних объектов на чувства, иногда на основании его собственного решения, и делая из того, что он таким образом постоянно наблюдал, вывод, что подобные же перемены будут происходить и в будущем в тех же самых вещах, от тех же

==284

самых действующих сил и теми же самыми способами, признает за одной вещью возможность иметь измененной какую-нибудь из ее простых идей, а за другой - возможность произвести эту перемену и таким путем приходит к идее, которую мы называем силой. Так, мы говорим, что огонь имеет силу расплавить золото (т. е. нарушить сцепление его незаметных частиц и, следовательно, его твердость и делать его жидким), а золото-силу быть расплавленным; что солнце имеет силу сделать белым воск, а воск - силу стать белым от солнца: желтизна разрушается и ее место заступает белизна. В указанных и подобных им случаях мы рассматриваем силу по отношению к переменам в воспринимаемых нами идеях, ибо какое-либо изменение в вещи или воздействие на нее мы можем заметить только благодаря видимым переменам в ее чувственных идеях, и любое происшедшее изменение мы постигаем, лишь подметив перемену в некоторых идеях этой вещи.

2. Сила активная и пассивная. Рассматриваемая таким образом сила бывает двоякой, а именно она способна или производить перемену, или воспринимать ее; в первом случае] ее можно назвать активной, во втором - пассивной силой. Быть может, заслуживает рассмотрения вопрос о том, не является ли материя совершенно лишенной активной силы, в то время как ее творец, бог, конечно, превышает всякой пассивной силы, и не является ли промежуточное состояние, которое занимают сотворенные духи, единственно обеспечивающим наличие и активной и пассивной силы. Я не буду вдаваться в это исследование теперь: моя задача в настоящий момент - не углубляться в поиски источника силы, а исследовать, как мы приходим к идее силы. Но поскольку [считают, что] активные силы составляют весьма значительную часть наших сложных идей о природных субстанциях (как мы увидим позже), постольку я говорю о них именно как о таковых в соответствии с общим мнением; но на деле, быть может, они вовсе не такие уж активные силы, как склонна представлять себе их наша торопливая мысль, и потому я считаю нелишним направить этим намеком наши мысли к размышлениям о боге и духах для составления возможно более ясной идеи активной силы.

3. Сила включает отношение. Я признаю, что сила включает в себя некоторого рода отношение - отношение к действию или перемене. В самом деле, какие из наших идей любого вида не заключают его в себе, если внима-

==285

тельно рассмотреть их? Наши идеи протяженности, продолжительности, числа разве не заключают в себе скрытого отношения частей? В форме и движении то, что относительно, гораздо более видно. А чувственные качества - цвета, запахи и т. д., что они такое, как не силы различных тел в отношении к нашему восприятию и т. д. И если рассматривать вещи сами по себе, то разве не зависят они от объема, формы, сцепления и движения частиц? А все это включает в них некоторого рода отношение. Стало быть, наша идея силы, на мой взгляд, имеет право занять место среди других простых идей и может считаться одной из них, потому что она, как мы будем иметь случай отметить позже, есть одна из главных составных частей в наших сложных идеях субстанций.

4. Наиболее ясная идея активной силы получается от духа. Нас в изобилии снабжают идеей пассивной силы ощущаемые вещи почти всех видов. Мы не можем не замечать, что в большинстве вещей их чувственные качества, даже самые их субстанции, подвержены непрерывным изменениям, потому мы не без основания считаем их и далее способными к тем же изменениям. Не меньше у нас примеров и активной силы (это-то

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosofff.org и есть более точное значение слова <сила>), ибо всегда, когда замечается перемена, ум должен делать вывод, что есть сила, способная производить эту перемену, так же как в самой вещи – возможность воспринять ее. И тем не менее если мы будем рассматривать этот вопрос более внимательно, то увидим, что тела не доставляют нам через наши чувства идеи активной силы столь же ясной и отчетливой, как та идея, которую мы получаем от рефлексии о деятельности нашего ума. Так как всякая сила относится к действию и так как существует только два рода действий, идеи которых есть у нас, а именно мышление и движение, то посмотрим, откуда получаем мы наиболее ясные идеи сил, производящих эти действия. (1) Идеи мышления тело вовсе не доставляет нам; мы получаем ее только от рефлексии. (2) Не получаем мы также от тела никакой идеи нача'ла движения. Тело, находящееся в покое, не дает нам никакой идеи активной силы, способной двигать; а когда оно само приведено в движение, это движение есть в нем скорее пассивное состояние, нежели действие. Когда бильярдный шар повинуется удару кия, это не действие шара, а только пассивное состояние, и тогда, когда этот шар толчком приводит в движение другой шар, находящийся на его пути, он лишь сообщает ему движение,

==286

полученное от другого тела, и сам теряет столько же движения, сколько другой шар его получает. Пока мы замечаем, что тело только передает движение, но не производит его, мы получаем лишь очень смутную идею активной силы тела, способной приводить в движение, ибо идея силы, способной не производить действия, а сохранять пассивное состояние, есть лишь очень смутная идея. А таково и есть движение в теле, выведенном [из покоя] толчком другого тела: сохранение произведенного в нем изменения от покоя к движению есть действие в немного большей степени, чем сохранение изменения его формы под влиянием того же самого толчка. Идею начала движения мы получаем только из рефлексии о том, что происходит в нас самих: ведь мы знаем по опыту, что одним только хотением, одной своей мыслью в уме можем привести в движение те части нашего тела, которые до этого находились в покое. Так что мне кажется, что из наблюдения при помощи своих чувств над действием тел мы получаем лишь очень несовершенную, неясную идею активной силы, потому что тела сами по себе не дают нам идеи силы, способной начать какое-нибудь действие, движение или мысль. Но если кто думает, что можно иметь ясную идею силы от наблюдений над толчками, которыми одно тело воздействует на другое, то это вполне служит, моей цели, потому что ощущение есть один из тех путей, которыми ум приходит к своим идеям. Я только считал, что здесь стоит рассмотреть, между прочим, не получает ли ум своей идеи активной силы от рефлексии над своей собственной деятельностью в более ясном виде, нежели от ощущения внешних вещей.

5. Две силы: воля и разум. Я считаю очевидным по крайней мере то, что мы находим в себе силу начать различного рода действия нашего ума и движения нашего тела или воздержаться от них, продолжить или кончить их – [и все это] с помощью одной лишь мысли или предрасположения ума, приказывающего или, так сказать, повелевающего совершить или не совершить такое-то отдельное действие. Эта сила ума, способная распоряжаться рассмотрением или воздержанием от рассмотрения какой-нибудь идеи либо способная предпочесть движение какой-нибудь части тела ее покою, и наоборот, эта сила в каждом отдельном случае есть то, что мы называем волей. Действительное применение этой силы, состоящее в управлении каким-нибудь отдельным действием или в воздержании от него, есть то, что мы называем хотением (volition)

==287

tion), или волеием (willing). Воздержание от действия или совершение его в результате такого распоряжения или приказа ума называют произвольным действием; а действие, совершаемое без такой мысли ума, называется непроизвольным. Сила восприятия есть то, что мы называем разумом. Восприятие, которое мы считаем актом разума, бывает трех видов: 1) восприятие идей в нашем уме; 2) восприятие значения знаков; 3) восприятие связи или противоречия, согласия или несогласия, существующих между какими-либо нашими идеями. Все эти идеи приписываются разумению, или силе восприятия, хотя практика (use) позволяет сказать, что мы понимаем только последние два [вида].

6. Способности (faculties). Эти силы ума, а именно сила восприятия и сила предпочтения, называются обыкновенно другим словом; по обычному способу

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
выражения, разумение и воля суть две способности ума – слово, которое было бы довольно точным, если бы только его, как и все другие слова, употребляли так, чтобы не порождать в человеческой мысли путаницу, предполагая (а это, подозреваю, делалось), что оно обозначает некоторые реальные существа в душе, которые совершают эти действия разумения и хотения. В самом деле, когда мы говорим, что воля есть повелевающая и высшая способность души, что она свободна или несвободна, что она определяет низшие способности, что она следует велениям разума и т. д., то хотя такие и подобные им выражения могут быть поняты в ясном и определенном смысле теми, кто внимательно следит за своими идеями и в своем мышлении руководствуется более очевидностью вещей, нежели звуками слов, однако, повторяю я, на мой взгляд, такой способ выражения относительно способностей привел многих к путаному понятию о стольких-то различных действующих в нас силах, которые имеют свои особые области действий и полномочия, которые повелевают, повинуются и совершают различные действия как особые существа, что в значительной степени было причиной споров, неясностей и неуверенности в вопросах относительно их.

7. Откуда получают идеи свободы и необходимости? Я полагаю, что каждый сознает в себе силу начать некоторые действия или воздержаться от них, продолжить их или положить им конец. Из рассмотрения степени влияния на человеческие действия этой силы ума, которую каждый сознает в себе, возникают идеи свободы и необходимости.

==288

8. Что такое свобода? Так как все действия, идеи которых есть у нас, сводятся, как было сказано выше, к следующим двум; мышлению и движению, то, поскольку человек имеет силу мыслить или не мыслить, двигаться или не двигаться, согласно предпочтению или распоряжению своего собственного ума, постольку он свободен. А где действие или воздержание от действия в одинаковой степени не находится во власти человека, где выполнение или невыполнение действия в одинаковой степени не подчиняется предпочтению его ума, распоряжающегося этим, там человек не свободен, хотя действие может быть произвольным. Так что идея свободы есть идея способности (power) в каком-нибудь действующем лице совершить какое-нибудь отдельное действие или воздержаться от него, согласно определению или мысли ума, благодаря чему одно действие предпочитают другому. А где ни одно из двух действий не находится во власти действующего лица, не может быть совершено им согласно его хотению, там это действующее лицо не свободно и подчинено необходимости. Так что не может быть свободы там, где нет мысли, нет хотения, нет воли; но мысль может быть, может быть воля, может быть хотение там, где нет свободы. Краткое рассмотрение одного или двух очевидных примеров может разъяснить это.

9. Свобода предполагает разум и волю. Никто не считает свободно действующей силой теннисный мяч, все равно, приведен ли он в движение ударом ракетки или находится все время в покое. Если мы исследуем причину [такого убеждения], то найдем ее в том, что [невозможно] представить себе, чтобы теннисный мяч мыслил и, следовательно, имел какое-либо хотение или предпочтение движения покою или наоборот; стало быть, у него нет свободы, он не свободно действующая сила, и всякое его движение и покой подводятся под нашу идею необходимости, и именно так о них и говорят. Подобным же образом человек, падающий в воду (когда под ним обрушивается мост), не имеет в этом случае свободы, не есть свободно действующее лицо. Хотя у него есть хотение, хотя он предпочитает не падать, чем падать, но воздержаться от этого движения не в его власти, остановка или прекращение этого движения не могут подчиняться его хотению, и, стало быть, в этом он не свободен. Никто не считает также свободным в своих действиях человека, ударившего себя или своего друга судорожным движением руки, остановить которое или воздержаться

==289

от которого посредством хотения или распоряжением ума не в его власти; все жалеют его как действующего по необходимости и принуждению.

10. Свобода не относится к хотению. Далее допустим, что кого-нибудь во время глубокого сна внесли в комнату, где находится человек, с которым спящий жаждет поговорить, и что его крепко заперли здесь, так что не в его власти уйти; он просыпается, рад видеть себя в таком желанном обществе и охотно остается, т. е. предпочитает оставаться, а не уходить. Я спрашиваю, разве не

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org остается он здесь по доброй воле? Мне кажется, никто не усомнится в этом; и тем не менее очевидно, что, так как человек крепко заперт, он не волен не оставаться, у него нет свободы уйти. Так что свобода есть идея, относящаяся не к хотению или предпочтению, но к лицу, обладающему силой действовать или воздерживаться от действия согласно выбору или распоряжению ума. Наша идея свободы простирается так же далеко, как и эта сила, но не дальше. Ибо, где сдерживание ограничивает эту силу либо где принуждение устраняет эту нейтральность способности той или другой стороны действовать или воздерживаться от действия, там свобода, а также наше понятие о ней сейчас же прекращается.

11. Произвольность противоположна непроизвольности, а не необходимости. Примеров этому у нас достаточно, часто более чем достаточно, в нашем собственном теле. Сердце бьется, кровь циркулирует, и не во власти человека остановить это какой-либо мыслью или хотением. Стало быть, в отношении этих движений, где покой зависит не от его выбора и не может быть следствием решения его ума, если бы он предпочел его, человек не является свободно действующим лицом. Судороги приводят в движение его ноги, так что, как бы сильно он ни хотел этого, он все-таки никакой силой своего ума не может остановить их и все время приплясывает (как бывает при том странном недуге, который называется пляской святого Вита) ; он не свободен в этом действии, но подчинен необходимости двигаться, так же как падающий камень или теннисный мяч, отбитый ударом ракетки. С другой стороны, паралич или колодки не позволяют ногам повиноваться решению ума, если бы ум пожелал переместить тело в другое место. Во всех этих случаях нет свободы, хотя спокойное положение произвольным бывает на деле даже у паралитика в то время, когда он предпочитает покой движению. Произвольность, стало быть,

==290

противоположна не необходимости, а непроизвольности, ибо человек может предпочитать то, что он может сделать, тому, чего он не может сделать, состояние, в котором он находится, – его отсутствию или перемене, хотя необходимость сама по себе не допускает перемен в этом состоянии.

12. Что такое свобода? С мыслями нашего ума бывает то же, что и с движениями тела: где мысль такова, что мы властны принять или отложить ее согласно предпочтению ума, там мы свободны. Бодрствующий человек, подчиненный необходимости постоянно иметь в уме своем какие-нибудь идеи, не свободен мыслить или не мыслить, как не свободен он сделать так, чтобы его тело касалось или не касалось какого-нибудь другого тела; но часто от его выбора зависит перенести свое размышление с одной идеи на другую; и тогда в отношении своих идей он свободен так же, как и в отношении тел, на которые он опирается: он может по желанию перейти от одной идеи к другой. Но все же некоторых идей ум, так же как тело – некоторых движений, при известных условиях избежать не может, как не может избавиться от них при самых больших усилиях, которые он только может приложить. Человек, вздернутый на дыбу, не свободен устранить идею боли и развлечься другими размышлениями. Бурная страсть увлекает иногда наши мысли, подобно тому как ураган уносит наше тело, не оставляя нам свободы думать о других вещах, которые мы скорее предпочли бы. Но как только ум снова приобретает силу прервать или продолжить, начать или предотвратить какие-либо внешние движения тел или движения своих внутренних мыслей, согласно тому, что он считает нужным предпочесть, мы снова смотрим на человека как на свободно действующее существо.

13. Что такое необходимость? Где совершенно нет мысли или силы действовать или воздержаться от действия согласно указанию мысли, там имеет место необходимость. В существе, способном к хотению, она называется принуждением, когда начало или продолжение какого-нибудь действия противно тому, что предпочитает его ум, и сдерживанием, когда хотению противостоит помеха, задерживающая какое-нибудь действие или прекращающая его. Действующие силы, вообще не имеющие ни мысли, ни хотения, бывают необходимыми движущими силами во всякой вещи.

14. Свобода не присуща воле. Если это так (а так,

==291

полагаю, и есть), то стоит рассмотреть, не поможет ли это положить конец долго обсуждаемому и, на мой взгляд, невразумительному вследствие непонятности вопросу о том, свободна ли человеческая воля или нет. Ведь если я не ошибаюсь, то из

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
сказанного мною следует, что вопрос сам по себе совершенно неправилен и спрашивать, свободна ли человеческая воля, так же бессмысленно, как спрашивать, быстр ли человеческий сон или квадратна ли добродетель, ибо свобода так же мало относится к воле, как быстрота движения – ко сну или квадратность – к добродетели. Каждый будет смеяться над нелепостью вопросов вроде указанных, потому что очевидно, что модификации движения не относятся ко сну и различия в форме не относятся к добродетели. И я думаю, что после надлежащего рассмотрения каждый с такой же очевидностью усмотрит и то, что свобода, которая есть лишь сила, присуща только действующим силам и не может быть атрибутом или модификацией воли, которая также есть лишь сила.

15. Хотение. Трудность объяснения и ясного выражения в словах, обозначающих понятия внутренних действий, столь велика, что я должен здесь предупредить читателя, что употребляемые мною выражения <распоряжение>, <указание>, <выбор>, <предпочтение> будут недостаточны четко выразить хотение, если он не поразмыслит о том, что он делает сам, когда хочет. Например, предпочтение, которое, пожалуй, лучше всего выражает акт воли, на деле выражает его неточно. Предпочитал ли летать хотя кто-нибудь, а не ходить, разве кто-нибудь скажет, что он хочет летать? Ясно, что хотение есть акт ума, сознательно проявляющего свою власть, которую он стремится иметь над какой-нибудь способностью человека, привлекая ее к какому-нибудь отдельному действию или удерживая ее от него. И что такое воля, как не способность делать это? И разве она есть в самом деле что-нибудь большее, чем сила – сила ума побуждать свою мысль совершать, продолжать или прекращать какое-нибудь действие, насколько оно от нас зависит? Можно ли, в самом деле, отрицать, что всякая действующая сила, способная мыслить о своих действиях и предпочитать совершение или несовершение одного действия совершению или несовершению другого, имеет ту способность, которая называется волей? В таком случае воля есть не что иное, как такая сила. Свобода, с другой стороны, есть сила человека совершить какое-нибудь отдельное

==292

действие или воздержаться от такового, согласно тому, что предпочитает ум в данный момент – совершить его или воздержаться от него, а это все равно что сказать: согласно тому, как сам человек этого хочет.

16. Силы относятся к действующим причинам. Ясно, таким образом, что воля есть не что иное, как одна сила, или способность, а свобода – другая сила, или способность. Стало быть, спрашивать, имеет ли воля свободу, – значит спрашивать, имеет ли одна сила другую силу, одна способность – другую способность, – вопрос, который с первого же взгляда представляется слишком нелепым для того, чтобы возбудить спор или нуждаться в ответе. Кто, в самом деле, не видит того, что силы присущи только действующим причинам и бывают свойствами только субстанций, а не самих сил? Стало быть, так ставить вопрос – <свободна ли воля?> – означает на деле спрашивать, есть ли воля субстанция или действующая сила, или по крайней мере предполагать это, потому что ни к чему другому <свободу>, собственно говоря, нельзя отнести. Если свобода в подлинном значении слова может быть приложена к силе, то ее можно приписать только силе человека, способной совершать движения в различных органах его тела или воздерживаться от их совершения по выбору или предпочтению. Но это именно и дает человеку имя свободного, и есть сама свобода. Если же кто спросит, свободна ли свобода, то его можно заподозрить в недопонимании своих собственных слов и признать достойным ушей Мидаса, который, зная, что слово <богатый> происходит от владения богатством, все-таки спросил, богато ли само богатство.

17. Хотя название <способность>, которое люди дают силе, называемой волей, и которое привело их к рассуждениям о воле как о чем-то действующем, может из-за скрывающего его истинный смысл применения до некоторой степени служить оправданием этой нелепости, однако воля в действительности означает всего лишь силу или возможность предпочитать или выбирать. И когда волю под названием <способность> считают тем, что она есть, – всего лишь возможностью делать что-нибудь, то нелепость утверждения, что она свободна или не свободна, обнаруживается без труда сама собой. Если действительно разумно делать предположения и толковать о способностях как об особых существах, могущих действовать (что мы делаем, когда говорим <воля приказывает> или <воля свободна>), то мы имеем право образовать способность

==293

говорящую, способность ходящую, способность танцующую, которыми производятся все эти действия, на самом деле представляющие собой лишь различные модусы движения, подобно тому как мы считаем волю и разум способностями, при помощи которых совершаются действия выбора и восприятия, являющиеся на деле лишь различными модусами мышления; и мы могли бы утверждать, что поющая способность поет, танцующая способность танцует, с таким же правом, как то, что воля выбирает, или что разум постигает, или (как обыкновенно бывает) что воля управляет разумом, или что разум повинуется или не повинуется воле, ибо подобные утверждения в общем столь же правильны и понятны, как и утверждения, что сила речи управляет силой пения или что сила пения повинуется или не повинуется силе речи.

18. Тем не менее подобный способ выражения преобладал и, полагаю, явился причиной большой путаницы. Так как это все суть различные силы [и способности] в уме или в человеке совершать различные действия, то человек пользуется ими, как считает нужным, но способность совершить одно действие не подвержена влиянию со стороны способности совершать другое действие. Ни сила мышления не действует на силу выбора, ни сила выбора – на силу мышления, подобно тому как ни способность исполнения танцев не действует на способность к пению, ни способность пения – на способность исполнения танцев, что легко усмотрит всякий, кто только подумает об этом. А между тем именно указанный смысл имеет наше утверждение, что воля действует на разум или разум на волю.

19. Я согласен с тем, что та или другая мысль, действующая в данный момент, может быть поводом к хотению или применению способности человека выбирать, что выбор, который ум делает в данный момент, может быть причиной мышления о той или другой вещи в данный момент, подобно тому как пение такой-то мелодии в данный момент может быть поводом к исполнению такого-то танца, а исполнение такого-то танца в данный момент – поводом к пению такой-то мелодии. Но во всех этих случаях не одна сила действует на другую, а ум действует и проявляет эти способности, это человек совершает действия, это действующая причина обладает силой или может действовать. Ибо силы [и способности] суть отношения, а не действующие причины; только то, что обладает или не обладает силой действовать, только то

==294

свободно или не свободно, а не сама сила, или способность. А потому свобода или несвобода может относиться только к тому, что обладает или не обладает силой действовать.

20. Свобода не присуща воле. Поводом к такому способу рассуждения послужило приписывание способностям того, что им не принадлежит. Но на мой взгляд, введение в исследования об уме вместе с названием <способности> понятия об их деятельности так же мало подвинуло вперед наше знание о нас самих в этой области, как мало помогли нам в познании медицины долгое употребление и упоминание изобретенных подобным же образом способностей применительно к действиям тела. Это не значит, что я отрицаю существование способностей в теле или в уме: и тело и ум имеют свои силы, способные действовать, иначе ни то ни другое не могло бы действовать, ибо не может действовать то, что не способно действовать, и не способно действовать то, что не имеет силы действовать. Не отрицаю я и того, что эти слова и подобные им должны иметь свое место в обыденном словоупотреблении, сделавшем их ходячими. Полное устранение их кажется чересчур искусственным делом; и сама философия, хотя она и не любит появляться в свете в ярком наряде, все-таки должна быть настолько учтивой, чтобы быть одетой по обычной моде и говорить на общепринятом языке, так чтобы его можно было согласовать с истиной и понятностью. Ошибка заключалась в том, что об этих способностях говорили и их представляли как особые сущности, способные к действию. На вопрос <Что переваривает мясо в желудке?> давался готовый и очень удовлетворительный ответ: <Переваривающая способность>. <Что заставляет что-нибудь выходить из тела?> – <Выталкивающая способность>. <Что есть причина движения?> – <Двигающая способность>. И в уме точно так же интеллектуальная способность, или разум, понимает, а избирательная способность, или воля, хочет, или повелевает; короче, это значит, что способность переваривать переваривает, способность двигать двигает и способность понимать понимает. Ибо <способность> и <сила>, на мой взгляд, только различные названия одних и тех же вещей. И такого рода способы выражения, если употребить более понятные слова, на мой взгляд, самое большее, сводятся к тому, что пищеварение совершается чем-то способным

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
переваривать, движение – чем-то способным двигать и понимание – чем-то способным пони-

==295

мать. И поистине было бы очень странно, если бы было иначе: так же как было бы странно для человека быть свободным, не имея способности быть свободным.

21. Свобода относится к действующей силе или человеку. Возвратимся же к исследованию о свободе. Я считаю правильным не вопрос <Свободна ли воля?>, а вопрос <Свободен ли человек?> и думаю, что (1), поскольку всякий может по указанию или выбору своего ума, предпочитающего совершение какого-нибудь действия несовершению его и наоборот, заставить действие совершиться или нет, постольку он свободен. Если я могу мыслью, управляющей движением моего пальца, находящегося в новом, заставить его двигаться или наоборот, то очевидно, что в отношении этого я свободен; если я могу подобной мыслью ума, предпочитающего одно другому, произнести несколько слов или сохранить молчание, то я свободен говорить или молчать. И насколько простирается эта сила, способная действовать или не действовать по решению его мысли, предпочитающей что-нибудь одно, настолько человек свободен. Ибо можем ли мы представить себе человека более свободным, чем тогда, когда он обладает силой делать то, что хочется? В той мере, в какой всякий может, предпочитая какое-нибудь действие бездействию или покою – действию, совершить это действие или сохранить покой, он может делать то, что хочет, ибо такое предпочтение действия его отсутствию есть желание действия, а мы едва ли можем представить себе для какого-нибудь существа большую свободу, чем быть способным делать то, что оно хочет. Так что в отношении действий в пределах такой имеющейся у него силы человек кажется свободным настолько, насколько свобода может сделать его таким.

22. Что касается актов воли, человек не свободен. Но пытливый ум человека не довольствуется этим, желая избавить себя, насколько возможно, от всякой мысли о своей виновности, хотя бы даже ставя себя в положение худшее, чем положение роковой неизбежности. Свобода, если она не идет дальше этого, не окажет ему услуги; и вот считается хорошим доводом рассуждение, что человек вообще не свободен, если он не так свободен хотеть, как он свободен делать то, что хочет. Поэтому относительно человеческой свободы ставился дальнейший вопрос: <Свободен ли человек хотеть?> Этот именно смысл, кажется мне, и имел спор о том, свободна ли воля. Что касается этого вопроса, то я думаю, что

==296

23. (2) Так как хотение, или акт воли, есть действие, а свобода состоит в силе действовать или не действовать, то человек не может быть свободным в отношении хотения, или волевого акта, когда какое-нибудь действие, находящееся в его власти, однажды представилось его мысли как такое, которое должно быть выполнено сейчас же. Причина этого очень ясна, так как действие, зависящее от воли человека, должно неизбежно или быть, или не быть, и так как наличие или отсутствие действия целиком зависит от того, что решает или предпочитает воля человека, то человек не может избежать хотения наличия или отсутствия этого действия. Для него абсолютно необходимо хотеть одно или другое, т. е. предпочитать одно другому, потому что одно из двух должно воспоследовать необходимо; и то, что воспоследует, воспоследует по выбору и решению его ума, т. е. по его хотению (*willing*) этого действия, ибо если бы он не хотел этого, то этого бы и не было. Так что в отношении волевого акта человек в таких случаях не свободен, потому что свобода состоит в силе действовать или не действовать, а в отношении акта воли ее в таком положении у человека нет. Неизбежно необходимо предпочесть или совершить действие, или воздержаться от него, когда действие находится во власти человека и раз так представилось мысли; человек необходимо должен хотеть или одного, или другого. Действие или воздержание от него, согласно тому, что предпочитают или хотят, непременно воспоследует и будет действительно произвольным. Но так как волевого акта или предпочтения одного из двух человек избежать не может, то в отношении этого волевого акта он подчинен необходимости и потому не может быть свободным, если необходимость и свобода не могут существовать вместе и нельзя быть одновременно и свободным и связанным 65.

24. Таким образом, очевидно, что всегда, когда предлагается совершить в данный момент действие, человек не свободен хотеть или не хотеть, потому что он не

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
может воздержаться от хотения, а свобода состоит в силе действовать или воздержаться от действия, и только в этом. Про человека, который сидит спокойно, говорят, что он свободен, потому что он может ходить, если захочет. Идущий человек тоже свободен не потому, что он идет или движется, а потому, что он может стоять спокойно, если захочет. Но если двинуться не во власти спокойно сидящего человека, он не свободен. Подобным же

==297

образом человек, падающий в пропасть, не свободен, хотя и движется, потому что не может остановить это движение, если бы захотел. Раз это так, то очевидно, что, если идущему человеку предложить прекратить хождение, он не свободен сам решить или не решить – продолжать или прекратить свое хождение; он непременно должен предпочесть одно из двух – хождение или нехождение. То же самое справедливо в отношении всех других находящихся в нашей власти действий, которые таким образом нам бывают предложены, а они составляют значительное большинство. Ибо в сравнении с огромным числом произвольных действий, следующих друг за другом каждый момент во время нашего бодрствования в течение нашей жизни, незначительно число действий, о которых думают или которые предлагаются воле до того, как они должны быть исполнены. Во всех таких действиях, как я показал выше, ум в отношении хотения не властен действовать или не действовать, а в этом и состоит свобода. Ум в этом случае не властен воздержаться от хотения, он не может избежать того или другого решения относительно их. Как бы ни было коротко размышление, как бы ни была быстра мысль, она или оставляет человека в том состоянии, в каком он был до того, как он думал, или изменяет его, продолжает действие или кладет ему конец. Отсюда очевидно, что ум определяет и указывает одно, предпочитая его другому или пренебрегая этим другим, а потому продолжение или изменение становятся неизбежно произвольными.

25. Воля определяется чем-то вне ее. Так как, следовательно, ясно, что в большинстве случаев человек не свободен хотеть или не хотеть, то дальше обычно спрашивают, свободен ли человек хотеть то, что ему нравится из двух, – движение или покой? Нелепость этого вопроса так ясна сама по себе, что одно это может достаточно убедить любого в том, что свобода не относится к воле. Спрашивать, свободен ли человек хотеть то, что ему нравится, – движение или покой, разговор или молчание, все равно что спрашивать, может ли человек хотеть того, чего он хочет, или быть довольным тем, чем он доволен, – вопрос, который, на мой взгляд, не нуждается в ответе. А люди, предлагающие такие вопросы, должны предполагать другую волю для определения актов первой, третью для определения актов второй и так далее in infinitum.

26. Во избежание указанных и подобных им нелепостей ничто не может быть полезнее установления в нашем

==298

уме определенных идеи подлежащих рассмотрению вещей. Если бы идеи свободы и актов воли были у нас прочно закреплены в разуме и мы, как и должно было бы быть, имели бы их в уме своем всегда, когда в отношении их возникают вопросы, то, я полагаю, гораздо легче было бы разрешить большую часть трудностей, смущающих мысли людей и запутывающих их разум, и мы определили бы, где причиной неясности является путаное обозначение слов и где – сама сущность вещи.

27. Свобода. Итак, прежде всего следует хорошо помнить, что свобода состоит в зависимости наличия или отсутствия какого-нибудь действия от нашего хотения его, а не в зависимости какого-нибудь действия или его противоположности от нашего предпочтения. Человек, стоящий на скале, свободен прыгнуть на двадцать ярдов вниз в море не потому, что он имеет силу совершить противоположное действие, т. е. прыгнуть на двадцать ярдов вверх (ибо он не может сделать этого), а потому он свободен, что в его власти прыгать или не прыгать. Но если его крепко удерживает или бросает вниз сила большая, нежели его собственная, то он в этом случае больше уже не свободен, потому что совершение этого отдельного действия или воздержание от него уже не в его власти. Кто заперт в комнате двадцать футов длиной и двадцать футов шириной, тот, находясь у северной стены своей комнаты, свободен пройти двадцать футов на юг, потому что он может и пройти и не пройти их, но в то же время он не свободен сделать обратное, т. е. пройти двадцать футов на север.

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
В этом, следовательно, и состоит свобода, а именно в том, что мы можем действовать или не действовать согласно нашему выбору или хотению.

28. Что такое хотение (volition) ? Во-вторых, мы должны помнить, что волевой акт, или хотение, есть акт ума, направляющего свою мысль к совершению какого-нибудь действия и проявляющего через это свою силу совершить его. Чтобы избежать многословия, я просил бы здесь позволения под словом <действие> понимать также и воздержание от какого-нибудь предполагаемого действия, ибо хотя сидеть спокойно или молчать – значит просто воздержаться, когда предлагается ходить или говорить, но эти поступки требуют такого же решения воли и часто приводят к таким же серьезным последствиям, как и противоположные действия, и на этом основании вполне могут также считаться действиями. Говорю я об этом для того,

==299

чтобы меня не понимали превратно, если ради краткости я употребляю только одно слово.

29. Что определяет волю? В-третьих, так как воля есть не что иное, как сила ума направлять деятельные способности человека на движение или покой, поскольку они зависят от такого направления, то на вопрос <Что определяет волю?> истинным и надлежащим ответом будет: <Ум>, ибо общей направляющей силой определяет то или иное конкретное направление только сам человек, проявляющий данным конкретным способом свою силу. Если этот ответ не удовлетворяет, то очевидно, что смысл вопроса <Что определяет волю?> будет следующий: что заставляет ум в каждом отдельном случае определять свою общую силу как направленную на совершение того или иного отдельного движения или на покой? На это я отвечаю: побудительной причиной продолжения того же самого состояния или действия является только удовлетворенность им в данный момент, а побудительной причиной перемены бывает всегда некоторое беспокойство, потому что ничто, кроме беспокойства, не побуждает нас к перемене состояния или к новому действию. Вот этот великий мотив, побуждающий ум действовать, мы для краткости будем называть определением воли. Я объясню это подробнее.

30. Волю и желание (desire) нельзя смешивать. Но попутно этому объяснению необходимо будет предпослать следующее: хотя я старался выше выразить волевой акт словами <выбор>, <предпочтение> и подобными им терминами, означающими как желание, так и хотение, из-за отсутствия других слов для обозначения того акта ума, правильное название которого есть <воление> или <хотение>, однако вследствие чрезвычайной простоты этого акта всякий желающий постичь, что он такое, из рефлексии о своем собственном уме и наблюдения над тем, что ум делает, когда хочет, поймет его лучше, чем из какого бы то ни было количества разных членораздельных звуков. Это предостережение, дабы не дать себя ввести в заблуждение выражениями, недостаточно подчеркивающими разницу между волей и некоторыми совершенно отличными от нее актами ума, я считаю тем более необходимым, что волю, оказывается, часто смешивали с различными страстями, особенно с желанием, и одно выдавали за другое даже такие люди, которым не хотелось бы прослыть не имеющими вполне четких понятий о вещах и не очень ясно писавшими о них. Это смешение я счи-

==300

таю немалой причиной неясностей и заблуждений в данном вопросе, и, следовательно, его нужно избегать, насколько только возможно. Кто обратит свою мысль вовнутрь, на то, что происходит в его уме, когда он хочет, тот увидит, что воля, или сила хотения, имеет дело только с нашими собственными действиями, ими ограничивается и дальше не простирается и что хотение есть лишь то отдельное решение ума, посредством которого ум старается исключительно силой мысли начать, продолжить или прекратить какое-нибудь действие, находящееся, как он считает, в его власти, а при надлежащем рассмотрении это ясно показывает, что воля совершенно отлична от желания, которое в том же самом действии может иметь направление, совершенно отличное от того, в которое нас устремляет наша воля. Человек, которому я не могу отказать, может обязать меня излагать другому аргументы, относительно которых я буду желать, чтобы они его не убедили, в то самое время, как буду высказывать их. В этом случае ясно, что воля и желание идут друг против друга. Я хочу действия, которое тянет в одну сторону, в то время как мое желание тянет в другую, прямо противоположную. Человек, который

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
при жестоком припадке подагры в своих конечностях чувствует, что тяжесть в голове или недостаток аппетита прошли, желает облегчения боли также в своих руках и ногах (ибо везде, где есть боль, есть и желание избавиться от нее); но, пока он понимает, что удаление боли может перенести зловерные жидкости в более важную для жизни часть тела, его воля никогда не решится на действие, способствующее удалению этой боли. Отсюда ясно, что желание и хотение – это два различных акта ума и что, следовательно, воля, которая есть лишь сила хотения, гораздо больше отличается от желания.

31. Беспоконство определяет волю. Возвратимся к вопросу <что же определяет волю в отношении наших действий?>. По зрелом размышлении я склонен думать, что это не большее ожидаемое благо, как обычно полагают, а некоторое беспоконство (и по большей части наиболее гнетущее), которое человек испытывает в данный момент 67. Оно и определяет последовательно волю и побуждает нас к тем действиям, которые мы совершаем. Это беспоконство можно назвать тем, что оно есть, <желанием>, которое есть беспоконство ума из-за недостатка некоторого отсутствующего блага. Всякое телесное страдание, какого бы рода оно ни было, и всякое волнение

==301

ума есть беспоконство, а с последним всегда соединено и едва ли отличимо от него желание, равное испытываемому страданию или беспоконству. В самом деле, так как желание есть не что иное, как беспоконство из-за недостатка отсутствующего блага, то в отношении испытываемого страдания избавление и является этим отсутствующим благом; и пока это избавление не будет достигнуто, мы можем называть его желанием, потому что никто не испытывает страдания, от которого он не хотел бы избавиться, имея при этом желание, равное страданию и неотделимое от него. Кроме этого желания избавления от страдания есть еще желание отсутствующего положительного блага; и здесь желание и беспоконство равны. Поскольку мы желаем какого-либо отсутствующего блага, постольку мы страдаем из-за него. Но в этом случае всякое отсутствующее благо не причиняет страдания, равного своей действительной или признанной величине, в то время как всякое страдание возбуждает равное себе желание, ибо отсутствие блага не всегда есть страдание, каким бывает всегда наличие страдания. Поэтому на отсутствующее благо можно смотреть и его изучать без желания. Но когда где-нибудь имеется какое-либо желание, тогда там есть и такое же беспоконство.

32. Желание есть беспоконство. Что желание есть состояние беспоконства, увидит скоро каждый, кто поразмыслит о себе самом. Кто не ощущал в желании того, что мудрец говорит про надежду (которая немного отличается от желания), что она, когда долго не сбывается, томит сердце 68, что она всегда пропорциональна величине желания, возбуждающего иногда беспоконство до такой степени, что люди вопиют <дай мне детей>, <дай мне желанную вещь>, <а если не так, я умираю>!69 Сама жизнь со всеми ее радостями бывает невыносимым бременем при продолжительном и неустрашимом гнете такого беспоконства.

33. Беспоконство желания определяет волю. Правда, добро и зло, наличествуют они или отсутствуют, действуют на ум. Но то, что время от времени непосредственно определяет волю на совершение каждого произвольного действия, есть беспоконство желания, направленного на какое-нибудь отсутствующее благо – или отрицательное, какова безболезненность для страдающего, или положительное, каково наслаждение от удовольствия. Что именно это беспоконство определяет волю на совершение следующих друг за другом произвольных действий, со-

==302

ставляющих большую часть нашей жизни и ведущих нас по различным направлениям к различным целям, я постараюсь показать как на основании опыта, так и на основании существа явления.

34. Беспоконство есть побудительная причина действия. Когда человек совершенно доволен своим состоянием, что бывает при полном отсутствии всякого беспоконства, какому трудолюбию тогда остается место, какому действию, какой воле, кроме направленных на то, чтобы остаться в этом состоянии? В этом убедит каждого <собственное наблюдение. И тогда мы видим, что премудрый наш творец, согласно нашему складу и строению и зная, что определяет волю, вложил в человека беспоконство, испытываемое от голода и жажды и других естественных желаний, которые наступают своим чередом, для приведения в движение и определения его

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
воли ради сохранения самого человека и продолжения рода человеческого. Ибо я считаю возможным заключить, что если бы чистого созерцания этих благих целей, к которым приводят нас эти различные беспокойства, было достаточно для определения воли и побуждения нас к деятельности, то мы не имели бы ни одного из этих естественных страданий, а быть может, испытывали бы мало страданий в этом мире или совсем не испытывали их. <Лучше вступить в брак, нежели разжигаться>, - говорит св. Павел. Мы можем видеть отсюда, что именно главным образом влечет людей к радостям супружеской жизни. Когда нас слегка жжет. Это действует на нас гораздо сильнее, нежели когда нас влекут и манят более значительные удовольствия в будущем.

35. Не высшее положительное благо определяет волю, а беспокойство. Положение о том, что волю определяет благо, большее благо, кажется столь прочно установленным общим признанием всех людей, что нет ничего удивительного в том, что, когда я впервые обнаружил свои мысли об этом вопросе, я считал это положение не требующим доказательства. И мне думается, очень многие сочтут более простительным для меня тогдашний мой взгляд, нежели то, что я теперь осмелился отступить от столь общепринятого мнения. Но все-таки после более строгого исследования я вынужден сделать вывод, что благо, большее благо, хотя бы оно было понято и признано таким, не определяет воли до тех пор, пока наше желание, выросшее соразмерно этому благу, не возбуждает в нас беспокойство из-за его отсутствия. Убеждайте человека

==303

сколько хотите, что избыток имеет свои преимущества перед бедностью; заставьте его понять и признаться, что прекрасные удобства жизни лучше отвратительной нищеты; и все-таки, пока он будет доволен последнею и не будет испытывать из-за нее беспокойства, его ничто не будет трогать, его воля никогда не будет определена к какому-либо действию, которое могло бы вывести его из нищеты. Пусть человек, как никогда, убежден в преимуществах добродетели, в том, что она так же необходима для всякого имеющего великие цели в настоящем мире или надежды на иной мир, как пища для жизни, однако, пока он не <взвалкает и не возжаждет правды> 72, не почувствует беспокойства из-за ее отсутствия, его воля не будет определена ни к какому действию для поисков этого заведомо большего блага, в то время как всякое другое испытываемое им беспокойство будет иметь место и приводить его волю к другим действиям. С другой стороны, пусть пьяница знает, что его здоровье разрушается, а его положение станет бедственным, что на пути, которому он следует, его ждут позор, болезни и недостаток во всем, даже в его любимом напитке, и все-таки возобновление беспокойства из-за отсутствия своих собутыльников, привычная жажда по своей рюмке в обычное время гонят его в кабаки, хотя он знает, что потеряет здоровье и достаток, а быть может, и радости иной жизни, причем и самое меньшее из благ в этой жизни есть незначительное, а такое, которое, по его собственному признанию, гораздо больше, чем щекотание неба стаканом вина или праздная болтовня пьяной компании. Происходит это не потому, что он не видит того большего блага: пьяница видит и признает его и в промежутки между часами попойки принимает решения добиваться этого большего блага. Но как только возвращается беспокойство из-за отсутствия привычного наслаждения, благо, признанное за большее, теряет свою силу и беспокойство, испытываемое в данный момент, определяет волю к привычному действию, которое этим самым приобретает более твердую почву для своей победы при следующем случае, хотя бы в то же время он давал себе тайные обещания не поступать так больше и [говорил], что это в последний раз он совершает действие, препятствующее достижению тех больших благ. Таким образом, время от времени пьяница находится в положении того несчастного, который жаловался: <Viduo meliora proboque, Dittiora sequor> 73. Это изречение, признанное за истину и постоянно подтверждае-

==304

мое опытом, легко объяснить именно так, и, быть может, никак иначе.

36. Потому что устранение беспокойства есть первый шаг к счастью. Если мы станем доискиваться причины столь очевидного из опыта факта и исследуем, почему одно только беспокойство действует на волю и определяет осуществляемый ею выбор, мы увидим, что в данный момент мы способны принять лишь одно решение воли к действию, поэтому беспокойство, переживаемое нами в данный момент, естественно, определяет волю для того, чтобы достичь того счастья, к которому мы стремимся

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
всеми нашими действиями, ибо, пока мы испытываем какое-нибудь беспокойство, мы не можем чувствовать себя счастливыми или на пути к счастью. Каждый умозаключает и чувствует, что страдание и беспокойство несовместимы со счастьем, они отравляют прелесть даже тех благ, которыми мы обладаем, при этом небольшое страдание способно испортить все удовольствие, испытываемое нами. Вот почему, пока у нас будут страдания, то, что действительно определяет выбор нашей воли к ближайшему действию, будет всегда их устранением как первый и необходимый шаг к счастью.

37. Потому что только беспокойство действует в данный момент. Другой причиной того, почему одно только беспокойство определяет волю, может быть следующее: только беспокойство действует в данный момент, и природе вещей противно, чтобы то, что отсутствует, действовало там, где его нет. Могут возразить, что созерцание способно представить уму отсутствующее благо и сделать его присутствующим. Идея его действительно может находиться в уме и рассматриваться в качестве присутствующей в нем; но ничто не может в уме в качестве наличного блага уравновесить устранение испытываемого нами беспокойства, пока не возбудит нашего желания и пока вызванное последним беспокойство не получит преобладания при определении и решении воли. До тех пор идея всякого блага в уме, подобно другим идеям, есть лишь объект пассивного умозрения, но не действует на волю и не побуждает нас к деятельности; причину этого я скоро покажу. Сколько можно найти людей, имевших предложенные уму яркие представления неизъяснимых небесных радостей, признававшихся ими и за возможные и за вероятные, которые тем не менее вполне довольствуются своим счастьем на этом свете. Поэтому волю этих людей определяет в свою очередь преобладаю-

==305

щее беспокойство желаний, устремленных в погоню за радостями этой жизни, а они все это время не делают ни одного шага, не продвигаются ни на йоту к благам иной жизни, как бы высоко они их ни оценивали.

38. Потому что не все признающие возможность небесных радостей добиваются их. Если бы воля определялась намерением приобрести благо сообразно тому, кажется ли оно разумению большим или меньшим (а так обстоит дело со всякими отсутствующими благами, и к этому и этим, по общепринятому мнению, якобы побуждается воля), то я не понимаю, каким образом она могла бы отказаться от бесконечных и вечных небесных радостей, однажды предложенных и признанных возможными. Если только все отсутствующие блага, которыми одними лишь, как думают, после их представления нам и усмотрения их нами, определяется воля, приводящая нас таким образом к действию, лишь возможны, но не безусловно достижимы, то неизбежно, чтобы бесконечно большее возможное благо регулярно и постоянно определяло волю во всех направляемых ею чередующихся действиях. В таком случае мы постоянно и неуклонно держались бы пути к небу, никогда не останавливаясь и не направляя своих действий к другой цели, ибо вечное состояние будущей жизни имеет бесконечный перевес над ожиданием богатства, почестей или какого-нибудь мирского удовольствия, которое мы можем себе представить, хотя бы и считали последнее более достижимым: ничто из будущего не находится еще в нашем обладании, и, таким образом, даже упование на последнее могло бы обмануть нас. Если бы ожидаемое большее благо действительно определяло волю, то такое большое благо, однажды представившись, не могло бы не овладеть волей и не направлять ее твердо к поискам этого бесконечно большего блага, никогда не выпуская его из виду, ибо воля, имея власть над мыслями и управляя ими точно так же, как и другими действиями, в таком случае сосредоточила бы размышление ума на этом благе.

[38(б) 74.] Но никаким сильным беспокойством никогда не пренебрегают. Таково было бы состояние ума, таково было бы постоянное стремление воли во всех ее решениях, если бы она определялась тем, что рассматривается и ожидается в качестве большего блага. Но что это не так, очевидно из опыта: мы часто пренебрегаем благом, признанным нами за бесконечно более высокое, ради того, чтобы удовлетворить непрерывное беспокой-

==306

ство своих желаний, добивающихся пустяков. Но хотя признанное за самое высокое, даже вечное и несказанное благо, иногда возбуждавшее и волновавшее ум, владеет волей не прочно, тем не менее мы видим, что всякое очень сильное и преобладающее беспокойство, однажды завладев волей, не выпускает ее. Это показывает нам, что

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
же именно определяет волю. Так, всякое сильное телесное страдание, неукротимая страсть крепко влюбленного человека, нетерпеливая жажда мщения поддерживают волю устойчивой и напряженной; определяемая таким образом воля никогда не позволяет разуму отстранить объект, но все мысли ума, все силы тела непрерывно направлены на него решениями воли, на которые оказывает воздействие это преобладающее беспокойство все время, пока оно длится. Отсюда, мне кажется, очевидно, что воля, или сила, побуждающая нас к одному действию предпочтительно перед всеми другими, определяется в нас беспокойством. А не обстоит ли это дело иначе, пусть каждый понаблюдает на себе.

39. Желание сопутствует всякому беспокойству. До сих пор я приводил в пример главным образом беспокойство желания в качестве того, что определяет волю, ибо оно является главным и наиболее чувствуемым; воля редко управляет каким-нибудь действием, и не совершается ни одно произвольное действие, не сопутствуемое некоторым желанием. В этом, на мой взгляд, и заключается причина, почему так часто смешивают волю с желанием. Но мы не должны считать совершенно исключенным из данной категории то беспокойство, от которого образуется большинство других страстей или по крайней мере которое сопутствует им. Отвращение, страх, гнев, зависть, стыд и т. д. также имеют свое беспокойство и тем самым оказывают воздействие на волю. В жизни и на практике едва ли какая-нибудь из этих страстей бывает простой и обособленной, совершенно не смешанной с другими, хотя в разговоре и при размышлении они носят обыкновенно название той страсти, которая всего сильнее и яснее действует в данном состоянии ума. Более того, мне кажется, что едва ли можно найти какую-нибудь страсть, не связанную с желанием. Я уверен, где есть беспокойство, там есть и желание, ибо мы постоянно желаем счастья, а насколько мы чувствуем какое-нибудь беспокойство, настолько же, наверное, мы нуждаемся в счастье, даже по собственному нашему мнению, каково бы ни было в других отношениях наше состояние и положение. Кроме

==307

того, настоящий момент не есть наша вечность; каково бы ни было наше наслаждение, мы смотрим за пределы настоящего, желание сопутствует нашему предвидению и всегда увлекает с собой волю. Так что даже в самой радости то, что поддерживает действие, от которого зависит наслаждение, есть желание продолжать наслаждение и страх потерять его. А когда в уме появляется большее беспокойство, чем то, воля тотчас же определяется им к некоторому новому действию, а данным наслаждением пренебрегают.

40. Определяет волю, естественно, наиболее гнетущее беспокойство. Но так как в этом мире нас осаждают различные беспокойства и возбуждают разные желания, то следующим вопросом, естественно, будет, какое из них имеет первенство в определении воли к ближайшему действию. Ответ будет такой: обыкновенно наиболее гнетущее из тех, которые считаются могущими быть устраненными. Так как воля есть сила, направляющая наши деятельные способности к некоторому действию для некоторой цели, то она никогда не может быть побуждена к тому, что в данное время считается недостижимым. Это значило бы предполагать, будто разумное существо умышленно действует только с той целью, чтобы понапрасну трудиться, ибо только такой смысл может иметь работа над тем, что считается недостижимым. Поэтому даже очень большое беспокойство не возбуждает воли, если признается неисцелимым; в этом случае оно не побуждает нас к деятельности. Но если не считать его, наиболее важное и сильное беспокойство, испытываемое нами в данный момент, есть то, что обыкновенно определяет волю к последовательному ряду произвольных действий, составляющих нашу жизнь. Самое сильное беспокойство в данный момент есть побуждение к действию, которое чувствуется постоянно и в большинстве случаев определяет волю в ее выборе ближайшего действия. И мы должны помнить, что собственный и единственный объект воли составляют некоторые наши действия, и ничего более; ибо своим хотением мы не получим ничего, кроме действия, которое в наших силах; действием ограничивается акт воли и не простирается дальше.

41. Всякий жаждет счастья. Если, далее, спросят, что возбуждает желание, я отвечу: счастье, и только оно. <Счастье> и <несчастье>— вот названия двух противоположностей, крайних пределов которых мы не знаем; это то, чего <не видел глаз, не слышало ухо и не прихо-

==308

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
дило на сердце человеку> 75. Но мы имеем очень яркие впечатления некоторых степеней того и другого, полученные от различных случаев наслаждения и радости, с одной стороны, муки и горя – с другой. Для краткости я объединяю их под названием <удовольствие> и <страдание>, потому что удовольствие и страдание бывают умственные точно так же, как и телесные (в них <полнота радостей и блаженство вовек> 76), или, говоря точно, они все умственные, хотя одни возникают в сознании от мысли, а другие – в теле от некоторых модификаций движения.

42. Что такое счастье? Счастье в своем полном объеме есть наивысшее удовольствие, к которому мы способны, а несчастье – наивысшее страдание. Низшая ступень того, что можно называть счастьем, есть такая степень свободы от всякого страдания и такая степень испытываемого в данный момент удовольствия, без которых нельзя быть довольным. Теперь, так как удовольствие и страдание вызываются в нас воздействием некоторых предметов на наш ум или на наше тело и в различной степени, то все имеющее способность вызывать в нас удовольствие мы называем благом, а все способное вызывать в нас страдание – злом, только потому именно, что это способно вызывать в нас удовольствие и страдание, в которых и состоит наше счастье и несчастье. Далее, хотя все способное вызывать некоторую степень удовольствия само по себе есть благо, а все способное вызывать некоторую степень страдания само по себе зло, однако часто случается нам не называть их так, когда они вступают в соперничество с чем-то более значительным в том же роде, потому что при этом соперничестве справедливо входят в расчет также и степени удовольствия и страдания. Поэтому при надлежащей оценке того, что мы называем благом и злом, мы найдем многое зависящим от сравнения, ибо причина каждой меньшей степени страдания, так же как причина всякой большей степени удовольствия, имеет характер блага, и наоборот.

43. Какое благо желательно, какое нет? Хотя в этом состоит то, что называется благом и злом, и хотя всякое благо есть собственный предмет желания вообще, однако не всякое благо, даже когда видят его и признают таковым, необходимо вызывает желания у каждого отдельного человека, а только та сторона или та доля блага, которая признается составляющей необходимую часть его счастья. Всякое другое благо, как бы ни было оно велико

==309

в действительности или как бы ни казалось оно таковым, не возбуждает желаний в человеке, не считающем его за часть того счастья, которое может удовлетворить его в данный момент в соответствии с имеющимися у него мыслями. Каждый постоянно стремится к счастью с такой точки зрения и желает того, что составляет часть такого счастья, а на другие вещи, признанные за блага, он может смотреть без желаний, проходить мимо них и быть довольным без них. Полагаю, нет такого глупого человека, который отрицал бы, что знание доставляет удовольствие; а что касается чувственных удовольствий, они имеют слишком много поклонников, чтобы можно было усомниться в том, испытывают ли их люди или нет. Предположим теперь, что один человек ищет удовлетворения в чувственных удовольствиях, другой – в наслаждении познанием; хотя каждый из них не может не признать, что большое удовольствие доставляет то, к чему стремится другой, но так как ни тот ни другой не делают наслаждения другого частью своего счастья, то оно не возбуждает их желаний и каждый удовлетворен без того, чем наслаждается другой, поэтому воля его не определяется стремлением к этому. Воля ученого никогда не определялась стремлением к хорошей пище, острым приправам, тонким винам из-за приятного вкуса, который он обнаруживал в них; но, как только голод и жажда возбуждают его беспокойство, тотчас же это побудит его к еде и питью, однако, вероятно, с большим безразличием к тому, какая [именно] приятная пища ему попадет. С другой стороны, и эпикуреец принимается за науку, когда стыд или желание понравиться своей возлюбленной возбуждают в нем беспокойство отсутствием какого бы то ни было знания. Таким образом, как бы люди ни были рьяны и постоянны в стремлении к счастью, они все-таки могут иметь ясное понимание блага, великое и признанное (confessed) благо, не интересуясь им или не побуждаясь им, если они считают возможным построить свое счастье без него. Что же касается страдания, то оно людей заботит всегда; они не могут чувствовать беспокойства, не будучи побужденными к нему. Поэтому при беспокойстве из-за отсутствия того, что считается необходимым для их счастья, люди начинают желать блага сейчас же, как им покажется, что оно составляет часть того счастья, которое может выпасть на их долю.

44. Почему не всегда желают наивысшего блага? Мне кажется, каждый может заметить и у себя и у дру-

==310

гих, что явно большее благо не всегда возбуждает человеческие желания соответственно той величине, которая представляется или признается за ними, между тем как малейшая неприятность беспокоит нас и заставляет работать, чтобы избавиться от нее. Причина этого ясна иа самой природы нашего счастья и несчастья. Всякое наличное страдание, каково бы оно ни было, составляет часть нашего наличного несчастья; но не всякое отсутствующее благо составляет во всякое время необходимую часть нашего наличного счастья, и отсутствие его не составляет части нашего несчастья. Иначе мы были бы постоянно и бесконечно несчастны, потому что существует бесконечное число степеней счастья, не находящихся в нашей власти. Поэтому, раз всякое беспокойство устранено, умеренная доля блага в настоящем способна удовлетворять людей, и невысокая степень удовольствия, доставляемая рядом обычных наслаждений, составляет счастье, которым люди могут довольствоваться. В противном случае не могло бы быть места безразличным, явно пустячным действиям, к которым так часто побуждается наша воля и на которые мы добровольно растрачиваем такую большую часть своей жизни; такая нерадивость никоим образом не могла бы согласоваться с постоянным побуждением воли или желания к наивысшему несомненному благу. Мне кажется, мало кому надо далеко идти, чтобы убедиться в том, что это так. В самом деле, немного в этом мире людей, счастье которых достигает такой степени, что доставляет им постоянный ряд умеренных, скромных удовольствий без всякой примеси беспокойства; и тем не менее они были бы очень довольны, если бы могли навсегда оставаться здесь, хотя и не могут отрицать, что после этой жизни возможно состояние вечных, постоянных радостей, далеко превосходящих все доступные в здешнем мире блага. Более того, люди не могут не видеть, что небесное блаженство более возможно, чем достижение и сохранение тех жалких почестей, богатства или удовольствий, которых они добиваются и ради которых пренебрегают тем вечным состоянием; но при полном понимании этой разницы, уверенные в возможности совершенного, прочного и продолжительного счастья в будущей жизни, и при ясном убеждении, что его не может быть здесь, пока люди ограничивают свое счастье незначительными радостями или целями этой жизни и не делают небесные радости необходимой частью его, их желания не возбуждаются этим явно большим

==311

благом, их воля не побуждается ни к какому действию или попытке его достижения.

45. Почему наивысшее благо, не будучи предметом желания, не возбуждает воли? Обычные жизненные потребности заполняют большую часть нашей жизни беспокойством от постоянно возвращающихся к нам голода жажды, жары, холода, утомленности работой, сонливости и т. д.; если же мы кроме случайных бедствий присоединим сюда надуманные беспокойства (например, жажду почестей, власти, богатства и т.д.), которые возбуждают в нас привычки, приобретенные модой, примером или воспитанием, и тысячи других беспорядочных желаний, которые обычай сделал для нас естественными, то мы найдем, что очень незначительная часть нашей жизни настолько свободна от такого рода беспокойства, чтобы оставлять нас свободными для притягательной силы более отдаленного отсутствующего блага. Мы редко бываем в достаточной мере не заняты и свободны от требований, предъявляемых нашими естественными или усвоенными желаниями. Волей по очереди владеют постоянно сменяющиеся беспокойства из запаса, накопленного естественными потребностями или приобретенными привычками: не успеем мы выполнить одного действия, за которое принялись по такому решению воли, как другое беспокойство уже готово побудить нас приняться за дело. Ибо устранение страданий, испытываемых нами и удручающих нас в данный момент, есть избавление от несчастья, и, следовательно, это первое, что должно быть сделано для счастья. А так как отсутствующее благо, хотя о нем размышляют, его признают и оно кажется благом, не составляет какой-либо доли этого несчастья (поскольку это благо отсутствует), то оно вытесняется для того, чтобы дать место устранению испытываемых нами беспокойств, пока надлежащее и повторное размышление снова] не приблизит его к нашему уму, не даст почувствовать его вкус и не возбудит в нас некоторого желания. Тогда, начиная составлять часть нашего беспокойства в данный момент, оно становится наравне с остальными подлежащими удовлетворению желаниями и таким образом соответственно своей величине и оказываемому им давлению само в свою очередь воздействует на волю.

46. Должное рассмотрение возбуждает желание. Таким образом, в нашей власти посредством должного рассмотрения и изучения предложенного нам блага возбудить в себе желание, надлежащим образом соответствующее

==312

ценности этого блага, вследствие чего в свою очередь и на своем месте оно может воздействовать на волю и стать предметом стремлений. Но сколько бы благо ни казалось и ни признавалось великим, пока оно не возбуждает в нашем уме желания и тем самым не делает нас беспокойными из-за его отсутствия, оно не достигает нашей воли, мы не находимся в сфере его деятельности, ибо нашу волю определяет только то беспокойство, которое мы испытываем в данный момент, которое всегда донимает нас, пока имеем его, и готово тут же склонить волю к ближайшему решению; если же в уме бывает колебание, то оно касается только того, какое желание должно прежде всего быть удовлетворено, какое беспокойство устранено в первую очередь. Вследствие этого получается, что, пока в уме остается какое-нибудь беспокойство, какое-нибудь желание, благу, только как таковому, нет возможности добраться до воли или вообще определять ее. Ибо первый шаг в наших стремлениях к счастью, как уже было сказано, заключается в том, чтобы полностью выйти из области несчастья и совсем его не чувствовать, и воля ни для чего не имеет досуга, пока мы не чувствуем, что всякое беспокойство совершенно устранено. А при наличии множества нужд и желаний, которые осаждают нас в этом несовершенном состоянии, мы, вероятно, никогда не бываем вполне свободными от него в этом мире.

47. Сила отложить исполнение какого-нибудь желания дает возможность обдумывать. При наличии множества всегда тревожащих и готовых определить волю беспокойств самое сильное и гнетущее из них, как я уже говорил, естественно, должно определить волю к ближайшему действию. Так и бывает по большей части, но не всегда. Ведь если ум преимущественно, как очевидно из опыта, имеет силу откладывать выполнение и удовлетворение любого из своих желаний и, следовательно, всех, одного за другим, то он свободен рассматривать их объекты, изучать их со всех сторон и сравнивать с другими. В этом заключается свобода человека. От неправильного пользования ею происходят все разные недоразумения, заблуждения и ошибки, в которые мы впадаем в нашем житейском поведении и в своих стремлениях к счастью, когда мы торопимся определить своей воли и действуем слишком поспешно, до надлежащего рассмотрения. Чтобы предотвратить это, мы способны откладывать исполнение того или другого желания, в чем всякий может каждый день

==313

убедиться на своём собственном опыте. В этом, по-моему, кроется источник всякой свободы; в этом, по-видимому, состоит то, что (на мой взгляд, неправильно) называют свободной волей. Ибо во время приостановки любого желания, до побуждения воли к действию и выполнения действия, которое следует за этим побуждением, мы имеем удобный случай изучить, рассмотреть и обсудить, добро или зло то, что мы намерены сделать. И когда после должного изучения мы составили свое мнение, мы исполнили свой долг, сделали все, что мы можем или обязаны сделать в поисках своего счастья. Желать, хотеть и действовать согласно последнему результату беспристрастного изучения – это не недостаток, а совершенство нашей природы.

48. То, что нас побуждает наше собственное суждение, не есть ограничение свободы. Это не только не ограничение или уменьшение свободы, а, наоборот, подлинное ее совершенствование и благо: это не урезывание, а цель и польза нашей свободы; чем дальше мы от такого побуждения, тем ближе мы к несчастью и рабству. Полное безразличие в уме, не определяемое последним его суждением о добре и зле, сопровождающим, как считают, его выбор, было бы так далеко от преимущества и превосходства разумного существа, что было бы таким же большим несовершенством, каким, с другой стороны, явилось бы отсутствие безразличной возможности действовать или не действовать прежде, чем решила воля. Человек свободен поднять свою руку к голове или оставить ее в покое; ему и то и другое совершенно все равно, и было бы его несовершенством, если бы он не имел этой способности, если бы он был лишен этого безразличия. Но это самое безразличие в том, что предпочесть – поднять руку или оставить ее в покое, было бы не меньшим несовершенством в том случае, когда человек хотел бы спасти свою голову или

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
глаза от угрожающего им удара. В том, чтобы желание или способность предпочтения определялись добром, столько же совершенства, сколько и в том, чтобы способность действовать определялась волей. И чем увереннее такое определение, тем больше совершенство. Более того. Если бы нас побуждало что-нибудь, кроме последнего результата нашего собственного ума, судящего о добре и зле всякого действия, мы не были бы свободны, ибо истинная цель нашей свободы заключается в возможности для нас добиться избранного нами блага 77. Поэтому каждый человек благодаря своей организации в качестве

==314

разумного существа подчинен необходимости того, чтобы его воля определялась его собственными мыслями и суждением о том, что для него всего лучше сделать, иначе мы подчинились бы чьему-нибудь чуждому, а не своему собственному решению, что означает отсутствие свободы. Отрицать, что воля человека следует в каждом своем решении собственному суждению человека, – значит утверждать, что человек хочет и действует для цели, которой он не хотел бы иметь в то самое время, когда хочет ее и действует для нее. Ибо если человек в своих мыслях в данное время предпочитает одну цель другим, то он, очевидно, о ней лучшего мнения и хотел бы ее больше других, коль скоро он не может в одно и то же время иметь и не иметь ее, хотеть и не хотеть ее, – противоречие, слишком явное для того, чтобы можно было допустить его.

49. Так определяется воля самых свободных существ. Если мы обратимся к высшим, превосходящим нас существам, которые наслаждаются совершенным счастьем, у нас будет основание полагать, что они более постоянно, чем мы, побуждаются выбирать благо. Несмотря на это, у нас нет оснований считать их менее нашего счастливыми или свободными. И если бы только приличествовало таким жалким и ограниченным созданиям, как мы, высказываться о том, что может делать бесконечная мудрость и доброта, мы могли бы сказать, что сам бог не может выбирать того, что не является благом, и что свобода всемогущего не мешает ему подвергнуться побуждающему воздействию со стороны того, что всего лучше.

50. То, что человек постоянно побужден добиваться счастья, не есть ограничение свободы. Но чтобы как следует посмотреть на эту сторону свободы, в отношении которой заблуждаются, позвольте мне спросить; не будет ли глупцом всякий, чьи действия в меньшей мере, чем у мудреца, определяются мудрыми соображениями? Заслуживает ли имени свободы свобода играть роль глупца и навлекать на себя позор и несчастье? Если свобода, истинная свобода, состоит в том, чтобы освободиться из-под власти разума и отбросить то ограничение, которое налагают на нас изучение и суждение, удерживающие от выбора или совершения худшего, то сумасшедшие и идиоты • суть единственно свободные люди. Но мне кажется, ради такой свободы никто не предпочтет сойти с ума, кроме тех; кто уже сошел с ума. Постоянное желание счастья и налагаемое им на нас принуждение действо-

==315

вать ради счастья, мне кажется, никто не считает ограничением свободы или по крайней мере таким ограничением свободы, на которое можно было бы жаловаться. Сам всемогущий бог подчиняется необходимости быть счастливым. И чем больше подчинено ей какое-нибудь разумное существо, тем ближе оно к бесконечному совершенству и счастью. А для того чтобы мы, недалёковидные создания, могли в этом состоянии неведения не заблуждаться относительно истинного блаженства, мы одарены способностью откладывать всякое отдельное желание, удерживать его от того, чтобы оно определило волю и привело нас к деятельности. Это то же, что останавливаться, когда мы недостаточно уверены, что правильно идем; исследовать – значит советоваться с проводником; определить волю, согласно этому исследованию, – значит следовать указанию проводника. И кто способен действовать или не действовать согласно такому указанию, тот свободное существо, причем такое указание не ограничивает той силы, в которой состоит свобода. Тот, у кого цепи сняты и перед кем открыты двери тюрьмы, совершенно свободен, так как он может уйти или остаться, как ему угодно, даже если бы он предпочел остаться из-за ночной темноты, дурной погоды или отсутствия другого жилища. Он не перестает быть свободным, хотя желание некоторого удобства, безусловно, определяет его предпочтительный выбор и заставляет его остаться в тюрьме.

51. Необходимость добиваться истинного счастья есть основа всякой свободы. Как высшее совершенство разумного существа состоит в тщательных и постоянных поисках

Локк Джон Опыт о человеческом разуме. Книга 2 filosoff.org
истинного и прочного счастья, точно так же наша забота о самих себе, о том, чтобы не принять мнимое счастье за действительное, есть необходимая основа нашей свободы. Чем крепче мы привязаны к неизменным поискам счастья вообще, нашего высшего блага, которому, как таковому, всегда следуют наши желания, тем свободнее мы от необходимости определить свою волю к какому-нибудь отдельному действию и от необходимости уступать своему желанию, направленному на какое-нибудь отдельное благо, которое кажется предпочтительным в данный момент, пока мы должным образом не рассмотрели, содействует ли оно или противоречит нашему истинному счастью. А поэтому, пока в результате этого исследования мы не будем осведомлены в той мере, как того требуют важность предмета и характер обстоятельств,

==316

мы в силу необходимости предпочитать и добиваться истинного счастья как своего высшего блага обязаны откладывать удовлетворение своего желания в отдельных случаях.

52. Причина этого. Такова та ось, вокруг которой обращается свобода разумных существ в их постоянном стремлении к истинному блаженству и упорных поисках его, так что они в отдельных случаях могут откладывать эти поиски до тех пор, пока не осмотрятся и не осведомятся, находится ли предполагаемая или желательная для них данная отдельная вещь на пути к их главной цели и составляет ли она реальную часть того, что есть их высшее благо. Ведь склонность и стремление их природы к счастью являются для них обязанностью и побуждением заботиться о том, чтобы не совершить ошибки или не проглядеть его, и таким образом она необходимо принуждает их к осторожности, вдумчивости и осмотрительности в направлении своих отдельных действий как средств к достижению высшего блага. Та же самая необходимость, которая заставляет нас добиваться действительного блаженства, с той же самой силой ведет к задержке, обдумыванию и исследованию каждого последовательного желания, чтобы удовлетворение его не вредило нашему истинному счастью и не уводило нас от него. В этом, на мой взгляд, состоит великое преимущество конечных разумных существ. И я желал бы, чтобы внимательно рассмотрели вопрос, не состоит ли великий источник и возможность использования всей той свободы, какую люди имеют, к какой они способны, какая может быть им полезна и от какой зависит смена их действий, в том, что люди могут откладывать свои желания и удерживать их от того, чтобы определить волю к какому-нибудь действию, пока они не рассмотрят должным образом и беспристрастно его благо и зло, как того требует важность задачи. Это мы можем сделать. Осуществив это, мы выполнили свой долг и все то, что в нашей власти, и все то, что действительно нужно. Так как воля предполагает знание для руководства своим выбором, то все, что мы можем сделать, – это не определять свою волю, не исследовав хороших и дурных сторон предмета своих желаний. Что впоследствии за этим, впоследствии целью связанных друг с другом выводов, зависящих от последнего решения суждения. В нашей власти сделать это после торопливого и беглого взгляда или после должного и зрелого изучения, ибо опыт показывает нам, что в боль-

==317

шинстве случаев мы способны отложить немедленное удовлетворение всякого желания.

53. Управление своими страстями есть истинный прогресс на пути свободы. Но иногда случается, что чрезвычайное волнение всецело завладевает нашим умом, когда, например, мучения при пытке, сильное беспокойство, например, любви, гнева или какой-нибудь другой бурной страсти лишают нас самообладания, не оставляют нам свободы мысли, и мы не в такой степени являемся хозяевами своего собственного ума, чтобы тщательно взвешивать и беспристрастно обдумывать. Бог, который знает наши недостатки, жалеет о нашей слабости и не требует от нас больше того, что мы в состоянии сделать, видит, что в нашей и что не в нашей власти, и рассудит как добрый и милосердный отец. Но так как от того, воздерживаемся ли мы от слишком поспешного угождения своим желаниям, умеряем ли мы и обуздываем свои страсти так, чтобы наш разум мог свободно исследовать и беспристрастно обдумывать и выносить свое суждение, зависит правильное направление нашего пути к истинному счастью, то на это мы должны обратить наше главное внимание и старания. Мы должны взять на себя труд приспособить склад своего ума к истинному добру или злу, присущему вещам, и не позволять возможному благу, которое признано или предполагается большим и важным, исчезнуть из наших

Локк Джон Опыт о человеческом разуме. Книга 2 filosoff.org мыслей, не оставив никакой охоты к нему, никакого желания его, пока надлежащим рассмотрением его истинной ценности мы не создали в уме соответственной склонности к нему, не возбудили в себе беспокойства из-за его отсутствия или боязни потерять его. И насколько это во власти человека, каждый легко может испробовать на себе, если будет принимать для себя решения, которые он в состоянии осуществить. И пусть никто не говорит, что он не в силах управлять своими страстями, помешать им прорваться и толкнуть его на действия, ибо то, что он может сделать перед государем или великим человеком, он может сделать, если захочет, и наедине или в присутствии бога.

54. Как получается, что люди идут различными путями? Из сказанного выше легко объяснить, каким образом, несмотря на стремление всех людей к счастью, их воля ведет их в противоположные стороны и, следовательно, некоторых из них ко злу. Относительно этого я утверждаю, что различия и прямая противоположность в выборе между одним и чем-либо другим, который люди дела-

==318

ют в этом мире, доказывает не то, что не все они ищут блага, а только то, что не для всех одинаково одна и та же вещь бывает благом. Это многообразие поисков показывает, что не все относят свое счастье к одному и тому же и выбирают один и тот же путь к счастью. Если бы все интересы человека ограничивались этой жизнью, то причиной того, что один выбирает научные занятия, а другой – соколиную и псовую охоту, один – роскошь и разврат, а другой – трезвость и богатство, было бы не то, что никто из них не стремится к собственному счастью, а то, что их счастье заключается в разных вещах. Поэтому правилен был ответ врача своему пациенту, у которого болели глаза: <Если вы находите больше удовольствия во вкусе вина, чем в пользовании вашим зрением, вино для вас – благо; если же удовольствие от зрения для вас больше, чем удовольствие от питья, вино для вас – зло>.

55. Ум имеет различные склонности, так же как и небо. Попытка усладить всех людей богатством или славой (к чему некоторые люди относят свое счастье) окажется столь же тщетной, как и попытка удовлетворить их голод сыром или омарами. Хотя некоторым эти блюда кажутся приятными и восхитительными, в других они возбуждают крайнее отвращение и тошноту; многие не без основания предпочли бы спазмы в голодном желудке тем блюдам, которые для других само наслаждение. В этом и заключалась причина, почему были тщетны исследования древних философов, состоит ли *Summum bonum* 78 в богатстве, или в телесных наслаждениях, или в добродетели, или в размышлении. С таким же правом они могли бы спорить и разделяться на школы по вопросу о том, что всего вкуснее: яблоки, сливы или орехи. Ибо, как приятный вкус зависит не от самих вещей, а от их привлекательности для того или другого отдельного неба, в чем наблюдается большое разнообразие, так и высшее счастье состоит в обладании вещами, доставляющими высшее удовольствие, и в отсутствии вещей, причиняющих какое-нибудь беспокойство, какое-нибудь страдание. А для различных людей они различны. Если бы поэтому люди возлагали надежды только на эту жизнь, если бы они могли наслаждаться только в ней, то не было бы ничего странного и неразумного в том, что они искали бы своего счастья в том, чтобы избежать всего того, что причиняет тлпм здесь боль, и в стремлении ко всему тому, что услаждает их, и нет ничего удивительного, что мы находим здесь разнообразие и различие. Если за могилой ничего не вид-

==319

но, то, конечно, верен вывод: <Будем есть и пить>, будем наслаждаться тем, что нам приятно, <ибо завтра умрем> 79. Мне кажется, это может разъяснить нам, почему не все побуждаются одним и тем же объектом, хотя желания всех направлены к счастью. Люди могут выбирать различные вещи и все-таки выбирать верно, если только предположить, что они подобны обществу жалких насекомых, одни из которых – пчелы и услаждаются цветами и их сладостью, другие – жуки и услаждаются иной снедью, а насладившись этим в течение некоторого времени, все они перестают быть и с тех пор уже более никогда не существуют.

56. Как получается, что люди выбирают дурное? При надлежащем обдумывании эти обстоятельства дадут нам, надеюсь, ясный взгляд на природу человеческой свободы. Ясно, что свобода состоит в способности действовать или не действовать, действовать или воздержаться от действия, как мы хотим. Этого отрицать нельзя.

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosofff.org

Но так как это, по-видимому, охватывает только действия человека как результаты хотения, то можно спросить дальше, свободен ли он хотеть или нет? На это мы ответили, что в большинстве случаев человек не свободен воздержаться от акта воли; он должен осуществить акт своей воли, благодаря которому предполагаемое действие должно будет либо произойти, либо не произойти. Но все-таки есть случай, в котором человек свободен в отношении воли, — это выбор отдаленного блага как цели, которую должно преследовать. Здесь человек может отложить акт своего выбора и воздержаться от решения <за> или <против> предполагаемой вещи до того времени, пока он не рассмотрит, действительно ли она способна по своей природе и по своим последствиям сделать его счастливым или нет. Ибо, после того как человек уже выбрал ее и тем самым сделал ее частью своего счастья, она возбуждает желание и вызывает соответственно беспокойство, которое определяет его волю и побуждает его добиваться избранной им цели во всех представляющихся ему случаях. Здесь мы можем видеть, каким образом случается, что человек может навлечь на себя заслуженное наказание, хотя несомненно, что во всех отдельных действиях, которых он желает, он хочет — и по необходимости хочет — именно то, что в данное время считает благом. Хотя его воля всегда определяется тем, что признано за благо его разумом, однако это его не оправдывает, потому что вследствие слишком поспешного выбора он навязал себе ложные

==320

мерила добра и зла, которые при всей своей ложности и обманчивости оказывают на все его будущее поведение такое же влияние, как если бы они были истинными и верными. Он испортил свой вкус и должен отвечать перед собой за последовавшие отсюда болезнь и смерть. Вечный закон и природа вещей не должны быть изменены, чтобы подчиниться его неправильному выбору. Если его вводит в заблуждение пренебрежение или злоупотребление своей свободой исследовать, что действительно и поистине содействует его счастью, то вытекающие отсюда неудачи должны быть приписаны его собственному выбору. В его власти было отложить свое решение; эта власть была ему дана, чтобы он мог изучить свое счастье, и позаботиться о нем, и следить, чтобы он не был обманут. А он никогда не мог прийти к выводу, что лучше быть обманутым, чем не быть, в столь важном и близком ему деле.

Сказанное может также открыть нам причину того, почему люди в этом мире предпочитают разные вещи и добиваются счастья противоположными путями. Но так как люди всегда постоянны и упорны в делах, касающихся счастья и несчастья, то по-прежнему остается вопрос: каким образом они часто предпочитают худшее лучшему и выбирают то, что, по их собственному признанию, сделало их несчастными?

57. Чтобы объяснить, почему люди идут различными и даже противоположными путями, хотя они все стремятся к счастью, мы должны рассмотреть, откуда происходят различные беспокойства, которые определяют волю в предпочтении каждого произвольного действия.

(1). От телесных страданий. Некоторые беспокойства происходят от причин, находящихся не в нашей власти, какими часто — бывают телесные страдания от нужды, болезни или внешних насилий, например пытки. Когда эти страдания имеют налицо и значительны, они в большинстве случаев сильно действуют на волю и отклоняют течение человеческой жизни от добродетели, благочестия, религии и всего, что прежде считалось дорогой к счастью. Никто не старается или не в состоянии из-за того, что отвык, размышлением об отдаленном и будущем благе возбудить в себе желание, достаточно сильное для того, чтобы уравновесить беспокойство, испытываемое им от этих телесных мучений, и держать свою волю постоянно нацеленной на выбор действий, ведущих к будущему счастью. Одна соседняя нам страна была недавно сценой трагедии, из которой мы могли бы позаимствовать при-

==321

меры, если бы нуждались в них и если бы мир не доставлял во всех странах и веках достаточно примеров для подтверждения общего наблюдения, что *Necessitas cogit ad Turpia* и что поэтому мы имеем полное основание молиться: <И не введи нас в искушение> 80.

(2). От ложных желаний, происходящих от ложного суждения. Другие беспокойства происходят от наших желаний отсутствующего блага, которые всегда соответствуют нашим суждениям и вкусу относительно всякого отсутствующего блага и зависят от них. В обоих случаях мы можем впасть в различные заблуждения, и притом по своей

58. Наше суждение о наличном благе или зле всегда верно. Первым делом я рассмотрю ложные суждения людей о будущем благе и зле, из-за которых вводятся в заблуждение их желания. Что касается сиюминутного счастья и несчастья, то, когда рассматривают только их, без их отдаленных последствий, человек никогда не делает плохого выбора; он знает, что ему больше всего нравится, и на самом деле отдает этому предпочтение. Вещи в момент их использования являются тем, чем они кажутся; в этом случае кажущееся и действительное благо всегда одинаковы, ибо страданий и удовольствий ровно столько, сколько их испытывают, и не больше; поэтому существующее в настоящее время благо или зло в действительности так велико, как оно кажется. Поэтому если бы каждое наше действие ограничивалось собой и не влекло за собой никаких последствий, мы, несомненно, никогда не заблуждались бы в своем выборе блага, а всегда безошибочно предпочитали бы самое лучшее. Если бы перед нами стояли рядом страдания, связанные с честным трудом, и страдания от голода и холода, никто не колебался бы в выборе. Если бы кому-либо одновременно предлагали иметь в данное время удовлетворение похоти и небесные радости, он не колебался бы и не ошибся бы в определении своего выбора.

59. Но так как наши произвольные действия в момент их совершения не приносят всего зависящего от них счастья и несчастья, а являются предшествующими причинами блага и зла, которые они влекут за собой и дают нам, когда они сами прошли и уже перестали быть, то наши желания выходят за пределы испытываемых нами радостей в данный момент и влекут ум к отсутствующему благу в соответствии с тем, считаем ли мы его необходимым для составления или увеличения нашего счастья.

==322

И именно наше мнение о такой необходимости придает этому благу его привлекательность; без этого мы не были бы побуждаемы отсутствующим благом. Ведь при ограниченности нашей восприимчивости, к коей мы привыкли и чувствительны и при коей мы наслаждаемся в одно время лишь одним удовольствием, которого после устранения всякого беспокойства достаточно, пока оно продолжается, чтобы мы считали себя счастливыми, не всякое отдаленное и даже не всякое видимое нам благо действует на нас. Так как испытываемые нами покой и удовольствие достаточны для нашего счастья в данный момент, мы не желаем подвергаться риску перемены; будучи удовлетворенными, мы считаем себя уже счастливыми, и этого достаточно, ибо тот, кто доволен, счастлив. Но как только приходит какое-нибудь новое беспокойство, это счастье разрушено, и мы снова принимаемся за поиски счастья.

60. Из-за ложного суждения о том, что составляет необходимую часть счастья. Стало быть, первая важная причина того, что люди часто не возбуждают в себе желания высшего отсутствующего блага, заключается в их склонности думать, что они могут быть счастливы и без него. Ведь пока ими владеют подобные мысли, радости будущего состояния не трогают их, они проявляют мало интереса или беспокойства в отношении их и воля, не побуждаемая такими желаниями, свободна добиваться более близких удовольствий и устранять то беспокойство, которое она испытывает из-за их недостатка и стремления к ним. Перемените только взгляд человека на эти предметы, дайте ему возможность понять, что добродетель и религия необходимы для его счастья, дайте ему возможность заглянуть в будущее состояние блаженства или несчастья, видеть в его боге справедливого судью, готового <воздать каждому по делам его: тем, которые постоянством в добром деле ищут славы, чести и бессмертия, - жизнь вечную; а тем, которые упорствуют и не покоряются истине, но предаются неправде, - ярость и гнев> 81. И я говорю, мерило добра и зла, определяющее выбор, сильно меняется для человека, который видит перед собой различные состояния полного блаженства или несчастья, ожидающие всех после этой жизни в зависимости от их поведения здесь. Так как никакое удовольствие и страдание в этой жизни не может идти в сравнение с бесконечным счастьем или глубоким несчастьем бессмертной души в том мире, то предпочтение будет дано

==323

тем или иным зависящим от человека действиям не согласно преходящему удовольствию или страданию, которое сопутствует им или следует за ними здесь, а смотря по тому, способствуют ли они обеспечению полного вечного блаженства в том мире 82.

61. Более подробное объяснение ложных суждений. Но чтобы более подробно объяснить [причину] несчастья, которое люди часто навлекают на себя, несмотря на то что они стараются делать все в поисках счастья, мы должны рассмотреть, как вещи под обманчивой внешностью представляются нашим желаниям; а происходит это от ложно высказанного о них суждения. Чтобы видеть, как далеко это простирается и каковы причины ложного суждения, мы должны помнить, что вещи считаются хорошими или дурными в двояком смысле.

Во-первых, то, что есть собственно благо или зло, есть не что иное, как простое удовольствие или страдание.

Во-вторых, так как естественным объектом наших желаний, способным воздействовать на существо, умеющее предвидеть, является не только наличное удовольствие и страдание, но также и то, что может доставлять их нам своим воздействием или более удаленными последствиями, то благом и злом признаются также вещи, которые имеют своим следствием удовольствие и страдание.

62. Ложное суждение, которое вводит нас в заблуждение и заставляет волю устремляться часто в худшую сторону, состоит в неверном истолковании разного рода сравнений этих вещей. Ложное суждение, о котором я говорю здесь, есть не то, что один человек может подумать про решение другого, а то, что каждый сам должен признать за свою ошибку. Так как я считаю достоверным основанием то, что всякое разумное существо действительно ищет счастья, которое состоит в наслаждении удовольствием без какой-либо значительной примеси беспокойства, то невозможно, чтобы кто-нибудь добровольно ввел в свой напиток нечто горькое или исключил из него нечто зависящее от него, что способствует его удовлетворению и полноте его счастья, за исключением случая, когда он это делает из-за ложного суждения. Я буду говорить здесь не о такой ошибке, которая является следствием неизбежного заблуждения и которая едва ли заслуживает названия ложного суждения, а о таком ложном суждении, которое всякий сам должен признать ложным.

63. При сравнении настоящего с будущим. I. Итак, что касается удовольствия и страдания, испытываемого

==324

в данный момент, то, как было сказано, ум никогда не ошибается в том, что есть действительно благо или зло; то, что есть большее удовольствие или большее страдание, в действительности точно такое, каким оно кажется. Но хотя удовольствие или страдание, испытываемое в данный момент, показывает свои различия в степени так ясно, что не оставляет места для ошибок, однако, когда мы сравниваем такое удовольствие или страдание с будущим (что обычно делают при наиболее важных решениях воли), мы часто составляем ложное суждение о них, так как расстояние, с которого их меряют, различно. Близкие к нашему глазу предметы мы склонны считать большими по сравнению с предметами, которые значительнее, но находятся дальше. То же самое с удовольствиями и страданиями: испытываемое в настоящее время скорее берет верх, а те, что на расстоянии, при сравнении оказываются в невыгодном положении. Таким образом, большинство людей, подобно расточительным наследникам, склонно рассуждать, что малое в настоящем лучше большого в будущем, и, вследствие этого, ради владения малым в настоящем отказываются от большого наследства. Но что это есть ложное суждение, должен признать каждый, в чем бы ни состояло его удовольствие, ибо будущее непременно станет настоящим. Тогда, обладая тем же самым преимуществом близости, оно обнаружится во всей полноте своего объема и раскроет добровольное заблуждение того, кто судил о нем по неравной мерке. Если бы удовольствие от питья в тот самый момент, когда человек выпивает свою рюмку, сопровождалось болью в желудке и голове, которая у некоторых непременно следует через несколько часов, тогда, мне кажется, никто не стал бы прикасаться к вину, какое бы удовольствие в выпивке он ни находил. А между тем пьют каждый день, и это плохое, оказывается, выбирают только вследствие заблуждения из-за незначительной разницы во времени. Но если разница лишь в несколько часов так уменьшает удовольствие или страдание, то насколько же больше должно это быть при значительном промежутке времени для человека, который не [сможет] сделать посредством правильного суждения того, что сделает время, т. е. не [сможет] приблизить к себе удовольствие или страдание и не будет рассматривать его как испытываемое в настоящее время, когда оно принимает свои истинные размеры. Таким вот образом мы обыкновенно обманываемся относительно простого удовольствия и страдания или относительно истин-

==325

ных степеней счастья и несчастья: будущее теряет свое истинное значение (proportion), а то, что имеется в настоящее время, получает предпочтение как более важное. Я не упоминаю здесь о ложном суждении, вследствие которого отсутствующее не только уменьшают, но и совершенно обращают в ничто, когда люди наслаждаются в настоящем чем могут и вполне уверяются в нем, делая неверный вывод, что отсюда не воспоследует никакого зла, ибо заблуждение состоит не в сравнении величины будущих добра и зла, о которых мы здесь говорим, а в ином по виду ложном суждении, которое касается блага или зла, рассматриваемых [уже] как причина и средство доставления удовольствия или страдания, которые будут следовать из них.

64. Причины этого. Причина того, что мы имеем неверные суждения, когда мы сравниваем настоящее удовольствие или страдание с будущим, заключается, на мой взгляд, в слабости и ограниченности склада нашего ума. Мы не можем наслаждаться как следует двумя удовольствиями сразу и еще менее можем наслаждаться каким-либо удовольствием, пока мы во власти страдания. Если испытываемое в данный момент удовольствие не является очень слабым или почти ничтожным, то оно заполняет нашу ограниченную душу и настолько занимает весь наш ум, что едва ли оставляет место для мысли об отсутствующих вещах. Если среди наших удовольствий некоторые не настолько сильны, чтобы исключать рассмотрение вещей, находящихся вдали, то мы все же чувствуем такое сильное отвращение к страданию, что ничтожная доля его уничтожает все наши удовольствия; капля горечи, добавленная в нашу чашу, не оставляет в ней вкуса сладкого. Вот почему мы во всяком случае желаем освободиться от наличного зла, с которым, как мы склонны думать, ничто отсутствующее не может сравниться, ибо, когда мы испытываем страдание, мы сознаем себя не способными ни к малейшей степени счастья. Ежедневные жалобы людей являются тому ярким доказательством; страдание, испытываемое каждым в данный момент, есть всегда худшее из всех других страданий. С сокрушением люди восклицают: <Что угодно, только не это, ничто не может быть так невыносимо, как то, что я испытываю теперь!> Поэтому все наши стремления и помыслы направлены прежде всего на то, чтобы освободиться от наличного зла, — это первое необходимое условие нашего счастья, что бы ни воспоследовало за этим. В возбужденном состоянии

==326

мы думаем, что ничто не может превзойти или даже сравниться с беспокойством, которое ложится на нас таким тяжелым бременем. И так как воздержание от представляющегося нам в данное время удовольствия есть страдание, часто даже очень сильное, ибо желание загорается от близкого и заманчивого объекта, то не удивительно, что оно действует точно таким же образом, как страдание, уменьшает в наших мыслях будущее и таким образом толкает нас, так сказать, с завязанными глазами в его объятия.

65. Прибавьте к этому, что отсутствующее благо, или, что то же самое, будущее удовольствие, особенно если оно такого рода, что мы не знакомы с ним, редко может служить противовесом какому-нибудь беспокойству, от страдания ли или желания, все равно, раз оно налицо. Так как его величина не больше того, что действительно будет испытано при наслаждении им, то люди склонны уменьшать его, чтобы заставить его уступить место какому-либо желанию, испытываемому в данное время; а сами они заключают, что, когда дело дойдет до испытания (trial) удовольствия, оно, быть может, не будет соответствовать молве и общепринятому мнению о нем, ибо они нередко убеждались в том, что не только то, что восхваляли другие, но даже и то, чем они сами в одно время пользовались с большим удовольствием и наслаждением, в другое время оказывалось безвкусным или противным. Вот почему люди в этом не видят ничего, из-за чего они должны были бы отказаться от наслаждения, испытываемого в данный момент. Но люди должны признать, что это есть ложный путь суждения в отношении счастья другой жизни, если станут утверждать, что бог не сможет сделать счастливыми тех, кого предназначил быть счастливым. Так как здесь имеется в виду состояние счастья, то оно, конечно, должно соответствовать стремлению и желанию каждого. И если бы даже мы могли предполагать людские вкусы в том мире столь же различными, как в этом, все-таки небесная манна должна прийти по вкусу каждому. Так вот какие ложные суждения мы составляем относительно настоящего и будущего удовольствия и страдания, когда их сравнивают друг с другом и отсутствующее рассматривают как

будущее.

66. При рассмотрении последствий действий. II. Что касается вещей хороших или дурных по своим последствиям и по своей способности доставить нам в будущем

==327

благо или зло, то мы составляем, неверные суждения разными путями: 1) когда мы полагаем, что от них не произойдет столь уж много зла, тогда как на самом деле произойдет; 2) когда мы полагаем, что последствие хотя и может быть важным, но не имеет твердой обоснованности (certainty), так что могло бы случиться и по-другому или же его можно было бы избежать при помощи некоторых средств, например прилежанием, ловкостью, использованием случая, раскаянием и т. д. Было бы легко показать во всех подробностях, что это ложные способы суждения, если бы только я стал исследовать их подробнее каждый в отдельности. Но я ограничусь только общим замечанием. а именно что это очень неправильный и неразумный способ действия – рисковать большим благом ради меньшего на основании неопределенных догадок и без должного изучения, которое соответствовало бы значению и важности для нас предмета и ограждало от ошибок. По-моему, каждый должен признать это, особенно если он рассмотрит обычные причины такого ложного суждения, из которых некоторые суть следующие.

67. Причины этого. I. Незнание. Кто составляет суждение, не осведомившись обо всем, что только в его силах. не может предостеречь себя от ложного суждения.

II. Невнимательность. Когда человек не замечает даже того, что он знает. Это мнимое незнание, незнание в данное время, но оно вводит наше суждение в заблуждение точно так же, как и незнание другого рода. Суждение есть, так сказать, взвешивание ценности и определение того, на какой стороне перевес. Если поэтому одна сторона взвешена слишком поспешно и некоторые слагаемые, которые должны бы были войти в расчет, не замечены и пропущены, эта опрометчивость порождает такое ложное суждение, которое равносильно полному незнанию. Чаще всего причиной этого является преобладание в данное время какого-нибудь удовольствия или страдания, преувеличенного нашей слабой, пылкой натурой, на которую всего сильнее действует то, что налицо. Для того чтобы воспрепятствовать такой опрометчивости, нам дан разум и рассудок, если только мы надлежащим образом будем пользоваться ими, чтобы исследовать и наблюдать, а судить лишь после этого. Без свободы разум был бы бесполезен, а без разума свобода (если бы она могла быть) не значила бы ничего. Если человек видит, что может принести ему добро или зло, что может сделать его сча-

==328

стливым или несчастным, но не в состоянии сделать ни одного шага ни к одному, ни от другого, то какая ему польза от зрения? И если кто свободен блуждать в полнейшем мраке, то чем эта его свобода лучше той, когда его, подобно мыльному пузырю, носило бы вверх и вниз по воле ветра? Ибо невелика разница, будет ли дано движение слепым толчком изнутри или извне. Поэтому первая и большая польза от свободы – это то, что она препятствует слепой опрометчивости; применение свободы состоит главным образом в возможности остановиться, открыть глаза, оглядеться и бросить взор на последствия того, что мы намерены сделать, насколько этого требует важность предмета. Я не буду здесь дальше исследовать, насколько, когда представляется случай, различным образом содействуют этим ложным суждениям лень и небрежность, горячность и страстность, влияния моды или приобретенные предубеждения. Я прибавлю только еще об одном ложном суждении, говорить о котором считаю необходимым, потому что на него, быть может, обращают слишком мало внимания, хотя оно имеет большое влияние.

68. Ложное суждение о том, что необходимо для нашего счастья. Все люди желают счастья – это несомненно. Но как уже было отмечено, люди, когда они избавлены от страдания, склонны наслаждаться каким-нибудь легкодоступным удовольствием или тем, что обычай сделал милым их сердцу, и удовлетворяться этим. Счастливые, они не смотрят вперед, пока какое-нибудь новое желание, возбуждив в них беспокойство, не разрушит их счастья и не покажет им, что они несчастливы; до тех пор их воля не побуждается ни к какому действию для поисков какого-нибудь другого, явного или кажущегося блага. Так как мы сознаем, что не можем наслаждаться всеми видами благ, а что одно исключает другое, то мы не направляем своих желаний на всякое появляющееся перед нами большее благо, если не считаем его необходимым для

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
своего счастья; если же нам кажется, что можем быть счастливыми и без него, оно не трогает нас. Это еще одна причина ложного суждения, когда люди не признают необходимым для своего счастья того, что на самом деле необходимо для него. Эта ошибка сбивает нас с пути как в выборе блага, к которому мы стремимся, так очень часто и в выборе средств к его достижению, когда это отдаленное благо. Но каким бы путем ни происходило то, что человек упускает свою великую цель - счастье, - вследствие ли того, что он

==329

относит его туда, где на деле его нет, или вследствие того, что он пренебрегает средствами, как будто бы не необходимыми для этого, человек признает, что он составил неверное суждение. То, что способствует такому заблуждению, - это действительная или мнимая неприятность, которую доставляют действия, представляющие собой средства к этой цели, ибо делать себя несчастным для своего счастья кажется человеку такой нелепостью, что ему нелегко заставить себя совершить эти действия.

69. Мы можем изменить приятность или неприятность вещей. Последний касающийся этого предмета вопрос заключается поэтому в следующем: во власти ли человека изменить приятность или неприятность, сопровождающую всякого рода действие? Относительно данного вопроса очевидно, что во многих случаях это во власти человека. Люди могут и должны исправлять свой вкус, придавать его тому, что или имеет вкус, [но], по их предположению, [другой], или не имеет его [вовсе]. Вкусы ума разнообразны не менее вкусов тела и, подобно им, также могут быть изменены. Ошибочно думать, будто люди не могут превратить то, что в действиях является неприятным или безразличным, в приятное и желанное, если только они сделают то, что в их власти. Должное рассмотрение делает это в некоторых случаях, а практика, прилежание и привычка - в большинстве случаев. Хлебом или табаком из-за безразличия или отвращения к ним сначала] могут пренебрегать, хотя доказана их полезность для здоровья, сперва рассудок и размышление рекомендуют их и дают возможность приступить к их испытанию, а потом потребление считает или привычка делает их приятными. Нет никакого сомнения, что то же самое бывает и с добродетелью. Действия приятны или неприятны или сами по себе, или рассматриваемые как средства для достижения] более важной и более желанной цели. Потребление хорошо приправленного блюда, которое приходится по вкусу человеку, может действовать на ум самым наслаждением, сопровождающим еду, безотносительно к другой цели; рассмотрение удовольствия от здоровья и физической силы, которым содействует эта пища, способно придать ему новый вкус, который может заставить нас проглотить невкусное лекарство. В последнем примере действие становится более или менее приятным только оттого, что принимается в соображение цель и что человек более или менее убежден в том, что действие направлено к ней или необходимо связано с нею. Но удоволь-

==330

ствие от самого действия всего лучше приобретается или растет от привычки и практики. Часто опыт примиряет нас с тем, на что издали мы смотрели с отвращением, и повторениями постепенно прививает нам вкус к тому, что при первой пробе, быть может, не понравилось нам. Привычки обладают сильным обаянием и придают такую притягательную силу довольства и наслаждения тому к чему мы привыкаем, что мы не можем воздержаться от выполнения или по крайней мере относиться спокойно к невыполнению действий, которые обычная практика сделала для нас подходящими и тем самым рекомендует нам. Хотя это совершенно очевидно и собственный опыт показывает каждому, что он может сделать так, однако эта сторона поведения людей в их стремлении к счастью остается в таком пренебрежении, что, вероятно, покажется парадоксом, если скажу, что люди могут делать для себя вещи или действия более и менее приятными и таким образом избавляться от того, чему справедливо можно приписать большую долю их заблуждений. Мода и общее мнение установили ложные понятия, воспитание и обычай - дурные привычки, поэтому истинная ценность вещей смещена в представлениях людей и человеческие вкусы испорчены. Нужно взять на себя труд исправить их; противоположные привычки изменят наши удовольствия и придадут вкус тому, что необходимо для нашего счастья или способствует ему. Каждый должен признаться, что он может так поступать. И когда счастье потеряно и человека застигает врасплох несчастье, он сознается, что делал дурно, пренебрегая этой способностью, и клянет себя за это. И я спрашиваю каждого, разве он часто так не поступал?

70. Предпочтение порока добродетели есть очевидное ложное суждение. Я не буду больше распространяться о ложных суждениях и пренебрежении к тому, что во власти людей и чем они вводят себя в заблуждение. Это составило бы целый том, да это и не моя задача. Но какое бы ложное понятие или позорное пренебрежение тем, что находится во власти людей, ни сталкивало их с их пути к счастью и ни рассеивало их, как мы видим, по столь различным дорогам жизни, несомненно, что нравственность, если она покоится на своих истинных основах, не может не определять выбор всякого человека, который только захочет поразмыслить. И кто не будет разумным существом настолько, чтобы серьезно подумать о бесконечном счастье и несчастье, непременно должен винить

==331

себя самого за то, что не пользуется своим разумением так, как следовало бы. Награды и наказания другой жизни, которые всемогущий установил, дабы понудить людей следовать его закону, достаточно вески, чтобы определять выбор против всякого удовольствия и страдания этой жизни, если даже рассматривать вечную жизнь как такую чистую возможность, в которой никто не может сомневаться. Кто признает высокое и бесконечное счастье только возможным последствием доброй жизни здесь, а противоположное состояние – возможным воздаянием за дурную жизнь, должен признаться, что он судит совсем неверно, если не приходит к заключению, что добродетельную жизнь и верную надежду на будущее вечное блаженство следует предпочесть порочной жизни и страху перед ужасным состоянием несчастья, которое очень легко может постигнуть виновных, или в лучшем случае перед страшным в [своей] неопределенности ожиданием уничтожения. Это, очевидно, так, хотя бы живущий добродетельно не имел здесь ничего, кроме страданий, а живущий порочно – ничего, кроме непрерывного удовольствия. Между тем в большинстве случаев бывает совершенно иначе, и нечестивые мало чем могут похвалиться, даже если они чем-то владеют в настоящей жизни, а если рассмотреть как следует все обстоятельства, то окажется, что им выпадает здесь даже худшая доля. Но если положить на одну чашу весов бесконечное счастье, а на другую – бесконечное несчастье и если худшее из того, что ожидает благочестивого в случае, если он ошибется, есть лучшее, чего могут достигнуть нечестивые в случае, если будут правы, то кто в здравом уме решится подвергнуться риску? Какой человек в здравом уме будет рисковать, имея перед собой возможность бесконечного несчастья, а в случае везения не приобретая ничего? Между тем, с другой стороны, человек осторожный не рискует ничем перед бесконечным счастьем, которое может приобрести, если его ожидание сбудется. Если добрый человек прав, он вечно счастлив; если он ошибается, он не несчастлив, он ничего не испытывает. С другой стороны, если нечестивый прав, он несчастлив; если он ошибается, он бесконечно несчастен. Не вполне ли ясной должна быть теперь ложность того суждения, в котором сразу не усматривается, какая сторона в данном случае заслуживает предпочтения? Я ничего не говорил здесь о несомненности или вероятности будущей жизни, имея в виду показать здесь ложное суждение, которое, исходя из своих соб-

==332

ственных принципов, изложенных как угодно, составляет всякий (как он сам должен признаться), кто предпочитает после некоторого размышления кратковременные удовольствия порочной жизни, зная, и притом достоверно, что будущая жизнь по меньшей мере возможна.

71. Краткое повторение. Заканчиваю это исследование о человеческой свободе. Так как я сам сначала опасался, что в том издании, которое вышло раньше, я допустил ошибку, да и один мой весьма благоразумный друг после появления исследования в печати испытывал те же опасения, хотя и не мог точно указать мне эту ошибку, мне пришлось подвергнуть более тщательному пересмотру эту главу. После того как я наткнулся на очень небольшую и едва заметную ошибку, которую я сделал оттого, что поставил одно, по-видимому безразличное, слово вместо другого, это открытие уяснило мне мою теперешнюю точку зрения, которую я и предлагаю здесь, во втором издании, ученому миру и которая вкратце состоит в следующем.

Свобода есть сила действовать или не действовать сообразно указанию ума. Сила направлять способности к действию в одних случаях на то, чтобы вызвать движение, а в других – покой, есть то, что мы называем волей. То, что в ряду наших произвольных действий определяет волю ко всякому изменению действия, есть некоторое наличное беспокойство, которое есть или по крайней мере всегда

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
сопровождается беспокойством желания. Желание всегда возбуждается злом, с тем чтобы избежать его, ибо полное избавление от страдания составляет всегда необходимую часть нашего счастья. Но не каждое благо, даже каждое большее благо, постоянно возбуждает наше желание, потому что оно может не составлять (или не признаваться составляющим) необходимой доли нашего счастья, ибо все, чего мы желаем, – это только быть счастливыми. Но хотя это общее желание счастья действует постоянно и неизменно, однако удовлетворение всякого отдельного желания может быть отложено, чтобы не определить волю к какому-нибудь соответствующему действию, пока мы здраво не обсудили, составляет ли отдельное кажущееся благо, которого мы тогда желаем, часть нашего реального счастья, совместимо ли оно или несовместимо с ним. Вывод нашего суждения после этого рассмотрения и заставляет решиться в конце концов человека, который не мог бы быть свободным, если бы его воля определялась чем-нибудь другим, кроме его собственного

==333

желания, руководимого его собственным суждением. Я знаю, что некоторые полагают, будто свобода человека состоит в состоянии безразличия, имеющемся до того, как определяется воля. Мне хотелось бы, чтобы люди, придающие столько значения такому предшествующему безразличию, как они это называют, высказались ясно, предшествует ли это предполагаемое безразличие мысли и суждению разума, точно так же как решению воли. Ибо довольно трудно ставить его между ними, т. е. непосредственно после суждения разума и до решения воли, потому что решение воли следует непосредственно за суждением разума. А поместить свободу в состояние безразличия, предшествующее мысли и суждению разума, на мой взгляд, значит утверждать, что она находится во мраке, где мы не можем ни видеть ее, ни что-нибудь говорить о ней. Самое меньшее, такой взгляд приписывает свободу субъекту, не способному пользоваться ею, ибо всякое существо признается способным к свободе только в результате мысли и суждения. Я не придирчив к словам и потому готов сказать вместе с теми, кто любит это утверждать, что свобода заключается в безразличии. Но это есть такое безразличие, которое остается после суждения разума, даже после решения воли. Это не есть безразличие человека (после того как человек однажды рассудил, что лучше – действовать или воздержаться от действия, он уже относится не безразлично), но безразличие его деятельных сил, остающихся и после решения воли в такой же степени способными действовать или воздержаться от действия, как и до него, находящихся в состоянии, которое, пожалуй, можно назвать безразличием, если угодно. И насколько простирается это безразличие, настолько человек свободен, но не далее. Например, я обладаю способностью поднять руку или оставить ее в покое; для этой деятельной силы безразлично – поднять или не поднять мою руку; стало быть, в этом отношении я совершенно свободен. Моя воля определяет эту деятельную силу к покою; но я все-таки свободен, потому что безразличие этой моей деятельной силы действовать или не действовать все еще остается; сила, движущая моей рукой, не уменьшается от решения моей воли, которая в настоящее время повелевает оставаться в покое; безразличие этой силы действовать или не действовать точно такое же, как и прежде, что и обнаружится в том случае, если воля подвергнет его испытанию, отдав противоположное распоряжение. Но если во время ее покоя мою руку внезапно-

==334

но поражает паралич, безразличие этой деятельной силы и вместе с ним моя свобода исчезают; я уже несвободен в этом отношении, вынужден по необходимости оставить свою руку в покое. С другой стороны, если моя рука будет приведена в движение конвульсиями, безразличие этой деятельной силы также исчезнет вследствие этого движения, и моя свобода в этом случае будет потеряна, ибо я вынужден по необходимости двигать своей рукой. Я добавил это, чтобы показать, что именно в таком безразличии, на мой взгляд, состоит свобода, и ни в каком другом – действительном или воображаемом.

72. Верные понятия о природе и границах свободы столь важны, что, я надеюсь, меня простят за это отступление, к которому привела меня моя попытка разъяснить вопрос. В этой главе о силе я, естественно, встретился с идеями воли, хотения, свободы и необходимости. В прежнем издании этого исследования я изложил свои мысли по этому вопросу согласно своей тогдашней точке зрения. Теперь же я, как друг истины, а не поклонник своих собственных учений, признаюсь в некотором изменении своих взглядов, для которого, по-моему, я нашел основание. В

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
написанном мною в первый раз я с беспристрастным безразличием следовал за истиной, куда, на мой взгляд, она вела меня. Но, не будучи ни настолько тщеславным, чтобы воображать себя непогрешимым, ни настолько неискренним, чтобы скрывать свои ошибки из страха запятнать свое доброе имя, я с таким же чистосердечным стремлением к одной только истине не постыдился теперь обнародовать то, что подсказало мне более строгое исследование. Возможно, что некоторым покажутся верными мои прежние взгляды, другим – мои новые (как я уже убедился), третьим – ни те ни другие. Я вовсе не буду удивляться такому множеству различных мнений у людей; беспристрастные и обоснованные выводы в спорных вопросах довольно редки, а точные выводы в отвлеченных понятиях, особенно если они длинны, совсем не так легки. И потому я буду считать себя немало обязанным всякому, кто, исходя из моих или каких-нибудь других оснований, разъяснит как следует те трудности, которые еще могут оставаться в этом вопросе о свободе.

Прежде чем покончить с этой главой, мы сделаем, быть может, нечто полезное для нашей цели и поможем себе составить более ясные представления о силе, если постараемся немного более точно исследовать понятие действия. Я сказал выше, что у нас есть идеи только двух

==335

видов действия – движения и мышления. Хотя эти последние действительно называют и считают действиями, однако при более близком рассмотрении они окажутся не всегда вполне таковыми. Если я не ошибаюсь, бывают случаи, когда тот и другой вид при надлежащем рассмотрении должны быть признаны скорее пассивными состояниями, нежели действиями, и, следовательно, скорее результатами [действия] чисто пассивных сил в тех субъектах, которые, однако, сами считают себя действующими существами. В таких случаях движущаяся или мыслящая субстанция получает исключительно извне впечатление, которым она приводится в действие, и, таким образом, действует только благодаря своей способности получать такое впечатление от некоторых внешних действующих сил; а такая способность в субъекте есть не собственно активная сила, а чисто пассивная. Иногда субстанция или действующее существо приводятся в действие собственной силой; это и есть собственно активная сила. Всякая модификация, посредством которой субстанция производит тот или иной результат, называется действием. Когда, например, плотная субстанция посредством движения воздействует на чувственные идеи другой субстанции или изменяет их, то мы называем такую модификацию действием. Однако такое движение в этой плотной субстанции является при надлежащем рассмотрении чистым состоянием, если оно получено исключительно от какой-нибудь внешней действующей силы. Так что активной силы движения нет в тех субстанциях, которые не могут начать движения ни в себе, ни в других субстанциях, когда те находятся в покое. Точно так же в мышлении сила получать идеи или мысли от воздействия внешней субстанции называется силой мышления, однако это чисто пассивная сила, или способность. Но быть в состоянии по собственному выбору сделать воспринятыми находящиеся вне поля зрения идеи и сравнивать те из них, которые покажутся подходящими, – это уже активная сила. Это соображение может быть полезно в том отношении, что предохранит нас от заблуждений относительно сил и действий, в которые легко могут ввести нас грамматика и общий строй языков, ибо то, что обозначается глаголами, которые у грамматиков называются глаголами действительного залога, не всегда обозначает действие. Хотя, например, такие предложения, как <Я вижу луну или звезду> или <Я ощущаю солнечную теплоту, выражены

==336

глаголами действительного залога, они не обозначают никакого действия во мне, которым бы я воздействовал на эти субстанции, а обозначают, только восприятие идей света, круглоты и теплоты, причем я не активен, а чисто пассивен и при данном положении своих глаз или своего тела не могу избежать восприятия этих идей. Но когда я обращаю свои глаза в другую сторону или отодвигаю свое тело от солнечных лучей, я в собственном смысле активен, потому что привожу себя в это движение по своему собственному выбору, своей собственной внутренней силой. Такое действие есть результат активной силы.

73. Таким образом, в кратком очерке я дал обзор наших первоначальных идей, из которых произошли и составлены все остальные. Если бы я захотел рассмотреть этот вопрос как философ, изучить, от каких причин зависят наши идеи и из чего они

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosofff.org
состоят, то я уверен, что все они могли бы быть сведены к указанным немногим
первичным и первоначальным идеям, а именно к протяженности, плотности
подвижности, или способности быть приведенными в движение (эти идеи мы получаем
от тела через чувства), и далее к восприимчивости, или способности восприятия
либо мышления, и к двигательной силе (motivity), или способности приводить в
движение эти идеи мы получаем от рефлексии над своим собственным умом). Прошу
позволения пользоваться этими новыми словами, чтобы не употреблять иных,
двусмысленных слов и тем самым избежать опасности быть непонятым. Если мы
присоединим к указанным идеям существование, продолжительность и количество
(number), которые относятся и к первому и ко второму виду, быть может, мы
получим все первоначальные идеи, от которых зависят остальные. Ибо, мне
думается, ими можно было бы объяснить природу цветов, звуков, вкусов, запахов и
всех других наших идей, если бы только мы обладали способностями, достаточно
острыми для того, чтобы заметить различным образом модифицированные протяжения и
движения тех мельчайших тел, которые производят в нас эти различные ощущения. Но
так как в мою настоящую задачу входит лишь исследование знания о вещах, которое
ум наш, волею божьей подготовленный к восприятию их, черпает из идей и явлений,
а также исследование того, как ум приходит к этому знанию, то я не буду вопреки
замыслу этого <Опыта> вдаваться в философские исследования об. освоенном
строении тел и расположении их частиц, посредством которого они способны
вызывать в самих своих

==337

чувственных качеств. Я не стану заниматься здесь дальнейшими изысканиями, потому
что для моей цели достаточно заметить, что золото или шафран способны вызывать в
нас идею желтого, а снег или молоко – идею белого; что получать эти идеи мы
можем только посредством зрения, без изучения сцепления частей этих тел или
различных форм и движений тех частиц, которые отрываются от тел, чтобы возбудить
в нас то или другое ощущение. Но если мы выйдем за пределы одних только идей
нашего ума и захотим исследовать их причины, мы не сможем постичь в чувственном
объекте ничего другого, вызывающего в нас различные идеи, кроме различного
объема, формы, числа, сцепления и движения его незаметных частиц.

Глава двадцать вторая О СМЕШАННЫХ МОДУСАХ

1. Что такое смешанные модусы? Исследовав в предыдущих главах простые модусы и
приведя различные примеры наиболее значительных из их числа, чтобы показать, что
они такие и как мы к ним приходим, мы должны теперь рассмотреть те модусы,
которые называем смешанными. Таковы сложные идеи, которые мы обозначаем словами
<обязанность>, <опьянение>, <ложь> и т. д. Так как они состоят из различных
сочетаний простых идей разных видов, то я и назвал их смешанными модусами, чтобы
отличить их от более простых модусов, состоящих только из простых идей одного и
того же вида. От сложных идей субстанций смешанные модусы отличаются тем, что
они такие сочетания простых идей, которые считаются не характерными признаками
каких-нибудь реальных существ, имеющих прочное существование, а разрозненными и
независимыми идеями, которые соединяет ум.

2. Они образуются умом. Опыт показывает нам, что ум в отношении своих простых
идей совершенно пассивен и получает их все от существования и воздействия вещей,
как их представляют ему ощущение или рефлексия, сам не будучи в состоянии
образовать ни одной идеи. Но если мы внимательно рассмотрим те идеи, которые я
называю смешанными модусами и о которых мы теперь говорим, то найдем, что
источник их совершенно другой. Ум часто прилагает активную силу при образовании
таких различных сочетаний; запасшись однажды простыми

==338

идеями, он может складывать их в различные соединения и создавать таким
образом множество разных сложных идей, не исследуя того, существуют ли они в
таком сочетании в природе. Оттого-то, я думаю, такие идеи и называются
понятиями, что они как бы возникли и ведут постоянное существование больше в
человеческих мыслях, нежели в действительности вещей, и что для образования
таких идей было достаточно, чтобы ум соединил их части и чтобы они были согласны
с разумом безотносительно к тому, имеют ли они какое-нибудь реальное бытие. Я,
впрочем, не отрицаю того, что некоторые из них могли быть взяты из наблюдения и
что некоторые простые идеи существуют в том самом сочетании, в каком они
соединяются в разуме. Человек, впервые составивший идею лицемерия, мог либо

Локк Джон Опыт о человеческом разуме. Книга 2 filosoff.org
взять сначала ее из наблюдения над человеком, который старался выказать добрые качества, каковых у него не было, либо составить эту идею в своем уме, не располагая для нее соответствующим образцом. Ибо очевидно, что при возникновении языков и человеческого общества некоторые из этих сложных идей, вытекавшие из установившегося среди людей строя, непременно должны были существовать в уме раньше, чем где-либо еще, что было в ходу много имен, обозначающих такие сложные идеи, и что таким образом были составлены такие идеи до того, как стали существовать обозначающие их сочетания.

3. Иногда они приобретаются объяснением их имен. Теперь, конечно, когда языки установились и изобилуют словами, обозначающими такие сочетания, обычный способ приобретения таких сложных идей – это объяснение обозначающих их слов. Состоя из сочетаний простых идей, они могут при посредстве слов, обозначающих эти простые идеи, быть представлены уму всякого понимающего эти слова, даже если такое сложное сочетание простых идей никогда не давалось уму реальным существованием вещей. Так человек может получить идею святотатства или убийства через перечисление ему простых идей, обозначаемых этими словами, никогда не выдав ни того, ни другого преступного действия.

4. Имя связывает части смешанных модусов в одну идею. Так как каждый смешанный модус состоит из многих отличных друг от друга простых идей, то кажется разумным вопрос: откуда он получает свое единство и каким образом такое определенное множество может образовать только одну идею, когда это сочетание не

==339

всегда существует в природе? На это я отвечаю: ясно, что смешанный модус получает свое единство от акта ума, соединяющего вместе эти различные простые идеи и рассматривающего их как одно сложное целое, состоящее из этих частей. А признаком этого единства или тем, что обыкновенно считается завершением его, является единое имя, которое дается сочетанию. Ибо по именам смешанных модусов люди обыкновенно регулируют свое отношение к их различным видам, редко допуская или признавая за одно сложное целое какое-нибудь число простых идей, за исключением таких сочетаний, для которых есть имена. Хотя, например, убийство старого человека по своему характеру так же может быть охвачено одной сложной идеей, как и убийство отца, но так как нет названия, обозначающего первое с такой же точностью, с какой слово <отцеубийство> обозначает второе, то первое не принимается за отдельную сложную идею или за вид действий, отличный от убийства молодого или какого-нибудь другого человека.

5. Причина образования смешанных модусов. Если мы немного продолжим исследование, чтобы узнать, что заставляет людей составлять одни сочетания простых идей в определенные и, так сказать, установившиеся модусы и пренебрегать другими, которые от природы сами по себе обладают такой же способностью сочетаться и составлять отличные друг от друга идеи, то мы найдем, что причина этого в цели языка. Так как язык имеет целью обозначение или сообщение людьми друг другу своих мыслей с возможно большей скоростью, то люди превращают обыкновенно в сложные модусы и снабжают именами такие сочетания идей, которые часто употребляются ими в жизни и разговорах, оставляя другие, которые они редко имеют случай упоминать, разрозненными и без имен, способных связать их в одно целое. А в случае необходимости они предпочитают скорее перечислять составляющие их простые идеи, приводя обозначающие их отдельные имена, нежели обременять свою память умножением сложных идей вместе с их именами, которые им придется редко, а быть может и никогда не придется, употреблять.

6. Почему слова одного языка не находят себе соответствия в другом? Это показывает нам, почему в каждом языке бывает немало отдельных слов, которые нельзя перевести каким-либо одним словом другого языка. Так как различные образы жизни, обычаи и нравы делают

==340

близкими и необходимыми для одного народа различные сочетания идей, которые другой народ никогда не имел случая сделать или на которые он, быть может, не обращал внимания, то, разумеется, к таким сочетаниям присоединяют имена, чтобы избежать длинных описательных оборотов относительно повседневно упоминаемых вещей, и таким образом они становятся в уме отличными друг от друга сложными идеями. Так, *υφσβιχμυτ* у греков и *proscriptio* у римлян суть слова 84, которым

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
в других языках не соответствует вполне точно никакое слово, потому что они обозначают сложные идеи, которых не было в уме людей других народов. Где такого обычая не было, там не было никакого понятия ни о каком таком действии, никакого пользования такими сочетаниями идей, объединенных и, так сказать, связанных этими словами, а поэтому в других странах не было и названий для них.

7. И языки изменяются. Отсюда мы также можем видеть причину того, почему языки постоянно изменяются, принимают новые и отбрасывают старые слова. Так как перемена в обычаях и взглядах влечет за собой новые сочетания идей, о которых необходимо часто мыслить и говорить, то во избежание длинных описаний к ним присоединяются новые имена и они, таким образом, становятся новыми видами сложных модусов. Какое число различных идей таким путем охватывается одним коротким звуком и как много сберегается этим нашего времени и дыхания, увидит каждый, кто только возьмет на себя труд перечислить все те идеи, которые обозначаются словами <отсрочка> или <апелляция>, и вместо одного из этих слов применит описательный оборот для того, чтобы объяснить кому-нибудь его смысл.

8. Где существуют смешанные модусы? Хотя я буду иметь случай рассматривать это подробнее 8Б, когда перейду к исследованию слов и их употребления, однако я не мог и здесь не обратить должное внимание на имена смешанных модусов. Последние, будучи текучими и преходящими сочетаниями простых идей, везде, кроме человеческого ума, имеющими лишь кратковременное существование, да и в уме существующими, лишь пока о них мыслят, нигде, кроме своих имен, не имеют видимости постоянного и прочного существования. Поэтому в этом виде идей имена весьма легко принять за сами идеи. В самом деле, если мы станем исследовать, где существуют идеи триумфа или апофеоза, то очевидно,

==341

что, будучи действиями, требующими времени для своего выполнения, ни та ни другая нигде не могут существовать вместе в самих вещах; а что касается человеческого ума, где, как предполагают, помещаются идеи этих действий, то они и там имеют очень ненадежное существование; и поэтому мы склонны присоединять их к именам, которые вызывают в нас [эти] идеи.

9. Как мы приобретаем идеи смешанных модусов? Итак, мы приобретаем сложные идеи смешанных модусов тремя путями: 1) опытом, наблюдением над самими вещами. Так, например, видя, как двое борются или фехтуют, мы приобретаем идею борьбы или фехтования; 2) изобретением, или сознательным соединением различных простых идей в уме. Кто, например, первый изобрел книгопечатание или гравирование, имел идею его в своем уме до того, как она когда-нибудь существовала; 3) наиболее обычный путь есть объяснение названий действий, которых мы никогда не видели, или понятий, которые мы не можем видеть, а также перечисление и тем самым, так сказать, предложение на выбор нашему воображению всех тех идей, которые входят в эти модусы как их составные части. Обогадив свой ум простыми идеями посредством ощущения и рефлексии и приобретя на практике обозначающие их слова, мы можем благодаря этим названиям представить другому любую сложную идею, которую бы мы хотели сделать понятной ему, так чтобы в ней были только те простые идеи, которые ему известны, и чтобы он имел для нее одно с нами имя. Ибо все наши сложные идеи в конце концов разложимы на простые идеи, из которых они составлены и образованы первоначально, хотя, быть может, их непосредственными ингредиентами, если можно так выразиться, могут быть и сложные идеи. Так, смешанный модус, обозначаемый словом <ложь> образован из следующих простых идей: 1) членораздельные звуки; 2) определенные идеи в уме говорящего; 3) высказанные слова суть знаки этих идей; 4) эти знаки соединены утверждением или отрицанием не так, как соединены в уме говорящего обозначающие их идеи. Мне кажется, нет нужды идти дальше в анализе той сложной идеи, которую мы называем ложью: сказанное хорошо показывает, что она составлена из простых идей. И было бы оскорбительно и утомительно для читателя, если бы я стал беспокоить его более подробным перечислением всех отдельных простых идей, которые входят в

==342

состав указанной сложной идеи. На основании сказанного он сам, конечно, будет в состоянии сделать это. То же самое можно сделать со всеми нашими сложными идеями: как бы мы ни складывали и ни разъединяли их, в конце концов их можно разложить на простые идеи, которые составляют весь материал нашего действительного и возможного знания или мышления. Не будет у нас также оснований

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
бояться, что ум тем самым ограничивается слишком скудным числом идей, если мы подумаем, какой неисчерпаемый запас простых модусов доставляют нам одни лишь число и форма. Отсюда нам легко представить себе, что смешанные модусы, допускающие разнообразные сочетания различных простых идей и их бесчисленных модусов, никак не малочисленны и не скудны. Так что мы уже теперь видим, что никому нет нужды опасаться, что у него не будет достаточно свободы и простора для парения его мыслей, хотя они, как я утверждаю, не выходят за пределы простых идей, полученных от ощущения и рефлексии, и их различных сочетаний.

10. Движение, мышление и сила более всего подвергаются видоизменениям. Заслуживает нашего внимания вопрос, какие из всех наших простых идей больше всего подвергаются видоизменениям и имеют больше всего составленных из них смешанных мод у сов вместе с данными им названиями. Такими были следующие три идеи: мышление, движение (эти две идеи обнимают собой всякое действие) и сила, от которой, как предполагают, происходят эти действия. Я повторяю, именно эти простые идеи – идеи мышления, движения и силы – видоизменялись больше всех других и из их модификаций было образовано больше всего сложных модусов вместе с данными им именами. Так как деятельность есть самое важное для людей и все то, с чем имеют дело законы, то не удивительно, что различные модусы мышления и движения обратили на себя внимание и что их идеи были замечены и накоплены а памяти вместе с присвоенными им именами, без чего нельзя было бы как следует составлять законы и подавлять порок и беспорядок. Да и удобного общения между людьми не могло бы быть без таких сложных идей вместе с их именами. Потому люди и имеют постоянные названия и предположили в уме своем наличие постоянных идей для модусов действий, различающихся своими причинами, средствами, объектами, целями, орудиями, временем, местом и другими обстоятельствами, а также силами, способными к этим

==343

действиям. Например, смелость есть сила говорить или делать перед другими то, что мы намереваемся, без страха или замешательства. А у греков для уверенности в речи есть особое слово *ρβσςζυαβ*. Когда у человека сила, или способность делать что-нибудь, приобретена частым выполнением одного и того же, мы называем эту идею привычкой. Когда она готова при каждом случае проявиться в действии, мы называем ее расположением. Раздражительность, например, есть расположение, или склонность, быть сердитым.

Итак, рассмотрим любые модусы действия, например размышление и согласие, представляющие собой действия ума, бег и речь, представляющие собой действия тела, мщение и убийство, представляющие собой действия и ума и тела, и мы увидим, что они лишь определенные соединения простых идей, которые в совокупности составляют сложные идеи, обозначаемые этими именами.

11. Некоторые слова, как будто обозначающие действие, в действительности обозначают только результат. Так как сила есть источник всякого действия, то субстанции, в которых содержатся эти силы, называются причинами, когда проявляют эту силу в действии, а субстанции, произведенные этим, или простые идеи, вызванные в ком-нибудь проявлением этой силы, называются следствиями. Действенная сила (*efficacy*), посредством которой производится новая субстанция или идея, называется в субъекте, применяющем эту силу, действием, а в субъекте, в котором изменяется или производится какая-нибудь простая идея, – пассивным состоянием. Хотя эта действенная сила может быть весьма разнообразной, а следствия – почти бесконечными, мы все-таки, кажется мне, можем ее представлять себе только как модусы мышления и воли в разумных существах и только как модификацию движения в физических телах? На мой взгляд, я утверждаю, мы не можем представлять себе ее чем-нибудь другим, кроме того и другого. Я признаю, что, помимо их, не имею никакого понятия, никакой идеи ни о каком действии, которое произвело бы какое-нибудь следствие; оно совершенно чуждо моему мышлению, пониманию и знанию, так же не ясно для меня, как пять других чувств или идеи цветов для слепого. И поэтому многие слова, обозначающие как будто какое-то действие, на деле обозначают вовсе не действие, или *medus operandi* 86, а только следствие вместе с некоторыми состояниями существа, подвергающегося воздействию,

==344

или действующую причину. Например, сотворение и уничтожение заключают в себе

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
идею не действия или способа, которыми они производятся, а только (идею) причины и сделанной вещи. Когда крестьянин говорит, что холод замораживает воду, то хотя слово <замораживает> и означает как будто некоторое действие, но на деле оно обозначает всего только следствие, не заключая в себе никакой идеи действия, посредством которого оно произведено, т. е. это слово означает только то, что вода, прежде жидкая, стала твердой и плотной.

12. Смешанные модусы образуются также и из других идей. Я думаю, мне нет нужды отмечать здесь, что хотя сила и действие составляют огромное большинство смешанных модусов, обозначаемых именами и хорошо знакомых человеческому уму и речи, однако другие простые идеи и их различные сочетания не исключены. Еще менее кажется мне необходимым перечислять все установившиеся смешанные модусы вместе с именами. Это составило бы словарь из большинства слов, употребляющихся в богословии, этике, праве, политике и разных других науках. Все, что требуется для моей настоящей цели, – это показать, какого рода идеи я называю смешанными модусами, как приобретает их ум и что они суть сочетания, составленные из простых идей, получаемых от ощущения и рефлексии. Полагаю, что я это сделал.

Глава двадцать третья О НАШИХ СЛОЖНЫХ ИДЕЯХ СУБСТАНЦИЙ

1. Как образуются идеи субстанций? Получая, как я говорил, в большом числе простые идеи от чувств, так как они находятся во внешних вещах, или от рефлексии над своими собственными действиями, ум замечает также, что некоторое число этих простых идей находится постоянно вместе. Так как мы предполагаем, что они относятся к одной вещи, и так как слова годны для обозначения общих понятий и употребляются для вящей быстроты, то мы называем объединенные таким образом в одном субъекте идеи одним именем, а впоследствии по невнимательности склонны говорить и думать о том, что на деле есть лишь сочетание многих идей, как об одной простой идее. Ибо, как я уже сказал, не представляя себе, как эти простые идеи могут существовать самостоятельно, мы привыкаем предполагать некоторый субстрат, в котором

==345

они существуют и от которого истекают, а потому мы этот субстрат называем субстанцией.

2. Наша идея субстанции вообще. Так что, если кто проверит себя насчет своего понятия о чистой субстанции вообще, он найдет, что его идея субстанции вообще есть не что иное, как только предположение о неизвестном ему носителе тех качеств, которые способны вызывать в нас простые идеи и которые обыкновенно называются акциденциями. На вопрос <Что же такое тот предмет, которому присущи цвета или вес?> нельзя дать другого ответа, кроме следующего: <Плотные протяженные части>. Если же кого-нибудь спросят: <А чему присуща плотность и протяженность?>, то он очутится в ненамного лучшем положении, чем упоминавшийся выше обитатель Индии, который утверждал, что мир стоит на большом слоне, и на вопрос <На чем же стоит слон?> отвечал: <На большой черепахе>; но, когда от него опять пожелали узнать, что служит опорой для широкоспинной черепахи, он ответил: <Что-то, не знаю что> 87. Вот так и мы здесь – как и во всех других случаях, когда мы употребляем слова, не имея ясных и отличных друг от друга идей, – говорим, как дети, которые, если о чем-нибудь таком, чего они не знают, их спросят <Что это такое?>, сейчас же дают этот удовлетворительный ответ, что это есть что-то. На самом деле, и у детей, и у взрослых такой ответ означает только то, что они не знают, что это такое, что о вещи, которую они, по их мнению, знают и о которой говорят, они вообще не имеют отличной от других идей и что, следовательно, относительно ее они в полном неведении. Таким образом, наша идея, которой мы даем общее имя <субстанция>, есть лишь предполагаемый, но неизвестный носитель тех качеств, которые мы считаем существующими. А так как мы воображаем, что они не могут существовать *sine re substantia*, <без чего-нибудь, поддерживающего их>, то мы называем этот носитель *substantia*, что в буквальном смысле слова означает <стоящее под чем-нибудь> или <поддерживающее>.

3. О видах субстанций. Составив, таким образом, неясную и относительную идею субстанции вообще, мы получаем идеи отдельных видов субстанций, собирая такие сочетания простых идей, которые по опыту и наблюдению чувств людей были восприняты существующими вместе и которые поэтому считаются истекающими от особого внутреннего строения или неизвестной

==346

сущности данной субстанции. Так мы получаем идеи человека, лошади, золота, воды и т. д. И я обращаюсь к собственному опыту каждого, имеет ли он какую-нибудь другую ясную идею этих субстанций, которая была бы чем-то большим, чем идеей некоторых совместно существующих простых идей. Обычные качества, замечаемые в железе или алмазе, взятые вместе, составляют истинную сложную идею этих субстанций, которую кузнец или ювелир знает обыкновенно лучше философа. Что бы ни толковал последний про субстанциальные формы, у него нет другой идеи этих субстанций, чем та, что составлена из простых идей, которые можно найти в них. Мы должны обратить внимание только на то, что наши сложные идеи субстанций помимо всех составляющих их простых идей заключают в себе всегда смутную идею чего-то, к чему они относятся и в чем существуют. Поэтому, говоря о каком-нибудь виде субстанций, мы говорим, что она есть нечто имеющее такие-то или такие-то качества, как тело есть нечто, имеющее протяжение, форму и способное к движению; дух есть нечто способное мыслить; и таким же образом мы говорим, что твердость, рыхлость и сила притягивать железо суть качества, которые можно найти в магните. Такие и подобные обороты речи указывают на то, что субстанция всегда считается чем-то, кроме протяженности, формы, плотности, движения, мышления или других доступных наблюдению идеи, хотя мы и не знаем, что она такое.

4. Нет ясной идеи субстанции вообще. Поэтому, когда мы говорим или мыслим о каком-нибудь отдельном виде телесных субстанций, как лошадь, камень и т. д., то, хотя наша идея его есть только сочетание или соединение различных простых идей тех чувственных качеств, которые мы обыкновенно находили объединенными в предмете. называемом лошадью или камнем, но, не будучи в состоянии постигнуть, как эти качества могут существовать одни или друг в друге, мы предполагаем, что они существуют на некоторой общей основе – носителе – и поддерживаются ею Этот носитель мы обозначаем именем <субстанция>, хотя мы, наверное, не имеем ясной и отличной от других идеи того, что предполагаем носителем.

5. Идея духовной субстанции столь же ясна, как идея телесной субстанции. То же самое относится к действиям души, т. е. мышлению, рассуждению, страху и т. д. Не считая, что они существуют самостоятельно, и не понимая, как могут они принадлежать телу или

==347

вызываться им, мы склонны признавать их действиями некоторой другой субстанции, которую мы называем духом. Отсюда очевидно, что так как наша идея, или понятие, материи есть не что иное, как понятие о чем-то таком, в чем существуют те многочисленные чувственные качества, которые воздействуют на наши чувства, то наше понятие о субстанции духа будет таким же ясным, как и понятие о субстанции тела, если мы предположим субстанцию, в которой существуют мышление, знание, сомнение, сила движения и т. д.; одну субстанцию (не зная, что это такое) мы предполагаем субстратом простых идей, получаемых нами извне, другую (в такой же степени не зная, что это такое) – субстратом тех действий, которые мы испытываем внутри себя. Стало быть, ясно, что идея телесной субстанции, материи так же далека от наших понятий и взглядов, как и идея духовной субстанции, или духа, поэтому, из того что у нас нет никакого понятия о субстанции духа, мы так же не можем делать вывод о его несуществовании, как и отрицать на том же самом основании существование тела. Ибо отрицать существование тела на том основании, что у нас нет ясной и отчетливой идеи субстанции материи, так же разумно, как говорить, что нет духа, потому что у нас нет ясной и отчетливой идеи субстанции духа.

6. О видах субстанций. Какова бы ни была поэтому скрытая и отвлеченная природа субстанции вообще, все наши идеи отдельных, различных видов субстанций только различные сочетания простых идей, совместно существующих в такой, хотя и неизвестной, причине их единства, благодаря которой целое существует само собою. Только с помощью таких сочетаний простых идей мы представляем себе отдельные виды субстанции; таковы те идеи различных видов их, которые мы имеем в своей душе, и только такие сочетания обозначаем мы для других видовыми их именами, каковы, например, <человек>, <лошадь>, <солнце>, <вода>, <железо>. Слыша эти слова, каждый понимающий язык образует в своей душе сочетание тех различных простых идей, которые он обыкновенно наблюдал или воображал существующими вместе под этим наименованием и которые все он предполагает находящимися в неизвестном общем субъекте и, так сказать, привязанными к нему, а сам субъект не присущ

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
ничему другому. А между тем очевидно, и это признает каждый после исследования
своих собственных

==348

мыслей, что идея какой угодно субстанции – золота ли, лошади, железа, человека, купороса или хлеба – есть лишь идея тех чувственных качеств, которые он полагает неотъемлемыми от субстанции, добавляя предположение субстрата, как бы поддерживающего эти качества, или простые идеи, которые, по его наблюдениям, существуют объединенными друг с другом. Так, что такое идея солнца, как не соединение различных простых идей – идей света, теплоты, круглоты, постоянного правильного движения на определенном расстоянии от нас и, быть может, некоторых других идей, смотря по тому, с какой точностью человек, который мыслит и говорит о солнце, наблюдает те чувственные качества, идеи или свойства, которые находятся в предмете, называемом им солнцем?

7. Сила составляет значительную часть наших сложных идей субстанций. Ибо наиболее совершенную идею какого-нибудь отдельного вида субстанции имеют люди, собравшие и соединившие больше всего имеющихся у него простых идей, к которым нужно причислить также его активные силы и пассивные состояния, хотя они и не простые идеи, но в этом отношении их для краткости удобно к ним причислить. Так, сила притягивать железо есть одна из идей, принадлежащих к сложной идее той субстанции, которую мы называем магнитом, а способность быть притянутым есть часть той сложной идеи, которую мы называем железом, причем эти силы считаются качествами, присущими этим вещам. Так как всякая субстанция наблюдаемыми в ней силами так же способна изменить некоторые чувственные качества в других вещах, как и вызвать в нас непосредственно от нее воспринимаемые нами простые идеи, то с помощью вызываемых своим действием в других вещах новых чувственных качеств она раскрывает нам силы, которые через это опосредствованно действуют на наши чувства так же закономерно, как чувственные качества вещей делают это непосредственно. Мы, например, непосредственно через свои чувства воспринимаем в огне его теплоту и цвет, которые при надлежащем рассмотрении являются в нем лишь силами, вызывающими в нас эти идеи; через свои чувства воспринимаем мы также цвет и хрупкость древесного угля, достигая этим познания еще одной силы огня, которая состоит в изменении цвета и плотности дерева. В первом случае непосредственно, во втором опосредствованно огонь раскрывает нам эти различные силы, которые мы поэтому рассматриваем как часть свойств огня и, таким образом,

==349

делаем их частью сложных идей его. Все те силы, которые мы познаем, ограничиваются исключительно изменением некоторых чувственных качеств в тех вещах, на которые они воздействуют, заставляя их тем самым доставлять нам новые чувственные идеи. Потому я и причислил эти силы к простым идеям, образующим сложные идеи разного рода субстанций, хотя эти силы, рассматриваемые сами по себе, суть в действительности сложные идеи. И я желал бы, чтобы меня понимали в этом более широком смысле, если я назову одну из этих возможностей или способностей к действию среди простых идей, которые мы припоминаем в своей душе, когда думаем об отдельных субстанциях, ибо различные силы, находящиеся в последних, необходимо принимать в соображение, если мы хотим составить верные, определенные понятия о различных видах субстанций.

8. А почему? Мы не должны удивляться тому, что силы составляют большую часть наших сложных идей субстанций: их вторичные качества таковы, что в большинстве случаев служат главным образом для того, чтобы отличать субстанции друг от друга, и обыкновенно образуют значительную часть сложной идеи различных видов их. Когда наши чувства не в состоянии выявить нам величину, строение и форму мельчайших частиц тел, от которых зависят их действительное строение и различия между ними, мы вынуждены пользоваться их вторичными качествами как характерными признаками и знаками, по которым мы составляем в своей душе их идеи и отличаем их друг от друга. Но все эти вторичные качества, как уже было показано, суть не что иное, как только силы, ибо цвет и вкус опиума, как и его снотворное, болеутоляющее свойство, – это только силы, зависящие от его первичных качеств, которыми он способен производить различные воздействия на различные части нашего тела.

9. Три вида идей образуют наши сложные идеи субстанций. Идеи, образующие наши сложные идеи телесных субстанций, бывают следующих трех видов. Во-первых, идеи

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosofff.org
первичных качеств вещей, которые выявляются нашими чувствами и находятся в вещах даже тогда, когда мы их не воспринимаем; таковы величина, форма, число, расположение и движение частиц тел, причем эти качества действительно находятся в вещах, обращаем ли мы на них внимание или нет. Во-вторых, вторичные чувственные качества, зависящие от первичных; они – не что иное, как силы этих субстанций, вызывающие в нас

==350

различные идеи через наши чувства; эти идеи не находятся в самих вещах; разве что они находятся в них лишь постольку, поскольку что-либо может находиться в том, что является его причиной. В-третьих, способность, рассматриваемая нами в каждой субстанции, вызывать или претерпевать такие изменения первичных качеств, чтобы измененная таким образом субстанция вызывала в нас идеи, отличные от прежних; эти способности называются активными и пассивными силами, и все такие силы, насколько мы имеем о них какое-нибудь знание или понятие, проявляются исключительно в простых чувственных идеях. В самом деле, какие бы изменения магнит ни имел силу производить в мельчайших частицах железа, мы совсем не имели бы понятия о какой-нибудь силе его воздействия на железо, если бы этого не обнаруживало осязаемое движение последнего. И я не сомневаюсь, что повседневно встречающиеся нам тела обладают силой вызывать друг в друге тысячи изменений, о которых мы никогда не подозреваем, потому что они никогда не обнаруживаются в следствиях, доступных ощущениям.

10. Силы составляют значительную часть наших сложных идей субстанций. Поэтому силы действительно составляют значительную часть наших сложных идей субстанций. Кто исследует свою сложную идею золота, тот увидит, что некоторые составляющие ее идеи есть только силы, как-то: сила расплавляться, но не уничтожаться в огне, сила растворяться в царской водке⁸⁸; эти идеи настолько же необходимы для составления нашей сложной идеи золота, как и [идеи] его цвета и веса, да и эти последние, если рассматривать их должным образом, есть не что иное, как различные силы. Говоря по правде, желтизна фактически не находится в золоте, а есть сила в золоте, способная при надлежащем освещении его вызывать в нас эту идею с помощью наших глаз. Теплота же, которую мы не можем исключить из нашей идеи солнца, в действительности так же мало находится в солнце, как и вводимый солнцем в воск белый цвет. И то и другое одинаково являются силами солнца, которые при помощи движения и формы его незаметных частиц воздействуют, с одной стороны, на человека, так что он получает идею теплоты; с другой стороны, на воск, так что он делается способным вызывать в человеке идею белого.

11. Нынешние вторичные качества тел исчезли бы, если бы мы могли обнаружить первичные качества их

==351

мельчайших частиц. Будь наши чувства достаточно остры для различения мельчайших частиц тел и действительного строения, от которого зависят чувственные качества тел, они, несомненно, вызывали бы в нас совершенно другие идеи. И тогда то, что представляет собой теперь желтый цвет золота, исчезло бы, и вместо него мы увидели бы удивительное сцепление частиц определенного размера и формы. Это нам ясно показывает микроскоп. То, что невооруженному глазу представляется как определенный цвет, при таком увеличении остроты наших чувств оказывается совершенно иной вещью; изменившаяся таким образом, так сказать, величина мельчайших частиц окрашенного предмета для нашего обыкновенного зрения вызывает в нас идеи, отличные от тех, которые оно вызывало раньше. Песок, например, или истолченное стекло, которые для невооруженного глаза непрозрачны и белы, в микроскопе прозрачны. Рассматриваемый таким способом волос теряет свой прежний цвет и в значительной мере прозрачен, с примесью ярких сверкающих красок, как это бывает при преломлении лучей в алмазах и других прозрачных телах. Кровь невооруженному глазу кажется совершенно красной; но в хорошем микроскопе, где можно различить ее более мелкие части, в ней видны только несколько красных шариков, плавающих в прозрачной жидкости. И неизвестно, в каком виде предстали бы перед нами эти красные шарики, если бы можно было найти стекла, которые бы увеличили их еще в тысячу или в десять тысяч раз.

12. Наши способности обнаруживать соответствуют нашему состоянию. Бесконечно мудрый творец людей и всех вещей вокруг нас приспособил наши чувства, способности и органы к удобствам жизни и к нашим здешним делам. Своими чувствами

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
мы способны познавать, различать и исследовать вещи настолько, чтобы употреблять их для своей пользы и различными путями приспосабливать к нуждам этой жизни. Мы приобрели достаточно глубокие знания поразительного устройства и удивительных действий вещей, чтобы восхищаться мудростью, силой и добротой их творца и восхвалять его. У нас нет недостатка в способностях достигнуть такого знания, и оно соответствует нашему теперешнему состоянию. Но бог, по-видимому, не имел намерения дать нам совершенное, ясное и адекватное знание вещей, которое, быть может, выше разума всякого конечного существа. Мы одарены способностями (как ни грубы и ни слабы они) замечать

==352

в сотворенном мире столько, сколько нужно для того, чтобы прийти к познанию творца и своих обязанностей, и нам дано совершенно достаточно способностей позаботиться об удобствах жизни. А в этом и состоят наши дела в этом мире. Но если бы наши чувства изменились и стали гораздо живее и острее, внешний вид и облик вещей был бы для нас совершенно иным и, я склонен думать, был бы несообразен с нашим существованием или по крайней мере благополучием в обитаемой нами части вселенной. Кто подумает, как мало наш организм способен вынести перемещение в такие части атмосферы, которые не намного выше тех, в которых мы обыкновенно дышим, тот будет иметь основания остаться довольным, что на предназначенном нам жилище – земном шаре – премудрый строитель привел в соответствие наши органы с воздействующими на них телами. Если бы наше чувство слуха было лишь в тысячу раз острее нынешнего, то как оглушал бы нас постоянный шум! В самом тихом уединении нам было бы тогда труднее спать или размышлять, чем в гуще морского сражения. Более того, если наиболее поучительное наше чувство – зрение было бы у кого-нибудь в тысячу или в сто тысяч раз острее того, чем оно бывает теперь при помощи самого лучшего микроскопа, то он невооруженным глазом видел бы тогда предметы, в несколько миллионов раз меньшие самого мелкого видимого ему теперь предмета, и таким образом подошел бы ближе к выявлению сцепления и движения мельчайших частиц телесных вещей и во многих случаях, вероятно, приобрел бы идеи их внутреннего строения. Но тогда он очутился бы совсем в другом мире, нежели остальные люди; ничто не казалось бы одним и тем же ему и другим, видимые идеи всех вещей были бы различны, так что я сомневаюсь, мог ли бы он при таком полном различии внешнего вида говорить с остальными людьми об объектах зрения или иметь какую-нибудь беседу о цветах. Такая острота и чувствительность зрения, быть может, не могла бы переносить яркого солнечного сияния или даже ясного дневного света, а могла бы воспринимать сразу лишь очень незначительную часть какого-нибудь предмета, и притом лишь на очень близком расстоянии. И если бы при помощи таких глаз-микроскопов (если так можно назвать их) человек мог дальше обыкновенного проникнуть в таинственный состав и первоначальную структуру тел, он получил бы мало выгоды от такой перемены, если бы такое острое зрение не годилось для

==353

того, чтобы провести его на рынок или на биржу, если бы он не видел на надлежащем расстоянии вещей, которых ему нужно избегать, и не различал, подобно другим людям, встречающихся ему предметов по их чувственным качествам. Человек, одаренный таким острым зрением, что может видеть расположение мельчайших частиц часовой пружины и наблюдать, от какого особого строения и толчка зависит ее упругое движение, без сомнения, обнаружил бы удивительные вещи. Но если бы устроенные таким образом глаза не могли охватить одним взглядом стрелки и знаки на циферблате и тем самым видеть на расстоянии, который час, то их владелец не был бы очень счастлив от такой остроты, которая, открыв ему таинственное расположение частей механизма, в то же время не позволяла бы ему пользоваться им.

13. Предположение относительно духов. Здесь я просил бы позволения высказать одно свое странное предположение. Мы имеем некоторое основание думать (если можно сколько-нибудь верить сообщению о вещах, которых не может объяснить наша философия), что духи могут облекаться в тела различного объема, формы и строения частиц. Не заключается ли одно большое преимущество некоторых из них перед нами в том, что они способны создавать и формировать себе такие органы ощущения, или восприятия, какие подходят им для их данной цели и состояния объекта, который они намерены рассмотреть? В самом деле, как превосходил бы всех других своими знаниями человек, который обладал бы способностью так изменять строение своих глаз (только одного [органа] чувств), чтобы оно было приспособлено ко всем

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
различным степеням зрения, которые мы научились схватывать при помощи стекол (случайно обнаружив их). Сколько чудес открыл бы тот, кто мог бы так приспособить свои глаза ко всем видам объектов, чтобы видеть, когда ему будет угодно, форму и движение мельчайших частиц в крови и других соках животных так же явственно, как он видит в других случаях форму и движение самих животных! Но если бы в нашем теперешнем состоянии неизменные органы были так устроены, чтобы обнаруживать форму и движение мельчайших частиц тел, от которых зависят чувственные качества, замечаемые нами в них теперь, то это, быть может, не дало бы нам никакой выгоды. Бог, без сомнения, устроил наши органы так, как это всего лучше для нас в нашем настоящем состоянии. Он привел нас в соответствие с телами, которые нас

==354

окружают и с которыми мы имеем дело. И хотя мы не можем со своими способностями достигнуть совершенного знания вещей, однако они служат нам достаточно хорошо для указанных выше целей, которые имеют для нас важное значение. Я прошу у читателя прощения, что излагаю перед ним такую дикую фантазию относительно способов восприятия у стоящих выше нас существ. Но какой бы странной она ни была, я сомневаюсь, что мы можем представить себе что-либо о познавательных способностях (knowledge) ангелов как-нибудь иначе, чем сообразно тому, что мы находим и наблюдаем в себе самих. И хотя мы не можем не признавать, что бесконечная сила и мудрость божия в состоянии сотворить существа со множеством других, непохожих на наши способностей и путей постижения внешних вещей, однако наше мышление не может идти дальше наших собственных способностей – до такой степени невозможно нам расширить даже сами свои догадки за пределы идей, полученных от своих собственных ощущений и рефлексии. По крайней мере не должно ошеломить нас предположение, что ангелы иногда облакаются в тела: некоторые наиболее древние и наиболее ученые отцы церкви, по-видимому, верили, что у ангелов было тело; достоверно же то, что способ и вид их существования нам неизвестен.

14. Сложные идеи субстанций. Но возвратимся к рассматриваемому вопросу – к нашим идеям субстанций и к способам их получения. Я повторяю, наши определенные идеи субстанций есть не что иное, как совокупность известного числа простых идей, считающихся соединенными в одной вещи. Эти идеи субстанций в действительности есть идеи сложные и составные, хотя их обыкновенно называют простыми понятиями, а названия их – простыми словами. Например, идея, которую мы обозначаем словом <лебедь>, есть белый цвет, длинная шея, красный клюв, черные ноги и перепонки на лапах – все это определенного размера – вместе со способностью плавать в воде и производить известного рода шум, а для человека, долгое время наблюдавшего эту породу птиц, быть может, некоторые другие свойства, которые не выходят за пределы простых чувственных идей, соединенных в одном общем предмете.

15. Идея духовных субстанций так же ясна, как и идея телесных субстанций. Кроме сложных идей материальных чувственных субстанций, о которых я только что говорил, мы можем составить также сложную идею нематериально-

==355

го духа из простых идей, получаемых нами от той деятельности своей души, которую мы повседневно испытываем в самих себе, как мышление, разумение, хотение, познание и способность начинать движение и т. д., существующие вместе в некоторой субстанции. И таким образом, соединяя вместе идеи мышления, восприятия, свободы и силы двигать себя и другие вещи, мы получаем столь же ясное восприятие и понятие нематериальных субстанций, как и материальных. Ибо если мы соединим и свяжем с субстанцией, о которой не имеем определенной идеи, идеи мышления, хотения или силы вызывать или останавливать телесное движение, то мы получим идею нематериального духа. Посредством же соединения идей сцепленных плотных частиц и силы быть приведенным в движение, связанных с субстанцией, о которой мы точно так же не имеем положительной идеи, мы получаем идею материи. Первая идея так же ясна и отчетлива, как и вторая: идеи мышления и приведения тела в движение так же ясны и отчетливы, как идеи протяженности, плотности и состояния движения (being moved); ибо идея субстанции в обоих случаях одинаково неясна или совсем отсутствует, представляя собой лишь предполагаемое <неизвестно что>, для того чтобы нести те идеи, которые мы зовем акциденциями 89. И только вследствие недостатка рефлексии мы склонны думать, что наши чувства показывают нам только материальные вещи. При надлежащем рассмотрении каждый акт ощущения

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
бросает одинаковый свет на обе области природы: телесную и духовную. В то время как я познаю посредством зрения, слуха и т. д., что вне меня есть некоторый физический предмет – объект данного ощущения, я могу познать с большей достоверностью, что внутри меня есть некоторое духовное существо, которое видит и слышит. Я должен прийти к убеждению, что это не может быть действием чистой, бесчувственной материи и даже не могло бы быть без нематериального мыслящего существа 90.

16. Нет идеи отвлеченной субстанции. Со сложной идеей чего-то протяженного, имеющего форму, цвет и всякие другие чувственные качества, что составляет все наше знание о данной вещи, мы так же далеки от идеи материальной субстанции, как если бы вообще о ней ничего не знали. И хотя мы воображаем, что имеем близкое знакомство с материей, и хотя люди уверены, что воспринимают и знают в телах много качеств, однако после исследования, быть может, окажется, что первичных

==356

идей, относящихся к телу, не больше и они не яснее идей, относящихся к нематериальному духу.

17. Сцепление плотных частиц и толчок – первичные идеи тела. Первичными идеями, свойственными только телу в противоположность духу, являются сцепление плотных и, следовательно, отделимых друг от друга частиц и сила сообщать движение толчком. Именно эти первоначальные идеи я считаю присущими и свойственными только телу, ибо форма есть лишь следствие конечной протяженности.

18. Мышление и двигательная сила ~ первичные идеи духа. Наши идеи, относящиеся исключительно к духу, – это мышление и воля, или способность приводить тело в движение мыслью; следствие же ее – свобода. В то время как тело не может не сообщать посредством толчка своего движения другому телу, которое оно застаёт в состоянии покоя, душа может по своему усмотрению приводить тела в движение или воздерживаться от этого. Идеи существования, продолжительности и подвижности общи тому и другому.

19. Духи способны к движению. Нет основания считать странным то, что я приписываю подвижность духам. Не имея другой идеи движения, кроме перемены расстояния от других вещей, которые рассматриваются как пребывающие в покое, и, находя, что духи, подобно телам, могут оказывать воздействие только там, где они находятся, и что оказывают они воздействие в разное время в разных местах, я не могу не приписать перемену места всем конечным духам, ибо о бесконечном духе я не говорю здесь. Моя душа, будучи таким же реальным существом, как и мое тело, в такой же степени, как и само тело, несомненно, способна переменить свое расстояние от какого-нибудь другого тела или существа и, таким образом, способна к движению. Если математик может рассматривать известное расстояние или перемену этого расстояния между двумя точками, то, несомненно, можно представить себе также расстояние и перемену расстояния между двумя духами и, таким образом, представить себе их движение, их приближение и отдаление друг от друга.

20. Каждый знает по себе, что его душа может мыслить, хотеть и воздействовать на его тело в том месте, где она находится, и не может воздействовать на тело в каком-нибудь другом месте, отстоящем от нее на расстоянии ста миль. Никто не может представить себе,

==357

чтобы его душа могла мыслить или двигать какое-нибудь тело в Оксфорде, пока он сам в Лондоне, и не может не знать, что его душа, соединенная с его телом, в течение всего пути между Оксфордом и Лондоном непрерывно меняет место, так же как везущая его карета или лошадь; и мне кажется, можно утверждать, что она в действительности все это время находится в движении. А если не признают, что это доставляет нам достаточно ясную идею ее движения, надеюсь, признают таковым ее отделение от тела при смерти. В самом деле, мне кажется, невозможно рассматривать душу как уходящую из тела или оставляющую его и в то же время не иметь идеи ее движения.

21. Если кто возразит, что душа не может переменять место, потому что у нее нет никакого места, ибо духи находятся не *in loco*, но *ubi* 81, то, мне думается, этот способ выражения мало кому покажется веским теперь, в век, не особенно склонный

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
удивляться или позволять обманывать себя подобными непонятными выражениями. Но если кто-нибудь в этом различии видит какой-нибудь смысл и считает, что оно применимо к нашему вопросу, то пусть он переведет его на понятную нам речь и из нес почерпнет доказательство того, что нематериальные духи не способны к движению. Действительно, богу нельзя приписывать движения, но не потому, что он нематериальный дух, а потому, что он бесконечный дух.

22. Сравнение идей души и тела. Сравним же нашу сложную идею нематериального духа с нашей сложной идеей тела и посмотрим, не является ли одна более неясной, чем другая, и в чем именно. Наша идея тела, на мой взгляд, есть протяженная плотная субстанция, способная сообщать движение толчком, а наша идея души как нематериального духа есть идея субстанции мыслящей и обладающей силой возбуждать движение в теле волею или мыслью. Таковы, на мой взгляд, наши сложные идеи души и тела как идеи противоположные. Посмотрим теперь, какая из них более неясная и трудная для понимания. Я знаю, что люди, мысли которых направлены на материальное и которые настолько подчинили свою душу своим чувствам, что редко мыслят о чем-нибудь другом, склонны утверждать, будто они не могут постигнуть мыслящей вещи, что, быть может, и верно. Но я утверждаю, что, если они хорошенько поразмыслят, им не легче будет постигнуть и протяженную вещь.

23. Сцепление плотных частиц в теле так же трудно

==358

понять, как и мышление в душе. Если кто говорит что не знает, что в нем мыслит, то он хочет сказать, что не знает, какова субстанция этой мыслящей вещи. Но я повторяю, что несколько не больше знает он и то, какова субстанция этой плотной вещи. Если он, далее, говорит, что не знает, как он мыслит, я отвечу, что не знает он и того, как он протяжен, как соединены или сцеплены вместе плотные части тела для образования протяженности. Хотя давление частиц воздуха может объяснить сцепление различных частиц материи, которые тяжелее частиц воздуха и у которых поры меньше корпускул воздуха, однако вес или давление воздуха не могут быть объяснением или причиной сцепления частиц самого воздуха. И если давление эфира⁹² или какой-нибудь другой материи, более тонкой, нежели воздух, может соединять и крепко держать вместе составные части частиц воздуха, равно как и другие тела, то оно все-таки не может составлять связь для самого себя и соединять частицы, образующие каждую самую малую корпускулу этой *materia subtilis* ⁹³. И как ни остроумна гипотеза, объясняющая соединение частиц ощущаемых тел давлением других внешних незаметных тел, она не распространяется на частицы самого эфира. Чем очевиднее доказывает она, что частицы других тел удерживаются вместе внешним давлением эфира и не могут иметь никакой другой понятной причины своего сцепления и связи, тем более оставляет она нас в неведении относительно сцепления частей у корпускул самого эфира. Мы не можем ни представить их себе без частей, потому что они тела и делимы, ни понять, как связаны их части, ибо, выходит, нет у них той причины сцепления, которая приводится как [причина] сцепления частиц всех других тел.

24. Но на самом деле никакое давление окружающей жидкости, как бы велико оно ни было, не может быть понято как причина сцепления плотных частей материи. Хотя такое давление может помешать отделению двух полированных поверхностей друг от друга в перпендикулярном к ним направлении, как это бывает при опыте с двумя [соединенными] полированными мраморными плитками, однако оно никогда и несколько не мешает отделению их друг от друга посредством движения в направлении, параллельном этим поверхностям. Окружающая жидкость, имея полную свободу занимать любую точку пространства, покинутого телом в результате его

==359

движения, сопротивляется движению соединенных вместе тел не более, чем она сопротивлялась бы движению одного тела, которое со всех сторон было бы окружено жидкостью и не касалось бы никакого другого тела. Отсюда если бы [,кроме соединения,] не было другой причины сцепления, то все части тел должны были бы быть легко отделимы друг от друга таким [,как указано выше,] скользящим движением, ибо если давление эфира есть достаточная причина сцепления, то не может быть сцепления там, где эта причина не действует. А так как это сцепление (как было показано выше) не может воспрепятствовать такому разъединению в параллельных направлениях, то, стало быть, на всякой воображаемой плоскости, пересекающей какую-нибудь массу материи, не может быть сцепления, как не может

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
его быть между двумя полированными поверхностями, которые, несмотря ни на какое воображаемое давление жидкости, будут всегда легко соскальзывать одна с другой. И как ни ясна, по нашему мнению, наша идея протяженности тела, которая есть не что иное, как сцепление плотных частиц, но тот, кто хорошенько поразмыслит о ней в своем уме, будет, вероятно, иметь основание заключить, что получить ясную идею того, как мыслит душа, для него не труднее, чем иметь такую же идею того, как протяженно тело. Тело протяженно не более и не иначе, как связью и сцеплением своих плотных частиц; поэтому мы будем очень плохо понимать протяженность тела, если не постигнем, в чем состоит связь и сцепление его частиц. А последнее кажется мне столь же непонятным, как и способ мышления и то, как оно происходит.

25. Я знаю, большинство людей обыкновенно удивляются тому, как это кто-нибудь находит трудность в том, что, по их мнению, они наблюдают каждый день. <Да разве мы не видим, – сейчас же скажут они, – что части тел крепко связаны друг с другом? Может ли что-нибудь быть проще? И какое можно относительно этого питать сомнение?> Но то же самое я утверждаю относительно мышления и произвольного движения: <Да разве мы не испытываем его каждый момент в себе? И разве можно, стало быть, сомневаться в этом?> Я согласен, фактическая сторона очевидна. Но когда мы немного ближе рассмотрим ее и поразмыслим, как совершается факт, то, мне кажется, придем в недоумение в том и в другом случае и сможем понять сцепление частиц тела так же мало, как и то, каким образом мы сами воспринимаем или приходим

==360

в движение. И хотел бы я, чтобы кто-нибудь вразумительно объяснил мне, как частицы золота или бронзы (которые только что в расплавленном виде были так же легко отделимы друг от друга, как частицы воды или песчинки песочных весов) в несколько минут соединяются и так крепко прилипают одна к другой, что их не может разделить никакая сила человеческих рук. Я полагаю, человеку мыслящему будет здесь трудно дать ответ своему собственному или чьему-нибудь другому разуму.

26 Тельца, составляющие ту жидкость, которую мы называем водой, так необычайно малы, что я никогда не слышал, чтобы кому-нибудь в микроскопе (а я слышал, что некоторые микроскопы увеличивают в 10 000, некоторые – даже гораздо более чем в 100 000 раз 94) удалось ясно видеть их объем, форму или движение. Притом частицы воды так мало связаны одна с другой, что малейшая сила заметно разделяет их. Более того, если мы рассмотрим их постоянное движение, мы должны будем признать, что они вовсе не имеют сцепления одна с другой. Но пусть только наступит резкий холод; эти маленькие атомы соединяются и твердеют; они сцепляются, и только большая сила может разъединить их. Тот, кто сумеет найти узы, так крепко связывающие в одно целое эти груды свободных телец, кто сумеет обнаружить связующее вещество, заставляющее их так плотно приставать друг к другу, тот откроет великую и еще неведомую тайну; но и после этого он еще будет довольно-таки далек от того, чтобы объяснить протяженность тела (которая представляет собой сцепление его плотных частиц), пока не сможет указать, в чем состоит соединение или скрепление частиц этих уз, или этого связующего вещества, или мельчайшей части существующей материи. Отсюда ясно, что это первичное и будто бы очевидное качество тела окажется, если его исследовать, столь же непостижимым, как все относящееся к нашему уму, а плотную протяженную субстанцию так же трудно представить себе, как и субстанцию мыслящую и нематериальную, какие бы возражения против этого ни выдвигались.

27. В самом деле, разовьем свою мысль немного дальше. То давление, которым пользуются для объяснения сцепления тел, так же непонятно, как и само сцепление, ибо если материю считать конечной (а она, без сомнения, такова), то пусть кто-нибудь устремит свой взор к пределам вселенной и посмотрит там, какие он может себе представить обручи, какие узы, чтобы они держали эту массу

==361

материи вместе под таким сильным давлением, от которого сталь получает свою крепость, а частицы алмаза – свою твердость и неразрывность. Если материя конечна, она должна иметь свои пределы и что-нибудь должно препятствовать ее расщеплению. Если для выхода из этого затруднения кто-нибудь устремится в пучину домыслов о бесконечности материи, то пусть он рассмотрит сам, какой свет бросит

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
он этим на сцепление тел и насколько приблизится к уяснению его, сведя его к предположению, более всяких других нелепому и непонятному. И когда мы исследуем природу, причину и проявления протяженности тел (которая есть не что иное, как сцепление плотных частиц) , она ясна и определена не более, чем идея мышления.

28. Что движение вызывается толчком или что оно сообщается мыслью, одинаково непонятно. Другая наша идея тела – это [способность, или] сила, сообщать движение посредством импульса или толчка, и другая наша идея души есть сила возбуждать движение мыслью. Эти идеи, одну – тела, другую – души, ясно доставляет нам повседневный опыт. Но если мы опять начнем исследовать, как это происходит, мы и здесь одинаково будем в неведении. В самом деле, относительно сообщения движения толчком, при котором одно тело теряет столько движения, сколько приобретает другое, а это представляет собой самый обычный случай, мы не можем составить себе никакого другого представления, кроме как о переходе движения из одного тела в другое. На мой взгляд, это [мнение] так же неясно и непостижимо, как представление о том, каким образом наша душа мыслью приводит в движение или останавливает наше тело, а мы каждую минуту видим, что она это делает. Увеличение движения от толчка – мы иногда наблюдаем его или верим, что оно происходит, – еще менее понятно. Повседневный опыт ясно свидетельствует о движении и от толчка и от мысли; но способ, каким происходит оно, с трудом поддается нашему пониманию; в обоих случаях мы находимая в одинаковом затруднении, так что, когда мы рассматриваем движение и его сообщение от тела или от духа, идея, относящаяся к духу, по меньшей мере столь же ясна, как и идея, относящаяся к телу. Если же мы рассматриваем активную силу движения, или, если можно так выразиться, двигательную силу, то она гораздо яснее в духе, чем в теле. Два тела, помещенные в состоянии покоя друг возле друга, никогда не дадут

==362

нам иной идеи силы приведения в движение одного другим, кроме как заимствованного извне движения; между тем душа каждый день доставляет нам идеи активной силы приведения тела в движение. А потому заслуживает нашего рассмотрения вопрос: не является ли активная сила отличительным свойством духов, а пассивная – отличительным свойством материи? Отсюда можно предположить, что сотворенные духи не совсем отделены от материи, потому что они и активны и пассивны. Чистый дух, т. е. бог, только активен; чистая материя только пассивна; те существа, которые и активны и пассивны, мы можем считать причастными и духу и материи. Как бы то ни было, я думаю, что наши идеи, относящиеся к духу, так же многочисленны и так же ясны, как и идеи, относящиеся к телу, субстанция каждого из которых одинаково неизвестна нам. Идея мышления в духе так же ясна, как идея протяженности в теле; а сообщение движения мыслью, которое мы приписываем духу, столь же очевидно, как сообщение движения толчком, которое мы относим к телу. Благодаря постоянному опыту мы замечаем то и другое, хотя наш ограниченный разум не может понять ни того, ни другого. Ибо всякий раз, как душа хочет бросить взгляд за пределы первоначальных идей, получаемых нами от ощущения или рефлексии, и вникнуть в их природу и способ их образования, мы находим, что она не открывает ничего, кроме своей собственной близорукости.

29. Итак, ощущение убеждает нас в том, что есть плотные, протяженные субстанции, а рефлексия – в том, что есть мыслящие субстанции. Опыт свидетельствует нам о существовании таких вещей и о том, что первые имеют силу двигать тело толчком, вторые – мыслью. В этом мы не можем сомневаться. Я повторяю, опыт каждую минуту доставляет нам ясные идеи тех и других субстанций. Но дальше этих идей как полученных из их соответствующих источников наши способности не простираются. Если мы станем дальше исследовать их природу, причины и способ, то поймем природу протяженности не яснее, чем природу мышления. Если мы захотим дать дальнейшее объяснение их, то объяснить одну столь же легко, как другую. Понять, как неизвестная нам субстанция может привести тело в движение мыслью, не труднее, чем понять, как неизвестная нам субстанция приводит тело в движение толчком. Так что выявить, в чем состоят относящиеся к телу идеи, мы способны не более, чем

==363

выявить, в чем состоят идеи, относящиеся к духу. Отсюда мне кажется вероятным, что простые идеи, получаемые нами от ощущения и рефлексии, суть границы нашего мышления, дальше которых, несмотря ни на какие усилия свои, душа не может подвинуться ни на йоту и не в состоянии что-то выявить, когда она пытается

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
проникнуть в природу и скрытые причины этих идей.

30. Сравнение идеи тела с идеей духа. Коротко говоря, сравнение нашей идеи духа с нашей идеей тела приводит к следующему: субстанция духа неизвестна нам, но в такой же степени неизвестна нам и субстанция тела. Мы имеем отличные друг от друга ясные идеи двух первичных качеств, или свойств тела, а именно плотных, сцепленных частиц и толчка; точно так же мы знаем и имеем отличные друг от друга ясные идеи двух первичных качеств, или свойств духа, а именно мышления и силы действия, т. е. силы начинать или останавливать различные мысли или движения. Мы имеем также идеи различных качеств, присущих телам, и притом идеи ясные и отличные друг от друга; эти качества суть только различные модификации протяженности сцепляющихся плотных частей и их движений. Точно так же мы имеем идеи различных модусов мышления, а именно веры, сомнения, намерения, страха, надежды; все они только различные модусы мышления. Мы имеем также идеи акта хотения и следующего за ним движения тела, а также идею движения духа совместно с телом, ибо, как было показано выше, дух способен к движению.

31. Понятие духа является не более трудным, чем понятие тела. Наконец, если это понятие о нематериальном духе, быть может, заключает в себе трудности, которые нелегко объяснить, то мы имеем вследствие этого так же мало основания отрицать существование таких духов или сомневаться в этом, как мало имеем основания отрицать существование тела или сомневаться в этом потому, что понятие тела связано с некоторыми трудностями, которые нам очень нелегко и, быть может, невозможно объяснить или понять. Пусть покажут мне в нашем понятии о духе что-нибудь более запутанное или более близкое к противоречию, чем то, что заключает в себе само понятие о теле. Делимость всякой конечной протяженности *in infinitum*, будем ли мы признавать или отрицать ее, приводит нас к выводам, которые невозможно объяснить или согласовать друг с другом в нашем понимании, к выводам, которые заключают в себе большую

==364

трудность и более очевидную нелепость, нежели все, что может следовать из понятия о нематериальной познающей субстанции.

32. Мы не знаем ничего, кроме наших простых идей. И мы вовсе не должны удивляться этому. Имея лишь немного поверхностных идей вещей, обнаруживаемых нами только при помощи чувств извне или души, размышляющей о том, что она испытывает внутри себя, мы не знаем ничего, кроме этого; еще меньше мы знаем внутреннее строение и истинную природу вещей, не имея способности достигнуть этого знания. Мы приобретаем из опыта и обнаруживаем в самих себе знание и способность произвольного движения с такою же достоверностью, с какой мы знаем по опыту и обнаруживаем во внешних вещах сцепление и разъединение плотных частиц, т. е. протяженность и движение тел. Поэтому мы имеем столько же оснований быть довольными своим понятием о нематериальном духе и существовании его, сколько и своим понятием о теле и существовании его. В том, что мышление существует отдельно и независимо от плотности, не больше противоречия, чем в том, что плотность существует отдельно и независимо от мышления, ибо и то и другое лишь независимые друг от друга простые идеи. И я не знаю, почему, имея в себе одинаково ясные и отличные друг от друга идеи мышления и плотности, мы не можем допустить существования мыслящей вещи без плотности, т. е. нематериальной вещи, так же как мы допускаем существование плотной вещи без мышления, т. е. материи, особенно потому, что представлять себе, как мышление существует без материи, не труднее, чем представлять себе, как материя мыслит. Ибо всякий раз, как мы хотим идти дальше простых идей, получаемых нами от ощущения и рефлексии, и глубже вникнуть в сущность вещей, мы тотчас же впадаем в неведение и мрак, недоумение и затруднения и не можем обнаружить ничего, кроме своей слепоты и своего невежества. Но какая бы из этих сложных идей ни была наиболее ясной, идея ли тела или нематериального духа, одно очевидно – простые идеи, из которых они состоят, получены нами только от ощущения или рефлексии. Так обстоит дело со всеми нашими идеями субстанций и даже с идеей самого бога.

33. Идея бога. Если мы исследуем свою идею непостижимого высшего существа, то найдем, что приходим к ней тем же самым путем и что наши сложные идеи как бога,

==365

так и отдельных духов составлены из простых идей, получаемых нами от рефлексии.

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
Например, из того, что мы в себе самих испытываем, мы приобретаем идеи существования и продолжительности, знания и способности, удовольствия и счастья и разных других качеств и способностей, которые лучше иметь, чем не иметь И когда мы хотим образовать идею, возможно более подходящую высшему существу, мы расширяем каждую из этих идей посредством идеи бесконечности и, соединяя их вместе, составляем свою сложную идею бога. А что душа обладает такой способностью расширять некоторые свои идеи, получаемые от ощущения и рефлексии, уже было показано выше .

34. Если я нахожу, что знаю немного вещей и некоторые из них, а быть может и все, несовершенно, то я могу составить идею вдвое большего знания, которое я могу удваивать дальше так же легко, как прибавлять к числу; и таким образом я могу увеличивать свою идею знания, распространяя ее объем на все существующие или возможные вещи. То же самое я могу делать и с более совершенным знанием вещей, т. е. со знанием всех их качеств, сил, причин, следствий, отношений и т. д., до тех пор, пока не будет вполне узно все, что есть в них или каким-то образом может к ним относиться, и я могу таким образом составить идею бесконечного, или беспредельного, знания. То же самое можно делать с силою до тех пор, пока мы не дойдем до того, что называем бесконечным. То же самое можно делать с продолжительностью существования без начала и конца и таким образом составить идею вечного существа. Когда степень, или размеры, существования, силы, мудрости и всех других совершенств (о которых мы можем иметь какую-нибудь идею), приписываемых нами высшему существу, называемому нами богом, беспредельны и бесконечны, то мы составляем самую лучшую, к какой только способен наш ум, его идею. Но, я повторяю, все это делается посредством увеличения тех простых идей, которые мы получаем через рефлексию от деятельности нашего собственного ума, или через наши чувства от внешних вещей, до такой обширности, до какой может их простирать бесконечность.

35. Ибо бесконечность в соединении с нашими идеями существования, силы, знания и т. д. образует ту сложную идею, посредством которой мы, насколько можем, представляем себе наилучшим образом высшее существо.

==366

Хотя по своей сущности, которой мы, конечно, не знаем (не зная реальной сущности булыжника, мухи или своей собственной), бог прост и несложен, однако, по-моему, я могу сказать, что мы не имеем другой идеи его, кроме сложной идеи существования, знания, силы, счастья и т. д., бесконечного и вечного. Все это отчетливые идеи, а некоторые из них, будучи относительными, в свою очередь составлены из других идей. Все эти идеи, полученные первоначально, как было показано выше, от ощущения или рефлексии, образуют нашу идею, или наше понятие, о боге.

36. В нашей сложной идее духов нет других идей, кроме полученных от ощущения или рефлексии. Далее нужно заметить, что, за исключением бесконечности, нет ни одной приписываемой нами богу идеи, которая не была бы также частью нашей сложной идеи других духов. Так как нашими простыми идеями, относящимися к чему-нибудь, кроме тела, могут быть только те, которые получаем через рефлексию от деятельности нашего собственного ума, мы не можем приписывать духам ничего другого, кроме того, что мы получаем отсюда. И все различие, которое мы можем установить между духами при размышлении о них, есть только различие в размере и степени их знания, силы, продолжительности, счастья и т. д. Что в своих идеях как духов, так и других вещей мы ограничены идеями, которые получаем от ощущения и рефлексии, очевидно из того, что в своих идеях духов, в какой бы степени, хотя бы даже в бесконечной, ни превосходили они своим совершенством идеи тел, мы не можем иметь никакой идеи того способа, которым эти духи раскрывают друг другу свои мысли, хотя мы и необходимо должны делать вывод, что отдельные духи - существа, обладающие в сравнении с нами более совершенным знанием и большим счастьем, - должны также непременно иметь и более совершенный способ сообщать свои мысли, нежели мы, вынужденные пользоваться телесными знаками и особенно звуками, которые в наибольшем ходу потому, что являются самыми лучшими и быстрыми знаками, на какие мы способны. Но, не имея в себе никакого опыта непосредственного сообщения и. следовательно, никакого понятия о нем вообще, мы не имеем идеи того, как духи, не употребляющие слов, могут быстро сообщать свои мысли, и тем более как духи, не имеющие тела, могут быть хозяевами своих мыслей и по желанию сообщать или скрывать их, хотя мы непре-

==367

менно должны предположить, что они обладают такою способностью.

37. Краткое повторение. Таким образом, мы видели, какого рода идеи, субстанций всех видов есть у нас, в чем они состоят и как мы к ним приходим. Отсюда, мне кажется, вполне очевидно, что: во-первых, все наши идеи различного рода субстанций суть не что иное, как совокупности простых идей вместе с предположением чего-то, к чему они относятся и в чем существуют, хотя мы не имеем никакой ясной, отчетливой идеи этого предполагаемого нечто; во-вторых, все наши простые идеи, которые, объединенные в одном общем субстрате, составляют наши сложные идеи разного рода субстанций, — это идеи, получаемые нами только от ощущения или рефлексии. Так что даже в тех идеях, с которыми мы, по нашему мнению, знакомы лучше всего и к пониманию которых подходим всего ближе, в наших наиболее широких представлениях, мы не можем выходить за пределы этих простых идей. И даже в тех идеях, которые как будто дальше всех других от всего того, с чем мы имеем дело, и которые бесконечно превышают все, что мы можем заметить в себе самих через рефлексию или обнаружить в других вещах через ощущение, мы не можем достигнуть ничего, кроме простых идей, полученных первоначально от ощущения или рефлексии. Это очевидно в наших сложных идеях ангелов, и в частности в идее самого бога; в-третьих, большинство простых идей, составляющих наши сложные идеи субстанций, при надлежащем рассмотрении оказываются лишь силами, как бы мы ни были склонны принимать их за положительные качества. Например, наибольшая часть идей, составляющих нашу сложную идею золота, — это желтизна, большой вес, ковкость, плавкость, растворимость в царской водке и т. д., объединенные все в неизвестном субстрате. Все эти идеи — не что иное, как различные отношения к другим субстанциям, и в действительности не находятся в золоте, если последнее рассматривать само по себе, хотя они зависят от тех действительных и первичных качеств его внутреннего строения, посредством которых оно способно различным образом воздействовать на различные другие субстанции и испытывать воздействие с их стороны.

==368

Глава двадцать четвертая О СОБИРАТЕЛЬНЫХ ИДЕЯХ СУБСТАНЦИЙ

1 Одна идея. Кроме таких сложных идей различных единичных субстанций, как, например, идеи человека, лошади, золота, фиалки, яблока и т. д., душа имеет также сложные собирательные идеи субстанций. Я называю их так потому, что они состоят из многих отдельных субстанций, рассматриваемых вместе как объединенные в одну идею, и, связанные таким образом, считаются одной идеей. Хотя, например, идея такой совокупности людей, которая составляет войско, состоит из большого числа отдельных субстанций, тем не менее это одна идея в такой же мере, как и идея человека. Широкая собирательная идея всех тел, обозначаемая словом <мир>, есть одна идея в такой же степени, как и идея самой малой частицы материи в мире, ибо для единства любой идеи достаточно, чтобы она рассматривалась как один образ или представление, хотя бы и составленное из какого угодно числа частей.

2. Собирательные идеи субстанций образуются в уме посредством способности сложения. Эти собирательные идеи субстанций ум составляет благодаря своей способности складывать и объединять различным образом простые или сложные идеи в одну, подобно тому как благодаря той же самой способности образует сложные идеи отдельных субстанций, состоящие из совокупности различных простых идей, объединенных в одну субстанцию. Соединяя различные отдельные субстанции, ум составляет собирательные идеи субстанций, например толпы, войска, роя, города, флота, точно так же как, соединяя повторные идеи единства, он образует собирательный модус, или сложную идею какого-нибудь числа, например двадцати или гросса и т. д. И всякий находит, что каждая из этих идей представляется его уму одною идеею, одним взглядом и что различные вещи под этим понятием он рассматривает как нечто одно, как один корабль или один атом. Понять, как армия в 10 000 человек может составить одну идею, не труднее, чем понять, как один человек составляет одну идею: объединить в одну идею большое число людей и рассматривать ее как одно уму так же легко, как объединить в одно целое все различные идеи, составляющие совокупность человека и рассматривать их все вместе как нечто одно.

3. Все искусственные вещи суть собирательные идеи. К такого рода собирательным идеям нужно причислить

==369

большинство искусственных вещей, по крайней мере те вещи, которые составлены из различных субстанций. И действительно, если мы надлежащим образом рассмотрим, как объединены в столько-то единичных идей такие собирательные идеи, как <армия>, <созвездие>, <вселенная>, то увидим, что они лишь искусственные образы, составленные умом, который одним взглядом охватывает очень отдаленные и независимые друг от друга вещи, чтобы, объединив их в одно понятие и обозначив одним названием, лучше рассматривать их и рассуждать о них, ибо нет вещей, как бы отдаленны или противоположны они ни были, которые ум не мог бы свести в одну идею посредством такого рода сложения, как это ясно показывает идея, обозначаемая словом <вселенная>.

Глава двадцать пятая ОБ ОТНОШЕНИИ

1. Что такое отношение? Кроме имеющихся в уме простых или сложных идей вещей, существующих сами по себе, есть другие идеи, которые ум получает от сравнения вещей друг с другом. При рассмотрении какой-нибудь вещи разум не ограничен именно этим объектом; он может как бы перенести всякую идею за ее пределы или по крайней мере заглянуть дальше ее, чтобы видеть, как она соотносится с какой-нибудь другой идеей. Когда ум рассматривает какую-нибудь вещь так, что как бы приводит ее к другой вещи, ставит ее рядом с другою вещью и переносит свой взор с одной на другую, то это есть, как обозначают сами слова, отношение и сравнение.

Данные положительным вещам наименования, указывающие такое отношение и служащие знаками для того, чтобы направить мысли дальше самого наименованного предмета к чему-то отличному от него, мы называем относительными, а вещи, сводимые таким образом вместе, – соотносенными. Так, когда ум рассматривает Кая как такое положительное существо, он вносит в идею его только то, что действительно существует в Каяе. Когда, например, я рассматриваю его как человека, я имею в своем уме только сложную идею вида <человек>. Подобным же образом, когда я говорю: <Кай – белый человек>, я лишь думаю о человеке с белой кожей. Но когда я называю Кая мужем, я намекаю и на другое лицо, а когда я называю его более белым, я намекаю на другую вещь. В обоих случа-

==370

ях моя мысль направлена к чему-то вне Кая и приняты в соображение две вещи. А так как всякая идея, простая или сложная, может быть поводом к такому сопоставлению в уме двух вещей и как бы к одновременному их рассмотрению, хотя они все время признаются различными, то каждая наша идея может быть основанием отношения. В приведенном выше примере причиной наименования или отношения мужа являются брачный контракт и церемония бракосочетания с Семпронией, а поводом к утверждению, что Кай белее песчаника, является белый цвет его кожи].

2. Нелегко постигнуть отношения без соотносительных слов. Указанные и подобные им отношения, выраженные относительными словами, которым соответствуют другие слова с взаимным соответствием значений, например <отец и сын>, <большее и меньшее>, <причина и следствие>, вполне очевидны для всякого, и всякий с первого взгляда замечает это отношение. Ибо <отец и сын>, <муж и жена> и другие подобные соотносительные слова кажутся так тесно связанными друг с другом и в силу привычки так легко согласуются и соответствуют друг другу в человеческой памяти, что при назывании одного из них мысли тотчас же идут дальше названной таким образом вещи, и все замечают отношение, и никто не сомневается в нем там, где на него так ясно намекают. Но где в языке нет таких соотносительных слов, там не всегда легко заметить отношение. Конечно, <наложница> – такое же относительное слово, как и <жена>; но в языках, где это и подобные ему слова не имеют соотносительных с ними терминов, люди не так склонны признать их за таковые, поскольку в них нет того очевидного признака отношения, которое имеется у слов соотносительных, как бы объясняющих друг друга и способных существовать только вместе. Оттого-то многие из тех слов, которые, как оказывается при надлежащем рассмотрении, содержат в себе очевидные отношения, были названы <внешними обозначениями>. Но все слова, которые не являются пустыми звуками, должны обозначать идею, либо находящуюся в вещи, к которой прилагается название, и в таком случае идея положительна и рассматривается как связанная с вещью, которой дается наименование, и как существующая в ней; либо идея возникает – из

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
отношения, которое ум обнаруживает между этой вещью и чем-то от нее отличным, с чем он ее рассматривает, и тогда идея содержит в себе отношение.

3. Некоторые слова, как будто безотносительные, содер-

==371

жат в себе отношения. Другой вид составляют относительные слова, которые не считаются ни относительными, ни внешними обозначениями, но под видом обозначения чего-то безотносительного в предмете они скрывают молчаливо принимаемое, хотя и менее заметное отношение. Таковы с виду положительные слова <старый>, <большой>, <несовершенный>, о которых я буду иметь случай говорить подробнее в следующих главах.

4. Отношение отличается от соотнесенных вещей. Далее следует заметить, что идеи отношения могут быть одинаковы у людей, имеющих весьма различные идеи соотнесенных, или сравниваемых, вещей. Например, люди, имеющие весьма различные идеи человека, могут сходиться в понятии <отец> ; это понятие прибавлено к субстанции, или человеку, и относится только к тому действию существа, называемого <человек>, которым он способствует рождению существа, себе подобного, каков бы ни был при этом человек.

5. Отношения могут измениться без изменения соотносящихся предметов. Следовательно, сущность отношения состоит в сопоставлении, или сравнении, двух вещей друг с другом; от этого сравнения получает наименование одна вещь или обе. Если одна из этих вещей удаляется или перестает существовать, перестает существовать и соответствующее ей наименование, хотя другая вещь сама по себе вовсе не подвергается изменению. Например, Кай, которого я считаю сегодня отцом, завтра перестанет им быть только вследствие смерти его сына, без всякого изменения в нем самом. Более того, вследствие одной только мысленной перемены объекта, с которым сравнивают какой-нибудь предмет, этот самый предмет в одно и то же время может иметь противоположные обозначения. Про Кая, например, когда его сравнивают с разными лицами, правильно будет говорить, что он старше и моложе, сильнее и слабее и т. д.

6. Отношение существует только между двумя предметами. Все то, что существует и может существовать или рассматриваться как одна вещь, положительно. Не только простые идеи и субстанции, но также и модусы суть вещи положительные. Хотя составляющие их части очень часто находятся во взаимном отношении, но так как целое рассматривается как одна вещь и вызывает в нас сложную идею одной вещи, а эта идея является в нашем уме как бы одним изображением, хотя и представляет собой совокупность различных частей под одним

==372

именем, то это целое есть положительная, или безотносительная, вещь, или идея. Хотя, например, части треугольника относительны при сравнении их друг с другом, однако идея целого есть положительная, безотносительная идея. То же самое можно сказать про семью, песню и т. д., ибо отношение может существовать только между двумя вещами, принимаемыми как две вещи 96. В отношении всегда должны быть две идеи, или вещи, либо действительно сами по себе отдельные, либо принимаемые за различные, и в то же время [должно быть] основание, или повод, к их сравнению.

7. Все вещи могут находиться в каком-либо отношении. Об отношении вообще можно заметить следующее.

Во-первых, нет ничего: ни простой идеи, ни субстанции, ни модуса, ни отношения, ни их названия, чего нельзя было бы рассматривать почти бесконечное число раз в отношении к другим вещам. Вот почему это составляет немалую часть человеческих мыслей и слов. Например, один-единственный человек может сразу находиться во всех нижеследующих отношениях, поддерживать их, а также и еще много других, как-то: отец, брат, сын, дед, внук, тесть, зять, муж, друг, враг, подданный, генерал, судья, покровитель, клиент, профессор, европеец, англичанин, островитянин, слуга, хозяин, владелец, полководец, выше, ниже, больше, меньше, старше, моложе, современник, похож, непохож и т. д. - почти в бесконечном их числе, потому что он может находиться в стольких отношениях, сколько может быть поводов к сравнению его с другими предметами на основании какого бы то ни было согласия, несогласия или другой связи; ибо отношение, как я сказал, есть способ сравнения или рассмотрения двух вещей вместе и присвоения на основании этого

Локк Джон Опыт о человеческом разуме. Книга 2 filosoff.org
сравнения названия одной или обоим, иногда даже самому отношению.

8. Идея отношений часто яснее идей соотнесенных предметов. Во-вторых, об отношении можно далее заметить, что хотя оно не содержится в действительном существовании вещей и представляет собой нечто внешнее и прибавленное, однако обозначаемые относительными словами идеи бывают часто более ясными и определенными, чем идеи тех субстанций, к которым они относятся. Наше понятие об отце или брате намного яснее и определеннее нашего понятия о человеке, или, если хотите, ясную идею отцовства иметь легче, чем ясную идею человечества. Я могу гораздо легче представить себе, что

==373

такое друг, нежели что такое бог, ибо для того, чтобы получить понятие об отношении, часто достаточно знания одного действия или одной простой идеи, между тем как для знания какой-нибудь субстанции необходима точно определенная совокупность различных идей. Едва ли можно предположить, чтобы человек, сравнивающий две вещи, не знал, в каком именно отношении он их сравнивает; поэтому, сравнивая какие-либо вещи, нельзя не иметь очень ясной идеи этого отношения. Стало быть, идеи отношений в нашем уме могут быть по меньшей мере совершеннее и определеннее идей субстанций, ибо знать все простые идеи, которые действительно находятся в какой-нибудь субстанции, обыкновенно бывает трудно; но в большинстве случаев довольно легко знать простые идеи, составляющие какое-нибудь отношение, о котором я мыслю или для которого имею название. Сравнивая, например, двух человек в отношении к их общим родителям, нам очень легко составить идею братьев, не имея еще совершенной идеи человека. В самом деле, так как выражения, означающие отношение, подобно другим словам, обозначают только идеи, а все эти идеи суть простые или составленные из простых, то для точного знания идеи, обозначаемой относительными терминами, достаточно иметь ясное представление о том, что есть основание отношений. А его можно получить, не имея совершенной и ясной идеи той вещи, которой приписывается отношение. Если, например, я имею понятие о том, что одна птица снесла яйцо, из которого вылупилась другая птица, то я имею ясную идею отношения матери к птенцу между двумя казуарами в Сент-Джеймском парке 97, хотя, быть может, у меня есть лишь очень смутная и несовершенная идея самих этих птиц.

9. Все отношения сводятся к простым идеям. В-третьих, хотя имеется много соображений, по которым вещи можно сравнивать друг с другом и, таким образом, много отношений, однако все они сводятся к простым идеям ощущения и рефлексии и касаются их; эти идеи, по моему мнению, составляют весь материал всего нашего знания. Чтобы стало яснее, я покажу это на примере наиболее значительных из отношений, о которых мы имеем какое-либо понятие, а также на примере некоторых отношений, отстоящих как будто дальше всех от чувства или рефлексии. Несмотря на это, окажется, что мы получаем идеи этих отношений из указанных источников, и не останется сомнения, что наши понятия о них – это лишь

==374

определенные простые идеи и происходят поэтому первоначально от чувства или от рефлексии.

10. Слова, уводящие ум дальше обозначенного названием предмета, выражают отношение. В-четвертых, так как отношение есть рассмотрение одной вещи вместе с другой, находящейся вне ее, то очевидно, что все слова, необходимо приводящие ум к какому-нибудь иным идеям, отличным от тех, которые считаются действительно существующими в той вещи, к которой прилагается слово, – все эти слова выражают отношение. Например, слова <человек черный, веселый, глубокомысленный, жаждущий, сердитый, протяженный> и подобные им безотносительны, потому что обозначают и указывают только на то, что существует или считается действительно существующим в человеке, обозначенном таким образом. Но слова <отец, брат, король, муж, более черный, более веселый> и т. д. вместе с обозначенным ими предметом заключают в себе также еще нечто отдельное и внешнее по отношению к его существованию.

11. Заключение. Изложив эти послышки насчет отношения вообще, я еще покажу теперь на некоторых примерах, как все наши идеи отношения, подобно другим идеям, составляются только из простых идей и в конце концов сводятся к простым идеям, какими бы ни казались они утонченными или далекими от ощущения. Я начну с наиболее обширного отношения, под которое подходят все существующие или

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
возможные вещи, – это отношение причины и следствия. В следующей главе я рассматриваю, как идея этого отношения произошла из двух источников всего нашего знания – из ощущения и рефлексии.

Глава двадцать шестая О ПРИЧИНЕ И СЛЕДСТВИИ И ДРУГИХ ОТНОШЕНИЯХ 98

1. Откуда приобретаются их идеи? При восприятии своими чувствами постоянной смены вещей мы не можем не заметить, что многие отдельные качества и субстанции начинают существовать и что они получают свое существование от надлежащего применения и действия какого-нибудь другого предмета. От этого наблюдения мы и получаем свои идеи причины и следствия. То, что вызывает какую-нибудь простую или сложную идею, мы обозначаем общим названием <причина>, а то, что вызывается, –

==375

<следствие>. Обнаруживая, например, что в субстанции, называемой нами воском, расплавление, представляющее собой простую идею, которой в субстанции прежде не было, постоянно вызывается применением известной степени теплоты, мы называем простую идею теплоты по отношению к расплавлению воска причиной, а само расплавление – следствием. Обнаруживая также, что субстанция, называемая деревом, которое есть определенная совокупность простых идей, превращается под воздействием огня в другую субстанцию, называемую золою, т. е. в другую сложную идею, состоящую из совокупности простых идей, совершенно отличной от той сложной идеи, которую мы называем деревом, мы считаем огонь по отношению к доле причиной, а золу – следствием. Так что все, что считается нами способствующим или содействующим образованию какой-либо отдельной простой идеи или совокупности простых идей, субстанции или модуса, которых прежде не существовало, находится поэтому для нашего ума в причинном отношении и получает от нас название причины.

2. Творение, рождение, изготовление, изменение. Получив таким образом понятие о причине и следствии от того, что наши чувства способны обнаружить в действиях тел друг на друга, а именно что причина есть то, что заставляет нечто другое – простую ли идею, субстанцию или модус – начать существовать, а следствие есть то, что получило свое начало от чего-нибудь другого, ум без особого труда разделяет различные источники происхождения вещей на два вида: во-первых, когда вещь сделана совершенно заново, так что ни одна часть ее никогда не существовала раньше, когда, например, *in rerum natura* начинает существовать новая частица материи, которая раньше не имела бытия. Мы называем это творением¹, во-вторых, когда вещь составлена из частиц, которые все существовали раньше, но сама эта вещь, сложенная, таким образом, из ранее существовавших частиц, которые, рассматриваемые все вместе, образуют данную совокупность простых идей, не существовала прежде в качестве данного человека, яйца, розы, вишни и т. д. Когда это относится к субстанции, произведенной обычным естественным образом по внутренней причине, но приведенной в действие внешней силой или причиной и действующей незаметными для ощущений путями, которых мы не постигаем, мы называем это рождением. Когда же причина

==376

внешняя и следствие вызвано заметным для чувств разъединением или соединением различных частей, мы называем это изготовлением; таковы все искусственные вещи. Когда вызывается какая-нибудь простая идея, которой прежде в данном предмете не было, мы называем это изменением. Таким образом, человек рождается, а картина изготавливается; и человек и картина изменяются, когда в них производится какое-нибудь новое чувственное качество или простая идея, которой прежде в них не было. Те вещи, которых раньше не было и которые таким образом вызваны к существованию, суть следствия, а те вещи, которые вызывают это существование, суть причины. Мы можем заметить, что в этих и всех других случаях понятие причины и следствия берет свое начало в идеях, полученных от ощущения или рефлексии, и что это отношение, каким бы обширным оно ни было, сводится в конце концов к ним. Ибо для получения идеи причины и следствия достаточно рассматривать какую-нибудь простую идею или субстанцию как начинающую существовать благодаря действию какой-нибудь другой, без того чтобы знать способ этого действия.

3. Отношение времени. Время и место суть также основания очень широких

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org отношений, которые касаются по крайней мере всех конечных существ. Но так как способ приобретения этих идей уже был показан нами в другом месте, то здесь достаточно будет указать, что большинство взятых от времени наименований вещей суть только отношения. Когда, например, кто-нибудь говорит: <Королева Елизавета жила шестьдесят девять, а царствовала сорок пять лет> 100, то эти слова выражают только отношение этой продолжительности к некоторой другой и означают только то, что продолжительность жизни королевы была равна шестидесяти девяти, а продолжительность ее правления – сорока пяти годовым обращениям солнца. И таковы все слова, отвечающие на вопрос <как долго?>. Далее, смысл утверждения <Вильгельм Завоеватель вторгся в Англию около 1070 года> 101 заключается в том, что, когда принимают продолжительность от рождения нашего спасителя до настоящего времени за одну большую длительность, оно указывает, на каком расстоянии было это вторжение от обоих концов ее. И такой же смысл имеют все обозначающие время слова, которые отвечают на вопрос <когда?> и показывают только расстояние какой-нибудь точки времени от начала периода какой-либо большей продолжительности, от которого мы измеряем; с этим

==377

началом мы вследствие этого и считаем ее соотносящейся.

4. Кроме указанных есть еще другие обозначающие время слова, которые обыкновенно считаются обозначающими положительные идеи, но по рассмотрении будут также признаны идеями, выражающими отношения. Таковы слова <старый>, <молодой> и другие, которые содержат в себе и указывают отношение чего-нибудь к определенному отрезку времени, идеи которого у нас в уме. Так, закрепив в своих мыслях идею обычной продолжительности человеческой жизни, равной семидесяти годам, мы, когда говорим, что какой-то человек молод, хотим сказать, что его возраст составляет лишь небольшую часть того возраста, которого обыкновенно достигают люди; а когда мы называем его старым, мы хотим сказать, что продолжительность его жизни почти достигла конца того возраста, которого люди обыкновенно не превышают. Таким образом, это есть лишь сравнение отдельного возраста или отдельной продолжительности жизни того или другого человека с идеей той продолжительности жизни, которую мы в своем уме считаем обыкновенно присущей данному виду животных. Это ясно, когда мы применяем эти слова к другим существам. Человека называют молодым в двадцать лет и очень молодым в семь лет, лошадь же мы называем старой в двадцать лет, а собаку – в семь, потому что в каждом случае мы сравниваем их возраст с различными идеями продолжительности жизни, которые закреплены в нашем уме как присущие этим различным видам животных по обычному ходу вещей. Но мы не называем старыми солнце и звезды, хотя они и пережили много человеческих поколений, потому что не знаем, какой срок установлен богом для этого вида вещей. Слово <старый> подходит, собственно говоря, к тем вещам, которые по обычному ходу вещей в известный период времени на наших глазах приходят к концу от естественного упадка, и, таким образом, мы обладаем в своем уме как бы мерилем, с которым можем сравнивать различные части их существования во времени и называть их молодыми или старыми в зависимости от того отношения, в котором они находятся к нему; поэтому мы не можем сказать это в отношении алмаза или рубина – вещей, обычной продолжительности которых мы не знаем.

5. Отношения места и протяженности. Очень легко также наблюдать отношение вещей друг к другу по месту и расстоянию, как, например: <выше>, <ниже>, <на расстоянии одной мили от Черинг-Кросса 102, в Англии, в

==378

Лондоне>. Как в применении к продолжительности, так и в применении к протяженности и объему некоторые идеи выражают отношение, хотя мы их обозначаем словами, признаваемыми за положительные, как, например, <большой> и <малый> суть в действительности отношения. Ибо и здесь, на основе наблюдений, закрепив в своем уме идеи величины различных видов вещей, полученные от тех вещей, к которым мы больше всего привыкли, мы делаем их как бы образцами, по которым мы обозначаем объем других вещей. Так, мы называем большим такое яблоко, которое больше того сорта яблок, который мы обычно употребляем; мы называем <маленькой> такую лошадь, которая по своим размерам не соответствует обыкновенно имеющейся в нашем уме идее лошади. Для жителя Уэльса будет велика та лошадь, которая фламандцу покажется маленькой, потому что из-за различия пород лошадей в их странах у них также различные идеи, с которыми они сравнивают и в отношении к

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
которым они дают свои названия <большой> и <маленький>.

6. Безотносительные слова часто обозначают отношения. Подобным же образом <слабый> и <сильный> суть только относительные наименования силы, сравниваемой с некоторыми идеями большей или меньшей силы, которые в данное время есть у нас. Когда, например, мы говорим <слабый человек>, мы подразумеваем человека, не обладающего такой силой или способностью двигать, какая обыкновенно бывает у людей вообще или у людей его роста, а это и есть сравнение его силы с нашей идеей обыкновенной силы людей вообще или людей такого роста. То же самое, когда мы говорим, что <все люди слабые создания>; <слабые> есть лишь слово, выражающее отношение и обозначающее несоразмерность между силой бога и людей. И в обыденной речи лишь отношение обозначает множество (быть может, большая [их] часть) таких слов, которые на первый взгляд кажутся вовсе не имеющими такого значения. Таково, например, предложение <Корабль имеет необходимые запасы>. В нем и <необходимые>, и <запасы> суть слова, обозначающие отношение, потому что первое имеет отношение к осуществлению предполагаемого путешествия, а второе – к будущему потреблению. Что все эти отношения ограничены идеями, получаемыми от ощущения или рефлексии и сводятся к ним, – это слишком очевидно для того, чтобы понадобилось [еще] какое-либо объяснение.

==379

Глава двадцать седьмая¹⁰³ О ТОЖДЕСТВЕ И РАЗЛИЧИИ

1. В чем заключается тождество? Другим частным поводом к сравнению является для ума само существование вещей, когда, принимая какую-нибудь вещь за существующую в определенное время и в определенном месте, мы сравниваем ее с нею же самой, существующей в другое время, и на основании этого образуем идеи тождества и различия. Когда мы видим, что какая-нибудь вещь находится в каком-нибудь месте в какой-нибудь момент времени, мы уверены, что это (чем бы она ни была) есть эта же самая вещь, а не другая, которая в то же самое время существует в другом месте, как бы ни были похожи и неразличимы эти вещи во всех других отношениях. И тождество состоит в том, что идеи, которым оно приписывается, совсем не отличаются от того, чем они были в тот момент своего прошлого существования и с чем мы сравниваем их теперешнее существование. Ибо, никогда не находя и не представляя себе возможным, чтобы две вещи одного и того же рода могли существовать в одном и том же месте в одно и то же время, мы делаем верное заключение, что некая вещь, существующая где-нибудь и когда-нибудь, исключает всякую другую того же рода и только сама находится там. Когда, стало быть, мы спрашиваем, есть ли что-нибудь то же самое или нет, наш вопрос относится всегда к чему-то, что существовало в такое-то время и в таком-то месте и что в данный момент несомненно было тождественно себе и ничему другому. Отсюда следует, что одна вещь не может иметь двух начал существования, а две вещи – одного начала, потому что нельзя в один и тот же момент ни двум вещам одного и того же рода находиться или существовать в одном и том же месте, ни одной и той же вещи – в различных местах. Вот почему то, что имело одно начало, есть одна и та же вещь; а то, что имело начало, отличное от этого по времени и месту, есть не то же самое, а нечто другое. Затруднения в вопросе об этом произошли от малой заботы и слабого внимания к установлению точных понятий тех вещей, которым оно приписывается.

2. Тождество субстанций. Тождество модусов. У нас есть идеи только трех видов субстанций: 1) бог; 2) конечные духи; 3) тела. Во-первых, бог безначален, вечен, неизменен и вездесущ; относительно его тождества не может быть по этому сомнения. Во-вторых, так как конеч-

==380

ные духи имели каждый определенное время и место начала своего существования, то отношение к этому времени и месту будет для каждого из них всегда определять его тождество, пока он существует. В-третьих, то же самое относится к каждой частице материи, которая остается той же самой, если к ней не прибавляют или из нее не вычитают материи.

Хотя эти три вида субстанций, как мы их называем, не исключают друг друга из одного и того же места, однако мы можем представлять себе лишь так, что каждая из них необходимо должна исключать всякую другую своего же вида из одного и того же места. Иначе понятия и слова <тождество и различие> были бы пусты и нельзя

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
было бы различать между собой ни субстанций, ни чего-нибудь другого. Если бы, например, два тела могли быть в одном и том же месте в одно и то же время, то эти две частицы материи, большие или маленькие – все равно, должны были бы быть одним и тем же; более того, все тела должны были бы быть одним и тем же. Ибо по той же самой причине, по какой две частицы материи могут быть в одном месте, и все тела могут быть в одном месте; если считают это возможным, то это снимает разницу между тождеством и различием одного предмета и больше одного и делает ее смешною. Но так как есть противоречие в том, чтобы две или больше вещей составляли одну, тождество и различие есть отношения и способы сравнения, хорошо обоснованные и полезные для понимания. Так как все другие вещи суть лишь модусы или отношения, в конечном итоге сводящиеся к субстанции, то тождество и различие каждого отдельного их существования также будет определено тем же самым путем. Не может быть сомнения в различии только относительно вещей, существующих во временной последовательности, таких, как действия конечных существ, например движение и мысль, которые состоят в непрерывной цепи последовательности. В самом деле, пропадая в тот самый момент, когда начинаются, они не могут существовать в различные промежутки времени или в различных местах, как это могут предметы, устойчиво пребывающие. А потому ни движение, ни мысль не могут быть одними и теми же, если рассматривать их в разное время, так как каждая часть этих действий имеет особое начало существования.

3. Principium Individuationis 104. Из сказанного легко усмотреть, в чем состоит столь искомый principium Individuationis. Этот принцип, очевидно, есть само существова-

==381

ние, определяющее предмету любого вида его время и место, которые не могут быть общими у двух предметов одного и того же рода. Хотя это как будто легче понять на простых субстанциях и модусах, однако, когда поразмыслят, это окажется не более трудным и в отношении сложных субстанций и модусов, если только обращать внимание на то, к чему это применяется. Предположим, например, атом, т. е. непрерывное тело с одной неизменяющейся поверхностью, существующее в определенное время и в определенном месте; в какой бы момент его существования мы ни рассматривали его, в каждый данный момент он, очевидно, тождествен себе самому. Ведь будучи в данный момент тем, что он есть, и не чем иным, он остается тем же самым и должен оставаться таким все время, пока длится его существование, ибо все это время он будет тем же самым, а не другим. Подобным же образом если соединены вместе, в одну массу, два или больше атомов, то, по предыдущему правилу, каждый из этих атомов будет тем же самым. И пока эти атомы существуют соединенными вместе, масса, состоящая из тех же самых атомов, должна быть одной и той же массой или одним и тем же телом, как бы различно ни были перемешаны части. Но если один из этих атомов отнимают или прибавляют новый, то это больше не та же самая масса, не то же самое тело. Что касается живых организмов, то их тождество зависит не от массы одних и тех же частиц, а от чего-то иного, ибо у них изменение больших частиц материи не изменяет тождества. Дуб, выросший из саженца в большое дерево, а затем подрезанный, все время остается тем же самым дубом; жеребенок, ставший лошастью, которая бывает то откормленной, то тощей, все время остается той же самой лошастью, хотя в обоих случаях может быть явное изменение частей. Так что в действительности, и в том и в другом случае масса материи не остается той же самой, хотя дуб действительно остается тем же самым дубом, а лошадь – той же самой лошастью. Причина здесь состоит в том, что в этих двух случаях – с массой материи и с живым организмом – тождественность применяется не к одному и тому же.

4. Тождество растительных организмов. Мы должны поэтому рассмотреть, чем отличается дуб от какой-нибудь массы материи. Мне кажется, вот чем. Масса материи представляет собой лишь сцепление частиц материи, все равно каким образом соединенных; дуб представляет собой такое расположение частиц материи, которое образует

==382

части дуба, и такую организацию этих частей, которая способна воспринимать и распределять пищу так, чтобы поддерживать существование и образовывать древесину, кору и листья дуба, в чем и состоит растительная жизнь. И так как одним растением является то, что имеет такое строение частей в одном связанном организме, участвующем в одной общей жизни, то растение продолжает быть тем же

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
самым все время, пока оно участвует в той же самой жизни, хотя бы эта жизнь передавалась новым частицам материи, органически соединяемым с живым растением в такую же постоянную организацию, соответствующую этому виду растений. Так как эта организация, которой обладает в любой момент какая-то совокупность частиц материи, является в этой конкретной вещи чем-то особым и отличающимся от всех других вещей и представляет собой ту индивидуальную жизнь, которая до и после данного момента постоянно существует в одной и той же непрерывности частей, незаметно сменяющих друг друга и соединенных в растении в живой организм, то она имеет то тождество, которое делает растение тем же самым, а части его - частями того же самого растения в течение всего времени, пока они существуют объединенными в этой постоянной организации, способной сообщать общую жизнь всем частям, объединенным таким образом.

5. Тождество животных. Случай с животными не настолько отличается, чтобы отсюда нельзя было видеть, что составляет и сохраняет тождество животного. Нечто подобное представляют нам механизмы, и [они] могут служить иллюстрацией этого. Например, что такое часы? Ясно, что часы не что иное, как устройство или конструкция частей, приспособленная для определенной цели, которой она в состоянии достигнуть, когда к ней прикладывается достаточная сила. Если мы предположим, что этот механизм есть постоянное тело, все органические части которого восстанавливаются, развиваются или уменьшаются благодаря постоянному прибавлению или отделению незаметных частей, живущих одной общей для них жизнью, то мы получим нечто очень похожее на организм животного, с тем различием, что в животном приспособленность устройства и движение, в которых и состоит жизнь, возникают вместе, потому что движение приходит изнутри, а в механизмах сила, приходящая извне, часто отсутствует, когда все устройство в порядке и вполне пригодно к принятию ее.

6. Тождество человека. Это также показывает, в чем

==383

состоит тождество того же самого человека: оно есть не что иное, как участие в одной и той же постоянной жизни непрерывно сменяющихся частиц материи, которые одна за другой органически соединяются с одним и тем же организмом. Кто будет усматривать тождество человека, сходное с тождеством других животных, в чем-нибудь другом, а не в надлежащем образом устроенном организме, который с определенного момента сохраняется как единая жизненная организация, причем частицы материи, соединенные в нем, сменяются беспрестанно, тому будет трудно признавать одним и тем же человеком зародыш и взрослого, сумасшедшего и здравомыслящего на основании любого предположения, которое вместе с тем не допускало бы возможности того, чтобы одним и тем же человеком были Сиф, Измаил, Сократ, Пилат, св. Августин и Чезаре Борджиа 105. Ибо если тождество одной только души делает человека одним и тем же, а в природе материи нет ничего такого, что мешало бы одному и тому же отдельному духу соединиться с различными телами, то возможно, что эти люди, жившие в разные эпохи и разного характера, были одним и тем же человеком. Такой способ выражения должен происходить от очень странного употребления слова <человек>, применяемого к идее, из которой исключаются тело и внешний облик. Этот способ выражения еще труднее согласовать с понятиями тех философов, которые допускают метампсихоз и считают, что человеческая душа за свои провинности может быть вогнана в тело животных как в подобающие вместилища с органами, приспособленными к удовлетворению их животных наклонностей. Однако, я думаю, ни один человек, даже уверенный в том, что душа Гелиогабала поселилась в одной из его свиней, не станет утверждать, что эта свинья была человеком или Гелиогабалом 106.

7. Тождество соответствует идее. Стало быть, не единство субстанции охватывает все виды тождества или определяет его в каждом случае; но для того, чтобы правильно понимать тождество и правильно судить о нем, мы должны рассмотреть, какую идею обозначает слово, к которому оно применяется, ибо одно дело - быть той же самой субстанцией, другое - тем же самым человеком и третье - тем же самым лицом, если <лицо>, <человек> и <субстанция> - это три слова, обозначающие три различные идеи, ибо какова идея, относящаяся к данному слову, таково же должно быть и тождество. И если бы на это обращали чуть больше внимания, то, вероятно, избежали бы

==384

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
той великой путаницы, которая часто возникает в данном вопросе, а также немало кажущихся трудностей, особенно касающихся тождества личности, которого поэтому мы ниже коснемся.

8. Один и тот же человек. Животное есть живой организм. И следовательно, одно и то же животное представляет собой, как мы заметили, одну и ту же постоянную жизнь, сообщаемую различным частицам материи, последовательно соединяемым в этот организм. И что бы ни толковали про другие определения, старательное наблюдение не допускает сомнения в том, что идея в нашем уме, знаком которой в наших устах является звук <человек>, есть не что иное, как идея животного определенного внешнего вида. Мне кажется, я могу быть уверен в том, что всякий, кто увидит существо своего собственного внешнего вида и сложения, будет всегда называть его человеком, хотя бы у этого существа всю жизнь было не больше разума, чем у кошки или попугая, и что, с другой стороны, всякий, кто услышал бы, как кошка или попугай рассуждают, доказывают и философствуют, все-таки называл и считал бы их только кошкой и попугаем и утверждал бы, что в одном случае он встретил глупого, неразумного человека, а в другом – очень понятливого, разумного попугая. А для подтверждения предположения о разумном попугае достаточно рассказа очень известного писателя 107. Вот его слова: <Мне хотелось услышать из собственных уст принца Маврикия объяснение распространенной, но вполне достоверной истории, которую я слышал так часто от многих других людей, – истории о старом попугае, который был у него в Бразилии во время его правления там и который говорил, спрашивал и отвечал на обыкновенные вопросы, как разумное существо, так что люди из свиты принца вообще считали это колдовством или бесовским наваждением, а один из его капелланов, впоследствии долго живший в Голландии, с того времени никак не мог переносить попугаев и утверждал, что во всех них сидит дьявол. Я слышал много подробностей этой истории, притом подтвержденных людьми, которым трудно было не верить, и это заставило меня спросить принца Маврикия, что там действительно было. С своей обычной прямоотой и сухостью принц ответил, что в том, что об этом рассказывают, есть доля правды, но и много лжи. Я пожелал узнать от него, сколько здесь было правды. Кратко и холодно он сообщил мне, что когда он прибыл в Бразилию, то услышал

==385

о таком старом попугае и, хотя ничему из этого не верил, а попугай находился довольно далеко, все же заинтересовался настолько, что послал за ним; это был очень большой и очень старый попугай, и, когда он впервые появился в комнате, где находился принц со множеством голландцев вокруг него, он сейчас же сказал: <Что это здесь за общество белых людей?> Указывая на принца, его спросили, кто таков, по его мнению, этот человек. Попугай ответил: <Какой-то генерал>. Когда его поднесли близко к принцу, принц спросил его: <D'où venez vous?> Он ответил: <De Marinnan>. Принц: <A qui ktes vous?> Попугай: <A un Portugais>. Принц: <Que fais tu là?> Попугай: <Je garde les poulies>. Принц засмеялся и сказал: <Vous gardez les poulies?> Попугай ответил: <Oui, moi, et je sais bien faire> 108; и четыре или пять раз крикнул <цып-цып>, как люди, скликающие цыплят. Я изложил слова этого замечательного диалога по-французски, точь-в-точь как мне сообщил их принц Маврикий. Я спросил его, на каком языке говорил попугай. Он ответил, что на бразильском. Я спросил его, понимает ли он бразильский язык. Принц ответил, что нет, но что он позаботился иметь при себе двух переводчиков, одного голландца, говорившего по-бразильски, и одного бразильца, говорившего по-голландски; он спрашивал их поодиночке и наедине, и оба передали ему одни и те же слова попугая. Я не мог не рассказать этой странной истории, потому что она весьма необычна и получена из первых рук и может считаться замечательной, ибо я беру на себя смелость сказать, что этот принц, по крайней мере сам, верил всему, что говорил мне, и всегда слыл за человека очень честного и добропорядочного. Я предоставляю естествоиспытателям рассуждать об этом, а прочим людям верить этому так, как им угодно. Как бы то ни было, быть может, не плохо время от времени облегчать или оживлять серьезное дело такого рода отступлениями, не важно, кстати они или не кстати, относятся к делу или нет*.

Я постарался, чтобы читатель подробно ознакомился с этой историей в дословном изложении автора, потому что последний, кажется мне, не считал ее невероятной; иначе нельзя представить себе, чтобы такой способный человек, как он, достаточно рассудительный, чтобы отвечать за все свои свидетельства, взял на себя столько труда (в таком

* <Мемуары о том, что произошло в христианском мире г 1672 по 1679 г.> 109.

==386

месте, к которому этот рассказ не имел никакого отношения) связать не только с именем человека, о котором он говорит как о своем друге, но и с именем принца, в котором он признает очень большую честность и благочестие, рассказ, который, если бы он считал его невероятным, то обязательно считал бы и смешным. Ясно, что принц, который свидетельствует об этой истории, и наш автор, который ее рассказывает от его имени, называют этого говоруна попугаем. И я спрашиваю всякого другого, признающего такую историю заслуживающей того, чтобы о ней рассказывали: если этот попугай и все другие попугаи его породы всегда -разговаривали так, как, по словам принца, говорил указанный попугай, не сойдут ли они за вид разумных животных, и все же, несмотря на все это, разве их посчитали бы людьми, а не попугаями? Ибо я предполагаю, что, по мнению большинства людей, идею человека составляет не одна идея мыслящего или разумного существа, но и связанная с ней идея тела определенной формы. А если идея человека именно такова, то в его тождество наравне с тем же самым бестелесным духом входит то самое тело, которое изменяется не сразу, но постепенно.

9. Тождество личности. Для определения того, в чем состоит тождество личности, мы после вышеизложенного должны рассмотреть, что означает <личность>. Я думаю, личность есть разумное мыслящее существо, которое имеет разум и рефлексию и может рассматривать себя как себя, как то же самое мыслящее существо, в разное время и в различных местах только благодаря тому сознанию, которое неотделимо от мышления и, на мой взгляд, существенно для мышления, ибо невозможно, чтобы кто-нибудь воспринимал, не воспринимая, что он воспринимает. Когда мы видим, слышим, обоняем, пробуем, осязаем, обдумываем или хотим что-нибудь, мы знаем, что мы это делаем. Так бывает всегда с нашими настоящими ощущениями и восприятиями; благодаря этому каждый бывает для себя <самим собой>, тем, что он называет Я, причем в этом случае не принимается во внимание, продолжается ли то же самое Я в той же самой или в различных субстанциях. Ибо поскольку сознание всегда сопутствует мышлению и именно оно определяет в каждом его Я и этим отличает его от всех других мыслящих существ, то именно в [сознании] и состоит тождество личности, т. е. тождество разумного существа. И насколько это сознание может быть направлено назад, к какому-нибудь прошлому действию или мысли, настолько

==387

простирается тождество этой личности, эта личность есть теперь то же самое Я, что и тогда, и действие было совершено индивидуальностью, тождественной с теперешним Я и в настоящее время размышляющей об этом действии.

10. Сознание составляет тождество личности. Но далее спрашивается: составляет ли сознание ту же самую тождественную субстанцию? Немногие имели бы основание сомневаться в этом, если бы восприятия вместе с их сознанием всегда оставались наличествующими в уме, отчего одно и то же мыслящее существо было бы всегда сознательно наличествующим и, как можно было бы подумать, явно тем же самым для себя самого. Но затруднение, по-видимому, состоит в том, что так как это сознание всегда прерывается забывчивостью и в нашей жизни нет такого момента, когда бы мы одним взором окинули весь ряд всех наших прошедших действий, но даже лучшая память теряет из виду одну сторону в то время, как обозревает другую, и мы иногда, а именно большую часть своей жизни, не размышляем о своем Я в прошлом, предаваясь только настоящим мыслям, а в глубоком сне вовсе не имея никаких мыслей или по крайней мере не имея мыслей с тем сознанием, которое отмечается нашим бодрствующим мышлением; так как, говорю я, наше сознание прерывается во всех этих случаях и мы теряем из виду свое прошлое Я, то возникает сомнение, являемся ли мы тем же самым мыслящим существом, т. е. той же самой субстанцией, или нет. Но справедливо ли или не справедливо это сомнение, оно вообще не касается тождества личности, потому что речь идет о том, что составляет одну и ту же личность, а не о том, мыслит ли в одной и той же личности всегда та же самая тождественная субстанция; в данном случае это вообще не имеет никакого значения. Ибо различные субстанции объединяются в одну личность одним и тем же сознанием (в котором они. участвуют), подобно тому как различные тела одной и той же жизнью объединяются в одно животное, тождество которого в этой смене субстанций сохраняется единством одной непрерывной жизни. Так как человека делает для себя одним и тем же тождественное сознание, то от этого одного и зависит тождество личности, все равно, связано ли оно только с

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosofff.org
одной индивидуальной субстанцией или может продолжаться в различных субстанциях, следующих одна за другой. Ибо, насколько разумное существо может повторять идею прошлого действия с тем же самым созна-

==388

нием о нем, какое у него было сначала, и с тем же самым своим сознанием о всяком теперешнем действии, настолько оно и есть одна и та же личность. Благодаря опознанию своих теперешних мыслей и действий разумное существо бывает для себя личностью теперь; она останется той же самой личностью и в будущем, поскольку сможет простирать то же самое сознание на действия прошедшие или будущие, и не превратится в две личности вследствие интервала во времени или перемены субстанции, как человек не превращается в двух людей оттого, что он сегодня носит не то платье, что вчера, и оттого, что в промежутке у него был долгий или короткий сон. Одно и то же сознание объединяет в одну и ту же личность эти отдаленные действия, какие бы субстанции ни содействовали их совершению.

11. Тождество личности при смене субстанций. Что это так, до некоторой степени свидетельствует наше собственное тело, все частицы которого – пока они жизненно соединены с одной и той же мыслящей и сознающей личностью, так что мы чувствуем, когда их трогают или на них воздействуют, и сознаем случающееся с ними добро или зло.– составляют часть нас самих, т. е. нашей мыслящей и сознающей личности. Так, члены собственного тела являются для каждой личности частью ее самой: она сочувствует им и беспокоится о них. Отрежьте руку и тем самым отделите ее от вашего сознания, которое воспринимает тепло, холод и другие ее состояния, и она уже больше не часть вас самих, так же как и самая отдаленная часть материи. Таким образом, мы видим, что субстанция, из которой в одно время состояла личность, в другое время может измениться без перемены тождества личности, ибо нет сомнения в тождестве личности, хотя члены, которые только что были ее частью, отрезаны.

12. Сохраняется ли тождество личности при смене мыслящих субстанций? Вопрос заключается в том, может ли одна и та же мыслящая субстанция, изменившись, быть одной и той же личностью или, оставшись той же самой, быть различными личностями?

На это я отвечаю, что, во-первых, это не может вызывать сомнения у тех, кто приписывает мышление чисто материальной, животной организации, лишенной нематериальной субстанции. В самом деле, справедливо ли их предположение или нет, одно ясно, что, по их представлению, тождество личности сохраняется в чем-то ином, чем тождество субстанции, подобно тому как тождество животного

==389

сохраняется в тождестве жизни, а не субстанции. И потому те, кто приписывают мышление только нематериальной субстанции, прежде чем начать спор с этими людьми, должны показать, почему тождество личности не может сохраниться при смене нематериальных субстанций или при множестве разных отдельных нематериальных субстанций, точно так же как тождество животного сохраняется при смене материальных субстанций или множестве разных отдельных тел, если только они не будут утверждать, что один нематериальный дух образует одну и ту же жизнь в животных так, как один нематериальный дух образует одну и ту же личность в людях, с чем не согласятся по крайней мере картезианцы из страха изображать также и животных мыслящими существами 110.

13. Далее, что касается первой части вопроса: <Может ли одна и та же мыслящая субстанция (если предполагать, что только нематериальные субстанции мыслят), изменившись, быть одной и той же личностью?>, то я скажу, что на это могут ответить только те, кто знает, какого рода субстанции мыслят и может ли сознание прошедших действий быть перенесено с одной мыслящей субстанции на другую. Я признаю, что это было бы невозможно, если бы одно и то же сознание было одним и тем же индивидуальным действием. Но так как оно есть лишь теперешнее изображение, представляющее прошедшее действие, то остается еще показать, почему не может представиться уму как бывшее то, чего в действительности никогда не было. И потому определить, насколько сознание прошедших действий связано с отдельным существом, так что другое существо, быть может, и не в состоянии иметь его, будет для нас трудно до тех пор, пока мы не узнаем, какого рода действие не может быть совершено без сопровождающего его рефлексивного акта восприятия и как

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
оно выполняется мыслящими субстанциями, которые не могут мыслить, не сознавая этого. Но так как то, что мы называем одним и тем же сознанием, не есть один и тот же отдельный акт, то, исходя из природы вещей, трудно будет ответить, почему какая-нибудь мыслящая субстанция не может представить себе в качестве своего собственного действия то, чего она никогда не делала и что, быть может, было сделано каким-нибудь другим существом; почему, спрашиваю я, не может быть такого представления без [основы в] действительной реальности, которое, подобно различным представлениям в сновидениях, принимаемым нами во время сна за истин-

==390

ные? А что этого [представления] никогда не бывает, мы (пока у нас не будет более ясных воззрений на природу мыслящих субстанций) всего лучше сможем объяснить благодатью бога, который не станет – поскольку это касается счастья или несчастья каждого из его способных к ощущениям существ, – из-за их рокового заблуждения переносить с одного на другое [лицо] такое сознание, которое влечет за собой награду или наказание. Я оставляю открытым вопрос, насколько этот взгляд может служить аргументом против тех, кто приписывает мышление системе текучих жизненных духов. Однако, возвращаясь к стоящему перед нами вопросу, необходимо признать, что если одно и то же сознание (как было показано, совершенно отличное от того же самого числового изображения или движения в теле) может быть перенесено с одной мыслящей субстанции на другую, то две мыслящие субстанции могут образовать только одну личность. Ведь раз сохраняется одно и то же сознание, все равно, в одной ли и той же или в различных субстанциях, сохраняется и тождество личности.

14. Что касается второй части вопроса: <Могут ли быть две различные личности там, где остается одна и та же нематериальная субстанция?>, то, мне кажется, она зависит от [другого] вопроса: может ли одно и то же нематериальное существо, сознающее свои прежние действия, быть совершенно лишено всякого сознания своего прошедшего существования, безвозвратно потерять его и, как бы начиная счет от нового периода, иметь сознание, которое не может простирается за пределы этого нового состояния? Все те, кто верит в предсуществование, явно придерживаются этого взгляда, потому что допускают, что в душе не остается никакого сознания того, что она делала в этом состоянии предсуществования или совершенно отдельно от тела, или оживляя какое-нибудь другое дело; а если бы они не допускали этого, то против них явно свидетельствовал бы опыт. И так как тождество личности простирается не дальше сознания, то предсуществовавший дух, не проведший много веков в состоянии молчания, необходимо должен образовать различные личности. Предположим, что христианин, платоник или пифагореец убеждены в существовании своей души с тех пор, как бог в седьмой день покончил все свои дела творения, и воображают, будто она переселялась в различные человеческие тела; так, я раз встретился с человеком, убежденным, что его душа была душой Сократа (на каком

==391

основании – я разбирать не стану; я знаю только, что на своей должности, которая не была незначительной, он считался очень разумным человеком и печатные труды его показали, что у него не было недостатка ни в способностях, ни в знаниях). Скажет ли кто-нибудь, что он, не сознавая никаких действий или мыслей Сократа, есть та же самая личность, что и Сократ? Пусть каждый поразмыслит о себе и сделает вывод, что он имеет в себе нематериальный дух, который есть то, что в нем мыслит и при постоянной смене его тела сохраняет его тождественность, и есть то, что человек называет самим собою. Пусть он предположит также, что у него та же самая душа, которая была в Несторе или Терсите при осаде Трои 111 (ибо души, насколько мы что-нибудь о них знаем, по своей природе безразличны ко всякой частице материи, так что это предположение не содержит в себе никакой явной нелепости), что могло быть точно так же, как то, что она теперь душа какого-нибудь другого человека. Но, не имея теперь никакого сознания ни об одном действии Нестора или Терсита, представляет ли он себя или может ли он себя представить той же самой личностью, что и они? Может ли он иметь отношение к их действиям, приписывать их себе или считать их своими собственными в большей степени, нежели действия всякого другого когда-либо жившего человека? И так как такое сознание не простирается ни на какое действие ни одного из этих людей, то он тождествен с ними не более, чем если бы оживляющая его теперь душа, или нематериальный дух, была сотворена и стала существовать в то время, когда начала оживлять его теперешнее тело, как бы ни было достоверно то, что оживляющая его теперь душа есть та же самая, что оживляла тело Нестора или Терсита. Ведь это

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
сделало бы его той же самой личностью, что и Нестор, не более, чем если бы те частицы материи, которые когда-то были частью Нестора, были теперь его частью. Путем соединения.

каким-нибудь телом одна и та же нематериальная субстанция без одного и того же сознания образует одну и ту же личность не более, чем образует ее одна и та же частица материи без сознания, соединенного с каким-нибудь телом. Но пусть кто-нибудь чувствует себя сознающим какое-нибудь действие Нестора, значит, он будет чувствовать себя той же самой личностью, что и Нестор. 15. Таким образом, мы можем без всякого затруднения представить себе тождество личности при воскресении хотя бы в теле, по своему сложению или частям не вполне

==392

тождественном с тем, которое имели здесь, если то же самое сознание согласуется с обитающей в теле душой. Но все-таки одной лишь души при смене тел едва ли кому-нибудь достаточно для образования того же самого человека, за исключением тех, кто душу делает человеком. В самом деле, если душа князя, унося с собой сознание прошедшей жизни князя, войдет в тело башмачника и оживит его сейчас же, как оно будет покинуто своею собственной душой, то всякий видит, что это будет та же самая личность, что и князь, ответственная только за действия князя. Но кто скажет, что это тот же самый человек? Тело также принимает участие в образовании человека и в разбираемом случае, предполагаю я, определяет человека для всех, между тем как душа со всеми своими княжескими мыслями не образует другого человека; этот человек был бы для всех, кроме него самого, тем же самым башмачником. Я знаю, что в обычной речи одна и та же личность и один и тот же человек обозначают одно и то же. Конечно, всякий будет свободен говорить, как ему угодно, и употреблять какие угодно членораздельные звуки для каких угодно идей и изменять их сколько угодно раз. Но когда мы хотим исследовать, что образует тождество духа, человека или личности, в нашем уме должны быть закреплены идеи духа, человека или личности. А когда мы решим для себя, что мы подразумеваем под ними, то нам нетрудно будет определить относительно каждой из них и им подобных идей, когда они одни и те же и когда нет.

16. Сознание образует одну и ту же личность. Но хотя одной и той же нематериальной субстанции, или души, самой по себе недостаточно для того, чтобы образовать где бы то ни было и в каком бы то ни было состоянии одного и того же человека, однако ясно, что сознание, насколько оно может простираться в прошедшие века, объединяет в одну и ту же личность существования и действия, очень отдаленные во времени, точно так же как и существование и действия непосредственно предшествующего момента, так что все то, что имеет сознание настоящих и прошедших действий, есть одна и та же личность, к которой относятся и те и другие действия. Если бы у меня было одно и то же сознание как того, что я видел Ноев ковчег и всемирный потоп, так и того, что я видел прошлой зимой разлив Темзы, или того, что я теперь пишу, то сомневаться в том, что я, пишущий это теперь, видевший разлив Темзы прошлой зимой и созерцавший наводнение

==393

во время всемирного потопа, был одной и той же личностью, в какой бы субстанции она ни находилась, у меня было бы оснований не более, чем сомневаться в том, что я, пишущий это, теперь, когда я пишу, та же самая личность, что и вчера (все равно, состою ли я всецело из одной и той же субстанции, материальной или нематериальной, или нет). Ибо что касается тождества личности, то безразлично, состоит ли это теперешнее я из одной и той же или из разных субстанций, потому что какое-нибудь действие, совершенное тысячу лет назад, если я присвоил его себе теперь этим самосознанием, меня так же касается и я за него точно так же отвечаю, как за то действие, которое я только что совершил.

17. Я зависит от сознания. Я есть та сознающая мыслящая сущность (безразлично, из какой она состоит субстанции, духовной или материальной, простой или сложной), которая чувствует или сознает удовольствие и страдание, способна быть счастливой или несчастной и настолько заинтересована собой, насколько простирается ее сознание. Так, всякий знает, что мизинец, пока он охвачен этим сознанием, есть часть личности не в меньшей степени, чем и то, что более всего бывает ею. Если бы при отделении этого мизинца сознание уходило вместе с мизинцем и покидало остальную часть тела, то ясно, что мизинец был бы личностью, той же самой личностью, и личности тогда нечего было бы делать с остальной

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosofff.org
частью тела. Как в этом случае образует одну и ту же личность и создает эту нераздельную личность не что иное, как сознание, которое остается вместе с субстанцией, когда часть отделяется от нее, так же происходит и по отношению к субстанциям, отдаленным во времени. То, с чем может соединиться сознание этой теперешней мыслящей вещи и образует одну и ту же личность, тождественно с нею, и ни с чем другим, и таким образом приписывает себе все действия этой вещи и признает их как свои собственные настолько, насколько простирается это сознание, но не дальше, что заметит всякий рассуждающий человек.

18. Предмет награды и наказания. На этом тождестве личности основано всякое право и справедливость наград и наказаний, ибо счастье и несчастье представляют собой то, о чем каждый беспокоится ради себя, не принимая во внимание судьбы любой субстанции, которая не связана с этим сознанием или не подвергается его воздействию. Как очевидно из только что приведенного мною примера, если бы сознание уходило вместе с отрезанным мизинцем,

==394

то он был бы той же личностью, которая вчера беспокоилась о всем теле как составляющем часть ее самой, и тогда она не могла бы не признавать его действий как свои собственные. Между тем, если бы то же самое тело продолжало жить и непосредственно после отделения мизинца имело свое собственное отдельное сознание, а мизинец про это ничего не знал, оно вовсе не беспокоилось бы о мизинце как о своей части, и не могло бы признавать своим какое-нибудь из его действий или приписывать ему свои действия.

19. Это может показать нам, в чем состоит тождество личности', оно состоит не в тождестве субстанции, но, как я сказал, в тождестве сознания. И если Сократ и теперешний мэр Квинборо сходятся в этом, они представляют собой одну и ту же личность. Если один и тот же Сократ обладает не одним и тем же сознанием во время бодрствования и во время сна, то Сократ бодрствующий и Сократ спящий не одно и то же лицо, и наказывать бодрствующего Сократа за то, что мыслил спящий Сократ и чего бодрствующий Сократ никогда не сознавал, в такой же мере справедливо, в какой наказывать близнеца за то, что сделал его брат-близнец и о чем он сам ничего не знал, на том основании, что они так похожи друг на друга, что их нельзя различить; а таких близнецов видели.

20. Но быть может, все-таки возразят: <Предположим, что я совершенно потерял память о некоторых частях моей жизни и возможность восстановить их, так что, быть может, я никогда не буду вновь сознавать их. Разве я не являюсь той же самой личностью, которая совершала эти действия, имела эти мысли, которые я некогда сознавал, хотя я теперь и забыл их?> На это я отвечаю, что мы должны здесь обратить внимание на то, к чему относится слово <Я>. А в данном случае оно относится только к человеку. А так как полагают, что один и тот же человек есть и одно и то же лицо, то легко здесь предположить, что Я обозначает здесь также и одну и ту же личность. Но если для одного и того же человека возможно в различное время иметь отдельные, не сообщающиеся друг с другом сознания, то нет сомнения, что один и тот же человек в разное время может образовывать различные личности. Таково, как мы видим, чувство людей при наиболее торжественном изложении своих мнений, ибо человеческие законы не наказывают ни сумасшедшего за действия человека здравомыслящего, ни здравомыслящего за действия сумасшедшего, признавая их этим за две личности. В некоторой

==395

степени дают понятие об этом и выражения в нашем языке: <такой-то сам не свой> или он <вне себя>. Этими фразами как будто намекается, что те, кто употребляют их теперь или по крайней мере употребили впервые, считали, что данная личность изменилась, что той же самой личности нет более в человеке.

21. Разница между тождеством человека и личности. Но все еще трудно представить себе, чтобы Сократ, один и тот же отдельный человек, был двумя личностями. Чтобы помочь себе немного в этом, мы должны рассмотреть, что мы подразумеваем под Сократом, или одним и тем же отдельным человеком. Он должен быть

или, во-первых, одной и той же отдельной, нематериальной, мыслящей субстанцией – одним словом, одной и той же душой, и ничем иным; или, во-вторых, одним и тем же живым существом безотносительно к нематериальной душе; или, в-третьих, одним и

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
тем же нематериальным духом, соединенным с одним и тем же живым существом.

Теперь, какое бы из этих предположений вам ни было угодно взять, тождество личности нельзя считать состоящим в чем-либо ином, кроме сознания, или простирает это тождество сколько-нибудь дальше.

В самом деле, при первом предположении нужно согласиться с тем, что одним и тем же человеком может быть человек, рожденный различными женщинами и в различное время. Кто допускает такой способ выражения, должен признать возможным для одного и того же человека быть двумя различными личностями, как любые два человека, которые жили в разное время, не зная мыслей друг друга.

При втором и третьем предположении Сократ может быть одним и тем же человеком в настоящей и будущей жизни только благодаря одному и тому же сознанию. А если тождество человека состоит в том же самом, чему мы приписываем тождество личности, то не трудно будет признать, что один и тот же человек есть одна и та же личность. Но тогда люди, связывающие тождество человека только с сознанием, а не с чем-нибудь иным, должны призадуматься над тем, как им сделать Сократа-ребенка человеком, тождественным с Сократом после воскрешения. Но что бы ни сделало, по мнению некоторых людей, человека и, стало быть, одного и того же отдельного человека, а в этом, вероятно, сходятся немногие, тождество личности мы можем приписывать только сознанию (кото-

==396

рое одно лишь составляет то, что мы называем личностью или Я), если не хотим дойти до больших нелепостей.

22. <Но не есть ли человек пьяный и трезвый одно и то же лицо? Каким образом можно было бы в противном случае наказывать человека за поступок, совершаемый в состоянии опьянения, хотя он после никогда не сознавал его?> Он является одной и той же личностью ровно столько же, сколько человек, который во время сна ходит и делает что-то еще, есть то же самое лицо и отвечает за всякое совершенное во сне зло. Человеческие законы наказывают обоих со справедливостью, соответствующей их способу познания. Так как в указанных случаях они не могут распознавать с достоверностью, что действительно, а что притворно, то незнание в состоянии опьянения или сна не признается за оправдание. Хотя наказание связано с личностью, а личность с сознанием и пьяница, быть может, не сознает того, что он сделал, однако человеческое правосудие наказывает его справедливо, потому что проступок является доказательством против него, а отсутствие сознания не может быть доказательством в его пользу. Но мы, кажется, имеем основание думать, что в великий день, когда откроются тайны всех сердец, никто не будет призван к ответу за то, о чем он ничего не знает, но каждому будет вынесен его приговор соответственно тому, осуждает или снимает с него вину его совесть.

23. Одно только сознание образует личность. Ничто, кроме сознания, не может соединять в одну и ту же личность отдаленные существования; тождество субстанции не сделает этого. Какова бы ни была субстанция и как бы ни была она устроена, без сознания нет личности. И труп мог бы быть личностью в такой же степени, как всякого рода субстанция без сознания.

Если бы мы могли предположить два различных, не сообщающихся между собой сознания, действующих в одном и том же теле, одно постоянно днем, другое ночью, а с другой стороны, одно и то же сознание, действующее не одновременно в двух различных телах, то, спрашиваю я, не будут ли в первом случае человек дневной и человек ночной двумя такими же различными личностями, как Сократ и Платон? И не будет ли во втором случае одна личность в двух различных телах, как человек бывает одним и тем же в двух различных одеждах? И вовсе было бы несущественно возражение, что в упомянутых выше случаях тождественность и различие сознания зависят от тождественности и различия нематериальных суб-

==397

станций, приносящих с собой сознание в эти тела. Верно ли это или нет, это не изменяет дела, ибо очевидно, что тождество личности одинаково определяется сознанием, связано ли это сознание с некоторой отдельной нематериальной субстанцией или нет. Если согласиться, что мыслящая субстанция в человеке должна непременно предполагаться нематериальной, то очевидно, что нематериальное

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosofff.org
мыслящее существо может иногда расставаться со своим прошедшим сознанием и возвращаться к нему, как это явствует из того, что люди часто забывают свои прошедшие действия, а ум много раз восстанавливает в памяти прошлое сознание, которое было утрачено им за целых двадцать лет. Заставьте эти промежутки памяти и забвения чередоваться регулярно днем и ночью, и вы получите две личности с одним и тем же нематериальным духом, как в предыдущем случае - две личности с одним и тем же телом, так что личность определяется не тождеством или различием субстанции, в котором она не может быть уверена, а только тождеством сознания.

24. В самом деле, можно представить себе, что субстанция, из которой теперь состоит личность, существовала прежде, соединившись с одним и тем же сознающим существом; но по удалении сознания эта субстанция является самой собой или составляет часть самой себя не более всякой другой субстанции, как это очевидно из приведенного уже нами примера с отрезанной конечностью, которая принадлежит к человеческой личности не более всякой другой материи во вселенной, потому что жар, холод или другие состояния конечности больше не имеют никакого сознания. Так же обстоит дело и со всякой нематериальной субстанцией, лишенной того сознания, благодаря которому я для себя являюсь самим собой. Если после припоминания я не могу связать какую-нибудь часть ее существования с теперешним сознанием, благодаря которому я являюсь теперь самим собой, то в части ее существования не больше от меня самого, чем во всяком другом нематериальном существе. Какова бы ни была та субстанция, мыслей или действий которой я не могу припомнить и силой своего сознания сделать своими собственными мыслями или действиями, мыслила ли или действовала часть моего существа, все равно она принадлежит мне так же мало, как если бы это были мысли или действия какого-нибудь другого нематериального существа, находящегося где-нибудь в другом месте.

25. Я согласен, что более вероятным является мнение,

==398

что это сознание связано с одной отдельной нематериальной субстанцией и есть ее свойство.

Но пусть люди согласно своим различным гипотезам решают этот вопрос, как им угодно. Каждое разумное существо, восприимчивое к счастью или несчастью, должно признать, что имеется нечто, что составляет его самого, о чем оно беспокоится и что оно желало бы видеть счастливым, а также что эта личность существовала в непрерывной продолжительности более одного мгновения и потому может существовать в будущем месяцы и годы, как существовала прежде, без всякого ограничения в своей продолжительности, и что она может оставаться той же личностью благодаря тому же самому сознанию, продолжающемуся и в будущем. И благодаря этому сознанию человек чувствует себя той же личностью, которая столько-то лет назад совершила такое-то или такое-то действие, от которого он становится счастливым или несчастным в настоящее время. Во всем этом исследовании о личности признается, что одну и ту же личность образует не одна и та же субстанция, а одно и то же непрерывное сознание, с которым могут соединяться и снова расставаться различные субстанции, составлявшие часть этой самой личности все время, пока они оставались в жизненном единении с тем, в чем тогда обитало это сознание. Таким образом, всякая часть нашего тела, жизненно соединенная с тем, что в нас сознательно, составляет часть нас самих, но после отделения от жизненного соединения, благодаря которому это сознание сообщается частям, то, что за минуту перед этим было частью нас самих, теперь так же мало является такой частью, как часть личности всякого другого человека является частью меня, и очень возможно, что в короткое время оно станет реальной частью другой личности. Таким образом, у нас одна и та же субстанция становится частью двух разных личностей, и одна и та же личность сохраняется при смене различных субстанций. Если бы мы могли предположить, что какой-нибудь дух совершенно лишается всякой памяти или сознания прошлых действий, подобно тому как мы находим, что большая часть наших действий всегда утрачивается памятью, а иногда и все действия, то соединение с такой духовной субстанцией или отделение от нее произвело бы так же мало перемены в тождестве личности, как и присоединение любой частицы материи или отделение от нее. Всякая субстанция, жизненно соединенная с существующим в настоящее время мыслящим су-

==399

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
ществом, есть часть именно той личности, которая существует теперь; все
соединенное с ним благодаря сознанию прежних действий тоже составляет часть этой
же личности, которая является той же самой и тогда и теперь.

26. <Личность> как юридический термин. <Личность>, как я понимаю ее, есть
название для этого <сам>. Где бы человек ни находил то, что он называет самим
собой, там, на мой взгляд, другой может утверждать, что оно – одна и та же
личность. Это юридический термин, касающийся действий и их ценности и
относящийся поэтому только к разумным существам, знающим, что такое закон,
счастье и несчастье. Эта личность простирает себя за пределы настоящего
существования, к прошлому только силой сознания; вследствие этого она
беспокоится о прошлых действиях, становится ответственной за них, признавая за
свои и приписывая их себе совершенно на том же самом основании и по той же
причине, что и настоящие действия. Все это основано на стремлении к счастью,
неизбежному спутнику сознания, ибо то, что сознает удовольствие и страдание,
желает, чтобы эта сознающая личность была счастлива. И потому, если человек не
может силой сознания присоединить или приобщить к своей теперешней личности
какие бы то ни было прошлые действия, он может быть заинтересован ими так же
мало, как если бы они никогда не были совершены. И получать удовольствие или
испытывать страдание, т. е. получать награду или наказание за такие действия,
все равно что делать кого-то счастливым или несчастным в самом начале его
существования совершенно без всякой заслуги [или вины с его стороны]. Ибо если
мы предположим, что человека наказывают теперь за то, что он сделал в другой
жизни и чего он вообще не в состоянии сознавать, то какая будет разница –
подвергаться ли такому наказанию или же быть [вообще] сотворенным для несчастья?
Потому-то сообразно с этим апостол и говорит нам, что в великий день, когда
каждый <получит соответственно тому, что он делал, тайны сердца его обнаружатся>
112. Справедливость приговора будет оправдана сознанием всех личностей – в каких
бы телах ни явились они, или с какими бы субстанциями ни было связано это
сознание, – что они сами суть те же самые, кто совершил эти действия и
заслуживает наказания за них.

27. Я склонен думать, что при обсуждении этого вопроса я сделал несколько
предположений, которые покажутся странными иным читателям, и, быть может, они

==400

действительно странны сами по себе. Но все же, думаю я, они простительны при
нашем неведении относительно природы того мыслящего существа (thing), которое
находится в нас и которое мы рассматриваем как самих себя. Если бы мы знали, что
оно такое, или как оно привязано к определенной системе текучих жизненных духов,
или может ли оно или не может выполнять свои действия мышления и памяти вне
тела, устроенного подобно нашему, и было ли угодно богу, чтобы такой дух
соединялся всегда лишь с одним таким телом, от надлежащего строения органов
которого зависела бы его память, то мы могли бы видеть нелепость некоторых из
сделанных мною предположений. Но если принимать, как мы обыкновенно теперь
делаем (при отсутствии знаний об этих предметах), душу человека за
нематериальную субстанцию, независимую от материи и к ней безразличную, то из
природы вещей вовсе не видно нелепости предположения, что одна и та же душа
может в разное время соединяться с различными телами и образовывать с ними на то
время одного человека, ведь предполагаем же мы, что то, что вчера было частью
тела барана, завтра будет частью человеческого тела и станет в этом соединении
жизненной частью личности мелибея 113, как раньше было частью его барана.

28. Трудность происходит из неправильного употребления названий. Итак, всякая
субстанция, которая начинает существовать, во время своего существования
необходимо должна быть одной и той же; какие бы сочетания субстанций ни
возникали, во время соединения субстанций эти сочетания должны оставаться одними
и теми же. Всякий модус, который начинает существовать, во время своего
существования остается одним и тем же; то же самое правило имеет силу и в том
случае, если данное сочетание содержит в себе отличные друг от друга субс-
станции и различные модусы. Отсюда ясно, что трудность ч или неясность,
имевшаяся в этом вопросе, происходит скорее от неправильного употребления
наименований, чем от неясности в самих вещах. Ибо независимо от того, какой была
данная конкретная идея, которой мы даем имя, если этой идеи постоянно
придерживаться, то будет легко постигнуть тождество и различие вещей, и в
отношении этого не может возникать никаких сомнений.

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
29. Непрерывное существование создает тождество. В самом деле, если предположить, что разумный дух представляет собой идею человека, то легко узнать, что

==401

такое один и тот же человек; именно одним и тем же человеком будет один и тот же дух, все равно, отдельно ли или в каком-нибудь теле. Если предположить, что человека составляет разумный дух, жизненно соединенный с телом, обладающим определенным строением частиц, то пока будет оставаться данный разумный дух с данным жизненным строением частиц, находящийся хотя бы и в непрерывно изменяющемся теле, он будет одним и тем же человеком. Но если для кого-нибудь идея человека представляет собой лишь жизненное соединение частиц в теле определенной формы, то, пока будет оставаться это жизненное единение и форма в соединении, тождественном лишь в непрерывной последовательности изменяющихся частиц, оно и будет тем же самым человеком. Ибо, каково бы ни было соединение, из которого состоит сложная идея, всякий раз, как существование делает его единичною вещью под одним наименованием, то же самое существование, продолжаясь, сохраняет соединение в качестве той же самой индивидуальности, под тем же самым наименованием.

Глава двадцать восьмая О ДРУГИХ ОТНОШЕНИЯХ

1. Соразмерные отношения. Кроме вышеупомянутых случаев сравнения вещей или отношения их друг к другу по времени, месту и причинности имеется, как я уже говорил, еще множество других, и некоторые из них я упомяну.

Во-первых, то, что я назову прежде всего, есть какая-нибудь одна простая идея, которая, будучи способна иметь части или степени, дает возможность сравнивать друг с другом предметы, в которых она находится, в их отношении к этой простой идее, например <белее>, <слаще>, <больше>, <одинаково>, <многочисленнее> и т. д. Эти отношения, зависящие от равенства или неравенства одной и той же простой идеи в разных предметах, можно назвать, если угодно, соразмерными. Что они касаются только тех простых идей, которые получены от ощущения или рефлексии, настолько очевидно, что нет надобности убеждать в этом.

2. Естественные отношения. Во-вторых, иную возможность для сравнения вещей друг с другом или для такого рассмотрения одной вещи, которое включало бы в себя

==402

какую-нибудь другую вещь, дают условия происхождения или начала вещей. Так как это нельзя изменить впоследствии, то зависящие от этого отношения так же продолжительны, как и предметы, которых они касаются. Например, отношения отца и сына, братьев, двоюродных братьев и т. д. основаны на общности крови, которую они разделяют в различной степени; отношения земляков, т. е. людей, родившихся в одной и той же стране или местности. Такие отношения я называю естественными отношениями, причем мы можем заметить, что люди приспособили свои понятия и слова к потребностям общежития, а не к истине и области бытия вещей. Ибо известно, что в действительности отношения между родителями и детьми у различных пород некоторых животных бывает такое же, как у людей; но, несмотря на это, редко говорят, что <этот бык - дедушка этого теленка> или что <эти два голубя - двоюродные братья>. Очень удобно наблюдать и отмечать определенными названиями эти отношения между людьми, потому что в законах и другого рода связях между ними часто нужно бывает указывать и обращать внимание на людей с точки зрения этих отношений, из которых вытекает также принудительная сила различных обязанностей между людьми. Напротив, так как люди имеют очень мало или не имеют никаких причин обращать внимание на эти отношения между животными, то они и не сочли нужным дать им определенные и особые названия. Это, между прочим, может пролить некоторый свет на различное состояние и развитие языков, которые, будучи приспособлены исключительно к удобствам общения, соответствуют человеческим понятиям и обычному обмену мыслями между людьми, а не действительности и области бытия вещей, не различному соотношению между ними и не разнообразным отвлеченным размышлениям о них. Где у людей не было философских понятий, там у них не было и слов для их выражения; и нет ничего удивительного в том, что люди не образовали названий для тех вещей, о которых они не имели случая рассуждать. Отсюда легко представить себе, почему в некоторых странах люди могут не иметь названия для лошади, а в других странах, где о родословных лошадей люди заботятся больше, чем

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
о своих собственных, они могут иметь названия не только для отдельных лошадей,
но также и для различных отношений родства между ними.

3. Установленные отношения. В-третьих, иногда ос-

==403

нованием для рассмотрения вещей в их взаимных отношениях бывает некоторый акт, к которому кто-нибудь приходит вследствие нравственного права, власти или обязательства сделать что-то. Так, генерал есть человек, имеющий власть командовать армией; армия же под начальством генерала есть совокупность вооруженных людей, обязанных повиноваться одному человеку. Гражданин, или горожанин, есть человек, имеющий право на известные привилегии в том или ином месте. Все отношения этого рода, зависящие от человеческой воли или общественного соглашения, я называю установленными или произвольными. От естественных отношений их можно отличить по тому, что большинство их, если не все, могут быть так или иначе изменены и отделены от лиц, которых они когда-то касались, без разрушения состоящих в таких отношениях субстанций. Хотя все эти отношения, подобно остальным, взаимны и заключают в себе отношение двух вещей друг к другу, но так как одна из этих двух вещей часто не имеет такого названия, которое выражало бы это отношение, то люди обыкновенно не обращают на него внимания и этого отношения не замечают. Все легко согласятся, что <патрон> и <клиент> являются отношениями. Но когда впервые услышат слово <констебль>

или <диктатор>, то не сразу заметят, что они являются отношениями, потому что для тех, кто находится под начальством диктатора или констебля, нет особого названия, выражающего их отношение к тому или другому, хотя и тот и другой, несомненно, имеют известную власть над некоторыми людьми и потому стоят к ним в таком же отношении, как патрон к своему клиенту или генерал к своей армии.

4. Нравственные отношения. В-четвертых, еще один род отношений состоит в согласии или несогласии сознательных действий людей с правилами, к которым эти действия относятся и по которым судят о них. Я думаю, их можно назвать нравственными отношениями, потому что они- дают наименование нашим нравственным действиям и заслуживают внимательного изучения, ибо нет области знания, в которой бы мы должны были прилагать больше стараний, чтобы приобрести определенные идеи и избежать, насколько возможно, неясности и путаницы. Когда мы составляем различные сложные идеи человеческих действий с их разнообразными целями, объектами, способами и обстоятельствами, то, как было показано 115, они представляют собой смешанные модусы, больша

==404

часть которых имеет закрепленные за ними названия. Так, если мы предполагаем, что благодарность есть готовность признать полученное благодеяние и отплатить за него, полигамия - единовременное обладание более чем одной женой, и составляем в своем уме эти понятия, то мы получаем столько-то определенных идей смешанных модусов. Но это еще не все, что касается наших действий: недостаточно иметь определенные идеи действий и знать, какие названия относятся к тем или иным сочетаниям идей. Они имеют для нас более глубокое значение, состоящее в том, чтобы знать, являются ли данные действия нравственно хорошими или дурными.

5. Нравственные добро и зло. Добро и зло, как было показано выше (кн. II, гл. 20, § 2; гл. 21, § 42), есть не что иное, как удовольствие или страдание, или то, что причиняет или доставляет нам удовольствие или страдание. Нравственное добро и зло есть поэтому лишь согласие или несогласие наших сознательных действий с некоторым законом, по которому, согласно воле и власти законодателя, нам делают добро или причиняют зло, причем эти добро и зло, удовольствие или страдание, которые по велению законодателя ожидают нас за соблюдение или нарушение закона, мы называем наградой и наказанием.

6. Нравственные правила. Этих нравственных правил или законов, к которым обычно обращаются люди и по которым судят о справедливости или испорченности своих действий, мне кажется, существует три рода с и тремя различными видами принуждения, или наградами и наказаниями. Так как совершенно напрасно было бы думать об установлении правила для свободных действий человека, не присоединяя к нему каких-либо мер принуждения в виде добра или зла, чтобы определить волю человека, то мы должны всюду, где мы устанавливаем закон, присоединить к нему и

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
какую-то награду или наказание. Тщетно некое разумное существо устанавливало бы правила для действий другого, если бы у него не было власти награждать за соблюдение своих правил и карать за уклонение от них каким-нибудь добром или злом, которые не являются естественным результатом и последствием самого действия, ибо такие последствия, будучи, естественно, выгодными или невыгодными, действовали бы и сами по себе, без закона. Такова, если я не ошибаюсь, истинная природа всякого закона в точном смысле этого слова.

==405

7. Законы. Законы, к которым люди обычно обращаются, чтобы судить о правильности или неправильности своих действий, бывают, мне кажется, следующих трех родов: 1) законы божественные; 2) законы гражданские; 3) законы общественного мнения, или доброго имени, если можно их так назвать. Обращаясь к первому роду законов, люди судят о том, являются ли их действия грехом или исполнением долга; обращаясь ко второму роду законов – преступны они или безвредны; обращаясь к третьему роду законов – являются ли они добродетелями или пороками.

8. Божественный закон есть мера греха и исполнения долга. Во-первых, под божественным законом я разумею закон, который установлен для человеческих действий богом и который бывает обнародован людям или светом природы, или голосом откровения. Я думаю, никто не безрассуден настолько, чтобы отрицать, что бог дал правило, которым люди должны руководствоваться. Он имеет право делать это: мы – его создания. Он имеет доброту и мудрость направлять наши действия к тому, что лучше всего. Он имеет также власть придать силу этому закону наградами и наказаниями бесконечной значимости и продолжительности в иной жизни, ибо никто не может вырвать нас из его рук. Этот закон есть единственный подлинный пробный камень строгой нравственности. Сравнивая свои действия с этим законом, люди судят о наиболее важном нравственном добре или зле их, т. е. о том, могут ли они как исполнение долга или как грехи доставить им счастье или несчастье из рук всемогущего.

9. Гражданский закон есть мерило преступления и невиновности. Во-вторых, закон гражданский – правило, установленное государством для людей, принадлежащих к государству, – есть другое правило, к которому люди обращаются, чтобы судить о том, преступны ли их действия или нет. Этого закона никто не упускает из виду: придающие ему силу награды и наказания всегда под рукой и ответственность устанавливающей его власти, которая есть сила государства, обязанного охранять жизнь, свободу и имущество людей, живущих по его законам, и имеющего власть отнимать жизнь, свободу и имущество у неповинующегося в виде наказания за нарушение этого закона.

10. Философский закон есть мерило добродетели и порока. В-третьих, закон общественного мнения, или доброго имени. Повсюду предполагают и утверждают, что <добро-

==406

детель> и <порок> – это слова, обозначающие действия, по самой своей природе правильные или неправильные, и в той мере, в какой они действительно так употребляются, они совпадают с вышеупомянутым божественным законом. Но что бы ни говорили, очевидно то, что слова <добродетель> и <порок> в отдельных случаях своего употребления у различных народов и человеческих обществ постоянно применяются только к таким действиям, которые в каждой стране и каждом обществе пользуются хорошей или дурной славой. И нет ничего странного в том, что люди везде давали название добродетели тем действиям, которые у них считались похвальными, и называли пороком то, что признавали достойным порицания. Ибо они осуждали бы самих себя, если бы вынуждены были считать правильным то, чего они не могли уважать, и неправильным то, что они оставляли без порицания. Таким образом, мерилом того, что везде называется и считается добродетелью и пороком, являются те одобрение или нерасположение, восхваление или порицание, которые по скрытому и молчаливому согласию устанавливаются в различных человеческих обществах, племенах и компаниях и благодаря которым различные действия приобретают хорошую или дурную славу согласно суждениям, принципам или обычаям данной местности. Хотя люди, соединяясь в политические общества, отказываются в пользу государства от права распоряжаться всею своею силою, так что не могут пользоваться ею против своих сограждан больше, чем позволяет закон страны, однако они все же сохраняют право быть хорошего или плохого мнения о действиях

Локк Джон Опыт о человеческом разуме. Книга 2 filosoff.org людей, среди которых живут и с которыми общаются, одобрять или не одобрять эти действия. В силу этого одобрения или неприязни они и устанавливают между собой то, что они намерены называть добродетелью и пороком.

11. Что обычное мерило добродетели и порока именно (таково, станет ясно для всякого, кто обратит внимание на следующее: хотя в одной стране признается пороком то, что в другой считается добродетелью или по крайней мере не пороком, однако повсюду добродетель и восхваление, порок и порицание стоят рядом. Повсюду добродетель есть то, что считается похвальным, и только то, что пользуется общественным уважением, называется добродетелью¹¹⁶. Добродетель и восхваление так тесно связаны между собой, что часто обозначаются одним и тем же словом. <Sunt sua praemia Laudi>,- говорит Вер-

==407

гилий, и Цицерон указывает: <Nihil habet natura praestantius, quam Honestatem, quam Laudem, quam Dignitatem, quam Decus>, причем, [по его мнению], все эти слова обозначают одну и ту же вещь (Tusc. I, 2)¹¹⁷. Таков язык языческих философов, которые хорошо понимали, в чем состоят их понятия добродетели и порока. И хотя, вероятно, бывало, что вследствие различия в характере, воспитании, обычаях, в принципах или интересах различного рода людей то, что в одном месте считалось похвальным, в другом не избегало порицания и, таким образом, в различных обществах добродетели и пороки бывали различны, однако вообще в значительном большинстве случаев они везде были одинаковы. Так как нет ничего более естественного, чем поощрять уважением и добрым мнением то, в чем каждый находит свою выгоду, и осыпать порицаниями и предотвращать противоположное, то не удивительно, что уважение и неуважение, добродетель и порок всюду в значительной мере соответствуют неизменяемому правилу правды и неправды, которое установлено божественным законом: ничто так прямо и явно не обеспечивает и не приближает всеобщего блага людей в этом мире, как повиновение законам, которые он им дал, и ничто не порождает столько несчастий и путаницы, как пренебрежение ими. Поэтому люди, не отказываясь от всякого здравого смысла и от своего собственного интереса, которому они всегда остаются верны, вообще не могут ошибаться и направлять свои похвалы и порицания на то, что в действительности их не заслуживает. Даже те, кто поступал иначе, всегда верно направляли свое одобрение, потому что немногие испорчены до такой степени, чтобы не порицать по крайней мере в других тех недостатков, которые есть и у них самих; поэтому истинные пределы закона природы, который должен служить нормой добродетели и порока> сохранялись довольно хорошо даже при развращенности нравов,> так что даже боговдохновенные наставники не боялись взывать в своих увещаниях к общему мнению: <что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала> и т. д. (Послание к фвлиппийцам св. апостола Павла, 4,8).

12. Сила этого закона есть восхваление и посрамление. Если кто-нибудь представляет себе, будто я забыл свое собственное понятие о законе ¹¹⁸, оттого что я законом, по которому люди судят о добродетели и пороке, признаю не что иное, как согласие лиц, не имеющих

==408

достаточной власти для установления закона, тем более что этот закон нуждается в том, что так необходимо и существенно для закона,- в силе принуждения, мне кажется, я могу сказать, что человек, не признающий одобрение и неодобрение мотивами, настолько сильными для людей, чтобы они приспособлялись ко взглядам и правилам тех, с кем они общаются, по-видимому, мало знаком с человеческой природой или историей, ибо он обнаружит, что огромное большинство людей руководствуется главным образом, если не исключительно, законами обычая и поступает так, чтобы поддержать свое доброе имя в глазах общества, мало обращая внимания на законы бога или властей. О наказаниях, ожидающих людей за нарушение божественного закона, некоторые, а быть может и большинство людей, редко помышляют серьезно; да и среди помышляющих многие, нарушая закон, утешаются мыслью о будущем примирении и раскаянии в этих нарушениях. Что же касается кар, налагаемых законами государства, то люди часто льстят себя надеждой на безнаказанность. Но от наказания в виде всеобщего порицания и неприязни не ускользает ни один человек, нарушающий обычаи и идущий против взглядов общества, в котором он возвращается и где хочет заслужить хорошую репутацию. И среди десяти тысяч человек вряд ли найдется один, кто был бы настолько непреклонен и нечувствителен, чтобы переносить постоянное нерасположение и осуждение своей

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
собственной компании. Странно и необычно устроен должен быть тот, кто может удовлетворяться жизнью в постоянном бесчестье и позоре в кругу своего особого сообщества. Многие искали уединения, и многие примирялись с ним; но никто, имея хотя бы малейшее сознание или чувство присутствия около себя человека, не может жить в обществе под гнетом постоянного нерасположения и дурного мнения своих близких и тех, с кем он общается. Это бремя слишком тяжело для человеческого терпения, и из непримиримых противоречий должен состоять тот, кто может находить удовольствие в обществе и все же быть нечувствительным к презрению и нерасположению своих товарищей.

13. Эти три закона являются нормами нравственного добра и зла. Итак, с этими тремя законами – во-первых, законом божественным, во-вторых, законом политических обществ, в-третьих, законом обычая, или частного порицания, – люди различным образом соотносят свои действия и, исходя из одного из этих законов, устанавливают

==409

свои мерил, когда хотят судить о нравственной справедливости своих действий и называют их хорошими или дурными.

14. Нравственность есть отношение действий к этим нормам. Принимаем ли мы за то правило, к которому, как к пробному камню, мы прилагаем свои сознательные действия для изучения их, определения их достоинства и соответственного наименования, которое является, так сказать, устанавливаемой нами отметкой их ценности, – принимаем ли мы, говорю я, за правило обычай страны или волю законодателя, ум все равно легко может заметить отношение к нему всякого действия и рассудить, согласуется ли оно с правилом или нет. Таким образом, получается понятие нравственного добра или зла, которое есть сообразность или несообразность какого-нибудь действия с правилом или нормой и потому называется часто нравственной справедливостью. А так как эта норма есть не что иное, как совокупность различных простых идей, то сообразность с ней есть лишь направление действия таким образом, чтобы относящиеся к нему простые идеи соответствовали идеям, которых требует закон. Таким образом, мы видим, что нравственные сущности (beings) и понятия основываются на простых идеях, которые мы получаем от ощущения или рефлексии, и ограничиваются ими. Рассмотрим для примера сложную идею, которую мы обозначаем словом <убийство>. Когда мы разложим ее на части и изучим во всех подробностях, то увидим, что она сводится к совокупности простых идей, полученных от рефлексии или ощущения. Во-первых, от рефлексии о деятельности своего ума мы получаем идеи хотения, соображения, заранее обдуманного злого умысла или желания зла другому, а также идеи жизни, восприятия и самодвижения. Во-вторых, от ощущения мы получаем совокупность тех простых чувственных идей, которые можно найти в человеке, и идею какого-то действия, от которого у человека прекращаются и восприятие и движение; все эти простые идеи обнимает собой слово <убийство>. Находя, что эта совокупность простых идей соответствует или не соответствует мнению страны, в которой я вырос, и признается достойным похвалы или порицания большинством населяющих ее людей, я называю действие добродетельным или порочным. Если я принимаю за норму волю верховного невидимого законодателя, то я считаю свое действие приказом или запрещением бога и соответственно этому называю его добром или злом,

==410

грехом или исполнением долга. Если я сравниваю свое действие с гражданским законом – нормой, установленной законодательной властью страны, я называю его <законным> или <незаконным>, <преступлением> или <не преступлением>, так что, когда бы мы ни брали норму для нравственных действий и по какому бы образцу ни создавали мы в наших умах идеи добродетелей или пороков, они состоят исключительно из совокупностей простых идей, полученных нами первоначально из ощущения или рефлексии, и их правильность или неправильность состоит в соответствии или несоответствии с теми образцами, которые предписываются каким-нибудь законом.

15. Чтобы верно судить о нравственных действиях, мы должны рассмотреть их с двух сторон, с двух точек зрения. Во-первых, поскольку они сами по себе состоят каждое из некоей совокупности простых идей. Так, <опьянение> или <ложь> обозначают ту или иную совокупность простых идей, которую я называю смешанными модусами, и в этом смысле это такие же положительные и безотносительные идеи,

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
как водопой лошадей или разговор попугая. Во-вторых, наши действия рассматриваются как хорошие, дурные или нейтральные, и в этом смысле они относительны, потому что правильными или неправильными, хорошими или дурными делает их согласие или несогласие их с некоторой нормой; поскольку они таким образом сравниваются с нормой и соответственно называются, они подходят под идею <отношения>. Например, вызов и поединок с кем-нибудь, являясь определенным положительным модусом или особым рода действием, отличающимся от всех остальных особыми идеями, называется дуэлью; если рассматривать ее в отношении к божественному закону, она заслуживает названия греха, в отношении к закону обычая в некоторых странах она заслуживает названия мужества и доблести, а в отношении к гражданским законам некоторых государств – названия уголовного преступления. В этом случае, когда положительный модус имеет одно название, а другое название дается для обозначения его отношения к закону, разницу заметить так же легко, как и в субстанциях, где одно название, например <человек>, употребляется для обозначения вещи, а другое, например <отец>,- для обозначения отношения.

16. Наименования действий часто вводят нас в заблуждение. Но так как очень часто одно имя обнимает собой и положительную идею действия, и ее нравственное от-

==411

ношение, а одно и то же слово употребляется для обозначения как модуса или действия, так и его нравственной справедливости или несправедливости, то на само отношение обращают меньше внимания и часто не делают различия между положительной идеей действия и его отношением к какой-нибудь норме. Вследствие такого смешения этих двух различных аспектов в одном слове люди, которые слишком легко поддаются звуковым впечатлениям и склонны принимать названия за вещи, часто вводятся в заблуждение при суждении о действиях. Так, взятие у другого чего-то принадлежащего ему без его ведома или позволения называется собственно кражей; но так как это название обычно понимается как обозначающее также и нравственную порочность действия, и его противность закону, то люди склонны все то, о чем они слышат под названием <кража>, осуждать как действие дурное, несогласное с нормой справедливости. И тем не менее тайное отобрание шпаги у сумасшедшего с целью помешать ему делать зло хотя и может быть названо собственно кражей – именем подобного смешанного модуса, но если сопоставить его с божественным законом и рассмотреть его отношение к этой высшей норме, то это не грех и не нарушение, несмотря на то что название <кража> обыкновенно заключает в себе такой намек.

17. Отношений – бесчисленное множество. Об отношениях человеческих действий к закону, которые я поэтому называю моральными отношениями [здесь сказано] довольно.

Потребовался бы целый том для рассмотрения всех видов отношений. Поэтому нельзя ожидать, чтобы я здесь упомянул их все. Для нашей настоящей цели достаточно показать на приведенных примерах, каковы наши идеи широкого понятия, называемого отношением. Оно так разнообразно, и случаев его так много (столько же, сколько может быть случаев сравнения вещей друг с другом), что нелегко свести его к правилам или точным рубрикам. Те, которые я упомянул, думается мне, одни из наиболее значительных и могут служить нам для выяснения того, откуда мы получаем свои идеи отношений и на чем они основаны. Но прежде чем покончить с этим вопросом, я прошу позволения на основании сказанного заметить следующее.

18. Все отношения сводимы к простым идеям. Во-первых, ясно, что всякое отношение ограничиваетс

==412

теми простыми идеями, которые мы приобретаем от ощущения или рефлексии, и в конечном счете основывается на них, так что все, что мы сами имеем в своих мыслях (если только о чем-нибудь мыслим или имеем об этом мнение) или хотим обозначить для других, когда употребляем касающиеся отношений слова, есть не что иное, как некоторые простые идеи или совокупности простых идей, сравниваемые друг с другом. В такого рода отношениях, которые называются соразмерными, это настолько очевидно, что ничто не может быть яснее. Когда кто-нибудь говорит, что <мед слаще воска>, то ясно, что его мысли об этом отношении ограничиваются простой идеей – сладостью. То же самое верно и для всех остальных отношений,

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
хотя при их составлении или разложении образующие их простые идеи, быть может, редко замечаются. Когда, например, произносится слово <отец>, то под ним подразумевают, во-первых, тот особый вид, или ту собирательную идею, которая обозначается словом <человек>; во-вторых, те чувственные простые идеи, которые обозначаются словом <рождение>, и, в-третьих, результаты последнего и все простые идеи, обозначаемые словом <дитя>. Слово <друг>, обозначающее человека, который любит другого и готов делать ему добро, заключает в себе следующие идеи: во-первых, все простые идеи, которые обнимает собой слово <человек> или <разумное существо>; во-вторых, идею любви; в-третьих, идею готовности или расположения; в-четвертых, идею действия, т. е. всякого рода мышления или движения; в-пятых, идею добра, которая обозначает все, что может способствовать счастью человека, и в конце концов, если рассмотреть, ограничивается отдельными простыми идеями, каждую из которых вообще может обозначать слово <добро>; но по совершенному устранении его от всех простых идей оно решительно ничего не обозначает. Подобным же образом, хотя, быть может, и более отдаленным путем, все слова из области нравственности в конце концов сводятся к совокупности простых идей. Непосредственное значение слов, выражающих отношение, очень часто касается других предполагаемых известными отношений, но если проследить их одно за другим, то они все-таки сведутся к простым идеям.

19. Наше понятие об отношении бывает обыкновенно так же ясно (или яснее), как и понятие о его основании. Во-вторых, наше понятие об отношении в огромном большинстве случаев, если не всегда, бывает так же ясно,

==413

как и понятие о простых идеях, на которых оно основано, потому что о соответствии или несоответствии, от которых зависит отношение, мы имеем обыкновенно такие же ясные идеи, как и о чем бы то ни было другом; они состоят только в различении между собой простых идей или их степеней, без чего у нас не могло бы быть никакого определенного знания. Так, если у меня есть ясная идея сладости, света или протяженности, то у меня есть также идея равной, большей и меньшей их степени. Если я знаю, что значит для какого-нибудь человека родиться от какой-нибудь женщины, например от Семпронии, то я знаю, что значит для другого человека родиться от той же самой женщины, от Семпронии, и потому я имею такое же ясное понятие о братьях, как и о рождении, или даже более ясное. В самом деле, если бы я верил, что Семпрония вырыла Тита из грядки петрушки (как обыкновенно говорят детям) и таким образом стала его матерью и что впоследствии она точно так же вырыла из грядки петрушки Кая, то я имел бы такое же ясное понятие об отношении братьев между собой, как если бы знал все искусство повивальной бабки, ибо я основывал бы это отношение на понятии о том, что одна и та же женщина содействовала, как мать, их рождению (хотя бы я не знал формы содействия или заблуждался относительно нее) и что они согласуются в этом обстоятельстве своего рождения, каково бы оно ни было. Стало быть, сравнение их по их происхождению от одного и того же лица без знания своеобразных обстоятельств этого происхождения достаточно для обоснования понятия о существовании или несуществовании между ними отношений братьев. Но хотя идеи отдельных отношений в умах тех, кто внимательно будет их рассматривать, могут быть так же ясны и отличны друг от друга, как и идеи смешанных модусов, и определеннее идей субстанций, однако слова, касающиеся отношений, имеют часто сомнительное и неопределенное значение, как, и названия субстанций или смешанных модусов, и в гораздо большей степени, чем названия простых идей. Так как слова, выражающие отношения, являются знаками такого сравнения, которое производится только в человеческих мыслях и является идеей только в человеческом уме, то люди часто применяют эти слова к различного рода сравнениям вещей соответственно своему собственному воображению, которое не всегда совпадает с воображением других употребляющих те же самые названия.

==414

20. Понятие об отношении остается одним и тем же, все равно, истинна ли или ложна норма, с которой сравнивается действие. В-третьих, в отношениях, которые я называю нравственными¹²⁰, при сравнении действия с нормой я получаю верное понятие об отношении, все равно, истинна ли норма или ложна. Ибо если я измеряю что-нибудь ярдом, то я узнаю, длиннее или короче этого предполагаемого ярда измеряемая вещь, хотя, быть может, ярд, которым я меряю, не вполне точное мерило, что будет совсем другим вопросом. Хотя бы мерило было ошибочно и я заблуждался относительно него, однако соответствие или несоответствие,

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
наблюдаемое в том, что я сравниваю с ним, дает мне заметить отношение. Хотя измерение ложной нормой приведет меня к ошибочному суждению о нравственной справедливости действия, потому что я проверял его тем, что не есть истинная норма, однако я не ошибаюсь в отношении этого действия к той норме, с которой я его сравниваю, – в отношении, состоящем в соответствии или несоответствии.

Глава двадцать девятая О ЯСНЫХ И СМУТНЫХ, ОТЧЕТЛИВЫХ И ПУТАНЫХ ИДЕЯХ

1. Одни идеи ясны и отчетливы, другие неясны и путаны. Мы показали происхождение наших идей, рассмотрели различные их виды, разобрали разницу между идеями простыми и сложными и заметили, что сложные идеи разделяются на идеи модусов, субстанций и отношений. На мой взгляд, все это необходимо проделать каждому, кто хотел бы основательно познакомиться с развитием ума, [с тем, как ум] понимает и познает вещи. Быть может, подумают, что я уже достаточно долго занимался рассмотрением идей. Тем не менее я должен просить позволения предложить несколько новых соображений относительно их. Прежде всего о том, что одни идеи ясны, а другие смутны, одни отчетливы, а другие путаны.

2. <Ясность> и <смутность> объясняются примером зрения. Так как восприятие ума всего удобнее объяснять словами, относящимися к зрению, то смысл того, что мы подразумеваем под ясностью и смутностью в своих идеях, мы поймем всего лучше при размышлении о том, что мы называем ясным и смутным в объектах зрения. Так как свет обнаруживает нам видимые объекты, то мы называем

==415

смутным то, на что не падает света, достаточного для обнаружения точной формы и цвета, которые наблюдаются в предмете и были бы различимы при лучшем освещении. Соответственно наши простые идеи ясны, когда они таковы, как сами объекты, от которых они получены, и представляются (present) или могут представляться через (in) хорошо упорядоченное ощущение, или восприятие. Они являются ясными идеями, пока память удерживает их такими и может представить (produce) их уму всякий раз, как последнему случается рассматривать их. В той мере, в какой идеям или не хватает этой первоначальной точности, или они потеряли часть своей прежней свежести и, так сказать, поблекли или потускнели от времени, они смутны. Сложные идеи, состоящие из простых идей, бывают ясны тогда, когда ясны образующие их идеи и когда определено и известно количество и расположение тех простых идей, которые входят в состав какой-либо сложной идеи.

3. Причины неясности. Причины неясности в простых идеях заключаются, по-видимому, или в притупленности органов, или в большой слабости и беглости впечатления от объекта, или же в слабости памяти, неспособной удерживать идеи такими, какими они были получены. Чтобы помочь себе в уяснении этого вопроса, вернемся снова к видимым объектам. Если органы или способности восл. приятия, подобно затвердевшему от холода воску, не будут принимать оттиска печати при обычном давлении, необходимом для отпечатка; или если они, подобно слишком мягкому воску, будут плохо удерживать хорошо оттиснутую печать; или если воск будет надлежащей консистенции, но печать не будет прилагаться с силой, достаточной для образования ясного отпечатка, – то во всех этих случаях оставленный печатью оттиск будет неясным. Это, я полагаю, не нуждается в дальнейших пояснениях.

4. Что такое отчетливые и путанные идеи? Так же как ясной идеей бывает такая, от которой ум получает такое же полное и очевидное восприятие, какое хорошо устроенный орган получает от надлежащего воздействия внешнего объекта, так отчетливой идеей бывает такая, в которой ум воспринимает ее отличие от всех других идей, а путаной – такая, которая не в достаточной мере отличима от какой-либо другой идеи, от которой она должна отличаться.

5. Возражение. Но кто-нибудь может сказать: <Если путаной бывает только такая идея, которая не в достаточной мере отличима от другой идеи, от которой она

==416

должна отличаться, то трудно будет найти где-нибудь путаную идею. В самом деле, какова бы ни была идея, она может быть только такую, какую ее воспринимает ум; и это самое восприятие в достаточной мере отличает ее от всех других идей, которые не могут быть другими, т. е. отличными, не будучи восприняты как такие. Поэтому

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
никакая идея не может быть неотличима от другой идеи, от которой она должна отличаться, если вы не хотите, чтобы она отличалась от себя самой, ибо от всех других идей она явно отличается>.

6. Путаница идей происходит в отношении их имен. Чтобы устранить это затруднение и помочь себе правильно понять, что порождает ту путаницу, которая во всякое время может деформировать идеи, мы должны обратить внимание на то, что вещи, обозначаемые различными именами, предполагаются различными настолько, чтобы быть различимыми, так что каждый вид в любом случае благодаря своему особому имени может быть отличен и стать предметом отдельного обсуждения; и нет ничего очевиднее того, что, как полагают, большая часть разных имен обозначает разные вещи. Значит, так как у человека каждая идея есть, очевидно, то, что она есть, и отлична от всех других идей, кроме самой себя, то причина ее путаности заключается в следующем: когда идея бывает такого рода, что ее можно с одинаковым основанием назвать не тем словом, которым она выражена, то разница, которая отличает одну вещь от другой (при обозначении двумя различными словами) и закрепляет за одними вещами одно из этих названий, а за другими - другое, исчезает, и таким образом теряется отличие, которое намеревались сохранить благодаря этим различным названиям.

7. Недостатки, создающие путаницу. Недостатки, которые обыкновенно порождают эту путаницу, на мой взгляд, главным образом следующие.

Во-первых, сложные идеи состоят из слишком небольшого числа простых идей. Во-вторых, когда какая-нибудь сложная идея (потому что именно сложные идеи более всего подвержены путанице) состоит из слишком скудного числа простых идей, и только таких идей, которые являются общими для разных вещей, то исчезают различия, благодаря которым идея заслуживает отдельного названия. Так, кто имеет идею, составленную только из простых идей зверя с пятнами, тот имеет лишь путаную идею леопарда, потому что тем самым последний не в достаточной мере будет отличен от рыси и от разных

==417

других видов пятнистых зверей. И хотя такая идея имеет особое название <леопард>, однако она неотличима от идей, обозначаемых словами <рысь> или <пантера>, и может являться под названием <рысь> с таким же правом, как и под названием <леопард>. Насколько обыкновенно определять выражения через общие термины способствует путанице и неопределенности идей, которые мы хотим выразить этими словами, предоставляю решать другим. Ясно, что путанные идеи делают употребление слов неопределенным и уничтожают пользу от определенных имен. Когда идеи, для обозначения которых мы употребляем разные слова, не имеют различий соответственно их отдельным именам и потому их нельзя различать по ним, тогда они и бывают действительно путанными.

8. Во-вторых, бывает, что простые идеи в сложной идее перемешаны в беспорядке. Во-вторых, другим недостатком, порождающим путаницу в наших идеях, является то, что хотя составляющие какую-нибудь идею частности могут быть в достаточном числе, но перемешаны настолько беспорядочно, что нелегко разобрать, соответствует ли идея тому имени, которое дано ей, более, чем какому-нибудь другому. Всего лучше могут дать нам возможность понять эту спутанность особого рода картины, которые обыкновенно демонстрируются в качестве удивительных произведений искусства и у которых положенные кистью на полотно краски представляют собой очень странные и необычные очертания и располагаются без всякого заметного порядка. Рисунок, составленный таким образом из частей, в которых не видно никакой симметрии и никакого порядка, сам по себе представляет не более путаную вещь, чем картина пасмурного неба, которую никто не будет считать путаной картиной, хотя в ней столь же мало порядка в цвете или очертаниях. Что же тогда заставляет считать первый рисунок путанным, если отсутствие симметрии не является признаком путаницы (а это очевидно)? Ведь нельзя было бы назвать путанным другой рисунок, сделанный только в подражание этой [картине неба]. Я отвечаю, что считать рисунок путанным заставляет приложение к нему какого-то названия, которое соответствует ему не более определенно, чем какое-нибудь другое название. Например, когда говорят про такой рисунок, что он есть изображение человека или Цезаря, то всякий не без основания считает его путанным, потому что нельзя отличить в этом случае, соответствует ли он более названиям <человек> или

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
<Цезарь>, чем названиям <павиан> или <Помпеи>, которые, как полагают, обозначают идеи, отличные от идей, обозначаемых словами <человек> или <Цезарь>. Но когда надлежащим образом поставленное цилиндрическое зеркало приведет эти неправильные линии на полотне в должный порядок и соответствие, тогда спутанность устранилась и глаз сразу увидит, что это человек или Цезарь, т. е. что рисунок соответствует этим названиям и что он достаточно отличается от павиана или Помпея, т. е. от идей, обозначаемых этими словами.

Точно так же обстоит дело и с нашими идеями, которые, так сказать, есть картины вещей. Ни один из этих умственных рисунков, как бы ни были перепутаны его части, не может быть назван путаным (потому что они, как таковые, явно различимы) до тех пор, пока его не обозначат каким-нибудь обычным названием, которому он явно может соответствовать не больше, чем какому-нибудь другому названию, имеющему иное определенное значение.

9. В-третьих, идеи бывают изменчивы и неопределенны. В-третьих, третий недостаток, из-за которого мы часто называем наши идеи путанными, наблюдается тогда, когда какая-нибудь из них расплывчата и неопределенна. Так, мы можем заметить, что люди, которые употребляют обычные слова своего языка до того, как они выучат точное их значение, меняют идею, которую они обозначают тем или другим словом, почти так же часто, как употребляют это последнее. Если кто-нибудь из-за неуверенности в том, что он должен исключить или включить в свою идею церкви или идолопоклонства, который раз будет думать то об одном, то о другом, а не будет придерживаться твердо какого-то точного составляющего их сочетания идей, то про него скажут, что он имеет путаную идею идолопоклонства или церкви. Впрочем, это происходит на том же основании, что и в предыдущем случае, а именно: изменчивая идея (если только мы допустим, что это одна идея) не может соответствовать одному названию больше, чем другому, и, таким образом, теряет то отличие, для сохранения которого служат определенные названия.

10. Путаницу вне связи с именами трудно представлять себе. Из сказанного мы можем заметить, насколько имена в качестве предполагаемых для вещей постоянных обозначений, различием между собой выражающих и сохраняющих отличие друг от друга вещей, которые и сами по себе различны, являются причиной квалификации

(denominating) идей в качестве отчетливых или путаных из-за скрытого и незаметного отношения, в которое ум ставит свои идеи к таким именам. Это, быть может, поймут полнее, когда прочтут и обдумают то, что я говорю о словах в третьей книге. Но если не обращать внимания на такое отношение идей к определенным именам как обозначениям отличных друг от друга вещей, то трудно будет сказать, что такое путаная идея. Поэтому когда человек обозначает неким именем вид вещей или отдельную вещь, отличную от всех остальных, то связываемая с этим именем сложная идея бывает тем определеннее, чем более частный характер носят те идеи, из которых она образована, и чем больше и определеннее их число и порядок. Ибо чем больше таких идей в сложной идее, тем больше в ней заметных различий, которыми выражается ее обособленность и отличие от всех, даже самых близких к ней, идей, обозначаемых другими именами, и тем самым избегается всякое смешение с ними.

11. Путаница касается всегда двух идей. Путаница, затрудняющая разъединение двух вещей, которые должны быть разъединены, касается всегда двух идей, и скорее всего тех, которые наиболее близки друг к другу. Поэтому, когда мы подозреваем спутанность какой-нибудь идеи, мы должны исследовать, с какою другою идеею имеется опасность спутать ее и от какой другой ее нелегко отделить. И всегда найдется идея, которая обозначается другим именем и, следовательно, должна быть другой вещью, хотя и недостаточно отличной от этой идеи. Ибо она или тождественна с этой идеей, или составляет ее часть, или по крайней мере может быть обозначена тем же точно именем, под которое подпадает и та другая идея; таким образом, не сохраняется то отличие этой идеи от другой идеи, которое выражено различными именами.

12. Причины путаницы. Вот в чем, кажется мне, состоит свойственная идеям путаница, которая всегда имеет скрытое отношение к именам. По крайней мере если и существует какая-нибудь другая путаница идей, то все же рассмотренная нами всего более сбивает с толку человеческие мысли и рассуждения: идеи, о которых люди рассуждают про себя, большей частью обозначены именами; идеи, о которых люди разговаривают между собой, обозначены именами всегда. Поэтому, где

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
предполагаются две различные идеи, обозначенные двумя различными именами, но различимые не в такой степени, как выражаю-

щие их звуки, там никогда не обходится без путаницы, а где идеи отличаются друг от друга в такой же степени, как и идеи тех двух звуков, которыми они обозначены, там между ними не может быть никакой путаницы. Способ предупреждать путаницу состоит в том, чтобы собирать и соединять возможно точнее в одну сложную идею все те составные части, которыми она отличается от других идей, а после такого соединения определенного их числа и в определенном порядке всегда прилагать к идее одно и то же имя. Но так как это не согласуется ни с людским легкомыслием, ни с тщеславием и служит целям одной только чистой истины, которая не всегда бывает предметом стремлений, то подобной точности можно скорее желать, чем надеяться на нее. И так как небрежное приложение имен к неопределенным, изменчивым идеям, почти даже не идеям, служит как для прикрытия нашего собственного невежества, так и для смущения и сбивания с толку других (что выдается за ученость и превосходство в знании), то не удивительно, что большинство людей прибегают к этому сами, хотя и жалуются на этот [недостаток] в других людях. Но хотя, на мой взгляд, при заботливости и чистосердечии можно было бы избежать немалой доли путаницы в человеческих понятиях, однако я далек от заключения, чтобы она была повсюду умышленной. Некоторые идеи так сложны и составлены из такого множества частей, что памяти нелегко удерживать одно и то же точное сочетание простых идей под одним именем; еще менее способны мы все время угадывать, какую именно сложную идею обозначает данное имя при употреблении его другим человеком. Первое влечет за собой путаницу в собственных рассуждениях и мнениях человека в нем самом; второе часто влечет за собой путаницу в рассуждениях и беседах с другими. Но так как я более подробно говорю о словах, их недостатках и злоупотреблении ими в следующей книге, то не буду здесь больше говорить об этом.

13. Сложные идеи могут быть определенными в одной части и путанными в другой. Так как наши сложные идеи состоят из совокупностей (и, следовательно, множества разных) простых идей, то соответственно они могут быть очень ясны и определены в одной части и очень неясны и, путаны в другой. У человека, который говорит о хилиэдре, т. е. тысячеугольнике, идея этой фигуры может быть очень путаной, хотя идея числа может быть очень определенной. И, будучи способным рассуждать и вести дока-

зательство в отношении той части своей сложной идеи, которая зависит от числа <тысяча>, такой человек склонен думать, будто он имеет отчетливую идею тысячеугольника, хотя ясно, что у него нет настолько точной идеи его очертаний, чтобы он мог отличить его по ним от фигуры, имеющей 999 сторон. И когда люди не замечают этого, порождается немало заблуждений в их мыслях и немало путаницы в их рассуждениях.

14. Если не обращать на это внимания, это порождает путаницу в наших рассуждениях. Пусть тот, кто считает себя имеющим отчетливую идею фигуры тысячеугольника, для опыта возьмет другую частицу той же однородной материи, например золота или воска, равного объема и сделает из нее фигуру с 999 сторонами. Я не сомневаюсь, что, пока он будет обращать свои мысли и рассуждения только на ту часть этих идей, которая содержится в их числах, он будет в состоянии различать друг от друга эти две идеи по числу сторон и различным образом рассуждать о них, например рассуждать, что [число] сторон одной можно разделить на два равных числа, а другой нельзя и т. д. Но когда он перейдет к различению их по их очертаниям, я думаю, он сейчас же встретится с затруднением и не сможет построить в уме две идеи, отличные друг от друга по одним только очертаниям этих двух кусков золота, что он мог бы сделать, если тем же самым частицам золота придать одной форму куба, а другой форму с пятью сторонами. Такими неполными идеями мы очень склонны обманывать самих себя и спорить из-за них с другими, особенно если эти идеи имеют особые и привычные имена. Ибо, удовлетворяясь той частью идеи, которая ясна для нас, и прилагая привычное нам имя к целому, содержащему также и ту часть, которая несовершенна и смутна, мы склонны употреблять это имя и для путаной части и делать из него выводы в смутной части значения с такой же уверенностью, как и в ясной части.

15. Пример с вечностью. Употребляя часто слово <вечность>, мы склонны думать, будто имеем положительную широкую идею ее; а это все равно что утверждать, будто в этой продолжительности нет ни одной части, которая бы не содержалась в нашей

Локк Джон Опыт о человеческом разуме. Книга 2 filosoff.org
идею ясным образом. Правда, тот, кто так думает, может иметь ясную идею
продолжительности; он может иметь также очень ясную идею очень большого
промежутка продолжительности; он может иметь также ясную идею сравнения этого
большого про-

межутка с еще большим промежутком. Но так как он не может включить в свою идею
продолжительности, как бы велика она ни была, всего протяжения
продолжительности, где, как он полагает, нет конца, то та часть его идеи,
которая остается за пределами той большой продолжительности, которую он
представляет в своих мыслях, все же очень смутна и неопределенна. Поэтому-то в
спорах и рассуждениях о вечности и всякой другой бесконечности мы склонны
заблуждаться и запутываться в очевидных нелепостях.

16. Делимость материи. Что касается материи то мы не имеем ясных идей частиц
малой величины, такой, которая значительно меньше самого малого, что встречается
нашим чувствам. Поэтому, когда мы говорим о делимости материи *in infinitum*, то
хотя мы и обладаем ясными идеями деления и делимости, а также ясными идеями
частей, образовавшихся из целого посредством деления, однако мы имеем лишь очень
смутные и путанные идеи корпускул, или мельчайших тел, которые должны быть еще
делимы, но которые предыдущими делениями доведены уже до столь малой величины,
что она значительно превосходит возможности восприятия всех наших чувств. И
таким образом, все, о чем мы имеем ясные и отчетливые идеи, есть общая, или
абстрактная, сущность деления и соотношение *Totum* и *Pars* ' ' ; но об объеме тела,
которое нужно бесконечно делить, после достижения известных степеней деления, я
думаю, мы вовсе не имеем ясной и отчетливой идеи. Итак, я спрашиваю всякого,
имеет ли он, взяв мельчайший атом пыли, какой он когда-либо видел, отчетливую
идею разницы между 100 000-й и 1 000 000-й его частью (отвлекаясь от самого
числа, которое не имеет ничего общего с протяженностью)? А если он думает, что
может уточнить свои идеи до такой степени и не потерять их из виду, то пусть он
к каждому из этих чисел прибавит по десяти цифр. Предположение о столь малой
величине нельзя считать неразумным, потому что продолженное так деление не ближе
подводит к концу бесконечного деления, чем первое деление на две половины. Со
своей стороны я должен признать, что не имею ясных и отчетливых идей различного
объема или протяжения этих тел, потому что имею лишь очень смутную идею каждого
из них. Так что, думается мне, когда мы говорим о делении тел, то наша идея
различных объемов их, которая есть предмет и основа деления, после небольшого
движения вперед становится путаной

и почти теряется из-за неясности. Идея, представляющая только величину, должна
быть очень смутной и путаной, и лишь по числу мы в состоянии отличить ее от идеи
в 10 раз большей, так что можем сказать: мы имеем ясные, отчетливые идеи десяти
и одного, но не отчетливые идеи двух таких протяженностей. Отсюда ясно, что,
когда мы говорим о бесконечной делимости тела или протяженности, ясны и
отчетливы у нас только идеи чисел, а ясные, отчетливые идеи протяженности
совершенно теряются после некоторого продвижения в делении. Мы вовсе не имеем
отчетливых идей таких мелких частей; но в конце концов, подобно всем нашим идеям
бесконечного, они сводятся к идее числа, которое всегда можно прибавлять,
никогда не приходя вследствие этого к какой-либо отчетливой идее наличных
бесконечных частей. Правда, мы можем иметь ясную идею деления так часто, как мы
хотим думать об этом; но от этого мы не получаем ясной идеи бесконечных частиц
материи, как не получаем мы и ясной идеи бесконечного числа от того, что мы
всегда можем прибавлять новые числа к любому имеющемуся определенному числу.
Бесконечная делимость так же не дает нам ясной и отчетливой идеи действительно
бесконечных частей, как бесконечная прибавляемость (если можно так выразиться)
не дает нам ясной и отчетливой идеи действительно бесконечного числа, ибо та и
другая состоят лишь в способности постоянного увеличения числа, как бы велико
оно уже ни было до этого 122. О том, что остается прибавить (в этом и состоит
бесконечность), мы имеем лишь смутную, несовершенную и путаную идею,
отправляясь от которой или относительно которой мы не можем с достоверностью или
ясностью аргументировать или рассуждать, как мы не можем аргументировать и
рассуждать в арифметике относительно числа, о котором имеем не такую отчетливую
идею, как о 4 или 100, но лишь относительно смутную идею того, что в сравнении
со всяким другим числом оно будет еще больше; при этом, когда мы говорим или
представляем себе, что это число больше 400 000 000, то его идея ясна и
положительна у нас не более, чем в том случае, когда мы говорим, что оно больше
40 или 4, ибо 400 000 000 соразмерно нисколько не ближе к концу прибавления или
числа, чем 4. Тот, кто прибавляет только 4 к 4 и следует таким образом дальше,
придет к концу всякого прибавления так же скоро, как и тот, кто прибавляет 400

всего только четырех лет обладает такой же положительной полной идеей вечности, как имеющий идею 400 000 000 лет, ибо то, что остается от вечности за пределами этих двух чисел лет, для первого так же ясно, как и для второго, т. е. ни тот ни другой вообще не имеют ясной, положительной идеи этого. Ибо тот, кто прибавляет всего только 4 года к 4 и т. д., достигнет вечности так же скоро, как и тот, кто прибавляет 400000000 лет и т. д.; или пусть, если ему угодно, он удваивает прибавление сколько угодно раз – остающаяся пропасть все-таки будет так же далека от конца всех этих прибавлений, как и от длительности дня или часа, потому что ничто конечное несоизмеримо с бесконечным, а поэтому несоизмеримы с ним и наши идеи, которые все конечны. Так же обстоит дело с нашей идеей протяженности, когда мы увеличиваем ее посредством сложения, прибавления или когда уменьшаем ее посредством деления и желаем расширить свои мысли до бесконечности пространства. После нескольких удвоений наиболее широких из наших обычных идей протяженности мы теряем ясную, отчетливую идею этого пространства; она становится путаной большой идеей, имея вдобавок еще большую идею, и когда нам захочется рассмотреть ее и порассуждать о ней, мы всегда встретимся с затруднениями, потому что путанные идеи всегда вводят в замешательство, если мы доказываем или делаем выводы из той части их, которая спутанна.

Глава тридцатая ОБ ИДЕЯХ РЕАЛЬНЫХ И ФАНТАСТИЧЕСКИХ

1. Реальные идеи соотносятся со своими прообразами. Кроме того, что мы уже сказали об идеях, имеются еще соображения об их отношении к вещам, от которых они взяты или которые, как предполагают, представляются ими. Таким образом, на мой взгляд, идеи могут быть разделены на три разряда. Они бывают: во-первых, реальные или фантастические; во-вторых, адекватные или неадекватные; в-третьих, истинные или ложные.

Во-первых, под реальными идеями я разумею такие идеи, которые имеют основание в природе, которые сообразны с реальным бытием и существованием вещей, или со своими прообразами. Фантастическими или химерическими я называю такие идеи, которые не имеют ни

основания в природе, ни сообразности с той реальностью бытия, к которой их молчаливо относят как к их прообразу. Если мы исследуем различные вышеупомянутые виды идей, то найдем, что

2. Простые идеи все реальны. Во-первых, наши простые идеи все реальны, все соответствуют реальности вещей. Не то чтобы все они были образами или представлениями того, что действительно существует, – противоположное этому я уже показал для более чем боль, кроме первичных. Но хотя белизна и холод имеются в снегу не более чем боль, однако эти идеи белизны и холода, боли и т. п., будучи в нас результатами воздействия сил, присущих вещам вне нас, предназначенным нашим творцом вызывать в нас такие ощущения, есть в нас реальные идеи, по которым мы отличаем качества, реально существующие в самих вещах.

Так как эти различные внешние проявления предназначены быть знаками, по которым мы должны узнавать и различать вещи, с которыми имеем дело, то наши идеи также служат нам для этой цели и также суть реальные отличительные черты, являются ли они только постоянными результатами воздействия или же точными подобиями чего-то в самих вещах, ибо эта реальность заключается в постоянном соответствии идей определенному устройству реальных предметов. При этом неважно, как причине или как прообразу отвечают идеи данному устройству; достаточно, что идеи постоянно вызываются им. Таким образом, все наши простые идеи реальны и верны, потому что они отвечают и соответствуют тем присущим вещам силам, которые вызывают их в нашем уме; а это все, что требуется для того, чтобы сделать их реальными идеями, а не произвольными выдумками. Ибо в простых идеях (как было показано) ум всецело ограничен воздействием на него вещей и не может составить себе простых идей больше, чем он получил.

3. Сложные идеи суть произвольные сочетания. Хотя ум совершенно пассивен в отношении своих простых идей, однако, мне кажется, мы можем сказать, что он не пассивен в отношении своих сложных идей. Так как последние есть сочетания простых идей, соединенных вместе под одним общим именем, то ясно, что при образовании этих сложных идей человеческий ум пользуется некоторого рода свободой. Отчего же еще может получиться так, что идея одного человека о золоте

один включает в нее или исключает из нее какую-то простую идею, которую другой не включает и не исключает? Вопрос, стало быть, в том, какие из этих сочетаний реальны и какие только воображаемы, какие совокупности соответствуют реальности вещей и какие нет. На это я отвечаю, что

4. Смешанные модусы, образованные из сообразных друг с другом идей, реальны. Во-вторых, так как смешанные модусы и отношения не имеют другой реальности, кроме реальности в человеческом уме, то для того, чтобы сделать этого рода идеи реальными, требуется лишь, чтобы они были составлены так, чтобы была возможность существования, пригодного для них. Будучи сами прообразами, эти идеи не могут отличаться от своих прообразов и потому не могут быть химерическими, если только кто-нибудь не примешает к ним несообразные идеи. Действительно, поскольку некоторым из этих идей присвоены имена на известном языке, посредством которых имеющий в уме своем эти идеи сообщает их другим, постольку для них недостаточно простой возможности существования: они должны обладать еще сообразностью с обычным значением данного им имени, чтобы их нельзя было считать фантастическими, например если кто-нибудь даст имя <справедливость> той идее, которую обычно называют <щедрость>. Но такая фантастичность больше касается точности речи, чем реальности идей. Невозмутимость человека в опасности, спокойное рассмотрение того, что всего лучше сделать, и решительное выполнение этого есть смешанный модус или сложная идея действия, которое может иметь место. Но невозмутимость в опасности без применения рассудка или деятельности есть также нечто возможное, и потому это такая же реальная идея, как и предыдущая. Первая из этих идей, носящая данное ей имя <мужество>, в отношении этого названия может быть истинной или ложной идеей. Но вторая, пока ей не присвоено никакого общепринятого имени в каком-нибудь известном языке, не допускает никакого искажения потому, что образована безотносительно ко всему, кроме самой себя.

5. Идеи субстанций реальны, когда они соответствуют существованию вещей. В-третьих, наши сложные идеи субстанций, будучи созданы все в отношении к существующим вне нас вещам и предназначенные быть представлениями субстанций, как они есть в действительности, реальны лишь постольку, поскольку они являются такими

сочетаниями простых идей, которые реально соединены и существуют совместно в вещах вне нас. Наоборот, фантастическими будут те, которые образованы из таких совокупностей простых идей, что никогда не бывали соединены в действительности, никогда не находились вместе в какой-нибудь субстанции. Такова, например, [идея] разумного существа, состоящего из лошадиной головы, соединенной с человеческим телом, т. е. такого, какими описывались кентавры¹²³; или [идея]: тело желтое, очень ковкое, плавкое и нелетучее, но легче обыкновенной воды; или же идея: единообразное, неорганизованное тело, которое состоит (что касается чувства) из одинаковых частей и к которому присоединяют восприятие и произвольное движение. Возможно ли существование подобных субстанций или нет, мы наверно не знаем. Но как бы то ни было, так как эти идеи субстанций не сообразны ни с каким известным нам существующим прообразом и состоят из совокупностей таких идей, которых никогда не показывала нам соединенными вместе никакая субстанция, то они должны считаться чисто воображаемыми. Но в гораздо большей степени таковы те сложные идеи, которые содержат в себе некоторую несовместимость или противоречивость своих частей.

Глава тридцать первая ОБ ИДЕЯХ АДЕКВАТНЫХ И НЕАДЕКВАТНЫХ

1. Адекватные идеи суть такие идеи, которые полностью представляют свои прообразы. Из наших реальных идей одни адекватны, а другие неадекватны. Адекватными я называю те идеи, которые полностью представляют нам те прообразы, от которых, как полагает ум, они взяты и которые они должны замещать, относясь к ним. Неадекватны идеи, являющиеся лишь частичным или неполным представлением тех прообразов, к которым их относят. Отсюда ясно, что

2. Простые идеи все адекватны. Во-первых, все наши простые идеи адекватны ¹²⁴. Будучи не чем иным, как результатом воздействия известных сил в вещах, приспособленных и предназначенных богом вызывать в нас известные ощущения, они

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
не могут не быть соответствующими и адекватными этим силам; и мы уверены, что они соответствуют реальности вещей. Если сахар вызывает в нас идеи, которые мы называем белизной и сладостью,

то мы уверены, что в сахаре есть сила, [способная] вызывать в нашем уме эти идеи и что иначе последние не могли бы быть им вызваны. И так как всякое ощущение соответствует воздействующей на наши чувства силе, то вызванная таким образом идея есть реальная идея (а не выдумка ума, не имеющего силы вызывать простые идеи) и не может не быть адекватной, потому что непременно должна соответствовать этой силе; таким образом, все простые идеи адекватны. Правда, из вещей, вызывающих в нас эти простые идеи, лишь немногие получили от нас название, как если бы они были просто причинами этих идей [,а большинство было поименовано] так, как будто бы идеи являются реальными существами в вещах. Так, хотя об огне и говорят, что он <причиняет боль при прикосновении>, обозначая этим силу, вызывающую в нас идею боли, однако его называют также светом и теплом, как будто бы свет и тепло в действительности в огне представляет нечто большее, чем силу возбуждать в нас эти идеи; и, таким образом, свет и тепло называют качествами в огне или качествами огня. Но так как на деле это только силы, возбуждающие в нас известные идеи, то меня и нужно понимать в этом смысле, когда я говорю о вторичных качествах как о существующих в вещах или об их идеях как о существующих в предметах, возбуждающих в нас эти идеи. Такие способы выражения, хотя и приурочены к обычным понятиям, без чего никто не может быть верно понят, однако на деле обозначают только силы в вещах, возбуждающие в нас известные ощущения или идеи. Ибо если бы не было надлежащих органов для восприятия впечатлений, которые огонь производит на зрение и осязание, и если бы с этими органами не был соединен ум для восприятия идей света и тепла, [возникающих] благодаря впечатлениям от огня или солнца, то света и тепла в мире было бы не больше, чем страдания, в том случае, если бы не было существа, способного чувствовать страдание, хотя бы солнце продолжало светить точно так же, как и теперь, а гора Этна вздымала свой огонь выше, чем когда-либо. Плотность, протяженность и пределы ее – форма вместе с движением и покоем, идеи которых есть у нас, реально существовали бы в мире, как и теперь, все равно, были бы в нем существа, способные воспринимать эти качества, или нет. Потому на эти качества мы имеем основание смотреть как на реальные модификации материи и как на причины, возбуждающие все наши разнообразные

ощущения от тел. Но так как исследование этого вопроса будет здесь неуместно, то я не пойду дальше, а перейду к рассмотрению того, какие сложные идеи адекватны и какие нет.

3. Модусы все адекватны. Во-вторых, наши сложные идеи модусов, будучи произвольными совокупностями простых идей, соединяемых умом, безотносительно к каким-нибудь реальным прообразами или существующим где-нибудь определенным образцам, суть адекватные идеи и не могут не быть ими. Рассчитанные быть не копиями реально существующих вещей, а прообразами, созданными умом для классификации и наименования вещей, они не могут быть в чем-нибудь недостаточными; каждая из них имеет такое сочетание идей и благодаря этому такое совершенство, какое она и должна была иметь по расчетам ума, так что ум соглашается с ними и не может найти в них никакого недостатка. Так, имея идею фигуры с тремя сторонами, образующими при пересечении три угла, я имею полную идею, и мне не требуется ничего другого, чтобы сделать ее совершенной. Что ум удовлетворяется совершенством этой своей идеи, ясно из того, что он не представляет себе, чтобы какой-нибудь разум имел или мог иметь более полную или совершенную идею этой вещи, обозначаемой словом <треугольник> (если предполагать ее существующей), чем имеющаяся у него сложная идея трех сторон и трех углов, в которой заключается все, что существенно или может быть существенно для нее или необходимо для ее завершения, где бы и как бы эта вещь ни существовала. Но с нашими идеями субстанций дело обстоит иначе. Ведь, желая скопировать вещи, как они существуют в действительности, и представить себе то строение, от которого зависят все их свойства, мы замечаем, что наши идеи не достигают намеченного совершенства. Мы находим, что им все еще недостает чего-то, что мы были бы рады иметь в них, и поэтому они все неадекватны. Но смешанные модусы и отношения, будучи прообразами без образцов и не имея возможности представлять ничего, кроме самих себя, не могут не быть адекватными, потому что каждая вещь адекватна самой себе. Кто впервые соединил идею замеченной опасности, идею отсутствия происходящего от страха замешательства, идею спокойного обдумывания того, что

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
именно нужно делать, и идею выполнения этого без смущения или страха перед опасностью, тот, очевидно, имел в уме своем сложную идею, образованную из этого сочетания. И так как

он имел в виду, чтобы она была именно тем, что она есть, и не заключала в себе какой-либо еще простой идеи кроме тех, которые есть в ней, то она не могла не быть адекватной идеей. А когда этот человек отложил идею в своей памяти, присоединив к ней название <мужество>, чтобы обозначить ее для других и соответственно наименовать всякое действие, которое, по его наблюдениям, оказалось бы соответствующим ей, то он тем самым получил меру для измерения и наименования действий, насколько они соответствовали ей. Идея, образованная таким образом и отложенная в уме в качестве образца, необходимо должна быть адекватной, потому что она относится только к самой себе, а своим происхождением обязана лишь согласию и воле того, кто впервые образовал данное сочетание.

4. Модусы могут быть неадекватными в отношении к установленным именам. Однако впоследствии кто-нибудь другой, из разговора узнав от этого человека слово <мужество>, может составить себе идею под именем <мужество>, которая будет отлична от названной так первым из этих людей и имеющейся в его уме, когда он употребляет это имя. И в этом случае если он хочет, чтобы его идея в мышлении была сообразна идее другого, как употребляемое им в речи название сообразно по звуку названию, данному тем, от кого он его узнал, то его идея может оказаться совершенно ложной и неадекватной. Так как в этом случае человек делает идею другого человека образцом для своей идеи в мышлении, подобно тому как слово, или звук, одного человека является образцом для слова в речи другого, то его идея является недостаточной и неадекватной настолько, насколько она отдалена от прообраза или образца, к которому человек ее относит и который он думает выразить и обозначить именем, употребляемым для нее, желая, чтобы оно было знаком как идеи другого человека (с которой оно в своем точном употреблении было первоначально связано), так и его собственной, как соответствующей первой; и если его собственная идея не точно соответствует первой идее, то она ошибочна и неадекватна.

5. Когда, стало быть, эти сложные идеи модусов ставятся умом в отношение и соответствие с идеями в уме другого разумного существа, выраженными посредством названий, которые мы даем, то они могут быть весьма недостаточны, ложны и неадекватны, так как не соответствуют тому, что ум предназначает быть их прообразом

и образцом. В этом отношении только идея модусов может быть ложной, несовершенной или неадекватной. На этом основании наши идеи смешанных модусов более веек других склонны быть ошибочными. Но это относится более к точности речи, чем к правильности знания.

6. Идеи субстанций, поскольку они относятся к реальным сущностям, неадекватны. В-третьих, какие есть у нас идеи субстанций, я показал выше 125. Эти идеи имеют в уме двоякое отношение: 1) иногда их относят к предполагаемой реальной сущности каждого вида вещей; 2) иногда они предназначаются только для того, чтобы служить в уме изображениями и представлениями существующих вещей через посредство идей тех качеств, которые можно обнаружить в вещах. В обоих случаях эти копии тех подлинников и прообразов несовершенны и неадекватны.

Во-первых, люди обыкновенно заставляют названия субстанций обозначать вещи, предполагая, что последние имеют определенные реальные сущности, благодаря которым они принадлежат к тому или иному виду. А так как имена обозначают не что иное, как идеи, имеющиеся в человеческом уме, то люди, следовательно, должны относить свои идеи к таким реальным сущностям как к их прообразам. Что люди (особенно воспитанные на тех знаниях, которые преподают в этой части света) предполагают определенные особые сущности субстанций, которым каждый индивид в своих различных видах сообразен и причастен, так мало нуждается в доказательствах, что показалось бы странным, если бы кто-нибудь поступал иначе. И таким образом, люди обыкновенно дают особые названия, под которыми они классифицируют от-дельные субстанции, вещам как отличающимся такими особыми реальными сущностями. Кто же не обидится, если выразят сомнение в том, не имеет ли он в виду, называя себя человеком, какой-нибудь другой смысл, нежели обладание реальной сущностью человека? Но если вы спросите, что это за реальные сущности, окажется, что люди несведущи и не знают их. Отсюда следует, что идеи в

Локк Джон Опыт о человеческом разуме. Книга 2 filosoff.org
человеческом уме, относимые к реальным сущностям как к неизвестным прообразам, должны быть так далеки от адекватности, что вовсе не могут считаться изображениями этих сущностей. Как уже было показано, наши сложные идеи субстанций есть определенные совокупности простых идей, которые, как было замечено или предположено, постоянно существуют вместе. Но такая

сложная идея не может быть реальной сущностью какой-либо субстанции. Ибо тогда обнаруживаемые нами в этом теле свойства зависели бы от этой сложной идеи, были бы выводимы из нее и была бы известна их необходимая связь с ней, например все свойства треугольника зависят от сложной идеи трех линий, ограничивающих пространство, и, насколько могут быть обнаружены, выводятся из нее. Но ясно, что в наших сложных идеях субстанций не содержатся такие идеи, от которых зависят все другие качества, которые можно найти в них. Обычная идея людей о железе есть идея тела определенного цвета, веса и твердости, а одно из свойств, которые люди признают принадлежащими железу, есть ковкость. Но это свойство не имеет необходимой связи с этой сложной идеей или какой-нибудь ее частью. И у нас в равной мере нет оснований думать ни о том, что ковкость зависит от данного цвета, веса и твердости, ни о том, что данный цвет или вес зависит от его ковкости. И хотя мы ничего не знаем об этих реальных сущностях, однако нет ничего обычного того, что люди подводят (attribute) виды вещей под [некоторые] такие сущности. Об отдельном кусочке материи, образующем кольцо, которое я ношу на пальце, большинство людей смело предполагает, что он имеет реальную сущность, благодаря которой он есть золото и от которой происходят все те качества, которые я нахожу в кольце, т. е. его своеобразный цвет, вес, твердость, плавкость, нерастворимость, изменение цвета при незначительном соприкосновении со ртутью и т. д. Но когда я начинаю исследовать и отыскивать сущность, от которой происходят все эти свойства, я вижу ясно, что не могу обнаружить ее. Самое большее, что я могу сделать, – это предположить, что так как золото есть не что иное, как тело, то его реальная сущность, или внутреннее строение, от которого зависят эти качества, может быть только формой, размером и связью его плотных частиц; а так как ни о чем этом я вообще не имею определенного восприятия, то у меня и не может быть идеи сущности золота, благодаря которой оно обладает своеобразной блестящей желтизной, большим весом, нежели какая-нибудь другая известная мне вещь того же объема, и способностью изменять цвет при соприкосновении с ртутью. Если кто скажет, что реальная сущность и внутреннее строение, от которого зависят эти свойства, не есть форма (figure), размеры и расположение или связь плотных частиц золота, а есть нечто, называемое его особой формой (form), то

я буду еще дальше прежнего от обладания какой-нибудь идеей реальной сущности золота. Ибо у меня есть идея формы, размеров и расположения плотных частиц вообще, но у меня совсем нет идеи особой формы, величины или соединения частиц, которые образуют вышеупомянутые качества, находящиеся мною в том отдельном кусочке материи, который я ношу на своем пальце, а не в другом кусочке материи, которым я чиню свое перо, употребляемое мною для письма. Но когда мне говорят, что сущностью золота является нечто помимо формы, размера и расположения плотных частиц этого тела, нечто, называемое субстанциальной формой 126, то, признаюсь, идеи таковой у меня вовсе нет, а есть только идея звука – <форма>, довольно далекая от идеи реальной сущности золота или его строения. И относительно реальной сущности всех других природных субстанций я нахожусь в таком же неведении, как и относительно реальной сущности этой отдельной субстанции. Признаюсь, у меня совсем нет отчетливых идей этих сущностей. И я склонен предполагать, что и другие после исследования своего собственного знания найдут в себе в этом пункте точно такого же рода неведение.

7. Когда, стало быть, люди дают этому особому кусочку материи на моем пальце общее, уже употребляемое название и именуют его золотом, то не относят ли они обыкновенно, или не следует ли понять их [только] так, что они относят, это название к особому виду тел, обладающему реальной внутренней сущностью, благодаря которой эта особая субстанция становится данным видом и именуется данным названием. Если это так (а это, очевидно, так), то название, которым обозначаются вещи как обладающие данной сущностью, должно быть отнесено прежде всего к этой сущности; и, стало быть, идея, которой дается это название, должна быть отнесена также к этой сущности и предназначена представлять ее. Но так как люди, употребляющие таким образом названия, не знают этой сущности, то в этом отношении их идеи субстанций должны быть все неадекватны, как не содержащие в себе той реальной сущности, которую они по расчетам ума должны были бы

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
содержать.

8. Идеи субстанций как совокупности качеств субстанций все неадекватны. Во-вторых, хотя люди, которые оставляют без внимания бесполезное предположение о неизвестности реальных сущностей, по которым различаются вещи, и стараются скопировать существующие в

мире субстанции соединением идей тех чувственных качеств, которые находят совместно имеющимися в них, и хотя такие люди подходят к подобию субстанций гораздо ближе тех, кто представляет себе неизвестно какие особые реальные сущности, однако эти люди не приходят к совершенно адекватным идеям тех субстанций, которые они желали бы таким образом скопировать в своем уме, и данные копии не содержат в себе полно и точно всего того, что можно найти в их прообразах. Ведь качества и силы субстанций, из которых мы составляем их сложные идеи, так многочисленны и разнообразны, что никакая человеческая сложная идея не содержит их все. Что наши абстрактные идеи субстанций не содержат в себе всех простых идей, объединенных в самих вещах, очевидно из того, что люди редко вкладывают в свою сложную идею какой-нибудь субстанции все простые идеи, которые, как им известно, существуют в ней. Ибо в стремлении сделать смысл затруднительным ими особым имен возможно более ясным и возможно менее затруднительным люди составляют свои особые идеи разрядов субстанций по большей части из небольшого числа тех простых идей, которые можно найти в них. Но так как эти идеи имеют не больше первоначального превосходства или права быть включенными и образовать особую идею, чем другие, исключенные идеи, то очевидно, что в обоих случаях наши идеи субстанций недостаточны и неадекватны. Простые идеи, из которых мы образуем наши сложные идеи субстанций, все являются силами (единственное исключение – форма и объем у некоторых видов). А так как силы суть отношения к другим субстанциям, то мы никогда не можем быть уверены в своем знании всех сил какого-либо тела, пока не исследуем всех изменений, которые тело способно произвести в других субстанциях или воспринять от них при различного рода приложении их. Но при невозможности такого исследования даже для какого-нибудь одного тела, не говоря уж обо всех телах, мы не можем иметь адекватных идей субстанции, составленных из совокупностей всех ее свойств.

9. Кто впервые столкнулся с частицей того рода субстанций, который мы обозначаем словом <золото>, тот не мог разумно предположить, чтобы замеченные им в этом куске объем и форма зависели от его реальной сущности, или внутреннего строения. Поэтому они никогда не входили в его идею этого вида тел. Первое, что он выделил в куске золота для образования сложной

идеи этого вида, был, вероятно, его особый цвет и вес. И то и другое – не что иное, как сила; цвет есть сила, действующая определенным образом на наши глаза и вызывающая в нас идею, называемую нами <желтое>, а вес – это сила, поднимающая вверх всякое другое тело равного объема, когда оба тела положены на две чашки находящихся при равновесии весов одна против другой. Кто-нибудь, может быть, присоединит к этому идеи плавкости и огнеупорности – двух других пассивных сил, имеющих отношение к действию огня на золото: третий добавит ковкость золота и его растворимость в царской водке – две иные силы, относящиеся к воздействию других тел, выражающемуся в изменении внешней формы куска золота], или к разделению его на незаметные части. Соединение этих идей или их части и образует обычно в человеческом уме сложную идею того рода тел, который мы называем золотом.

10. Но ни один человек, размышлявший о свойствах тел вообще или данного рода в частности, не может сомневаться в том, что то, что называется золотом, имеет бесконечное множество других свойств, не содержащихся в этой сложной идее. Кто изучал этот вид более внимательно, тот мог бы, думается мне, перечислить в десять раз больше свойств золота, которые все неотделимы от его внутреннего строения, точно так же как его цвет или вес. Вероятно, если бы кто-нибудь знал все те свойства этого металла, которые известны разным людям, то в сложную идею золота вошло бы во 100 раз больше идей, чем входит в его идею, имеющуюся у какого-то одного человека. Но быть может, и это все же не составило бы и тысячной доли того, что можно обнаружить в золоте, потому что изменения, которым одно это тело может подвергаться и которые оно может производить в других телах при надлежащем употреблении, далеко превосходят не только то, что мы знаем, но и то, что мы можем вообразить. Это не покажется таким уж парадоксом тому, кто только захочет поразмыслить, как далеки еще люди от знания всех свойств одной

Локк Джон Опыт о человеческом разуме. Книга 2 filosoff.org
только (и не очень сложной) фигуры – треугольника, несмотря на то что математики открыли уже немалое число этих свойств.

11. Так что все наши сложные идеи субстанций несовершенны и неадекватны. Так было бы и с математическими фигурами, если бы мы были принуждены составлять сложные идеи их только путем собирания их свойств в отношении к другим фигурам. Как неопреде-

ленна и несовершенна была бы наша идея эллипса, если бы у нас не было другой идеи его, кроме идей немногих его свойств! Между тем, имея в своей обычной идее всю сущность этой фигуры, мы обнаруживаем отсюда эти свойства и доказываем, что они из нее вытекают и неотделимы от нее.

12. Простые идеи суть 'ечфнрб и [они] адекватны. Итак, ум имеет три рода абстрактных идей, или номинальных сущностей.

Во-первых, простые идеи, которые суть е'кфхрб, или копии, но несомненно адекватны. Они предназначены выражать не что иное, как силу в вещах, вызывающую в уме определенное ощущение; а это ощущение, раз оно вызвано, не может не быть результатом воздействия данной силы. Так как бумага, на которой я пишу, имеет на свету (я выражаюсь согласно с обычным понятием о свете) силу вызывать во мне ощущение, названное мною <белое>, то последнее может быть только результатом воздействия такой силы на что-то вне ума, потому что в себе самом ум не имеет силы вызывать подобные идеи. А так как под этой простой идеей разумеется не что иное, как результат воздействия такой силы, то она реальна и адекватна. Ощущение белого в моем уме, будучи результатом воздействия имеющейся в бумаге и вызывающей его силы, совершенно адекватно этой силе, иначе эта сила вызвала бы другую идею.

13. Идеи субстанции суть е'кфхрб, [но] не адекватны. Во-вторых, сложные идеи субстанций также суть е'кфхрб, или <копии>, но несовершенные, неадекватные. Это вполне очевидно для ума из того, что, как он ясно понимает, при составлении какой бы то ни было совокупности простых идей для какой угодно существующей субстанции он не может быть уверен в точном соответствии этой совокупности всем находящимся в данной субстанции идеям. Ибо, не исследовав всех воздействий на данную субстанцию всех других субстанций и не обнаружив всех изменений, которым она может быть подвергнута со стороны других субстанций или которые она может произвести в них, ум не может иметь точной, адекватной совокупности всех ее активных и пассивных способностей и, таким образом, не может иметь адекватной сложной идеи сил какой-нибудь существующей субстанции и ее отношений, и [он] располагает лишь тем родом сложных идей субстанций, что имеется у нас. И если бы даже мы могли иметь и действительно имели в своей

сложной идее точную совокупность всех вторичных качеств, или сил, какой-нибудь субстанции, то мы все же не имели бы еще тем самым идеи сущности этой вещи. Так как доступные нашему наблюдению силы, или качества, не являются реальной сущностью данной субстанции, а зависят от нее и вытекают из нее, то никакая совокупность таких качеств не может быть реальной сущностью данной вещи. Отсюда ясно, что наши идеи субстанций не адекватны и не бывают тем, чем намеревается их сделать ум. Кроме того, человек не имеет идеи субстанции вообще и не знает, что такое субстанция сама по себе.

14. Идеи модусов и отношений суть прообразы и не могут не быть адекватны. В-третьих, сложные идеи модусов и отношений суть подлинники и прообразы, а не копии, и они не созданы по образцу чего-либо реально существующего, с чем ум намерен сделать их сообразными и точно соответствующими. Будучи такими совокупностями простых идей, которые соединяет сам ум, и такими совокупностями, каждая из которых заключает в себе решительно все, что желал бы в них видеть ум, эти идеи являются прообразами и сущностями могущих существовать модусов и, таким образом, предназначены только для таких модусов и относятся только к таким модусам, которые, если они существуют, точно сообразны с этими сложными идеями. Вот почему идеи модусов и отношений не могут не быть адекватными.

Глава тридцать вторая ОБ ИДЕЯХ ИСТИННЫХ И ЛОЖНЫХ

1. Истинность и ложность касается собственно положений. Хотя истинность и

Локк Джон Опыт о человеческом разуме. Книга 2 filosoff.org
ложность, собственно говоря, касается только положений, однако идеи часто называются истинными или ложными (а какие слова не употребляются с большою широтою и с некоторым отклонением от своего прямого значения?). Впрочем, я думаю, что когда истинными или ложными называют сами идеи, то основанием для этого все-таки служит всегда некое скрытое или подразумеваемое положение, как мы увидим, если рассмотрим ряд отдельных случаев, когда идеи получают название истинных или ложных. Во всех случаях мы найдем некоторого рода утверждение или отрицание, являющееся основанием для такого наименования. Будучи только простыми представлениями, или восприятиями, в

нашем уме, наши идеи сами по себе не могут быть собственно и просто названы истинными или ложными, точно так же как и про отдельное название какой-нибудь вещи нельзя сказать, что оно истинно или ложно.

2. Метафизическая истина заключает в себе подразумеваемое положение. Правда, и про идеи, и про слова можно сказать, что они истинны в метафизическом значении слова <истина>, так как и про все другие существующие вещи говорят, что они истинны, т. е. действительно таковы, как они существуют. Хотя, быть может, в вещах, называемых истинными даже в этом смысле, имеется уже скрытое отношение к нашим идеям, рассматриваемым как мерило (standards) этой истинности, что равносильно суждению (proposition), в уме, хотя обыкновенно его не замечают.

3. В качестве представления в уме идея не бывает ни истинной, ни ложной. Но не в этом метафизическом смысле узнаем мы истину, когда изучаем здесь способность наших идей быть истинными или ложными, а в более обычном значении этих слов. Так, я утверждаю, что так как идеи в нашем уме являются только восприятиями, или представлениями, то они не бывают ложными. Идея кентавра, появляясь в нашем уме, заключает в себе не больше ложности, чем слово <кентавр>, когда оно произносится нашими устами или пишется на бумаге. Так как истинность или ложность заключаются всегда в некотором, мысленном или словесном, утверждении или отрицании, то наши идеи не способны быть ложными, пока ум не высказывает о них какое-нибудь суждение, т. е. пока не утверждает или отрицает что-нибудь относительно них.

4. Идеи, отнесенные к чему-нибудь, могут быть истинными или ложными. Идеи могут называться истинными или ложными, когда ум относит какую-нибудь из них к чему-либо внешнему им. Ибо при этом ум делает скрытое предположение об их сообразности с данной вещью: и если это предположение будет истинным или ложным, то и сами идеи получат такое же наименование. Наиболее обычные случаи, когда это происходит, следующие: 5. Люди обыкновенно относят свои идеи к идеям других людей, к реальному существованию и к предполагаемым реальным сущностям. Во-первых, когда ум предполагает, что какая-нибудь его идея сообразна идее в уме других людей, носящей то же обычное название.

Это бывает, например, тогда, когда ум полагает или считает свои идеи справедливости, воздержания, религии тождественными с теми идеями, которым другие люди дают те же самые названия.

Во-вторых, когда ум предполагает, что какая-нибудь его идея сообразна с каким-либо реальным существованием. Так, из двух идей - человека и кентавра, - принимаемых за идеи реальных субстанций, одна истинна, а другая ложна, потому что одна сообразна с тем, что реально существует, а другая нет.

В-третьих, когда ум относит какую-нибудь свою идею к тому реальному строению, к той сущности вещи, от которой зависят все ее свойства. Таким образом, ложно огромное большинство, если не все наши идеи субстанций.

6. Причина таких отношений (references). Ум весьма склонен делать молчаливо такие предположения относительно своих собственных идей. Но если мы исследуем этот вопрос, то окажется, что он делает их главным образом, если не исключительно, относительно своих отвлеченных сложных идей. Имея естественную склонность к познанию, ум находит, что если бы он подвигался вперед только с помощью [познания] единичных вещей и сосредоточивался только на них, то его движение было бы очень медленно, а его работа - бесконечна. Поэтому для сокращения своего пути к знанию и придания наибольшего объема каждому восприятию первое, что делает ум в качестве основы для более легкого расширения своего знания путем созерцания самих познаваемых вещей или путем сопоставления их с другими, - он связывает свои восприятия вещей] в пучки и тем самым располагает их

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
по [тем или иным] видам так, чтобы ему можно было с уверенностью распространять
всякое приобретаемое о вещах знание на весь данный вид и таким образом более
быстрыми шагами двигаться к своей великой цели – к знанию. Это, как я показал в
другом месте 127, является причиной того, что мы собираем вещи под обширные идеи
с названиями <genera> и <species>, т. е. в <роды> и <виды>.

7. Поэтому, если мы захотим внимательно проследить за движениями ума и изучить
то направление, которым он идет обычно по пути к знанию, мне думается, мы
заметим, что ум, приобретая какую-нибудь полезную, как ему кажется, идею путем
созерцания или беседы, прежде всего выделяет ее, а затем дает ей название и в
таком виде уже откладывает ее в свою кладовую, в память, на

содержащую сущность того вида вещей, знаком которого всегда должно быть это
название. Вследствие этого мы часто можем наблюдать, что, когда кто-нибудь видит
новую вещь неизвестного ему рода, он сейчас же спрашивает, что это такое,
подразумевая под этим не что иное, как название, как если бы название несло в
себе познание вида или его сущности, по отношению к которой оно действительно
употребляется в качестве знака и с которой оно, полагают, обыкновенно связано.

8. Но так как подобная отвлеченная идея является в уме чем-то находящимся между
существующей вещью и данным ей названием, то в наших идеях заключается и
правильность нашего знания, и точность или понятность нашей речи. Вот почему
люди так склонны предполагать, что отвлеченные идеи, имеющиеся в их уме,
соответствуют существующим вне их вещам, к которым их относят, и что они также
тождественны с относимыми к ним именами, которые даются идеям в
словоупотреблении данного языка. Ибо они находят, что без этой двойной
сообразности своих идей они и про себя мыслили бы ложно о вещах, и говорили бы о
них непонятно для других.

9. Простые идеи могут быть ложны в отношении к другим идеям с тем же именем, но
менее всего подвержены этому. Итак, во-первых, говорю я, некоторые наши идеи
могут быть ложны в том случае, когда об их истинности судят по тому, сообразны
ли они с идеями других людей, обыкновенно обозначаемыми тем же самым названием.
Однако простые идеи менее всех других способны ввести в такое заблуждение, ибо
человек при помощи чувств и ежедневного наблюдения может легко убедиться, каковы
простые идеи в обычном употреблении, обозначаемые различными именами, потому что
их немного по количеству и он может их легко исправить при помощи объектов, в
которых их можно найти, если он в них сомневается или заблуждается. Поэтому
редко кто ошибается в своих названиях простых идей или дает название <красное>
идее зеленого или название <сладкое> идее горького. Еще менее склонны люди
путать имена идей, относящиеся к различным чувствам, и обозначать какой-либо
цвет названием вкусового ощущения и т. д. Отсюда ясно, что простые идеи,
которые кто-либо обозначает каким-нибудь именем, обыкновенно тождественны с теми
идеями, которые имеют и подразумевают другие, употребляя те же самые имена.

10. Идеи смешанных модусов более других могут быть ложными в этом смысле.
Сложные идеи гораздо более других могут быть ложными в этом отношении, а сложные
идеи смешанных модусов – гораздо более идей субстанций. Ибо в субстанциях
(особенно в таких, которым дают общеизвестные и незаимствованные названия
какого-нибудь языка) некоторые заметные чувственные качества, служащие
обыкновенно для различения одного вида от другого, без труда предохраняют всех
обращающих хоть какое-нибудь внимание на употребление своих слов от применения
их к таким видам субстанций, к которым эти слова вовсе не имеют отношения. Но в
смешанных модусах мы гораздо менее уверены, потому что не так легко решить, как
называть различные действия: справедливостью или жестокостью, щедростью или
расточительностью. И таким образом, наши идеи могут быть ложны в отношении идей
других людей, обозначенных теми же названиями. Так, идея, которая имеется в
нашем уме и которую мы выражаем словом <справедливость>, возможно, должна носить
другое название.

11. Или по крайней мере могут считаться ложными. Но верно или нет, что наши идеи
смешанных модусов более всех прочих могут отличаться от идей других людей,
обозначенных теми же названиями, одно по крайней мере достоверно, а именно что
такого рода ложность приписывается нашим идеям смешанных модусов чаще, чем
всяким другим. Когда считают, что человек имеет ложную идею справедливости,
благодарности, славы, то только по той причине, что эти его идеи не

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
соответствуют тем идеям, которые у других людей обозначены этими названиями.

12. Почему так? Причиной этого, на мой взгляд, является то, что отвлеченные идеи смешанных модусов представляют собой произведенные людьми произвольные сочетания точно определенной совокупности простых идей, и потому сущность каждого вида образуется только людьми и нигде не существует другого доступного восприятию образца ее, кроме самого имени или определения этого имени. Поэтому относить эти свои идеи смешанных модусов как к образцу, с которым мы хотели бы сообразовать их, мы можем только лишь к идеям тех людей, которые, как считают, употребляют эти названия в их наиболее точном значении; и таким образом, наши идеи считаются истинными или ложными в зависимости от того, сообразуются ли они с идеями тех людей или

отличаются от них. И этого довольно об истинности или ложности наших идей в отношении к их именам.

13. -В отношении к реально существующим предметам могут быть ложны только наши идеи субстанций. Во-вторых, что касается истинности и ложности наших идей в отношении к реальному существованию вещей, когда последнее признается мерилем их истинности, то ложными могут быть названы только наши сложные идеи субстанций.

14. Во-первых, простые идеи в этом смысле не ложны. Почему? Во-первых, так как наши простые идеи суть всего лишь такие восприятия, которые бог дал нам способность получать, внешним же вещам дал силу вызывать их в нас по установленным путям и законам (соответственно своей, правда, непостижимой для нас мудрости и благости), то их истинность заключается только в тех представлениях, которые вызываются в нас и должны соответствовать помещенным богом во внешних вещах силам, потому что иначе они и не могли бы быть вызваны в нас. Соответствуя таким образом этим силам, наши простые идеи являются тем, чем они и должны быть, - истинными идеями. Они не становятся ложными оттого, что ум полагает (как, на мой взгляд, бывает у большинства людей), будто эти идеи находятся в самих вещах. Бог в своей мудрости установил эти идеи как знаки различия вещей, по которым мы могли бы отличать одну вещь от другой и таким образом в случае необходимости выбирать любую из них для своего употребления. И природа нашей простой идеи не изменяется от того, думаем ли мы, что идея голубого находится в самой фиалке или что она находится только в нашем уме, а в самой фиалке есть только сила вызывать ее сцеплением своих частиц, определенным образом отражающих частицы света. Ибо это сцепление в предмете, регулярным и постоянным воздействием вызывающее в нас одну и ту же идею голубого, служит нам для того, чтобы наши глаза отличали фиалку от всякой другой вещи, все равно, является ли в действительности этот отличительный признак в фиалке только особым сцеплением частиц или же тем самым цветом, идея которого (имеющаяся в нас) есть точное его подобие. И фиалка именуется голубой от этого представления, все равно, вызывает ли в нас эту идею реальный цвет или только особое сцепление частиц в фиалке, ибо слово <голубая>, собственно говоря, означает только отличительный признак, который могут различить

в фиалке лишь наши глаза. В чем бы он ни состоял, определенное знание этого выше наших способностей, да и, быть может, было бы менее полезно для нас, если бы мы имели способности [это] узнать.

15. Впрочем, идея голубого, имеющаяся у одного человека, может отличаться от этой идеи у другого. В наших простых идеях не было бы ничего от ложности и в том случае, если бы вследствие различного строения наших органов было бы так определено, что один и тот же предмет в одно и то же время производил бы в умах нескольких людей различные идеи; например, если бы идея, вызванная фиалкой в уме одного человека при помощи его глаз, была тождественна с идеей, вызванной в уме другого ноготками, и наоборот. Ведь этого никогда нельзя было бы узнать, потому что ум одного человека не может перейти в тело другого, чтобы воспринять, какие представления вызываются с помощью органов последнего; и потому не перепутались бы ни идеи, ни имена и ни в тех, ни в других не было бы никакой ложности. В самом деле, если все вещи, имеющие строение фиалки, будут постоянно вызывать в ком-нибудь идею, которую он назовет <голубое>, а все вещи, имеющие строение ноготков, будут постоянно вызывать идею, которую он также постоянно будет называть <желтое>, то, каковы бы ни были эти представления в его уме, он будет в состоянии так же правильно различать по ним вещи для своих надобностей и понимать и обозначать эти различия, отмеченные именами <голубое> и <желтое>, как если бы эти представления или идеи в его уме, полученные от этих двух цветков,

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
были совершенно тождественны с идеями в умах других людей. Тем не менее я весьма склонен думать, что чувственные идеи, вызываемые каким-нибудь предметом в умах различных людей, всего чаще бывают очень близки и неразличимо сходны. Мне думается, в пользу этого мнения можно представить много доводов. Но так как это выходит за пределы моей настоящей задачи, то я не буду беспокоить ими читателя и только обращаю его внимание на то, что противоположное предположение (если бы его можно было доказать) мало полезно как для совершенствования нашего познания, так и для жизненных удобств. Нам нет поэтому нужды беспокоить себя его исследованием.

16. Во-первых, простые идеи в этом смысле не ложны. Почему? Из сказанного о наших простых идеях, я полагаю,

ясно, что ни одна из наших простых идей не может быть ложной в отношении существующих вне нас вещей. Истинность этих представлений или восприятий в нашем уме, как было сказано, состоит только в их соответствии силам во внешних предметах, через посредство наших чувств вызывающих в нас такие представления, а так как все они бывают в уме такими, как они есть, соответственными вызвавшей их силе, которую одну они представляют, то по такой причине или по отношению к такому образцу они не могут быть ложными. Голубое или желтое, горькое или сладкое не могут быть ложными идеями; эти восприятия в уме точно таковы, как они есть там, и соответственны силам, назначенным богом вызывать их; поэтому они действительно являются тем, что они есть и чем предназначены быть. Правда, названия могут быть употреблены неверно, но в данном отношении это не вносит никакой ложности в идеи, как если бы, например, человек, не знающий языка, назвал пурпурное багряным.

17. Во-вторых, модусы не ложны. Во-вторых, не могут быть ложными в отношении к сущности чего-либо реально существующего и наши сложные идеи модусов. Ибо никакая моя сложная идея какого-нибудь модуса не имеет отношения ни к какому существующему и возникшему естественным путем образцу и не предполагается содержащей в себе какие-нибудь другие идеи, кроме тех, которые она содержит, или представляющей что-нибудь другое, кроме своего сочетания идей. Таким образом, когда у меня есть идея действия такого человека, который воздерживается от предоставления себе такого рода пищи, питья, одежды и других жизненных удобств, для которых у него достаточно богатства и имущества и которых требует его положение, то моя идея не ложна, но представляет какое-то действие, все равно, нахожу ли я его в [действительности] или воображаю себе, и потому не способна быть ни истинной, ни ложной. Но когда я даю этому действию название <умеренность> или <добродетель>, тогда его можно назвать ложной идеей, если этим предполагается, что оно соответствует той идее, к которой, собственно говоря, относится слово <умеренность>, или сообразно с тем законом, который есть мерило добродетели и порока.

18. В-третьих, когда бывают ложны идеи субстанций? В-третьих, наши сложные идеи субстанций, когда их всех относят к образцам в самих вещах, могут быть

ложны. Что они все ложны, если их рассматривать как представляющих неизвестные сущности вещей, это настолько очевидно, что нет надобности что-нибудь говорить об этом. Поэтому я опущу это химерическое предположение и рассмотрю идеи субстанций как совокупности простых идей в уме, которые взяты из сочетаний простых идей, постоянно существующих вместе в вещах, причем идеи субстанций являются предполагаемыми копиями этих [вещей как] образцов (patterns). И в этом их отношении к существованию вещей идеи субстанций являются ложными: 1) когда они соединяют вместе простые идеи, которые в действительном существовании вещей не находятся ни в каком соединении, когда, например, с формой и размерами, существующими вместе в лошади, соединяется в одной и той же сложной идее способность лаять, подобно собаке. Сколько бы ни соединялись в уме эти три идеи в одну, они никогда не соединяются в природе; такую идею можно поэтому назвать ложной идеей лошади; 2) идеи субстанций бывают ложными в этом отношении также в том случае, когда из какой-нибудь совокупности постоянно существующих вместе простых идей прямым отрицанием бывает отделена какая-нибудь другая простая идея, которая всегда бывает с ними соединена. Так, если к протяженности, плотности, плавкости, особому весу и желтому цвету золота кто-либо присоединит в своих мыслях отрицание большей степени [химической] устойчивости, чем у свинца или меди, то про него можно сказать, что он имеет ложную сложную идею, и это было бы равносильно тому, если бы он присоединил к указанным выше простым идеям идею

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
полной, абсолютной [химической] устойчивости. Ибо сложная идея золота, будучи составлена из таких простых идей, которые в природе не соединены вместе, может быть названа ложной и в том и в другом случае. Но если кто-нибудь совсем опустит в этой своей сложной идее золота идею [химической] устойчивости не присоединяя ее фактически к остальным идеям в уме своем, но и не отделяя ее от них, то такую идею, как я полагаю, надо рассматривать скорее как неадекватную и несовершенную, нежели ложную, ибо, хотя она заключает в себе не все простые идеи, которые в природе соединены, она все же соединяет только те идеи, которые реально существуют вместе.

19. Истинность или ложность всегда предполагает утверждение или отрицание. Я показал, согласно с обычным способом выражения, в каком смысле и на каком основании наши идеи могут иногда называться истинными или ложными. Но если мы исследуем этот вопрос немножко глубже, то увидим, что во всех случаях, где идея называется истинной или ложной, она является таковой в результате какого-нибудь суждения, которое ум делает или предполагается, что делает. Так как истинность или ложность никогда не бывает без некоего утверждения или отрицания, высказанного или подразумеваемого, то их можно найти только там, где знаки соединяются или разделяются вследствие соответствия или несоответствия обозначаемых ими вещей. Знаки, которыми мы главным образом пользуемся, есть или идеи, или слова, из которых мы составляем или мысленные, или словесные положения. Истина состоит в соединении или разделении этих представителей (representatives), смотря по соответствию или несоответствию самих обозначаемых ими вещей 128; ложность - в противоположном, что впоследствии будет показано полнее.

20. Идеи сами по себе не истинны и не ложны. Стало быть, никакая идея в нашем уме, все равно, сообразна ли она или нет существованию вещей или идеям в уме других людей, вследствие одного этого не может быть собственно названа ложной. В самом деле, если в этих представлениях нет ничего, кроме реально существующего во внешних предметах, то их нельзя считать ложными, потому что они есть точные представления чего-то. Но и в том случае, если в них что-нибудь отличается от реальности вещей, нельзя про них, собственно, сказать, что они - ложные представления, или идеи вещей, которых они не представляют. Но заблуждение и ложность появляются тогда,

21. Но идеи бывают ложны, во-первых, когда они считаются соответствующими идеям другого человека, не будучи таковыми. Во-первых, когда ум, рассматривая какую-нибудь свою идею, делает заключение, что она тождественна с идеей в умах других людей, обозначаемой тем же самым именем, или что она сообразна с обычным, общепринятым значением или определением данного слова, между тем как на деле этого нет. Такое заблуждение наиболее обычно для смешанных модусов, хотя и другие идеи подвержены ему.

22. Во-вторых, когда идеи считаются соответствующими тому, что реально существует, не будучи таковыми.

Во-вторых, когда ум, имея сложную идею, составленную из совокупности таких простых идей, которых природа никогда не соединяет вместе, считает, что эта идея соответствует какому-нибудь виду реально существующих вещей, например присоединяя вес олова к цвету, плавкости и [химической] устойчивости золота.

23. В-третьих, когда идеи считаются адекватными, не будучи таковыми. В-третьих, когда ум объединяет в своей сложной идее определенное число простых идей, действительно существующих вместе в некоторых видах вещей, но при этом опускает другие идеи, в такой же степени неотделимые от них, и считает свою идею совершенной, полной идеей данного вида вещей, между тем как на деле этого нет. Это, например, тогда, когда ум, соединив идеи субстанции желтого, ковкого, очень тяжелого и плавкого, признает эту сложную идею полной идеей золота, между тем как особая огнеупорность золота и его растворимость в царской водке так же неотделимы от упомянутых других идей или качеств этого тела, как эти последние друг от друга.

24. В-четвертых, когда идеи считаются представляющими реальную сущность. В-четвертых, заблуждение бывает еще больше, когда я считаю, будто данная сложная идея заключает в себе реальную сущность какого-нибудь существующего тела, хотя на деле она содержит лишь небольшую часть тех его свойств, которые вытекают из его реальной сущности и строения. Я говорю: лишь небольшую часть этих свойств.

Локк Джон Опыт о человеческом разуме. Книга 2 filosofff.org
Так как эти свойства состоят по большей части в его активных и пассивных силах по отношению к другим вещам, то все общеизвестные свойства любого тела, из которых обыкновенно составляется сложная идея данного вида вещей, есть лишь очень небольшая доля по сравнению с тем, что знает об этом одном виде вещей человек, различными путями его исследовавший и изучавший, а знания самого сведущего человека весьма невелики по сравнению с теми свойствами, которые действительно находятся в данном теле и зависят от его внутреннего, или сущностного, строения. Сущность треугольника заключается в очень малом объеме, она состоит в очень небольшом числе идей: эту сущность составляют три линии, заключающие некоторое пространство. Но вытекающих из этой сущности свойств больше того, что можно легко узнать или перечислить. То же самое и с субстанциями, как я себе представляю: их реальные сущности заключаются в малых

объемах, но свойств, вытекающих из этого внутреннего строения, бесконечно много.

25. Когда идеи бывают ложны? Заключение. Человек, обладающий понятием о чем-либо вне его только по идеям, имеющимся в его уме (которые он властен обозначать каким угодно названием), может, конечно, образовать идею, не отвечающую реальности вещей и не соответствующую идеям, которые обыкновенно обозначаются словами другими людьми; но он не может образовать неверной или ложной идеи вещи, известной ему только по его идее. Когда, например, я составляю идею человеческих рук, ног и туловища и присоединяю к этому лошадиную голову и шею, то я не образую ложной идеи чего-нибудь, потому что моя идея не представляет ничего вне меня. Но когда я называю ее человеком или татаринном и воображаю, будто она представляет какое-нибудь реальное существо вне меня или является той же самой идеей, которую другие обозначают тем же названием, то я могу ошибаться и в том и в другом случае. И на этом основании идею называют ложной идеей, хотя на деле ложность находится не в идее, а в том подразумеваемом мысленном положении, в котором сообразность и сходство приписываются тому, что их не имеет. И все-таки, если я составляю в уме своем такую идею, не думая о том, относится ли к ней [реально] существующая [вещь] или имя <человек> или <татарин>, и хочу этой идее дать имя <человек> или <татарин>. то можно, конечно, считать фантастическими данные мной имена, но никоим образом нельзя признавать ошибочным мое суждение (judgement) или ложной мою идею.

26. [Идеи] более правильно будет называть верными или неверными. Во всяком случае, я думаю, что наши идеи, поскольку они рассматриваются умом по отношению к собственному значению своих имен или по отношению к реальности вещей, очень подходяще могут быть названы верными или неверными идеями, смотря по тому, соответствуют или не соответствуют они тем образцам, к которым их относят. Но если кто-нибудь предпочитает называть идеи истинными или ложными, то пусть он пользуется принадлежащей каждому свободой обозначать вещи теми названиями, которые он считает лучшими, хотя, собственно говоря; истинность или ложность приложимы, как я полагаю, к идеям лишь постольку, поскольку они так или иначе действительно заключают в себе некоторое мысленное положение. Рассматриваемые сами по себе идеи

в человеческом уме не могут быть неверными, за исключением сложных идей, в которых перемешаны несообразные части. Все другие идеи сами по себе верны, и знание их есть верное и истинное знание. Но когда мы относим идеи к чему-нибудь как к образцу и прообразу, тогда они могут оказаться неверными в той мере, в какой они не соответствуют этим прообразам.

Глава тридцать третья ОБ АССОЦИАЦИИ ИДЕЙ 129

1. В большинстве людей есть нечто неразумное. Едва ли найдется хоть один человек, который не замечал бы чего-то, что кажется ему странным и само по себе действительно является нелепым во мнениях, рассуждениях и действиях других людей. Каждый достаточно проницателен для того, чтобы обнаружить в другом малейшие недостатки такого рода, если только они отличаются от его собственных недостатков, и склонен осуждать их, опираясь на разум, хотя бы сам он в своих собственных взглядах и поведении был повинен в гораздо большей неразумности, которой он никогда не замечает и в которой его очень трудно или вообще невозможно убедить.

2. Это зависит не от себялюбия только. Это происходит не от одного себялюбия, хотя последнее часто играет здесь большую роль. В этом бывают часто повинны люди справедливые, не склонные к тщеславию и самовосхвалению. Во многих случаях приходится с изумлением слушать доводы и удивляться упрямству достойного человека, не отступающего перед свидетельством разума, хотя бы последнее было изложено ему ясно как день.

3. И не от воспитания. Такого рода неразумность приписывают обыкновенно воспитанию и предрассудкам, и по большей части довольно справедливо, хотя такое объяснение не проникает в суть этого недуга и не показывает достаточно определенно, откуда недуг происходит и в чем заключается. Воспитание часто правильно признается его причиной, а предрассудок есть хорошее общее название для самого недуга. Но все же, думается мне, этот вопрос немного глубже рассмотреть тот, кто захотел бы проследить этот вид сумасшествия до самых его корней и объяснить его настолько, чтобы показать, как такой недостаток зарождается в очень трезвых и разумных умах и

4. Некоторый вид сумасшествия. Меня простят за то, что я называю его таким грубым словом, как <сумасшествие>, если примут во внимание, что противоположное разуму заслуживает этого названия и есть действительно сумасшествие. Едва ли хоть один человек свободен от него настолько, чтобы его не считали годным более для Бедлама, чем для образованного общества, если бы он всегда, во всех случаях рассуждал или действовал так, как он это постоянно делает в некоторых случаях. Я имею в виду здесь не то время, когда человек бывает во власти неукротимой страсти, а когда он находится в неизменном, спокойном течении своей жизни. Еще более оправдывает это грубое название и неблагоприятное обвинение в этом большей части людей то обстоятельство, что, исследуя, между прочим, природу сумасшествия (кн. II, гл. XI, § 13), я нашел, что оно происходит от того же самого корня и зависит от той же самой причины о которых мы здесь говорим. Такое рассмотрение самой вещи сразу натолкнуло меня на эту мысль в такое время, когда я совсем не думал о вопросе, который я теперь исследую. И если этой слабости так подвержены все люди, если эта зараза охватывает все человечество, тем больше стараний нужно приложить к выявлению ее под ее точным названием, чтобы побудить к тем большей заботе о ее предупреждении и излечении.

5. Он происходит от неверного соединения идей. Некоторые наши идеи имеют естественное соотношение и связь между собой. Назначение и преимущество нашего разума заключаются в том, чтобы проследивать и поддерживать их вместе в том сочетании и соотношении, которое основано в свойственном им бытии. Кроме этой связи есть еще другая связь идей, целиком обязанная случаю или обычаю: идеи, сами по себе вовсе не родственные, в умах некоторых людей соединяются так, что очень трудно разделить их. Они всегда сопровождают друг друга, и, как только одна такая идея проникает в разум, вместе с нею сейчас же появляется соединенная с нею идея; а если таким образом соединено более двух идей, то вместе показывается все неразлучное всегда скопище.

6. Как создается такая связь? Такие прочные сочетания идей, не' соединенных от природы, ум образует в себе или произвольно, или случайно. Вот почему в различных людях они бывают очень различны сообразно различным их склонностям, воспитанию, интересам и т. п. Обычай

устанавливает привычки мышления в сфере разума, так же как и привычки решения в сфере воли и движений в теле; и все они есть, по-видимому, лишь цепи движения в жизненных духах 130, которые, пущенные однажды в ход, продолжают идти теми путями, к которым привыкли и которые от частого движения по ним превратились в ровную дорогу, так что перемещение по ней становится легким и как бы естественным. Насколько мы можем постигнуть мышление, идеи вызываются в нашем уме именно таким образом; а если это не так, то этим по крайней мере можно объяснить следование идей друг за другом в привычной цепи, когда они уже раз были выведены на данный путь, так же как можно объяснить подобные же движения тела. Привыкший к какой-нибудь мелодии музыкант видит, что как только она возникает в его голове, то идеи различных ее нот без всякого старания и внимания с его стороны последуют в порядке одна за другою в его разуме с такою же правильностью, с какою его пальцы перебирают клавиши органа для того, чтобы сыграть начатую мелодию, хотя бы его рассеянные мысли блуждали где-нибудь в другом месте. Является ли естественной причиной и этих идей, и правильного

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
беганья его пальцев движение его жизненных духов, я не буду решать, как бы ни казалось это вероятным из приведенного примера. Но это может немного помочь нам понять умственные привычки и установление связи идей.

7. Результатом такого соединения бывают некоторые антипатии. Что такие ассоциации идей образуются в уме большинства людей в силу привычки, этого, я думаю, не будет оспаривать ни один человек, внимательно изучавший себя или других. И таким ассоциациям, вероятно, можно справедливо приписать большую часть замечаемых в людях симпатий и антипатий, которые действуют так сильно и дают такие постоянные результаты, как если бы они были естественными, и потому называются так, хотя первоначально они произошли лишь от случайной связи двух идей, которые или силой первого воздействия, или в результате последующего удовлетворения человеческих побуждений были соединены так, что они потом всегда находятся в уме данного человека вместе, как если бы они были одной идеей. Я говорю: <большая часть антипатий>, а не говорю: <все>, ибо некоторые антипатии действительно естественны, зависят от нашего первоначального строения и родились вместе с нами. Но

большая часть тех антипатий, которые считаются естественными, были бы признаны за происходящие от незамеченных, хотя, быть может, и ранних впечатлений или от пустых сначала фантазий, которые были бы признаны их источником, если бы только были предметом тщательного наблюдения. У взрослого человека, объевшегося меда, когда он услышит название его, так тотчас же фантазия вызовет боль и тошноту в желудке, и он не может вынести самой идеи меда; эту идею тут же сопровождают другие идеи – идеи отвращения, тошноты и рвоты, и человек расстраивается; но он знает, откуда берет начало эта слабость, и может рассказать, как он приобрел это недомогание. Если бы это случилось с ним от пресыщения медом в детстве, то результаты воспоследовали бы те же самые, но в определении причины он бы ошибся, и антипатия считалась бы естественной.

8. Я говорю об этом не потому, что в настоящем рассуждении крайне необходимо было бы точно различать естественные антипатии от приобретенных. Я обращаю на это внимание с другой целью, а именно чтобы люди, имеющие детей, или те, кому поручено их воспитание, сочли стоящим труда тщательное наблюдение за неправильной связью идей в умах юного поколения и заботливое предупреждение ее. Этот возраст всего более восприимчив к сильным (lasting) впечатлениям. И хотя впечатления, имеющие отношение к здоровью тела, [если они неприятны.] настораживают благоразумных людей и вызывают меры защиты против себя, однако я склонен думать, что впечатления, которые относятся более к уму и ограничиваются пределами разума или страстей, обращают на себя гораздо меньше внимания, чем заслуживают, а впечатления, относящиеся только к разуму, большинством людей, кажется мне, оставляются совершенно без внимания.

9. Важная причина заблуждений. Подобное неверное соединение в нашем уме идей, которые сами по себе не связаны и независимы друг от друга, имеет такое влияние и обладает такой силой вводить нас в заблуждение в наших нравственных и естественных действиях, страстях, рассуждениях и самих понятиях, что, быть может, не найдется ничего, что заслуживало бы большего внимания.

10. Примеры. Идеи домовых и привидений в действительности связаны с [идеями] темноты не больше, чем

со светом. Но достаточно глупой няньке, внушая эти идеи уму ребенка, вызывать их у него вместе, чтобы потом ребенок, быть может, никогда во всю свою жизнь не смог отделить их друг от друга; темнота всегда будет для него нести с собой эти страшные идеи, и они будут соединены так, что он одинаково не будет в состоянии переносить их обе.

11. Человек терпит от другого чувствительную обиду, снова и снова думает об обидчике и его действии и вследствие напряженного или частого размышления об этом в своем уме так крепко связывает эти две идеи, что образует из них почти одну: когда он начинает думать об обидчике, в ум его сейчас же привходит вместе с тем испытанное страдание и неудовольствие, так что он с трудом различает эти две идеи, испытывая к обеим одинаковое отвращение. Так часто рождается по незначительным и почти невинным поводам ненависть, распространяются и продолжают в нашем мире ссоры.

12. Человек испытал в каком-нибудь месте страдание или боль, видел, как его друг умирал в такой-то комнате. Эти две идеи по своей природе не имеют между собой ничего общего; но, когда в уме возникает идея этого места, она приносит с собой (раз впечатление было когда-то произведено) идею страдания и неудовольствия; человек путает в своем уме эти идеи и одинаково не может выносить их обе.

13. Почему время излечивает некоторые расстройства души, которых не удается излечить разумом? Раз такое сочетание установлено, пока оно существует, разум не в силах помочь нам и освободить нас от его последствий. Находясь в нашем уме, идеи действуют сообразно своей природе и обстоятельствам. В этом мы видим причину того, что время излечивает некоторые психические расстройства, над которыми разум, хотя бы он был прав и это признавалось бы, не имеет силы и не способен взять верх у таких людей, которые в других случаях склонны прислушиваться к нему. Смерть ребенка, бывшего ежедневной утехой для глаз матери и услугой для ее души, вырывает из ее сердца всю радость жизни и причиняет ей самые жестокие мучения. Прибегните в этом случае к утешениям с помощью разума; с таким же успехом будете вы проповедовать облегчение человеку, которого пытаются, и надеяться разумными доводами ослабить боль в его выворачиваемых суставах. Пока время силою отвыкания не отделит чувства этой утехи и ее

потери от идеи ребенка, возникающей в памяти матери, тщетны будут все увещания, как бы ни были они разумны. Поэтому люди, у которых связь между такими идеями никогда не нарушается, проводят свою жизнь в скорби и до самой могилы носят в себе неизлечимое горе.

14. Дальнейшие примеры действия ассоциации идей. Один из моих друзей знал одного человека, совершенно излечившегося от сумасшествия благодаря очень тяжелой и мучительной операции. Выздоровевший таким образом джентльмен после этого всю свою жизнь с большим чувством благодарности и признательности считал свое излечение самым великим благодеянием, какое только он мог получить. Но как сильно ни говорили в нем благодарность и разум, он никогда не мог выносить вида того, кто его оперировал: его образ снова приносил с собой идею перенесенных от его рук мучений, и эта идея была слишком сильна и невыносима, для того чтобы он мог ее терпеть.

15. Многие дети, приписывая испытываемые ими в школе страдания книгам, за которые их наказали, так тесно соединяют эти идеи, что книга делается для них предметом отвращения и они потом всю свою жизнь не примиряются с учением и употреблением книг; и для них становится мукою чтение, от которого при других условиях они, быть может, получили бы великое наслаждение в жизни. Есть достаточно удобные помещения, в которых некоторые люди не могут заниматься, и такой формы сосуды, из которых они не могут пить, как бы ни были те чисты и удобны, и это все из-за каких-нибудь случайных идей, которые связываются с этими предметами и делают их неприятными. Кто не наблюдал людей, принимающих смиренный вид при появлении в обществе известного лица, превосходящего их только тем, что однажды случайно оно приобрело на них влияние: идея авторитета и разделяющего их расстояния сопутствует идее этого лица, и человек, попавший таким образом в подчиненное положение, не в состоянии обособить эти идеи друг от друга.

16. Примеров этого рода повсюду встречается так много, что если я прибавлю еще один, то исключительно ради его забавной странности. Речь идет о молодом человеке, который научился танцевать, и с большим искусством. Но случилось так, что в комнате, где он учился, стоял старый сундук. Идея этой достопримечательной

части мебели до такой степени перемешалась с поворотами и движениями всех его танцев, что хотя в этой комнате он мог танцевать превосходно, но только когда в ней находился этот сундук, а во всяком другом месте он не мог танцевать, если только в комнате не занимал надлежащего положения этот или другой такой же сундук. Если комические обстоятельства этой истории покажутся несколько отступающими от истинного происшествия, то я могу сослаться на то, что несколько лет назад я слышал ее в том виде, как ее рассказываю, от одного весьма здравомыслящего и достойного человека, бывшего очевидцем этого. И я решаюсь утверждать, что среди моих любознательных читателей лишь очень немногие не слышали рассказов или сами не сталкивались с происшествиями подобного рода, сходными с приведенным выше или по крайней мере могущими подтвердить это.

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org

17. Влияние ассоциации идей на умственные привычки. Приобретаемые таким путем умственные привычки и недостатки не менее часты и сильны, хотя привлекают меньше внимания. Предположим, что благодаря воспитанию или частому размышлению идеи сущего и материи тесно связаны между собой; пока они соединены друг с другом в уме, какие могут быть в нем понятия и рассуждения об обособленных духах! Предположим, что привычка с самого детства соединяла с идеей бога такой-то облик и образ; какие нелепые идеи будет склонен иметь такой ум о божестве!

Предположим, что идея непогрешимости нераздельно соединена с каким-нибудь лицом и эти две идеи владеют умом всегда вместе, и тогда без исследования, из одной слепой веры за достоверную истину будет принято (swallowed) утверждение, что одно тело в одно и то же время находится в двух местах, едва только то лицо, которое считается непогрешимым, прикажет и потребует согласиться с ним без рассуждений.

18. Она наблюдается в различных школах. Такие неверные и неестественные сочетания идей устанавливают непримиримые противоречия между различными философскими и религиозными школами, ибо мы не можем представлять себе, чтобы все их приверженцы добровольно себя обманывали и заведомо отрицали истину, представленную им самим разумом. Правда, личный интерес играет значительную роль в этом случае; но нельзя думать, чтобы он доводил целые человеческие общества до такой всеобщей испорченности, чтобы они все до одного человека

поддерживали заведомую ложь; следует допустить, что хоть немногие по крайней мере делают то, на что претендуют все, т. е. чистосердечно стремятся к истине. Стало быть, должно существовать что-нибудь ослепляющее их разум и не дающее им увидеть ложность того, что они принимают за действительную истину. То, что держит в таком плену разум искренних людей и уводит их с завязанными глазами от здравого смысла, после исследования окажется тем, о чем мы говорим: несколько не зависящих друг от друга и не связанных друг с другом идей в силу воспитания, привычки и постоянной трескотни их компании так тесно соединились в уме этих людей, что появляются там всегда вместе, и люди не могут уже разделить их в своих мыслях, как если бы они составляли одну идею, и они действуют, как будто бы они и являются таковой. Это придает смысл тарабарщине, доказательность – нелепостям, логичность – бессмыслице и является основанием большей части (я едва не сказал: всех) заблуждений в мире, а если это и не совсем так, то по крайней мере самым опасным заблуждением, потому что, завладев людьми, мешает им видеть и исследовать. Когда две вещи, сами по себе разобщенные, постоянно представляются зрению соединенными, когда глаз видит скрепленными предметы, не связанные друг с другом, то откуда начнете вы исправление заблуждений, вытекающих из двух идей, которые люди настолько привыкли соединять друг с другом в своих умах, что замещают одну другою и, как я склонен думать, даже сами часто этого не замечают? Будучи во власти подобного заблуждения, люди становятся неспособными поддаваться убеждению и восхваляют самих себя как ревностных поборников истины, между тем как на самом деле они защищают заблуждение. Спутанность двух различных идей, из которых вследствие привычного связывания их в уме образовалась в результате одна лишь идея, наполняет их головы ложными воззрениями, а их рассуждения – ложными выводами.

19. Заключение. Я дал, таким образом, объяснение первоначальных видов и границ распространения наших идей вместе с некоторыми другими размышлениями об этих (не знаю, можно ли так выразиться) орудиях, или материалах нашего знания. Метод, выбранный мною в самом начале, требует, чтобы я теперь перешел непосредственно к выяснению того, как использует разум свои идеи и какое мы с их помощью получаем знание. Это и было все, что я считал нужным сделать при первом общем обзоре данного вопроса.

Но при более близком рассмотрении я нахожу что существует такая тесная связь между идеями и словами и что наши отвлеченные идеи и общие слова находятся в таком постоянном отношении друг к другу, что невозможно говорить ясно и определенно о нашем знании, состоящем всецело из суждений, не рассмотрев предварительно природы, употребления и значения языка. Именно это и будет поэтому нашей задачей в следующей книге.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 2 filosoff.org
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!